

ISSN: 2304-9839

ЕВРАЗИЙСКАЯ 1 (78) 2026

АДВОКАТУРА

международный научно-практический
юридический журнал

Читайте в номере:

Значение письма
Специальных
докладчиков ООН
№ AL RUS 13/2025

Имущественный
иммунитет
юридических лиц

Специализация
судебного
представительства
vs «адвокатская
монополия»

Оглашение показаний
потерпевшего и
свидетеля в уголовном
процессе

Практика договора
технической
поддержки

Крайняя
необходимость и
допустимый риск

Досудебное
производство по
вновь открывшимся
обстоятельствам

Искусственный
интеллект при
совершении
преступлений

Роль ДНК-баз
данных в раскрытии
преступлений

Международная защита российских
адвокатов: письмо экспертов ООН
в адрес Правительства Российской
Федерации № AL RUS 13/2025
с утверждениями о нарушениях

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации) по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки),
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

В соответствии с произведенным распределением журналов, входящих в перечень по категориям, журнал отнесен к категории «К2».

Редакционный совет:

АДИЛОВ Надир Адил оглы – доктор философии по юридическим наукам, доцент, Председатель правления Совета Медиации Азербайджанской Республики, заместитель председателя Комитета Организации Объединенных Наций по экономическим, социальным и культурным правам (Азербайджанская Республика, г. Баку);

АМИНЕВ Фарит Гизарович – доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Башкортостан, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, член президиума Союза «Палата судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова (СУДЭК)», председатель Общественного совета по экспертной деятельности в Республике Башкортостан (Российская Федерация, г. Уфа);

БИРЮКОВ Павел Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета Воронежского государственного университета (Российская Федерация, г. Воронеж);

ВАН Ерп Сьеф – магистр права, профессор кафедры гражданского права и европейского частного права и заведующий департаментом частного права Маастрихтского университета, президент Нидерландской ассоциации сравнительного права, член исполнительного комитета Европейского юридического института (Нидерланды, г. Маастрихт);

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, г. Москва);

ВЛАСОВ Анатолий Александрович – доктор юридических наук, профессор, проректор Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева (Российская Федерация, г. Москва);

ВОРОНОВ Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры гражданского и трудового права Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний России (Российская Федерация, г. Воронеж);

ВУЯДИНОВИЧ Драгика – доктор права, профессор кафедры теории, философии и социологии права юридического факультета университета г. Белграда (Республика Сербия, г. Белград);

Периодическое печатное издание (журнал): «Евразийская адвокатура».

Учредитель: Автономная некоммерческая организация «Евразийский научно-исследовательский институт проблем права».

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС77-50845 от 14.08.2012.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Адрес издателя и редакции: 450006, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24.

Адрес типографии: ФГУП «Издательство Известия», 127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6, стр. 1, **тел.:** +7 (495) 650-38-80, **website:** izv-udprf.ru.

Дата выхода в свет: 03.04.2026. Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 23,5. Тираж 500 экз. Свободная цена.

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России»: 41210

website: www.eurasian-advocacy.ru, **e-mail:** eurasian-advocacy@mail.ru, **мессенджеры:** +7-917-40-61-340

ГАРАДЖАЕВ Джейхун – доктор юридических наук, судья Конституционного Суда Азербайджанской Республики в отставке, профессор кафедры конституционного права юридического факультета Бакинского государственного университета, член Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания Совета Европы (Азербайджанская Республика, г. Баку);

ГАРМАЕВ Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, заведующий лабораторией сравнительного правоведения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона Бурятского государственного университета (Российская Федерация, г. Улан-Удэ);

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, адвокат, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ДЕХАНОВ Сергей Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и гражданского права Государственного университета просвещения, профессор кафедры гражданского права Российской таможенной академии (Российская Федерация, г. Москва);

ЕГОРОВА Мария Александровна – доктор юридических наук, профессор, начальник управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), заместитель председателя Исполнительного комитета Московского отделения Ассоциации юристов России, со-президент Международного союза юристов и экономистов (Российская Федерация, г. Москва);

ЕГОРЫШЕВ Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, руководитель центра социологии права и правоохранительных органов Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Уфа);

ЖАНАБИЛОВ Нурлан Еркинович – доктор права, профессор, почетный работник образования Республики Казахстан, Главный эксперт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, первый вице-президент Международного Союза (Содружества) адвокатов, президент Международной ассоциации адвокатов «Азия Иньюколлегия», Ректор учреждения «Международная Академия труда» (Республика Казахстан, г. Астана);

ЗИНН Арндт – доктор права, профессор, руководитель Института экономического уголовного права и руководитель кафедры немецкого и европейского уголовного права и уголовного процесса, международного уголовного права и сравнительного правоведения Университета г. Оснабрюк, директор Центра европейских и международных исследований уголовного права (Федеративная Республика Германия, г. Оснабрюк);

КОСТЮК Михаил Федорович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Российская Федерация, г. Москва);

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, руководитель магистерской программы (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург);

ЛЕВУШКИН Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Ульяновского государственного университета (Российская Федерация, г. Москва);

МЕЙЗА Исса – доктор частного права, профессор факультета права и политических наук Университета Джельфы (Алжирская народная демократическая республика, г. Джельфа);

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, адвокат, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура» (Российская Федерация, г. Москва);

РАХИМБЕРДИН Куат Хажумуханович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Восточно-Казахстанского государственного университета имени Сарсена Аманжолова, председатель Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области «Парасат» (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск);

РОДРИГЕС Хосе Норонья – доктор права, адвокат, директор центра юридических и экономических наук, профессор права факультета экономики и управления Азорского университета (Республика Португалия, г. Понта Дельгада);

САНГАДЖИЕВ Бадма Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор Российской академии образования, заведующий кафедрой конституционного и международного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), почетный работник сферы образования Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Калмыкия (Российская Федерация, г. Москва);

СВИРИН Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, почетный адвокат России, действительный член Российской академии естественных наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Академии труда и социальных отношений, профессор кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции (Российская Федерация, г. Москва);

ТАТАР Ольга Владимировна – доктор юридических наук, преподаватель кафедры частного права Комратского государственного университета Республики Молдова (Республика Молдова, г. Комрат);

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович – доктор юридических наук, руководитель центра международно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Москва);

ХАЛИКОВ Аслям Наилевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета (Российская Федерация, г. Уфа);

ЧИХЛАДЗЕ Леван Теймуразович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой муниципального права Юридического института Российского университета дружбы народов, и.о. заведующего кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного областного университета (Российская Федерация, г. Москва);

ШАГИЕВА Розалина Васильевна – доктор юридических наук, профессор, Первый проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ЮРЬЕВ Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры адвокатуры Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва);

ЯНГ Саймон Нгай ман – магистр права, профессор юридического факультета Университета Гонконга, адвокат (Гонконг);

ЯРТЫХ Игорь Семенович – доктор юридических наук, адвокат, вице-президент Федерального союза адвокатов России, профессор кафедры адвокатуры Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского права Института мировых цивилизаций (Российская Федерация, г. Москва).

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии:

ДЕМИНА Елизавета Петровна – руководитель направления технической проверки материалов;

КАУРАКОВА Мария Викторовна – кандидат юридических наук, руководитель направления рецензирования научных публикаций;

КУЛАГИН Александр Владимирович – руководитель направления предпечатной подготовки;

МЕЛЬНИЧЕНКО Роман Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, руководитель направления SMM;

ПОЛЯНСКАЯ Вероника Владимировна – руководитель направления литературного редактирования;

РАГУЛИНА Индира Тагировна – кандидат юридических наук, заместитель главного редактора;

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович – руководитель направления IT.

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published (list of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in scientific specialties and the corresponding branches of science in which academic degrees are awarded:

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences),

5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences),

5.1.3. Private law (civil law) sciences (legal sciences),

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences).

In accordance with the distribution of the journals included in the list by category, the journal is classified as "K2".

Editorial Advisory Board:

ADILOV Nadir Adil oglu – PhD, Associate Professor, Chairman of the Board of the Mediation Council of the Republic of Azerbaijan, Vice Chairman of the United Nations Committee on Economic, Social and Cultural Rights (Azerbaijan Republic, Baku);

AMINEV Farit Gizarovich – LLD, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, Member of the Presidium of the Union «Chamber of Judicial Experts named after Yu.G. Korukhov (SUDEKS)», Chairman of the Public Council for Expert Activity in the Republic of Bashkortostan (Russian Federation, Ufa);

BIRJUKOV Pavel Nikolaevich – LLD, Professor, Head of the Department of International and Eurasian Law of Law faculty of the Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh);

CHIHLDADZE Levan Teymurazovich – LLD, Professor, Head of the Department of Municipal Law of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia, Acting Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law of the Moscow State Regional University (Russian Federation, Moscow);

DEHANOV Sergey Alexandrovich – LLD, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Civil Law of the State University of Education, Professor of the Department of Civil Law of the Russian Customs Academy (Russian Federation, Moscow);

EGOROVA Maria Aleksandrovna – LLD, Professor, Head of the Department of International Cooperation, Professor of the Department of Competition Law of the Moscow State Law University, Deputy Chairman of the Executive Committee of the Moscow Branch of the Russian Bar Association, Co-President of the International Union of Lawyers and Economists (Russian Federation, Moscow);

EGORYSHEV Sergey Vasilevich – LLD, Professor, Head of the Center of Sociology of Law and Law Enforcement Agencies of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Ufa);

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich – LLD, Head of the Center of International Legal Studies of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Moscow);

GARMAEV Yuri Petrovich – LLD, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Buryatia, Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminology of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Head of the Laboratory of Comparative Law in the Asia-Pacific Region of Buryat State University (Russian Federation, Ulan-Ude);

GRUDTSYNA Lyudmila Yurievna – LLD, Associate professor, Advocate, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

JURIEV Sergey Sergeevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Advocacy of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow);

KOSTYUK Mikhail Fedorovich – LLD, Professor, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow);

KHALIKOV Aslyam Nailevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, (Russian Federation, Ufa);

KUDRYAVTSEV Vladislav Leonidovich – LLD, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the St. Petersburg institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Master program manager (Russian Federation, St. Petersburg);

LEVUSHKIN Anatoly Nikolaevich – LLD, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice, Professor of the Department of Civil and Commercial Law of the Ulyanovsk State University (Russian Federation, Moscow);

MAIZA Aissa – PhD, Professor of the Faculty of Law and Political Science of the Djelfa University (Algerian People’s Democratic Republic, Djelfa);

QARACAYEV Ceyhun – LLD, the retired Judge of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan, Professor of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law of Baku State University, the member of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (Azerbaijan Republic, Baku);

RAGULIN Andrey Viktorovich – Advocate, LLD, associate professor, head of the Centre for the study of the organization and operation of the advocacy of Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal (Russian Federation, Moscow);

RAKHIMBERDIN Kuat Hazhumukhanovich – LLD, Associate professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the East Kazakhstan State University, Chairman of the «Parasat» Chamber of Legal Advisers of the East Kazakhstan Region (Republic of Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk);

RODRIGUES Jose Noronha – PhD, Advocate, Director of Center of Juridical and Economic Studies, Professor of Law of the Azores University (Portugal Republic, Ponta Delgada);

SANGADZHIYEV Badma Vladimirovich – LLD, Professor, Professor of the Russian Academy of Education, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Kalmykia (Russian Federation, Moscow);

SHAGIYEVA Rozalina Vasilyevna – LLD, Professor, First vice-rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Professor of the Department of State Disciplines of the Higher School of Law of the Institute of State Service and Government of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

SINN Arndt – PhD, Professor, Head of Institute of Economic Criminal Law, Head of the Department of German and European Criminal Law and Criminal Trial, International Criminal Law and Comparative Jurisprudence of the University of Osnabruck, Director of the Center of the European and International Researches of Criminal Law (ZEIS) (Federative Republic of Germany, Osnabruck);

SVIRIN Yuri Alexandrovich – LLD, Professor, Honorary Advocate of Russia, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Department of Civil Law and Process of the Academy of Labor and Social Relations, Professor of the Department of Civil Procedure and Organization of the Bailiff Service of the All-Russian State University of Justice (Russian Federation, Moscow);

TATAR Olga Vladimirovna – LLD, Lecturer of the Department of Private Law of the Comrat State University of the Republic of Moldova (Republic of Moldova, Comrat);

VAN ERP Sjef – LL.M., Professor of the Department of Civil Law and European Private Law, Head of the Private Law Department of the Maastricht University, President of the Netherlands Comparative Law Association, Member of the Executive Committee of the European Law Institute (Netherlands, Maastricht);

VINOGRADOVA Elena Valerievna – LLD, Professor, Chief Researcher of the Constitutional Law and Constitutional Justice Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Judicial Authority, Law-Enforcement and Human Rights Activity of the Law Institute of the People’s Friendship University of Russia (Russian Federation, Moscow);

VLASOV Anatoly Aleksandrovich – LLD, Professor, Vice-Rector of Russian University of Advocacy and Notaries Named by G.B. Mirzoev (Russian Federation, Moscow);

VORONOV Alexander Alekseevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Civil and Labor Law of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russian Federation, Voronezh);

VUJADINOVIC Dragica – PhD, Professor of the Faculty of Law of the University of Belgrade (Serbia Republic, Belgrade);

YARTYKH Igor Semenovich – LLD, Advocate, Vice-president of the Federal Union of Advocates of Russia, Professor of the Advocacy Department of the Moscow State Law University, Professor of the Department of Civil Law of the Institute of World Civilizations (Russian Federation, Moscow);

YOUNG Simon Ngai Man – LL.M., Advocate, Professor of Faculty of Law of the University of Hong Kong (Hong Kong);

ZHANABILOV Nurlan Erkinovich – PhD, Professor, Honorable worker of education of Kazakhstan, Chief expert of the Kazakhstan Institute of Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, First vice-president of the International Union (Commonwealth) of Advocates, President of the International Association of Advocates «Asia Injurkollegiya», Rector of the International Labor Academy Institution (Republic of Kazakhstan, Astana).

Editorial Board:

Editor-in-Chief:

RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, associate professor.

Members of the Editorial Board:

DEMINA Elizaveta Petrovna – Head of Technical Verification of Materials;

KAURAKOVA Maria Viktorovna – PhD, Head of Reviewing of Scientific Publications;

KULAGIN Alexandr Vladimirovich – Head of Preprinting Preparation;

MELNICHENKO Roman Grigoryevich – PhD, Associate professor, Head of SMM;

POLYANSKAYA Veronika Vladimirovna – Head of Literary Editing;

RAGULINA Indira Tagirovna – PhD, Deputy of the Editor-in-chief;

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich – Head of IT.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ссылки на настоящее издание обязательны. За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов материалов, опубликованных в журнале, может не совпадать с точкой зрения Редакционного Совета и Редакционной коллегии журнала.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная. Вы можете свободно: делиться (обмениваться) – копировать и распространять материал на любом носителе и в любом формате, адаптировать (создавать производные материалы) – делать ремиксы, видоизменять, а также создавать новое, опираясь на этот материал в любых целях, включая коммерческие. При этом вы должны обеспечить соответствующее указание авторства, предоставить ссылку на лицензию и обозначить изменения, если таковые были сделаны. Вы можете это делать любым разумным способом, но не таким, который подразумевал бы, что лицензиар одобряет вас или ваш способ использования произведения. <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СОБЫТИЯ

Письмо с утверждениями о нарушениях от Специального докладчика ООН по вопросу о независимости судей и адвокатов, рабочей группы ООН по произвольным задержаниям, Специального докладчика ООН по вопросу о положении правозащитников, Специального докладчика ООН по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации и Специального докладчика ООН по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом в адрес Правительства Российской Федерации по вопросу о состоянии дел в адвокатуре № AL RUS 13/2025 от 29 декабря 2025 года9

АКТУАЛЬНЫЙ ВОПРОС

РАГУЛИН Андрей Викторович

Письмо с утверждениями о нарушениях № AL RUS 13/2025: Специальные докладчики Организации Объединенных Наций поставили вопросы о «захвате» адвокатуры в России29

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

КАРЕВ Дмитрий Александрович

Принципы канонического права41

ДЮЖЕНКОВ Николай Андреевич

Имущественная обособленность юридических лиц как предпосылка возникновения имущественного иммунитета48

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АДВОКАТУРЫ

КОЗЛОВА Валерия Михайловна

Специализация судебного представительства как альтернатива «адвокатской монополии»: саморегулирование по отраслям права в контексте реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь55

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДВОКАТСКОЙ ПРАКТИКИ

ИБРАГИМОВ Артур Гасангусейнович

Некоторые особенности оглашения показаний потерпевшего и свидетеля со стороны обвинения62

МАЛАФЕЕВ Михаил Александрович

Проблемы практики договора технической поддержки65

ШВЕДЧЕНКО Владислав Анатольевич

Пассажир как субъект нарушения правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта74

БУЛАХОВА Виктория Денисовна, РИМАР Иван Викторович

Крайняя необходимость и допустимый риск: методика сравнения вреда и альтернатив поведения78

ПРАВОСУДИЕ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ГАЛЕЦКИЙ Виталий Сергеевич, АНУЧИНА Ольга Владимировна

Краткий анализ проблем досудебного производства по уголовному делу, возобновленному в связи с вновь открывшимися или новыми обстоятельствами84

БАСХАНОВ Ахмед Магомедович, ХУЧИЕВ Рамзан Рустамович

Использование искусственного интеллекта при совершении преступлений: проблемы уголовно-правовой квалификации и перспективы законодательной регламентации90

КАЗАНОВ Александр Алексеевич

Роль криминалистических ДНК-баз данных в раскрытии и расследовании преступлений95

МОВРОВЯН Армине Арсеновна

Актуальные вопросы дефиницирования криминального банкротства в уголовном праве Российской Федерации101

САТАЕВ Руслан Рашидович

Личность военнослужащего, самовольно оставившего воинскую часть либо совершившего дезертирство, как элемент криминалистической характеристики105

МИХАЙЛОВ Петр Игоревич

Нестандартная обстановка как фактор, предопределяющий особый порядок производства по уголовным делам111

ПРОШИН Владимир Михайлович

Конфликт интересов как источник рождения мотива совершения преступления117

ГЛУШКОВА Мария Константиновна

Криминалистическая характеристика обращения фальсифицированных медицинских изделий (статья 238.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации)121

ПЕШКОВ Борис Сергеевич

Гражданско-правовой режим добровольчества в сфере охраны общественного порядка: классификация и модель правового регулирования128

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

ТЕМИРОВА Радмила Расуловна

Типология государства через призму взаимоотношений с личностью: общетеоретический подход137

НИКИТАШЕНКО Вадим Витальевич

Элементы гражданско-правового механизма защиты интеллектуальной собственности в электронной среде143

ГРИГОРЬЕВ Павел Александрович

Цифровое преступление – реальный правовой институт или избыточная категория?149

КОНАРОВСКИЙ Никита Александрович

Управление поэтажной собственностью: значение диспозитивности для российского права в свете иностранного опыта155

КОСОБОКОВ Андрей Львович

Конституционно-правовые проблемы применения «концепции шевеления» как критерия возникновения ограниченной правосубъектности человека в праве Соединенных Штатов Америки163

ИСАЕВ Владимир Всеволодович

Проблемы применения привязки *lex rei sitae* к учету и обороту бездокументарных ценных бумаг169

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА ЕВРАЗИИ

ЛЯННОЙ Глеб Геннадьевич

Единая национальная система маркировки «Честный знак» как административно-организационный метод обеспечения безопасности предпринимательства или уничтожения малого и среднего его сегмента173

БОТАШЕВА Альбина Хаджи-Даутовна

Эволюция избирательного законодательства России: от региональной специфики к федеральному регулированию (2000–2025)179

СУРХАЙХАНОВ Шамиль Сайгидаламович

Российская модель публичной власти: синтез централизма и правового формализма186

ЭДИЛОВ Магомед-Салех Асланович

Обеспечение баланса интересов должника и кредиторов при оспаривании сделок в процедуре несостоятельности (банкротства)191

Contents

EVENTS

<i>Allegation Letter from the UN Special Rapporteur on the Independence of Judges and Lawyers, the UN Working Group on Arbitrary Detention, the UN Special Rapporteur on the Situation of Human Rights Defenders, the UN Special Rapporteur on the Situation of Human Rights in the Russian Federation, and the UN Special Rapporteur on the Promotion and Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms Whilst Countering Terrorism, Addressed to the Government of the Russian Federation Regarding the State of Affairs in the Legal Profession, № AL RUS 13/2025 dated 29 December 2025</i>	9
---	---

TOPICAL ISSUE

RAGULIN Andrey Viktorovich <i>Allegation Letter № AL RUS 13/2025: United Nations Special Rapporteurs Have Raised Questions About «Seizure» of the Legal Profession in Russia</i>	29
--	----

HISTORICAL EXPERIENCE

KAREV Dmitry Alexandrovich <i>Principles of Canon Law</i>	41
DYUZHENKOV Nikolai Andreevich <i>Property Separation of Legal Entities as a Prerequisite for the Emergence of Property Immunity</i>	48

PROBLEMS OF ORGANIZATION AND ADVOCACY PROFESSION FUNCTIONING

KOZLOVA Valeria Mikhailovna <i>Specialization of Judicial Representation as an Alternative to the «Lawyer's Monopoly»: Self-Regulation by Branches of Law in the Context of Implementing the Constitutional Right to Qualified Legal Assistance</i>	55
---	----

ACTUAL PROBLEMS OF ADVOCACY PRACTICE

IBRAGIMOV Artur Gasanguseinovich <i>Some Features of Reading out the Testimony of the Victim and the Prosecution Witness</i>	62
MALAFEEV Mikhail Alexandrovich <i>Problems of Practice of Technical Maintenance Contracts</i>	65
SHVEDCHENKO Vladislav Anatolyevich <i>The Passenger as a Subject of Violations of Rules Ensuring Safe Transportation Operations</i>	74
BULAKHOVA Victoria Denisovna, RIMAR Ivan Viktorovich <i>Extreme Necessity and Justifiable Risk: Methodology for Comparing Harm and Behavioral Alternatives</i>	78

JUSTICE AND LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY IN THE EURASIAN SPACE

GALETSKY Vitaly Sergeevich, ANUCHINA Olga Vladimirovna <i>A Brief Analysis of Issues in Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case Reopened Due to Newly Discovered or New Circumstances</i>	84
BASKHANOV Akhmed Magomedovich, KHUCHIEV Ramzan Rustamovich <i>The Use of Artificial Intelligence in Crimes: Problems of Criminal Qualification and Prospects of Legislative Regulation</i>	90
KAZANOV Alexander Alekseevich <i>The Role of Forensic DNA Databases in Crime Detection and Investigation</i>	95

MOVROYAN Armine Arsenovna <i>Current Issues of Defining Criminal Bankruptcy in the Criminal Law of the Russian Federation</i>	101
---	-----

SATAEV Ruslan Rashidovich <i>The Personality of a Military Serviceman Who Has Left His Military Unit or Committed Desertion, as an Element of Criminalistic Characteristics</i>	105
---	-----

MIKHAILOV Petr Igorevich <i>Unusual Circumstances as a Factor Determining the Special Procedure for Criminal Proceedings</i>	111
--	-----

PROSHIN Vladimir Mikhailovich <i>Conflict of Interest as a Source of Motivation to Commit a Crime</i>	117
---	-----

GLUSHKOVA Mariia Konstantinovna <i>Criminalistic Characteristics of the Circulation of Falsified Medical Devices (Article 238.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)</i>	121
---	-----

PESHKOV Boris Sergeevich <i>Civil-Law Regime of Volunteering in the Field of Public Order Protection: Classification and Regulatory Model</i>	128
---	-----

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL SCIENCE AND PRACTICE

TEMIROVA Radmila Rasulovna <i>Typology of the State Through the Prism of Relations with the Individual: a General Theoretical Approach</i>	137
--	-----

NIKITASHENKO Vadim Vitalyevich <i>Elements of the Civil-Law Intellectual Property Protection Mechanism in the Digital Field</i>	143
---	-----

GRIGOREV Pavel Aleksandrovich <i>Is Digital Crime a Real Legal Institution or an Unnecessary Category?</i>	149
--	-----

KONAROVSKII Nikita Alexandrovich <i>Management of Condominiums: The Significance of Dispositiveness for Russian Law in Light of Foreign Experience</i>	155
--	-----

KOSOBOKOV Andrey Lvovich <i>Constitutional Legal Problems of Applying the «Quickening Concept» as a Criterion for the Emergence of a Limited Legal Personality Under the United States of America Law</i>	163
---	-----

ISAEV Vladimir Vsevolodovich <i>Issues Arising from Applying the Lex Rei Sitae Factor to the Custody and Circulation of Uncertificated Securities</i>	169
---	-----

POLICY AND ECONOMY OF EURASIA

LYANNAY Gleb Gennadievich <i>Unified National Marking System «Chestny Znak» as an Administrative and Organizational Method of Ensuring the Security of Entrepreneurship or Destruction of its Small and Medium Segments</i>	173
---	-----

BOTASHEVA Albina Khadzi-Dautovna <i>Evolution of Russian Electoral Legislation: From Regional Specificity to Federal Regulation (2000–2025)</i>	179
---	-----

SURKHAYKHANOV Shamil Saygidalamovich <i>The Russian Model of Public Authority: a Synthesis of Centralism and Legal Formalism</i>	186
--	-----

EDILOV Magomed-Salekh Aslanovich <i>Ensuring a Balance of Interests Between Debtors and Creditors When Challenging Transactions in Bankruptcy Proceedings</i>	191
---	-----

ПИСЬМО С УТВЕРЖДЕНИЯМИ О НАРУШЕНИЯХ ОТ СПЕЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДЧИКА ООН ПО ВОПРОСУ О НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ И АДВОКАТОВ, РАБОЧЕЙ ГРУППЫ ООН ПО ПРОИЗВОЛЬНЫМ ЗАДЕРЖАНИЯМ, СПЕЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДЧИКА ООН ПО ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ ПРАВООЩИТНИКОВ, СПЕЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДЧИКА ООН ПО ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СПЕЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДЧИКА ООН ПО ВОПРОСУ О ПООЩРЕНИИ И ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД В УСЛОВИЯХ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В АДРЕС ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ДЕЛ В АДВОКАТУРЕ № AL RUS 13/2025 ОТ 29 ДЕКАБРЯ 2025 ГОДА

ALLEGATION LETTER FROM THE UN SPECIAL RAPPORTEUR ON THE INDEPENDENCE OF JUDGES AND LAWYERS, THE UN WORKING GROUP ON ARBITRARY DETENTION, THE UN SPECIAL RAPPORTEUR ON THE SITUATION OF HUMAN RIGHTS DEFENDERS, THE UN SPECIAL RAPPORTEUR ON THE SITUATION OF HUMAN RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION, AND THE UN SPECIAL RAPPORTEUR ON THE PROMOTION AND PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FUNDAMENTAL FREEDOMS WHILST COUNTERING TERRORISM, ADDRESSED TO THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION REGARDING THE STATE OF AFFAIRS IN THE LEGAL PROFESSION, № AL RUS 13/2025 DATED 29 DECEMBER 2025

PALAIS DES NATIONS, 1211 GENEVA 10, SWITZERLAND

Mandates of the Special Rapporteur on the independence of judges and lawyers; the Working Group on Arbitrary Detention; the Special Rapporteur on the situation of human rights defenders; the Special Rapporteur on the situation of human rights in the Russian Federation and the Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism

Ref.: AL RUS 13/2025

29 December 2025

(Please use this reference in your reply)

Excellency,

We have the honour to address you in our capacities as Special Rapporteur on the independence of judges and lawyers; Working Group on Arbitrary Detention; Special Rapporteur on the situation of human rights defenders; Special Rapporteur on the situation of human rights in the Russian Federation and Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism, pursuant to Human Rights Council resolutions 53/12, 60/8, 52/4, 57/20 and 58/14.

We would like to refer Your Excellency's Government to the so-called «Lawyer's Monopoly» draft bill introducing amendments to the Federal Law No. 63-FZ «On Advocacy and the Bar in the Russian Federation», which could interfere with the capacity of lawyers to exercise their profession independently, and undermine their professional rights.

An assessment of the 2002 Federal Law «On Advocacy and the Bar in the Russian Federation» and its implementation has been carried out and shared with your Excellency's Government by the mandate of the United Nations Special Rapporteur on the independence of judges and lawyers, in the 2008 country visit report (A/HRC/11/41/Add.2)¹ and the 2013 follow-up report (A/HRC/26/32/Add.1)². Special Procedures mandate holders also sent an analysis of this law in March 2024 (OL RUS 1/2024).

In line with this issue, we are additionally bringing to the attention of Your Excellency's Government information concerning the prosecution of lawyers Vadim Kobzev*, Alexey Liptser* and Igor Sergunin* in connection with the legitimate exercise of their legal profession in defending opposition politician Alexey Navalny*.

Earlier this year, the Special Rapporteur on the situation of human rights in the Russian Federation had already condemned the sentencing on «extremism» charges of the three lawyers and had called for their release, speaking about the increasing persecution of legal professionals defending individuals in politically sensitive or national security-related cases as an alarming pattern of targeted repression and State control throughout Russia³.

1 A/HRC/11/41/Add.2: Document Viewer

2 A/HRC/26/32/Add.1: Document Viewer

3 Russia: Special Rapporteur appalled by prison sentences to punish Navalny lawyers | OHCHR; A/HRC/60/59, paras. 72–77.

Through this letter, we wish to highlight the connection between these developments, which together point to an interference in the legal profession through a broader restructuring of the framework of the legal profession, the diminishing independence of the Bar as a self-governing institution in the Russian Federation, and the unwarranted prosecution of lawyers for carrying out their functions.

According to the information received: Draft bill on «Lawyer's Monopoly»

The legal profession in the Russian Federation is regulated by the Federal Law No. 63-FZ «On Advocacy and the Legal Profession», adopted on 31 May 2002. This law establishes the Russian Bar (advokatura) as a self-governing and independent professional body operating at both federal and regional levels. Its primary purpose is to ensure access to qualified legal assistance and to safeguard the right to professional defence, including free legal services in cases stipulated by the Constitution and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (CPC RF).

In July 2025, a draft bill was introduced proposing amendments to the Federal Law No. 63-FZ, informally referred to as the «lawyer's monopoly». Developed by the Ministry of Justice of the Russian Federation and supported by the Federal Chamber of Advocates (FCA), the bill is presented as a reform aimed at improving the quality of legal representation and standardizing professional practice before the courts.

The draft bill would establish the exclusive right of lawyers with advocate status to represent clients in civil, administrative, and arbitration proceedings. Legal representation before courts would thus become contingent on the possession of such status, requiring all trial lawyers currently practicing outside the Bar to obtain membership in a regional Chamber of Advocates.

The bill introduces new procedures for admission to the profession, the suspension and termination of advocate status, and the regulation of lawyers' activities, training, and disciplinary responsibility. It also expands the authority of the Federal Chamber of Advocates and regional Chambers over professional conduct and governance. Under the proposed framework, presidents of regional Chambers would hold additional functions within councils and qualification commissions, while the Ministry of Justice would be granted a supervisory role, including the possibility to review and appeal certain decisions of Bar bodies.

The proposed amendments extend to foreign lawyers and law firms, setting new criteria for their practice within the Russian Federation. In addition, they establish procedures for deferred admission decisions and potential suspension of advocate status in cases of non-compliance with established requirements or procedures.

Case of Vadim Kobzev*, Alexey Liptser* and Igor Sergunin*

On 13 October 2023, Russian police and the Investigative Committee conducted searches at the homes and offices of Vadim Kobzev*, Alexey Liptser*, and Igor Sergunin*. On the same day, the three lawyers were arrested and detained at the Basmanny District Court in Moscow, facing charges of participation in an extremist organization under article 282.1(2) of the Russian Criminal Code.

The charges relate to the lawyers facilitating communication between Alexey Navalny, who was detained in a «special regime» facility before his death, and individuals outside, including the transfer of information between members of the Foundation for Combating Corruption (FCC)**, which was designated an extremist organization.

On 7 December 2023, the Basmanny District Court extended their detention until 13 March 2024. The Federal Financial Monitoring Service (Rosfinmonitoring) subsequently added Kobzev*, Liptser*, and Sergunin* to its list of terrorists and extremists, affecting their ability to access banking services and indicating ongoing legal proceedings under Russian criminal law provisions concerning extremism and terrorism.

On 17 January 2025, the Petushinsky District Court (Vladimir region) convicted the three lawyers in closed proceedings. Vadim Kobzev* received a sentence of years and 6 months, Alexey Liptser* 5 years, and Igor Sergunin 3 years and months in general-regime penal colonies, along with a three-year professional ban on practicing law. The prosecution occurred while they were acting in their capacity as legal defense representatives for Navalny*.

Context

The context in which these events have taken place reflects broader measures affecting the independence of lawyers, as well as their ability to practice without undue interference in the Russian Federation.

Discrimination to enter the Bar

The FCA and regional Chambers are alleged to impose discriminatory and unlawful restrictions on access to the legal profession. Although legislation defines qualification and professional stability as criteria for entry into the Bar, many Chambers reportedly apply additional, extralegal conditions such as property and age requirements, residence criteria, and limits on extraterritorial practice.

Entrance fees and mandatory deductions for new or small law firms are often disproportionately high, creating financial barriers that amount to indirect discrimination based on economic status. In some regions, smaller firms and individual advocates are excluded from Chamber conferences or from participating in court-appointed defense cases, further restricting professional equality.

Furthermore, interregional mobility is curtailed by FCA instructions prohibiting lawyers from engaging in permanent practice outside their region of registration, despite national law granting the right to practice throughout the Russian Federation. Applicants are also required to pass qualification exams in regions where they have resided for at least one year, creating an additional administrative barrier.

Disciplinary abuse and repressive rulemaking

The April 2024 amendments to the Federal Law expanded the Ministry of Justice's authority to oversee regional bar associations and the Federal Chamber of Advocates, including powers to monitor compliance with regulations, influence disciplinary proceedings, and review qualification exams. At the same time, the Federal Chamber's authority over regional Chambers was consolidated, allowing it to suspend leaders, enforce centralized codes of conduct, and override local decisions. Thus, lawyers no longer have autonomous control over representative bodies and operate under hierarchical oversight.

Further, procedural changes in the Criminal Procedure Code removed the prior requirement for court authorization before initiating criminal proceedings against lawyers, leaving cases subject to approval solely by regional heads of the Investigative Committee.

Disciplinary structures within the Federal Chamber and regional Chambers were also revised. Qualification commissions reviewed thousands of complaints and disciplinary cases each year, with many cases resulting in comments, warnings, or the termination of lawyer status. Between 2021 and 2024, thousands of disciplinary actions were recorded, including warnings, reprimands, and revocations of legal status. Grounds for disciplinary action included non-compliance with bar association decisions, professional ethics violations, non-fulfillment of duties to clients, or criminal convictions. Appeals of disciplinary decisions were largely unsuccessful, and procedural rules restricted impartial review, including limitations on recusal and the handling of absent lawyers.

Additionally, the Code of Professional Ethics for Advocates (CPEA) was amended to include broadly defined standards, covering actions perceived as undermining confidence in the profession or damaging the honor and dignity of lawyers. Such provisions applied to social media activity, correspondence, and professional conduct, expanding the scope for disciplinary measures. Disciplinary procedures were reportedly used in conjunction with administrative and criminal measures, with some actions based on appeals or expressions of criticism toward Chambers or bar leadership.

Information suggests that official clarifications and guidance restricted lawyers from reporting alleged misconduct within the Chambers or the Federal Chamber to State bodies, under threat of disciplinary action. Administrative detentions, minor violations, and internal appeals were reportedly sometimes treated as disciplinary matters, with regional Chambers initiating proceedings against lawyers participating in collective appeals or challenges to Chamber practices.

Systemic obstruction of legal defense and procedural inequality

Monitoring of legal practice in Russia indicates widespread obstacles to lawyers' access to clients and case materials. In 2022, this monitoring effort documented 434 instances in which lawyers were denied client visits, predominantly in police departments (81 per cent), followed by investigative actions (7 per cent), courts (6 per cent), and penitentiary facilities (3.5 per cent). The highest numbers of cases occurred in Moscow, Saint Petersburg, and Sverdlovsk regions. In a majority of reports, lawyers' identities were documented, while some remained unspecified⁴.

Additionally, information also suggests that lawyers frequently cannot locate clients post-detention due to the absence of timely notifications from authorities, lack of accessible detainee registries, or withholding of location information. Detention facility procedures, including limited visiting hours and restricted office space, reportedly create significant delays in lawyer-client meetings. In some instances, meetings are monitored, with surveillance data potentially used as evidence. Lawyers have also been reportedly pressured to provide client information to State financial intelligence agencies.

Access to documents and case materials is reportedly also limited. Although the CPC RF grants lawyers rights to collect information, request documents, and review case files, investigative authorities and courts

⁴ Centre for Constitutional Studies, Report on the Rights of Human Rights Defenders in the Russian Federation (Moscow, 2022), available at: <http://files.constlawcenter.ru/wp-content/uploads/2022/11/defenders-rights.pdf>.

may restrict or delay access to materials, particularly pre-investigation records or inventories. Evidence collected by defense lawyers is frequently rejected or disregarded, while prosecution evidence is systematically admitted. Defence motions, including requests for witness summons or independent forensic examinations, are often rejected as untimely or improperly presented, and courts may limit time for case review.

Furthermore, court practices reportedly favour the prosecution. Defence witnesses may be rejected or not compelled to appear, cross-examination may be restricted, and acquittal rates remain extremely low. Independent forensic examinations requested by the defence are frequently denied, and defence lawyers are sometimes questioned about client-related matters despite prohibitions in law, raising concerns about confidentiality.

Reports also indicate tolerance of procedural irregularities, including evidence falsification, admission of closed hearings, and manipulation of case materials. While some issues have been acknowledged by the Federal Chamber of Advocates, responses have generally been limited, leaving lawyers reliant on extended procedural remedies that may be ineffective or unavailable in practice.

Suppression of dissent

The Federal Chamber of Advocates (FCA) and regional Bar Chambers have also used administrative and institutional mechanisms to restrict independent initiatives, limit media access, and control professional discourse within the legal profession. It has been reported that journalists critical of Bar policies have been denied accreditation to cover professional events, including major forums such as the All-Russian Congress of Advocates. Independent legal media projects have faced official labelling as «foreign agents,» resulting in cessation of operations and reduced coverage of legal professional matters.

In parallel, independent public and professional lawyer associations have been dismantled, absorbed, or subordinated to the FCA and regional Chambers. Organizations offering alternative perspectives or platforms for professional development have been eliminated or placed under direct institutional control. Initiatives aimed at protecting human rights or advocating for persecuted colleagues have particularly been discredited, with accusations of violating professional conduct norms or creating «division» within the profession.

Additionally, institutional leadership within the Bar has used public communications to characterize dissenting lawyers in derogatory terms, employing media channels to challenge the legitimacy of lawyers critical of FCA policies. These practices contribute to a professional environment in which independent expression, internal debate, or organizational autonomy are constrained, and dissent is publicly delegitimized.

Legislative assault on legal independence

Reports indicate that since 2022, at least 145 incidents of attacks or reprisals against lawyers have occurred, including cases of physical violence, administrative prosecution, and the use of counter-terrorism and counter-extremism legislation. These measures have reportedly resulted in several deaths, injuries, and attempted murders, as well as the inclusion of lawyers on official «foreign agents» and «extremists and terrorists» lists, such as Vadim Kobzev*, Alexey Liptser* and Igor Segunin*.

Lawyers engaged in politically sensitive or human rights-related cases have reportedly faced searches of their homes and offices, confiscation of professional equipment and case materials, and the seizure of documents protected under attorney–client privilege. In several instances, it has been alleged that access to confidential defense materials was the apparent objective of investigative actions.

The period has also seen a pattern of administrative and criminal prosecutions against lawyers for the exercise of their professional duties, including the use of online expression or the transmission of legal information in the context of representation. Such proceedings were often conducted under broadly interpreted provisions of the Criminal Code, including those related to extremism or the dissemination of «false information». Convictions in these cases have included imprisonment and professional bans, often issued through closed proceedings.

Professional self-governing bodies of the Bar have reportedly demonstrated limited or delayed responses to these developments. While the FCA and regional chambers are formally mandated to safeguard the independence and rights of lawyers, their public reactions to prosecutions and disciplinary measures against members have often been restricted to procedural commentary rather than substantive defense. This has raised concerns among legal observers about the institutional subordination of professional associations to executive authority.

Politization of the FCA

Since 2014, monitoring indicates that the FCA and several regional Bar Chambers have aligned their activities with the geopolitical objectives of the Executive, particularly in relation to military operations in

Ukraine. Institutional measures include the integration of lawyers from occupied territories – including Donetsk, Luhansk, Kherson, and Zaporizhzhia – into the organizational structures of the Russian Bar. This integration has been accompanied by institutional endorsements of State military actions, as well as the organization of trips, training, and conferences in these territories.

The Bar has publicly presented these activities as professional initiatives, normalizing the operation of Russian legal institutions in occupied regions. Reports indicate that the FCA and regional Chambers have participated in or financed events with military themes, including commemorations connected to national victory narratives. Membership dues collected from lawyers are reportedly used to fund such activities, with limited transparency or input from the lawyers themselves regarding the use of these funds.

The alignment of the Bar with these objectives has reportedly influenced disciplinary and professional practices. Lawyers who dissent from the institutional positions or express opposition to military operations in Ukraine have faced professional sanctions, public defamation, or criminal investigations. Additionally, youth-oriented initiatives sponsored or supported by the FCA, such as the Union of Young Lawyers of Russia, have reportedly aimed to cultivate professional adherence to the institutional and State-aligned political agenda. Institutional policies and practices emphasize alignment with State priorities over professional independence, neutrality, or traditional legal advocacy functions.

Without prejudging the accuracy of these allegations, we wish to express our serious concern that recent legislative, administrative, and disciplinary developments affecting the legal profession in the Russian Federation may substantially undermine the independence of lawyers and the right to a fair trial and due process guarantees for all people in the Russian Federation.

We recall that the free exercise of the legal profession contributes to ensuring access to justice, oversight of State power, protection of due process and judicial guarantees. According to international standards, States must guarantee that those who practice law can do so free from intimidation, obstacles, harassment, or interference. Standards also provide that lawyers shall not be identified with their clients or their clients' causes as a result of discharging their functions. The UN Basic Principles on the Role of Lawyers, namely principle 16, ensures that lawyers shall be able to perform their professional function without intimidation, hindrance, or proper interference, and principle 23 provides that lawyers shall have the right to take part in public discussion of matters concerning the law and administration of justice.

We are particularly concerned that the proposed draft bill on the reorganization of the Bar, if adopted, may centralize control over the legal profession and weaken its self-governing structures. These risks limiting institutional safeguards for lawyers' independence, reducing their ability to organize freely, and increasing the vulnerability of lawyers to external influence or political pressure.

We wish to recall that without the protection provided by an independent bar association, lawyers are extremely vulnerable to attacks and to restrictions on their independence, especially from State authorities. Professional associations of lawyers are also intended to ensure effective and equal access to legal services for all, in accordance with recognized professional standards and ethical principles.

We are also deeply concerned that lawyers representing clients in politically sensitive cases have reportedly been subjected to prosecution, intimidation, and/or disciplinary action in connection with their professional activities. The detention and prosecution of several defence lawyers associated with high-profile political cases appear to form part of a broader pattern of retaliation. Such actions undermine the capacity of lawyers to perform their duties independently and may constitute arbitrary deprivation of liberty under article 9 of the International Covenant on Civil and Political rights (ICCPR), ratified by the Russian Federation on 16 October 1973.

These individual cases must be viewed within a wider institutional context in which the autonomy of the legal profession is being progressively eroded. Disciplinary and regulatory mechanisms appear to be increasingly used in ways that discourage dissent, limit professional independence, and suppress critical debate. Amendments to internal regulations and ethical codes reportedly broaden the grounds for disciplinary liability, including for expressions of professional opinion or participation in public discussion, transforming oversight from an ethical safeguard into a tool for administrative or political control. The consolidation of rulemaking authority within bar leadership structures aligned with executive policies further blurs the line between professional self-governance and State influence.

We are concerned about systemic obstruction affecting lawyers' ability to carry out their professional duties. Restrictions on access to clients and case materials, interference with confidential communications, and procedural barriers that hinder preparation of an effective defence undermine the principle of equality

of arms and the right to a fair trial, as protected under article 14 of the ICCPR and reaffirmed in the Basic Principles on the Role of Lawyers (principles 16, 20, 22).

Furthermore, restrictions and conditions imposed on access to the legal profession, including disproportionate financial or administrative barriers, may limit equal participation and constitute discrimination contrary to international human rights standards. The ability to practice law must depend solely on objective criteria such as competence, integrity, and professional qualifications.

We are equally concerned that professional governance mechanisms have been used to suppress dissent, freedom of expression, and pluralism within the legal community. Censorship, denial of media access, and marginalization of independent associations indicate that lawyers who criticize institutional practices or participate in independent initiatives may face disciplinary or reputational pressure. Such measures are incompatible with articles 19, 21, and 22 of the ICCPR, which protect the rights to freedom of expression, peaceful assembly, and association, as well as with principles 16 and 24 of the Basic Principles on the Role of Lawyers.

The increasing politicization of bar associations and their alignment with governmental interests may compromise the independence and integrity of the legal profession. When institutions responsible for safeguarding lawyers' rights are subject to external influence, they cannot effectively protect members from interference or retaliation. These risks eroding public confidence in the justice system and undermining the principle that lawyers must be able to defend their clients freely and impartially, as required under international human rights law.

The above-mentioned concerns and allegations are particularly concerning as lawyers are one of the few remaining actors in the shrinking civic space in the Russian Federation that defend human rights and protect victims of human rights violations.

Finally, we are alarmed at the reported practice of including lawyers, including Mr. Kobzev, Mr. Liptser, and Mr. Sergunin, to «terrorists» and «extremists» lists, in apparent retaliation against their legitimate professional activities. We remind your Excellency's Government that States must ensure that measures to combat terrorism and preserve national security comply with their obligations under international law and do not hinder the work and safety of individuals, groups and organs of society engaged in promoting and defending human rights. (Human Rights Council resolution 22/6). We are further concerned that the grounds and procedures for such listings are not consistent with international law (see (A/HRC/16/51, para. 35 and A/80/284, paras. 17–39).

We reiterate concerns raised previously (RUS 30.2023) regarding the practice of designating dissent as «extremist» and the chilling effect that such designations have on civic space. We recall that «the term 'extremism' has no purchase in binding international legal standards and, when operative as a criminal legal category, is irreconcilable with the principle of legal certainty; it is therefore per se incompatible with the exercise of certain fundamental human rights» (A/HRC/43/46, para. 14). In 2022, in its Concluding Observations on the eighth periodic report of the Russian Federation on the observance of the International Covenant on Civil and Political Rights (CCPR/C/RUS/8/CO), the Human Rights Committee raised concern about «the vague, open-ended and regularly modified definition of 'extremist activity' in the federal law on combating extremist activity, which does not comply with the principles of legality, legal certainty and proportionality required for such legislation under article 19 of the Covenant» and «the frequent use of the law to target political opponents, human rights defenders, journalists, religious communities, artists and lawyers in order to limit civic space, including freedom of expression, for example through extrajudicial blocking of Internet sites or censorship of books, songs and other artistic expression» (para. 30).

In connection with the above alleged facts and concerns, please refer to the Annex on Reference to international human rights law attached to this letter which cites international human rights instruments and standards relevant to these allegations.

As it is our responsibility, under the mandates provided to us by the Human Rights Council, to seek to clarify all cases brought to our attention, we would be grateful for your observations on the following matters:

1. Please provide any additional information and/or comment(s) you may have on the above-mentioned allegations.

2. Please provide detailed information on the current legal status, conditions of detention, and factual circumstances surrounding the detention and prosecution of Vadim Kobzev, Alexey Liptser, and Igor Sergunin. In particular, please clarify how these measures comply with their rights to liberty, due process, and a fair trial under articles 9 and 14 of the ICCPR, and provide information on any measures taken for their release.

3. Please provide updated information on the status of the draft bill concerning the reorganization of the Bar. Explain how its provisions ensure the self-governing nature, institutional independence, and ability of lawyers to perform their professional duties freely, in line with international human rights standards and the Basic Principles on the Role of Lawyers.

4. Please indicate the measures adopted to ensure that disciplinary proceedings against lawyers are conducted in full respect of guarantees of independence, impartiality, and due process, and that they are not used to restrict legitimate professional activity, public statements, or expression of professional opinion.

5. Please provide information on steps taken to safeguard lawyers' access to clients, case files, and confidential communications, and to ensure that no procedural or administrative barriers impede the preparation of an effective defence, in accordance with article 14 of the ICCPR and the Basic Principles on the Role of Lawyers (principles 16, 20, and 22).

6. Please provide information on measures adopted to remove restrictions or disproportionate financial and administrative barriers that limit equal entry and participation in the legal profession and clarify how access to the profession is ensured based solely on objective criteria such as competence, integrity, and professional qualification.

7. Please provide information on measures taken to protect lawyers' rights to freedom of expression, peaceful assembly, and association within the legal profession, including their ability to participate in public debate, form independent associations, defend human rights, and publicly comment on matters of law and justice without risk of disciplinary or reputational sanctions, in line with articles 19, 21, and 22 of the ICCPR and principles 16 and 24 of the Basic Principles on the Role of Lawyers.

8. Please indicate the steps being taken to guarantee that bar associations and other professional bodies remain independent, free from political influence or administrative control, so that they can effectively protect the independence of their members and uphold the integrity of the justice system.

9. Please detail the factual and legal basis for including lawyers, including Mr. Kobzev, Mr. Liptser, and Mr. Sergunin, to «terrorists» and «extremists» lists, and explain how such designations comply with international legal standards, including the requirement of legal certainty under article 15 of the ICCPR, the right to fair hearing under article 14 of the ICCPR, and the right to an effective remedy under article 2 of the ICCPR.

This communication and any response received from your Excellency's Government will be made public via the communications reporting website within 60 days. They will also subsequently be made available in the usual report to be presented to the Human Rights Council.

Further, we would like to inform your Excellency's Government that after having transmitted the information contained in the present communication to the Government, the Working Group on Arbitrary Detention may also transmit the case through its regular procedure in order to render an opinion on whether the deprivation of liberty was arbitrary or not. The present communication in no way prejudices any opinion the Working Group may render. The Government is required to respond separately to the allegation letter and the regular procedure.

While awaiting a reply, we urge that all necessary interim measures be taken to halt the alleged violations and prevent their re-occurrence and in the event that the investigations support or suggest the allegations to be correct, to ensure the accountability of any person(s) responsible for the alleged violations.

We may publicly express our concerns in the near future as, in our view, the information upon which the press release will be based is sufficiently reliable to indicate a matter warranting immediate attention. We also believe that the wider public should be alerted to the potential implications of the above-mentioned allegations. The press release will indicate that we have been in contact with your Excellency's Government to clarify the issues in question.

Please accept, Excellency, the assurances of our highest consideration.

Margaret Satterthwaite – Special Rapporteur on the independence of judges and lawyers

Matthew Gillett – Vice-Chair on communications of the Working Group on Arbitrary Detention

Mary Lawlor – Special Rapporteur on the situation of human rights defenders

Mariana Katzarova – Special Rapporteur on the situation of human rights in the Russian Federation

Ben Saul – Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism

Annex

Reference to international human rights law

In connection with the above-mentioned allegations and concerns, we wish to draw your Excellency's Government's attention to the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR), ratified by the Russian Federation on 16 October 1973, and to the Basic Principles on the Role of Lawyers.

Article 9 of the ICCPR guarantees the right to liberty and security of the person and protects against arbitrary arrest or detention. Any deprivation of liberty must be lawful, carried out in accordance with established procedures, and subject to prompt judicial review to prevent arbitrary detention. The United Nations Working Group on Arbitrary Detention has repeatedly affirmed that access to legal counsel is a fundamental safeguard against arbitrary deprivation of liberty and must be ensured at all stages of detention and judicial proceedings (A/HRC/45/16, paras. 50–55). As noted by the Human Rights Committee, any detention due to the peaceful exercise of rights is arbitrary (general comment No. 35, para. 17).

Article 14 of the ICCPR provides essential procedural guarantees for all persons charged with a criminal offence, including the right to a fair and public hearing by a competent, independent, and impartial tribunal, and the right to have access to, and to communicate confidentially with, counsel of one's own choosing. Legal assistance must be effective from the moment of detention and throughout pretrial, trial, retrial, and appellate proceedings. The Human Rights Committee, in general comment No. 32 (2007), emphasized that counsel must be able to advise and represent clients without undue interference, influence, or pressure (CCPR/C/GC/32, para. 34).

Article 19 of the ICCPR guarantees the right to freedom of opinion and expression, and article 21 recognizes the right to peaceful assembly. Any restrictions must be prescribed by law, pursue a legitimate aim, and be necessary and proportionate in a democratic society. General comment No. 34 of the Human Rights Committee affirms that States must protect individuals exercising these rights against intimidation or reprisals, including in contexts involving civil society and professional activity (CCPR/C/GC/34, paras. 4, 23, 42). The Special Rapporteur on the rights to freedom of peaceful assembly and of association has emphasized that a safe and enabling environment is essential for the enjoyment of civil and political rights, including access to legal counsel and participation in civic life (A/HRC/47/24).

We would also like to draw your attention to the Basic Principles on the Role of Lawyers, adopted by the Eighth United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders (Havana, 1990). Principle 16 provides that lawyers shall be able to perform all of their professional functions without intimidation, hindrance, harassment, or improper interference. Principle 18 specifies that lawyers shall not be identified with their clients or their clients' causes as a result of their professional functions. Principle 20 affirms that lawyers shall not be threatened with disciplinary or other sanctions for actions taken in accordance with professional duties, standards, and ethics. Principle 21 establishes that competent authorities must ensure lawyers have access to appropriate information, files, and documents in sufficient time to provide effective legal assistance. Principle 22 guarantees that all communications and consultations between lawyers and their clients within their professional relationship are confidential. Principle 24 affirms lawyers' right to participate in public discussion of matters concerning the law, justice, and the protection of human rights without suffering professional disadvantage. Principle 26 requires that lawyers enjoy adequate safeguards and protection when their security is threatened as a result of discharging their professional functions. Principle 27 guarantees civil and penal immunity for statements made in good faith in professional appearances before courts, tribunals, or other legal or administrative authorities. Principle 28 affirms that lawyers have the right to form and join self-governing professional associations to represent their interests and protect their independence. Principle 29 establishes that the executive bodies of such associations must be freely elected and able to operate without external influence. Together, these principles ensure that lawyers can provide an effective defence, maintain professional autonomy, and uphold the rule of law.

We also draw attention to the UN Declaration on Human Rights Defenders (A/RES/53/144), which establishes the right of individuals and groups to promote and protect human rights. Articles 1 and 2 affirm that everyone has the right to engage in human rights activities and that States have the primary duty to protect these rights. Article 5 (b) and (c) protects the right to form and join associations, including professional and advocacy organizations, and to communicate with national or international human rights bodies. Article 11 guarantees the lawful exercise of one's profession, individually or in association with others.

Finally, we remind your Excellency's Government that any measures taken to combat terrorism or violent extremism must comply with the obligations of States under international law, in particular international

human rights law, refugee law and international humanitarian law⁵. Although no universal treaty generally defines «terrorism», States should ensure that counter-terrorism legislation is limited to criminalizing conduct which is properly and precisely defined on the basis of the international counter-terrorism instruments⁶, the General Assembly's Declaration on Measures to Eliminate International Terrorism (1994), and Security Council resolution 1566 (2004)⁷. Based on these authoritative sources, the model definition of terrorism advanced by the Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism provides clear «best practice» guidance by identifying conduct that is genuinely terrorist in nature and precisely defining the elements (A/HRC/16/51, para. 28).

The principle of legal certainty under article 15 (1) of the ICCPR requires that criminal laws be sufficiently precise so that it is clear what types of behaviour and conduct constitute a criminal offence and the legal consequences of committing such an offence. This principle seeks to prevent ill-defined and/or overly broad laws which are open to arbitrary application and abuse to target civil society on political or other unjustified grounds.⁸ According to the Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism, «the term 'extremism' has no purchase in binding international legal standards and, when operative as a criminal legal category, is irreconcilable with the principle of legal certainty; it is therefore per se incompatible with the exercise of certain fundamental human rights» (A/HRC/43/46, para. 14⁹).

Many resolutions of the United Nations General Assembly, Security Council and Human Rights Council reaffirm that any measures taken to combat terrorism and violent extremism must comply with the obligations of States under international law, in particular international human rights law, refugee law and international humanitarian law. Counter-terrorism measures must conform to fundamental requirements of legality, legitimate aim, necessity, proportionality, and non-discrimination. Disregard for these principles can have exceptionally harmful effects on the protection of fundamental rights, particularly for minorities, historically marginalized communities, and civil society. States must ensure that measures to combat terrorism do not hinder the work and safety of individuals, groups and organs of society engaged in promoting and defending human rights (A/HRC/RES/22/6, para. 10(a)).

In regards to terrorist listings and designations, we recall that the designation of «terrorist» individuals or organizations must meet the requirements of due process and judicial protection under international human rights law, as set out by the Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism (A/HRC/16/51, para. 35 and A/80/284, paras. 17–39). Specifically:

(a) there must be reasonable grounds to believe that the person or entity has knowingly engaged in terrorism, as properly defined according to international standards, including the requirement of legality;

(b) the listed person or entity must be promptly informed of the listing and its factual grounds, the consequences of such listing and the applicable procedural rights;

(c) there must be a right to apply for de-listing and to have it reviewed within a reasonable time, and a right to judicial review of any resulting decision, in both cases affording due process, including sufficient disclosure of evidence and access to a lawyer;

(d) the listed individual or entity must be afforded the right to make a fresh application for de-listing or lifting of sanctions in the event of a material change of circumstances or the emergence of new evidence relevant to the listing;

(e) listings must lapse automatically after 12 months unless renewed afresh; and

(f) reparation, including compensation, must be available for any wrongful listing.

5 Security Council resolutions 1373 (2001), 1456 (2003), 1566 (2004), 1624 (2005), 2178 (2014), 2242 (2015), 2341 (2017), 2354 (2017), 2368 (2017), 2370 (2017), 2395 (2017) and 2396 (2017); Human Rights Council resolution 35/34; and General Assembly resolutions 49/60, 51/210, 72/123 and 72/180, among others.

6 See https://treaties.un.org/Pages/DB.aspx?path=DB/studies/page2_en.xml.

7 A/RES/49/49, annex, para. 3.

8 A/70/371, para. 46(b).

9 <https://docs.un.org/A/HRC/43/46>

ДВОРЕЦ НАЦИЙ, 1211 ЖЕНЕВА 10, ШВЕЙЦАРИЯ

Мандаты Специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов; Рабочей группы по произвольным задержаниям; Специального докладчика по вопросу о положении правозащитников; Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации и Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом

Исх.: AL RUS 13/2025***
(Пожалуйста, используйте эту ссылку в вашем ответе)

29 декабря 2025 года

Ваше Превосходительство,

Имеем честь обратиться к Вам в нашем качестве Специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов; Рабочей группы по произвольным задержаниям; Специального докладчика по вопросу о положении правозащитников; Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации и Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом, в соответствии с резолюциями Совета по правам человека 53/12, 60/8, 52/4, 57/20 и 58/14.

Мы хотели бы обратить внимание Правительства Вашего Превосходительства на проект так называемого закона об «адвокатской монополии», вносящий поправки в Федеральный закон № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», которые могут помешать адвокатам независимо осуществлять свою профессиональную деятельность и подорвать их профессиональные права.

Оценка Федерального закона 2002 года «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и его применения была проведена и направлена Правительству Вашего Превосходительства мандатом Специального докладчика ООН по вопросу о независимости судей и адвокатов в отчете о визите в страну за 2008 год (A/HRC/11/41/Add.2)¹ и в последующем отчете за 2013 год (A/HRC/26/32/Add.1)². Мандатарии Специальных процедур также направили анализ этого закона в марте 2024 года (OL RUS 1/2024).

В связи с этим вопросом мы дополнительно доводим до сведения Правительства Вашего Превосходительства информацию, касающуюся судебного преследования адвокатов Вадима Кобзева*, Алексея Липцера* и Игоря Сергунина* в связи с законным осуществлением ими профессиональной деятельности при защите оппозиционного политика Алексея Навального*.

Ранее в этом году Специальный докладчик по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации уже осудила вынесение приговора трем адвокатам по обвинению в «экстремизме» и призвала к их освобождению, говоря о растущем преследовании адвокатов, защищающих лиц по политически чувствительным делам или делам, связанным с национальной безопасностью, как о тревожной тенденции целенаправленных репрессий и государственного контроля на всей территории России³.

В этом письме мы хотим подчеркнуть связь между этими событиями, которые в совокупности указывают на вмешательство в юридическую профессию посредством более широкой реструктуризации основ адвокатской деятельности, снижение независимости адвокатуры как самоуправляемого института в Российской Федерации и необоснованное преследование адвокатов за выполнение ими своих функций.

Согласно полученной информации:

Проект закона об «адвокатской монополии»

Юридическая профессия в Российской Федерации регулируется Федеральным законом № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», принятым 31 мая 2002 года. Этот закон учреждает рос-

1 A/HRC/11/41/Add.2: <https://docs.un.org/ru/A/HRC/11/41/Add.2>

2 A/HRC/26/32/Add.1: <https://docs.un.org/ru/A/HRC/26/32/Add.1>

3 <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2025/01/russia-special-rapporteur-appalled-prison-sentences-punish-navalny-lawyers>; <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/hrbodies/hrcouncil/sessions-regular/session60/advance-version/a-hrc-60-59-aev.pdf> параграфы 72–77

сийскую адвокатуру как самоуправляемый и независимый профессиональный институт, действующий как на федеральном, так и на региональном уровнях. Ее основная цель заключается в обеспечении доступа к квалифицированной юридической помощи и права на профессиональную защиту, включая бесплатную юридическую помощь в случаях, предусмотренных Конституцией и Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК РФ).

В июле 2025 года был представлен законопроект, предлагающий поправки к Федеральному закону № 63-ФЗ, неофициально называемый «адвокатской монополией». Разработанный Министерством юстиции Российской Федерации и поддержанный Федеральной палатой адвокатов (ФПА), законопроект представлен как реформа, направленная на повышение качества юридического представительства и стандартизацию профессиональной практики в судах.

Законопроект установит исключительное право юристов, обладающих статусом адвоката, представлять интересы клиентов в гражданском, административном и арбитражном судопроизводстве. Таким образом, юридическое представительство в судах будет зависеть от наличия такого статуса, что потребует от всех судебных юристов, в настоящее время практикующих вне адвокатуры, получить членство в региональной адвокатской палате.

Законопроект вводит новые процедуры допуска к профессии, приостановления и прекращения статуса адвоката, а также регулирования деятельности, обучения и дисциплинарной ответственности адвокатов. Он также расширяет полномочия Федеральной палаты адвокатов и региональных палат в отношении профессионального поведения и управления. В рамках предложенной системы президенты региональных палат будут выполнять дополнительные функции в советах и квалификационных комиссиях, в то время как Министерству юстиции будет отведена надзорная роль, включая возможность пересмотра и обжалования определенных решений органов адвокатуры.

Предлагаемые поправки распространяются на иностранных адвокатов и юридические фирмы, вводя новые критерии для их практики на территории Российской Федерации. Кроме того, они устанавливают процедуры отложенных решений о допуске и возможного приостановления статуса адвоката в случаях несоблюдения установленных требований или процедур.

Дело Вадима Кобзева*, Алексея Липцера* и Игоря Сергунина*

13 октября 2023 года российская полиция и Следственный комитет провели обыски в домах и офисах Вадима Кобзева*, Алексея Липцера* и Игоря Сергунина*. В тот же день трое адвокатов были арестованы и заключены под стражу Басманным районным судом Москвы по обвинению в участии в экстремистской организации согласно статье 282.1(2) Уголовного кодекса Российской Федерации.

Обвинения связаны с тем, что адвокаты содействовали общению между Алексеем Навальным*, который до своей смерти содержался в учреждении «особого режима», и лицами на свободе, включая передачу информации между членами Фонда борьбы с коррупцией** (ФБК), который был признан экстремистской организацией.

7 декабря 2023 года Басманный районный суд продлил срок их содержания под стражей до 13 марта 2024 года. Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) впоследствии внесла Кобзева*, Липцера* и Сергунина* в свой перечень террористов и экстремистов, что повлияло на их возможность доступа к банковским услугам и указало на продолжающиеся судебные разбирательства в рамках положений российского уголовного права, касающихся экстремизма и терроризма.

17 января 2025 года Петушинский районный суд (Владимирская область) вынес обвинительный приговор трем адвокатам в ходе закрытого судебного разбирательства. Вадим Кобзев* получил наказание в виде 5 лет и 6 месяцев, Алексей Липцер* – 5 лет, а Игорь Сергунин* – 3 лет и 6 месяцев лишения свободы в исправительных колониях общего режима, наряду с трехлетним профессиональным запретом на занятие юридической практикой. Судебное преследование имело место в то время, когда они действовали в качестве представителей правовой защиты Навального*.

Контекст

Контекст, в котором произошли эти события, отражает более широкие меры, затрагивающие независимость адвокатов, а также их способность практиковать без неправомерного вмешательства в Российской Федерации.

Дискриминация при вступлении в адвокатуру

Утверждается, что ФПА и региональные палаты вводят дискриминационные и незаконные ограничения на доступ к адвокатской профессии. Хотя законодательство определяет квалификацию и профессиональную стабильность в качестве критериев для вступления в адвокатуру, сообщается, что

многие палаты применяют дополнительные, внеправовые условия, такие как имущественные и временные требования, критерии проживания и ограничения на экстерриториальную практику.

Вступительные взносы и обязательные отчисления для новых или небольших адвокатских образований часто непропорционально высоки, создавая финансовые барьеры, которые равносильны косвенной дискриминации на основе экономического статуса. В некоторых регионах небольшие фирмы и индивидуальные адвокаты отстраняются от участия в конференциях палат или от участия в делах по назначению суда, что еще больше ограничивает профессиональное равенство.

Кроме того, межрегиональная мобильность ограничивается инструкциями ФПА, запрещающими адвокатам заниматься постоянной практикой за пределами региона их регистрации, несмотря на национальное законодательство, предоставляющее право на практику на всей территории Российской Федерации. Кандидаты также обязаны сдавать квалификационные экзамены в регионах, где они проживали не менее одного года, что создает дополнительный административный барьер.

Злоупотребления дисциплинарными мерами и репрессивное нормотворчество

Поправки к Федеральному закону от апреля 2024 года расширили полномочия Министерства юстиции по надзору за региональными адвокатскими палатами и Федеральной палатой адвокатов, включая полномочия по контролю за соблюдением нормативных актов, влиянию на дисциплинарные производства и проверке квалификационных экзаменов. В то же время полномочия Федеральной палаты в отношении региональных палат были консолидированы, что позволило ей отстранять руководителей, внедрять централизованные правила поведения и отменять решения на местах. Таким образом, адвокаты больше не имеют автономного контроля над представительными органами и работают под иерархическим надзором.

Кроме того, процедурные изменения в Уголовно-процессуальном кодексе отменили требование о получении санкции суда до возбуждения уголовного дела в отношении адвокатов, оставив дела на утверждение исключительно руководителям региональных управлений Следственного комитета.

Дисциплинарные структуры внутри Федеральной палаты и региональных палат также были пересмотрены. Квалификационные комиссии ежегодно рассматривали тысячи жалоб и дисциплинарных дел, многие из которых заканчивались замечаниями, предупреждениями или прекращением статуса адвоката. В период с 2021 по 2024 год были зафиксированы тысячи дисциплинарных взысканий, включая предупреждения и лишения статуса адвоката. Основания для дисциплинарных взысканий включали невыполнение решений адвокатской палаты, нарушения профессиональной этики, неисполнение обязанностей перед клиентами или уголовные судимости. Обжалования дисциплинарных решений были в основном безуспешными, а процессуальные правила ограничивали беспристрастный пересмотр, включая ограничения на отвод и порядок действий в отношении отсутствующих адвокатов.

Дополнительно в Кодекс профессиональной этики адвоката (КПЭА) были внесены поправки, включающие широко сформулированные стандарты, охватывающие действия, воспринимаемые как подрывающие доверие к профессии или наносящие ущерб чести и достоинству адвокатов. Такие положения применялись к активности в социальных сетях, переписке и профессиональному поведению, расширяя сферу применения дисциплинарных мер.

Сообщается, что дисциплинарные процедуры использовались в сочетании с административными и уголовными мерами, при этом некоторые действия основывались на обращениях или выражениях критики в адрес палат или руководства адвокатуры. Информация свидетельствует о том, что официальные разъяснения и руководства ограничивали адвокатов в сообщении о предполагаемых неправомерных действиях внутри Палат или Федеральной палаты в государственные органы под угрозой дисциплинарного взыскания. Административные задержания, незначительные нарушения и внутренние жалобы, по сообщениям, иногда рассматривались как вопросы дисциплинарного характера, при этом региональные палаты инициировали разбирательства против адвокатов, участвующих в коллективных обращениях или оспаривании практики Палат.

Системное воспрепятствование правовой защите и процессуальное неравенство

Мониторинг юридической практики в России указывает на широко распространенные препятствия в доступе адвокатов к клиентам и материалам дел. В 2022 году в ходе этого мониторинга было задокументировано 434 случая, когда адвокатам отказывали в свиданиях с клиентами, преимущественно в отделениях полиции (81 процент), за которыми следовали следственные действия (7 процентов),

суды (6 процентов) и пенитенциарные учреждения (3,5 процента). Наибольшее количество случаев произошло в Москве, Санкт-Петербурге и Свердловской области. В большинстве отчетов личности адвокатов были задокументированы, тогда как некоторые остались неуточненными⁴.

Кроме того, информация также свидетельствует о том, что адвокаты часто не могут установить местонахождение клиентов после задержания из-за отсутствия своевременных уведомлений от властей, отсутствия доступных реестров задержанных или утаивания информации о местонахождении. Процедуры учреждений содержания под стражей, включая ограниченные часы посещения и нехватку кабинетов, как сообщается, создают значительные задержки во встречах адвокатов с клиентами. В некоторых случаях встречи контролируются, и данные наблюдения потенциально могут использоваться в качестве доказательств. Также сообщается, что на адвокатов оказывалось давление с целью предоставления информации о клиентах государственным органам финансовой разведки.

Доступ к документам и материалам дел, по сообщениям, также ограничен. Хотя УПК РФ предоставляет адвокатам права на сбор информации, запрос документов и ознакомление с материалами дела, следственные органы и суды могут ограничивать или задерживать доступ к материалам, в частности к материалам, составленным до начала расследования. Доказательства, собранные адвокатами защиты, часто отклоняются или игнорируются, тогда как доказательства обвинения систематически принимаются. Ходатайства защиты, включая запросы о вызове свидетелей или проведении независимых судебно-медицинских экспертиз, часто отклоняются как несвоевременные или ненадлежащим образом представленные, а суды могут ограничивать время на ознакомление с делом.

Более того, судебная практика, как сообщается, благоприятствует стороне обвинения. Свидетели защиты могут быть отклонены или не принуждены к явке, перекрестный допрос может быть ограничен, а процент оправдательных приговоров остается крайне низким. Независимые экспертизы, запрашиваемые защитой, часто отклоняются, а адвокатов защиты иногда допрашивают по вопросам, связанным с клиентами, несмотря на законодательные запреты, что вызывает обеспокоенность по поводу конфиденциальности. Сообщения также указывают на терпимость к процессуальным нарушениям, включая фальсификацию доказательств, допущение закрытых слушаний и манипулирование материалами дела. Хотя некоторые проблемы были признаны Федеральной палатой адвокатов, ответные меры в целом были ограниченными, оставляя адвокатов в зависимости от длительных процессуальных средств правовой защиты, которые на практике могут оказаться неэффективными или недоступными.

Подавление инакомыслия

Федеральная палата адвокатов (ФПА) и региональные адвокатские палаты также использовали административные и институциональные механизмы для ограничения независимых инициатив, ограничения доступа средств массовой информации и контроля профессионального дискурса внутри юридической профессии. Сообщалось, что журналистам, критикующим политику адвокатуры, было отказано в аккредитации для освещения профессиональных мероприятий, включая крупные форумы, такие как Всероссийский съезд адвокатов. Независимые юридические медиа-проекты столкнулись с официальным признанием их «иностранными агентами», что привело к прекращению их деятельности и сокращению освещения вопросов, связанных с юридической профессией.

Параллельно независимые общественные и профессиональные объединения адвокатов были распущены, поглощены или подчинены ФПА и региональным палатам. Организации, предлагающие альтернативные точки зрения или платформы для профессионального развития, были ликвидированы или поставлены под прямой институциональный контроль. Инициативы, направленные на защиту прав человека или поддержку преследуемых коллег, были в особенности дискредитированы обвинениями в нарушении норм профессионального поведения или создании «раскола» внутри профессии.

Кроме того, институциональное руководство адвокатуры использовало публичные коммуникации для характеристики несогласных адвокатов в уничижительных терминах, используя медийные каналы, чтобы поставить под сомнение легитимность адвокатов, критикующих политику ФПА. Такая практика способствует созданию профессиональной среды, в которой независимое выражение мнений, внутренние дебаты или организационная автономия ограничены, а инакомыслие публично делегитимизируется.

⁴ Центр конституционных исследований, Доклад о правах правозащитников в Российской Федерации (Москва, 2022 г.), доступен по адресу: <http://files.constlawcenter.ru/wp-content/uploads/2022/11/defenders-rights.pdf>

Законодательное наступление на правовую независимость

Отчеты указывают на то, что с 2022 года произошло не менее 145 случаев нападений или репрессий против адвокатов, включая случаи физического насилия, административного преследования, а также использования антитеррористического и антиэкстремистского законодательства. Эти меры, по сообщениям, привели к нескольким смертям, травмам и покушениям на убийство, а также к включению адвокатов в официальные списки «иностранных агентов» и «экстремистов и террористов», как это сделано в отношении таких адвокатов как Вадим Кобзев*, Алексей Липцер* и Игорь Сергунин*.

Адвокаты, участвующие в политически чувствительных делах или делах, связанных с правами человека, по сообщениям, сталкивались с обысками в своих домах и офисах, конфискацией профессионального оборудования и материалов дел, а также изъятием документов, защищенных адвокатской тайной. В нескольких случаях утверждалось, что доступ к конфиденциальным материалам защиты был очевидной целью следственных действий.

В этот период также наблюдалась тенденция административных и уголовных преследований в отношении адвокатов за выполнение ими своих профессиональных обязанностей, включая использование высказываний в интернете или передачу юридической информации в контексте представительства. Такие разбирательства часто проводились в соответствии с широко трактуемыми положениями Уголовного кодекса, в том числе связанными с экстремизмом или распространением «ложной информации». Приговоры по этим делам включали тюремное заключение и профессиональные запреты, часто выносимые в ходе закрытых разбирательств.

Профессиональные органы самоуправления адвокатуры, по сообщениям, продемонстрировали ограниченную или запоздалую реакцию на эти события. Хотя ФПА и региональные палаты формально наделены полномочиями по защите независимости и прав адвокатов, их публичная реакция на судебные преследования и дисциплинарные меры в отношении своих членов часто ограничивалась процессуальными комментариями, а не защитой по существу. Это вызвало обеспокоенность среди правовых наблюдателей по поводу институционального подчинения профессиональных объединений исполнительной власти.

Политизация ФПА

С 2014 года мониторинг показывает, что ФПА (Федеральная палата адвокатов) и несколько региональных адвокатских палат согласовывают свою деятельность с геополитическими целями исполнительной власти, в частности в связи с военными действиями в Украине. Институциональные меры включают интеграцию адвокатов с присоединенных территорий – включая Донецк, Луганск, Херсон и Запорожье – в организационные структуры российской адвокатуры. Эта интеграция сопровождалась институциональным одобрением военных действий государства, а также организацией поездок, тренингов и конференций на этих территориях.

Адвокатура публично представила эти действия как профессиональные инициативы, нормализуя работу российских правовых институтов в присоединенных регионах. По имеющимся данным, ФПА и региональные палаты участвовали в мероприятиях военной тематики или финансировали их, включая памятные мероприятия, связанные с национальными нарративами о победе. Сообщается, что членские взносы, собираемые с адвокатов, используются для финансирования такой деятельности при ограниченной прозрачности или участии самих адвокатов в решении вопросов использования этих средств.

Сообщается, что согласованность действий адвокатуры с этими целями повлияла на дисциплинарную и профессиональную практику. Адвокаты, которые не согласны с институциональными позициями или выражают несогласие с военной операцией в Украине, столкнулись с профессиональными санкциями, публичной диффамацией или уголовными расследованиями. Кроме того, инициативы, ориентированные на молодежь, спонсируемые или поддерживаемые ФПА, такие как Союз молодых адвокатов России, по сообщениям, направлены на культивирование профессиональной приверженности институциональной и согласованной с государством политической повестке дня. Институциональная политика и практика ставят согласованность с государственными приоритетами выше профессиональной независимости, нейтралитета или традиционных функций правовой защиты.

Не предвещая вопроса о достоверности этих утверждений, мы хотели бы выразить нашу серьезную обеспокоенность тем, что последние законодательные, административные и дисциплинарные изменения, затрагивающие юридическую профессию в Российской Федерации, могут существенно

подорвать независимость адвокатов, а также право на справедливое судебное разбирательство и гарантии надлежащей правовой процедуры для всех людей в Российской Федерации.

Мы напоминаем, что свободное осуществление адвокатской деятельности способствует обеспечению доступа к правосудию, контролю за государственной властью, защите надлежащей правовой процедуры и судебным гарантиям. Согласно международным стандартам, государства должны гарантировать, что лица, занимающиеся юридической практикой, могут делать это без запугивания, препятствий, притеснений или вмешательства. Стандарты также предусматривают, что адвокаты не должны отождествляться со своими клиентами или делами своих клиентов в результате выполнения ими своих функций. Основные принципы ООН, касающиеся роли юристов, а именно принцип 16, гарантируют, что юристы должны иметь возможность выполнять свои профессиональные функции без запугивания, препятствий или неуместного вмешательства, и принцип 23 гласит, что юристы имеют право принимать участие в публичных дискуссиях по вопросам, касающимся права и отправления правосудия.

Мы особенно обеспокоены тем, что предложенный законопроект о реорганизации адвокатуры, в случае его принятия, может централизовать контроль над юридической профессией и ослабить ее самоуправляемые структуры. Это создает риски ограничения институциональных гарантий независимости адвокатов, снижения их возможности свободно объединяться и повышения уязвимости адвокатов к внешнему влиянию или политическому давлению.

Мы хотели бы напомнить, что без защиты, обеспечиваемой независимой ассоциацией адвокатов, адвокаты крайне уязвимы для нападков и ограничений их независимости, особенно со стороны государственных органов. Профессиональные ассоциации адвокатов также призваны обеспечивать эффективный и равный доступ к юридическим услугам для всех в соответствии с признанными профессиональными стандартами и этическими принципами.

Мы также глубоко обеспокоены сообщениями о том, что адвокаты, представляющие интересы клиентов по политически чувствительным делам, подвергаются судебному преследованию, запугиванию и/или дисциплинарным взысканиям в связи с их профессиональной деятельностью. Задержание и судебное преследование нескольких адвокатов защиты, связанных с громкими политическими делами, по-видимому, являются частью более широкой системы репрессий. Подобные действия подрывают способность адвокатов независимо выполнять свои обязанности и могут представлять собой произвольное лишение свободы согласно статье 9 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП), ратифицированного Российской Федерацией 16 октября 1973 года.

Эти отдельные случаи необходимо рассматривать в более широком институциональном контексте, в котором автономия юридической профессии постепенно разрушается. Дисциплинарные и нормативные механизмы, по-видимому, все чаще используются таким образом, чтобы препятствовать инакомыслию, ограничивать профессиональную независимость и подавлять критические дискуссии. Поправки к внутренним правилам и этическим кодексам, как сообщается, расширяют основания для дисциплинарной ответственности, в том числе за выражение профессионального мнения или участие в публичных дискуссиях, превращая надзор из этической гарантии в инструмент административного или политического контроля. Консолидация нормотворческих полномочий в структурах руководства адвокатуры, согласованных с политикой исполнительной власти, еще больше стирает грань между профессиональным самоуправлением и государственным влиянием.

Мы обеспокоены системными препятствиями, влияющими на способность адвокатов выполнять свои профессиональные обязанности. Ограничения доступа к клиентам и материалам дела, вмешательство в конфиденциальное общение и процессуальные барьеры, препятствующие подготовке эффективной защиты, подрывают принцип процессуального равноправия сторон и право на справедливое судебное разбирательство, защищаемые статьей 14 МПГПП и подтвержденные в Основных принципах ООН, касающихся роли юристов (принципы 16, 20, 22).

Кроме того, ограничения и условия, налагаемые на доступ к юридической профессии, включая несоразмерные финансовые или административные барьеры, могут ограничивать равное участие и представлять собой дискриминацию, противоречащую международным стандартам в области прав человека. Возможность заниматься юридической практикой должна зависеть исключительно от объективных критериев, таких как компетентность, добросовестность и профессиональная квалификация.

Мы в равной степени обеспокоены тем, что механизмы профессионального управления используются для подавления инакомыслия, свободы выражения мнений и плюрализма в юридическом сообществе.

ществе. Цензура, отказ в доступе к средствам массовой информации и маргинализация независимых ассоциаций указывают на то, что юристы, критикующие институциональную практику или участвующие в независимых инициативах, могут столкнуться с дисциплинарным или репутационным давлением. Такие меры несовместимы со статьями 19, 21 и 22 МПГПП, которые защищают права на свободу выражения мнений, мирных собраний и ассоциаций, а также с принципами 16 и 24 Основных принципов ООН, касающихся роли юристов.

Растущая политизация ассоциаций адвокатов и их согласованность с правительственными интересами могут поставить под угрозу независимость и добросовестность юридической профессии. Когда институты, ответственные за охрану прав адвокатов, подвергаются внешнему влиянию, они не могут эффективно защищать своих членов от вмешательства или репрессий. Это создает риск подрыва общественного доверия к системе правосудия и подрыва принципа, согласно которому адвокаты должны иметь возможность свободно и беспристрастно защищать своих клиентов, как того требует международное право в области прав человека.

Вышеупомянутые опасения и утверждения вызывают особую тревогу, поскольку адвокаты являются одними из немногих оставшихся субъектов в сужающемся гражданском пространстве Российской Федерации, которые защищают права человека и жертв нарушений прав человека.

Наконец, мы встревожены сообщениями о практике включения адвокатов, в том числе г-на Кобзева*, г-на Липцера* и г-на Сергунина*, в списки «террористов» и «экстремистов», что является явной мстостью за их законную профессиональную деятельность. Мы напоминаем Правительству Вашего Превосходительства, что государства должны обеспечивать, чтобы меры по борьбе с терроризмом и сохранению национальной безопасности соответствовали их обязательствам по международному праву и не препятствовали работе и безопасности отдельных лиц, групп и органов общества, занимающихся поощрением и защитой прав человека (резолюция Совета по правам человека 22/6). Мы также обеспокоены тем, что основания и процедуры составления таких списков не соответствуют международному праву (см. документы A/HRC/16/51, пункт 35 и A/80/284, пункты 17–39).

Мы вновь заявляем об опасениях, высказанных ранее (RUS 30.2023), относительно практики признания инакомыслия «экстремистским» и о сдерживающем воздействии, которое такие определения оказывают на гражданское пространство. Мы напоминаем, что «термин «экстремизм» не имеет значения в обязательных международных правовых стандартах и, когда он действует как уголовно-правовая категория, несовместим с принципом правовой определенности; следовательно, он сам по себе несовместим с осуществлением некоторых основных прав человека» (A/HRC/43/46, пункт 14). В 2022 году в своих Заключительных замечаниях по восьмому периодическому докладу Российской Федерации о соблюдении Международного пакта о гражданских и политических правах (CCPR/C/RUS/8/CO) Комитет по правам человека выразил обеспокоенность по поводу «расплывчатого, открытого и регулярно изменяемого определения «экстремистской деятельности» в федеральном законе о противодействии экстремистской деятельности, которое не соответствует принципам законности, правовой определенности и соразмерности, требуемым для такого законодательства в соответствии со статьей 19 Пакта», а также «частого использования закона для преследования политических оппонентов, правозащитников, журналистов, религиозных общин, деятелей искусства и адвокатов в целях ограничения гражданского пространства, включая свободу выражения мнений, например, посредством внесудебного блокирования интернет-сайтов или цензуры книг, песен и других форм художественного самовыражения» (пункт 30).

В связи с вышеуказанными предполагаемыми фактами и опасениями, пожалуйста, обратитесь к Приложению «Ссылка на международное право в области прав человека», прилагаемому к данному письму, в котором цитируются международные документы и стандарты в области прав человека, относящиеся к этим утверждениям.

Поскольку в соответствии с мандатами, предоставленными нам Советом по правам человека, мы несем ответственность за стремление прояснить все случаи, доведенные до нашего сведения, мы были бы признательны за ваши комментарии по следующим вопросам:

1. Пожалуйста, предоставьте любую дополнительную информацию и/или комментарий(-и), которые вы можете иметь по вышеупомянутым утверждениям.
2. Пожалуйста, предоставьте подробную информацию о текущем правовом статусе, условиях содержания под стражей и фактических обстоятельствах, связанных с задержанием и судебным преследованием Вадима Кобзева*, Алексея Липцера* и Игоря Сергунина*. В частности, пожалуйста,

разъясните, как эти меры согласуются с их правами на свободу, надлежащую правовую процедуру и справедливое судебное разбирательство в соответствии со статьями 9 и 14 МПГПП, и предоставьте информацию о любых мерах, принятых для их освобождения.

3. Пожалуйста, предоставьте обновленную информацию о статусе законопроекта, касающегося реорганизации адвокатуры. Поясните, каким образом его положения обеспечивают самоуправляемый характер, институциональную независимость и способность адвокатов свободно выполнять свои профессиональные обязанности в соответствии с международными стандартами в области прав человека и Основными принципами ООН, касающимися роли юристов.

4. Пожалуйста, укажите меры, принятые для того, чтобы дисциплинарные разбирательства в отношении адвокатов проводились при полном соблюдении гарантий независимости, беспристрастности и надлежащей правовой процедуры, и чтобы они не использовались для ограничения законной профессиональной деятельности, публичных заявлений или выражения профессионального мнения.

5. Пожалуйста, предоставьте информацию о шагах, предпринятых для защиты доступа адвокатов к клиентам, материалам дела и конфиденциальному общению, а также для обеспечения того, чтобы никакие процессуальные или административные барьеры не препятствовали подготовке эффективной защиты в соответствии со статьей 14 МПГПП и Основными принципами ООН, касающимися роли юристов (принципы 16, 20 и 22).

6. Пожалуйста, предоставьте информацию о мерах, принятых для снятия ограничений или несоответствующих финансовых и административных барьеров, которые ограничивают равное вступление и участие в юридической профессии, и разъясните, как доступ к профессии обеспечивается исключительно на основе объективных критериев, таких как компетентность, добросовестность и профессиональная квалификация.

7. Пожалуйста, предоставьте информацию о мерах, принятых для защиты прав адвокатов на свободу выражения мнений, мирных собраний и ассоциаций в рамках юридической профессии, включая их возможность участвовать в публичных дебатах, создавать независимые ассоциации, защищать права человека и публично комментировать вопросы права и правосудия без риска дисциплинарных или репутационных санкций, в соответствии со статьями 19, 21 и 22 МПГПП и принципами 16 и 24 Основных принципов ООН, касающихся роли юристов.

8. Пожалуйста, укажите шаги, предпринимаемые для гарантии того, что адвокатские палаты и другие профессиональные органы остаются независимыми, свободными от политического влияния или административного контроля, чтобы они могли эффективно защищать независимость своих членов и поддерживать целостность системы правосудия.

9. Пожалуйста, подробно изложите фактические и правовые основания для включения адвокатов, в том числе г-на Кобзева*, г-на Липцера* и г-на Сергунина*, в списки «террористов» и «экстремистов», и объясните, как такие определения соответствуют международным правовым стандартам, включая требование правовой определенности в соответствии со статьей 15 МПГПП, право на справедливое судебное разбирательство в соответствии со статьей 14 МПГПП и право на эффективное средство правовой защиты в соответствии со статьей 2 МПГПП.

Данное сообщение и любой ответ, полученный от Правительства Вашего Превосходительства, будут переданы гласности через веб-сайт (<https://spcommreports.ohchr.org>) отчетности по сообщениям в течение 60 дней. Впоследствии они также будут доступны в обычном докладе, который будет представлен Совету по правам человека.

Кроме того, мы хотели бы проинформировать Правительство Вашего Превосходительства, что после передачи информации, содержащейся в настоящем сообщении, Правительству, Рабочая группа по произвольным задержаниям может также передать дело в рамках своей обычной процедуры для вынесения мнения о том, было ли лишение свободы произвольным или нет. Настоящее сообщение никоим образом не предвещает любого мнения, которое может вынести Рабочая группа. Правительство обязано ответить отдельно на письмо с утверждениями и на обычную процедуру.

В ожидании ответа мы настоятельно призываем принять все необходимые временные меры для прекращения предполагаемых нарушений и предотвращения их повторения, а в случае, если расследования подтвердят или укажут на правильность этих утверждений, обеспечить привлечение к ответственности любого лица (лиц), виновного в предполагаемых нарушениях.

Мы можем публично выразить нашу обеспокоенность в ближайшем будущем, поскольку, на наш взгляд, информация, на которой будет основан пресс-релиз, достаточно надежна, чтобы указывать

на проблему, требующую немедленного внимания. Мы также считаем, что широкая общественность должна быть предупреждена о потенциальных последствиях вышеупомянутых утверждений. В пресс-релизе будет указано, что мы связались с Правительством Вашего Превосходительства для прояснения рассматриваемых вопросов.

Примите, Ваше Превосходительство, уверения в нашем самом высоком уважении.

Маргарет Саттертуэйт – Специальный докладчик по вопросу о независимости судей и адвокатов

Мэтью Джиллетт – Заместитель Председателя по коммуникациям Рабочей группы по произвольным задержаниям

Мэри Лоулор – Специальный докладчик по ситуации с правозащитниками

Мариана Кацарова – Специальный докладчик по ситуации с правами человека в Российской Федерации

Бен Саул – Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом

Приложение

Ссылка на международное право в области прав человека

В связи с вышеупомянутыми утверждениями и озабоченностями мы хотели бы обратить внимание Правительства Вашего Превосходительства на Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП), ратифицированный Российской Федерацией 16 октября 1973 года, и на Основные принципы ООН, касающиеся роли юристов.

Статья 9 МПГПП гарантирует право на свободу и личную неприкосновенность и защищает от произвольного ареста или содержания под стражей. Любое лишение свободы должно быть законным, осуществляться в соответствии с установленными процедурами и подлежать безотлагательному судебному контролю для предотвращения произвольного содержания под стражей. Рабочая группа Организации Объединенных Наций по произвольным задержаниям неоднократно подтверждала, что доступ к адвокату является фундаментальной гарантией против произвольного лишения свободы и должен быть обеспечен на всех стадиях содержания под стражей и судебного разбирательства (А/НRC/45/16, пункты 50–55). Как отметил Комитет по правам человека, любое задержание в связи с мирным осуществлением прав является произвольным (замечание общего порядка № 35, пункт 17).

Статья 14 МПГПП предоставляет важнейшие процессуальные гарантии для всех лиц, обвиняемых в совершении уголовного преступления, включая право на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, а также право иметь доступ к выбранному им самим защитнику и конфиденциально сноситься с ним. Юридическая помощь должна быть эффективной с момента задержания и на протяжении всего досудебного разбирательства, судебного разбирательства, повторного судебного разбирательства и апелляционного производства. Комитет по правам человека в своем замечании общего порядка № 32 (2007 год) подчеркнул, что защитник должен иметь возможность консультировать и представлять интересы клиентов без необоснованного вмешательства, влияния или давления (ССPR/C/GC/32, пункт 34).

Статья 19 МПГПП гарантирует право на свободу убеждений и их свободное выражение, а статья 21 признает право на мирные собрания. Любые ограничения должны быть установлены законом, преследовать законную цель, а также быть необходимыми и соразмерными в демократическом обществе. Замечание общего порядка № 34 Комитета по правам человека подтверждает, что государства должны защищать лиц, осуществляющих эти права, от запугивания или репрессий, в том числе в контекстах, связанных с гражданским обществом и профессиональной деятельностью (ССPR/C/GC/34, пункты 4, 23, 42). Специальный докладчик по вопросу о правах на свободу мирных собраний и ассоциации подчеркнул, что безопасная и благоприятная среда имеет важнейшее значение для осуществления гражданских и политических прав, включая доступ к юридической помощи и участие в общественной жизни (А/НRC/47/24).

Мы также хотели бы обратить ваше внимание на Основные принципы ООН, касающиеся роли юристов, принятые Восьмым Конгрессом Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 1990 год). Принцип 16 гласит, что юристы должны иметь возможность выполнять все свои профессиональные обязанности без запугивания, пре-

пятствий, беспокойства или неуместного вмешательства. Принцип 18 уточняет, что юристы не должны отождествляться со своими клиентами или делами своих клиентов в результате выполнения ими своих профессиональных функций. Принцип 20 утверждает, что юристам не должны угрожать дисциплинарные или иные санкции за действия, предпринятые в соответствии с признанными профессиональными обязанностями, стандартами и этикой. Принцип 21 устанавливает, что компетентные органы должны обеспечить юристам доступ к соответствующей информации, досье и документам в сроки, достаточные для оказания эффективной юридической помощи. Принцип 22 гарантирует, что все связи и консультации между юристами и их клиентами в рамках их профессиональных отношений являются конфиденциальными. Принцип 24 утверждает право юристов принимать участие в общественных дискуссиях по вопросам, касающимся права, отправления правосудия и поощрения и защиты прав человека, не подвергаясь при этом профессиональным затруднениям. Принцип 26 требует, чтобы юристам предоставлялись адекватные гарантии и защита, если их безопасность находится под угрозой в результате выполнения ими своих профессиональных функций. Принцип 27 гарантирует гражданский и уголовный иммунитет за заявления, добросовестно сделанные в виде письменных или устных выступлений в суде, трибунале или другом юридическом или административном органе. Принцип 28 утверждает, что юристы имеют право создавать и вступать в самоуправляемые профессиональные ассоциации для представления своих интересов и защиты своей независимости. Принцип 29 устанавливает, что исполнительные органы таких ассоциаций должны избираться свободно и иметь возможность действовать без внешнего влияния. В совокупности эти принципы гарантируют, что юристы могут обеспечивать эффективную защиту, сохранять профессиональную автономию и отстаивать верховенство права.

Мы также обращаем внимание на Декларацию ООН о правозащитниках (A/RES/53/144), которая устанавливает право отдельных лиц и групп поощрять и защищать права человека. Статьи 1 и 2 подтверждают, что каждый человек имеет право участвовать в правозащитной деятельности и что государства несут главную обязанность по защите этих прав. Пункты (b) и (c) статьи 5 защищают право создавать и вступать в ассоциации, включая неправительственные и правозащитные организации, а также связываться с национальными или международными органами по правам человека. Статья 11 гарантирует законное осуществление своей профессии как индивидуально, так и совместно с другими.

Наконец, мы напоминаем Правительству Вашего Превосходительства, что любые меры, принимаемые для борьбы с терроризмом или насильственным экстремизмом, должны соответствовать обязательствам государств по международному праву, в частности международному праву в области прав человека, праву беженцев и международному гуманитарному праву⁵. Хотя ни один универсальный договор не дает общего определения термину «терроризм», государства должны гарантировать, что антитеррористическое законодательство ограничивается криминализацией деяний, которые надлежащим образом и точно определены на основе международных контртеррористических документов⁶, Декларации Генеральной Ассамблеи о мерах по ликвидации международного терроризма (1994 год) и резолюции 1566 (2004) Совета Безопасности⁷. На основе этих авторитетных источников типовое определение терроризма, предложенное Специальным докладчиком по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом, предоставляет четкое руководство в качестве «передовой практики» путем выявления деяний, которые по своей природе являются подлинно террористическими, и точного определения их элементов (A/HRC/16/51, пункт 28).

Принцип правовой определенности в соответствии с пунктом 1 статьи 15 МПГПП требует, чтобы уголовные законы были достаточно точными, с тем чтобы было ясно, какие виды поведения и деяний представляют собой уголовное преступление и каковы правовые последствия совершения такого преступления. Данный принцип направлен на предотвращение принятия нечетко определенных и/или чрезмерно широких законов, которые открывают возможности для их произвольного применения и злоупотреблений в целях преследования гражданского общества по политическим или иным необоснованным мотивам⁸. По словам Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав

5 Резолюции Совета Безопасности 1373 (2001), 1456 (2003), 1566 (2004), 1624 (2005), 2178 (2014), 2242 (2015), 2341 (2017), 2354 (2017), 2368 (2017), 2370 (2017), 2395 (2017) и 2396 (2017); резолюция 35/34 Совета по правам человека; и резолюции Генеральной Ассамблеи 49/60, 51/210, 72/123 и 72/180, среди прочих.

6 См. https://treaties.un.org/Pages/DB.aspx?path=DB/studies/page2_en.xml.

7 A/RES/49/49, приложение, пункт 3

8 A/70/371, пункт 46(b). <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/284/90/pdf/n1528490.pdf>

человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом, «термин «экстремизм» не имеет опоры в обязательных международных правовых стандартах и, когда применяется в качестве уголовно-правовой категории, он непримирим с принципом правовой определенности; следовательно, он сам по себе несовместим с осуществлением определенных основных прав человека» (A/HRC/43/46, пункт 14⁹).

Многие резолюции Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности и Совета по правам человека Организации Объединенных Наций подтверждают, что любые меры, принимаемые для борьбы с терроризмом и насильственным экстремизмом, должны соответствовать обязательствам государств по международному праву, в частности международному праву в области прав человека, праву беженцев и международному гуманитарному праву. Контртеррористические меры должны соответствовать основополагающим требованиям законности, правомерности цели, необходимости, соразмерности и недискриминации. Пренебрежение этими принципами может иметь исключительно пагубные последствия для защиты основных прав, в частности в отношении меньшинств, исторически маргинализированных общин и гражданского общества. Государства должны гарантировать, что меры по борьбе с терроризмом не препятствуют работе и безопасности отдельных лиц, групп и органов общества, занимающихся поощрением и защитой прав человека (A/HRC/RES/22/6, пункт 10(a)).

Что касается внесения в террористические списки и признания террористами, мы напоминаем, что признание лиц или организаций «террористическими» должно отвечать требованиям надлежащей правовой процедуры и судебной защиты в соответствии с международным правом в области прав человека, как это изложено Специальным докладчиком по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом (A/HRC/16/51, пункт 35 и A/80/284, пункты 17–39). А именно:

(a) должны иметься разумные основания полагать, что лицо или организация сознательно участвовали в террористической деятельности, как она надлежащим образом определена в соответствии с международными стандартами, включая требование законности;

(b) лицо или организация, включенные в список, должны быть незамедлительно проинформированы о включении в список и о фактических основаниях для этого, о последствиях такого включения и о применимых процессуальных правах;

(c) должно существовать право подать заявление об исключении из списка и право на его рассмотрение в разумные сроки, а также право на судебный пересмотр любого вытекающего из этого решения, при этом в обоих случаях должна быть обеспечена надлежащая правовая процедура, включая достаточное раскрытие доказательств и доступ к адвокату;

(d) включенному в список лицу или организации должно быть предоставлено право подать новое заявление об исключении из списка или снятии санкций в случае существенного изменения обстоятельств или появления новых доказательств, имеющих отношение к внесению в список;

(e) нахождение в списках должно автоматически прекращаться по истечении 12 месяцев, если оно не будет продлено заново; и

(f) за любое неправомерное включение в список должно быть доступно возмещение ущерба, включая компенсацию.

Примечания: /не включены в оригинальный текст заявления/

* Включен (a) в Российской Федерации в перечень экстремистов и террористов Росфинмониторинга.

** Организация признана экстремистской в России и запрещена, объявлена иностранным агентом и ликвидирована.

*** С оригиналом Allegation Letter 13/2025 можно ознакомиться по ссылке: <https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadPublicCommunicationFile?gId=30470>

⁹ <https://docs.un.org/A/HRC/43/46>

Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 29.
Eurasian Advocacy. 2026;(1(78)):29.

Актуальный вопрос

Научная статья
УДК 347.965
doi 10.52068/2304-9839_2026_78_1_29

ПИСЬМО С УТВЕРЖДЕНИЯМИ О НАРУШЕНИЯХ № AL RUS 13/2025: СПЕЦИАЛЬНЫЕ ДОКЛАДЧИКИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ПОСТАВИЛИ ВОПРОСЫ О «ЗАХВАТЕ» АДВОКАТУРЫ В РОССИИ

РАГУЛИН Андрей Викторович

Доктор юридических наук, доцент, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы, руководитель Центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, профессор кафедры права Восточной экономико-юридической гуманитарной академии, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»
450006, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24, Российская Федерация

Аннотация: В статье представлен комплексный анализ Письма с утверждениями о нарушениях (Allegation Letter) № AL RUS 13/2025, направленного мандатариями ООН Правительству Российской Федерации. Автор исследует природу данного документа ООН и проводит сравнительный анализ его положений с выводами ранее опубликованных независимых докладов об институциональном кризисе российской адвокатуры. В работе обосновывается, что на международном уровне легитимизируются концепты государственного «захвата» адвокатуры, репрессивного корпоративного нормотворчества и дисциплинарного произвола. Особое внимание уделяется разрушительному характеру готовящегося законопроекта об «адвокатской монополии» и фактам системного уголовного преследования адвокатов. Рассматриваются ключевые вопросы, поставленные ООН перед властями РФ, и прогнозируются возможные векторы официальных ответов государства. Делается вывод, что рассмотренный документ ООН имеет важнейшее историческое значение для фиксации грубых нарушений международного права и борьбы за сохранение независимой адвокатуры в России.

Ключевые слова: адвокатура, Специальные процедуры ООН, «адвокатская монополия», «захват» адвокатуры, независимость юридической профессии, уголовное преследование адвокатов, международное право прав человека

Для цитирования: Рагулин А.В. Письмо с утверждениями о нарушениях № AL RUS 13/2025: Специальные докладчики Организации Объединенных Наций поставили вопросы о «захвате» адвокатуры в России // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 29. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_29

Topical Issue

Original article

ALLEGATION LETTER № AL RUS 13/2025: UNITED NATIONS SPECIAL RAPPORTEURS HAVE RAISED QUESTIONS ABOUT «SEIZURE» OF THE LEGAL PROFESSION IN RUSSIA

RAGULIN Andrey Viktorovich

Doctor of Law, Associate Professor, Advocate of the Moscow Chamber of Advocates, Head of the Centre for the Study of the Organization and Operation of the Advocacy of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, Professor of the Department of Law of the Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy, Editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal
450006, Ufa, Lenina Str., 102, office 24, Russian Federation

Abstract: The article presents a comprehensive analysis of the «Allegation Letter» № AL RUS 13/2025 sent by UN Special Rapporteurs to the Government of the Russian Federation. The author examines the nature of this UN document and conducts a comparative analysis of its provisions with independent scientific and practical reports on the institutional crisis within the Russian legal profession. The paper substantiates that the concepts of the state «seizure» of the legal profession (state capture), repressive corporate rule-making, and disciplinary arbitrariness are legitimized at the international level. Special attention is given to the destructive nature of the proposed «lawyer`s monopoly» bill and the systemic criminal prosecution of defense lawyers, including the high-profile cases. The key questions posed by

the UN to the Russian authorities are considered, and the potential vectors of official state responses are forecasted. It is concluded that the examined UN document has paramount historical significance for documenting gross violations of international law and for the ongoing struggle to preserve an independent legal profession in Russia.

Keywords: advocacy, legal profession, UN Special Procedures, Allegation Letter, state capture of the legal profession, «lawyer`s monopoly», independence of the legal profession, criminal prosecution of lawyers

For citation: Ragulin A.V. Allegation Letter № AL RUS 13/2025: United Nations Special Rapporteurs Have Raised Questions About «Seizure» of the Legal Profession in Russia = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):29. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_29

1. Природа, суть и значение «Allegation Letter» Спецдокладчиков ООН

В сложной и многогранной системе международного права прав человека механизмы Специальных процедур (Special Procedures) Совета по правам человека Организации Объединенных Наций занимают исключительное место.

Эти механизмы, представляющие собой институт специальных докладчиков – независимых экспертов и рабочих групп, наделены мандатами для непрерывного мониторинга, глубокого анализа, консультирования и публичного освещения ситуации с правами человека [1, 2]. Их компетенция охватывает как тематические аспекты (например, независимость судей и адвокатов, положение правозащитников), так и страновые мандаты, направленные на изучение ситуации в конкретных государствах. Одним из наиболее действенных процессуальных инструментов в арсенале мандатариев являются официальные коммуникации (Communications), направляемые непосредственно правительствам суверенных государств, а в ряде случаев – и негосударственным акторам, таким как транснациональные корпорации [3].

С доктринальной и практической точек зрения коммуникации Спецдокладчиков традиционно классифицируются на несколько основных категорий, каждая из которых имеет свою специфику применения и процессуальные последствия [4].

Во-первых, это срочные обращения (Urgent Appeals), которые применяются в ситуациях, не терпящих отлагательства [5]. Подобные обращения инициируются, когда существует непосредственная, неминуемая угроза жизни человека, высокий риск применения пыток, бесчеловечного обращения или нанесения непоправимого ущерба, требующие экстренного вмешательства государства для предотвращения трагедии [4]. Во-вторых, существуют законодательные или политические коммуникации (Policy/Legislative Communications), направляемые для выражения превентивной озабоченности по поводу того, что рассматриваемый законопроект, принятый закон

или реализуемая государственная политика могут негативно повлиять на осуществление фундаментальных прав человека [4].

Третьей формой взаимодействия является Письмо с утверждениями о нарушениях («Allegation Letter») [7]. Этот процессуальный документ используется для официальной передачи информации о нарушениях прав человека, которые, как обоснованно утверждается на базе полученных экспертами сведений, уже произошли, либо носят системный, структурный характер, не подпадающий под строгие критерии сиюминутной экстренности срочных обращений [4]. Суть «Allegation Letter» заключается в реализации функции беспристрастного наблюдателя в глобальном масштабе.

Письмо конфиденциально передается правительству с просьбой ответить в разумный срок (обычно 30–60 дней). Ответ (или его отсутствие) публикуется на сайте ООНCHR через 60 дней или в ежегодном отчете мандатариев в Совет по правам человека. Отсутствие ответа считается негативным сигналом и фиксируется как «non-cooperation».

Письма с утверждениями о нарушениях – один из главных механизмов, создающих международную огласку и базу для дальнейших действий (пресс-релизы, миссии, резолюции Совета по Правам Человека ООН).

Процессуальная цель направления «Allegation Letter» не сводится к вынесению юридически обязательного квазисудебного приговора, так как мандатарии Специальных процедур не являются судебной инстанцией [7]. Истинная цель документа заключается в инициации официального диалога: привлечь внимание правительства к предполагаемым фактам нарушений, запросить официальные разъяснения по существу выдвинутых обвинений, напомнить об императивных обязательствах государства в рамках международного права (в частности, Международного пакта о гражданских и политических правах – МПГПП) и призвать к принятию исчерпывающих мер по восстановлению нарушенных прав [3].

Значение такого документа огромно. Как свидетельствует устоявшаяся практика Организации

Объединенных Наций, такие письма, наряду с ответами правительств (или фактами отсутствия таковых), становятся фундаментальной основой для последующих консолидированных докладов в Совет по правам человека ООН и Генеральную Ассамблею ООН, формируя официальную, юридически выверенную позицию международного сообщества относительно состояния верховенства права в конкретной юрисдикции [1].

Документ AL RUS 13/2025 [9] (далее – Документ или AL RUS 13/2025), направленный 29 декабря 2025 года российскому правительству за подписями пяти авторитетных мандатариев ООН (Специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов Маргарет Саттертуэйт, Рабочей группы по произвольному задержанию в лице Мэтью Джиллетта, Специального докладчика по вопросу о правозащитниках Мэри Лоулор, Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации Марианы Кацаровой и Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека в условиях борьбы с терроризмом Бена Саула), представляет собой сложный комбинированный правовой акт. С одной стороны, он обладает всеми классическими признаками «Allegation Letter», поскольку скрупулезно описывает уже свершившиеся факты политически мотивированных репрессий в отношении конкретных адвокатов – Вадима Кобзева*, Алексея Липцера* и Игоря Сергунина*, а также фиксирует системные факты ущемления процессуальных прав защитников по всей территории страны [9].

С другой стороны, Документ несет в себе ярко выраженные элементы «Policy Communication», поскольку подвергает глубокой превентивной критике проект закона об «адвокатской монополии», принятие которого может быть связано с внесением масштабных поправок в Федеральный закон № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [9].

Документ охватывает три взаимосвязанных блока вопросов, которые авторы намеренно рассматривают в единой системной взаимосвязи:

Блок 1. законопроект об «адвокатской монополии»

- введение требования об обязательном статусе адвоката для судебного представительства;
- расширение полномочий ФПА и Министерства юстиции;
- новые механизмы дисциплинарного преследования и прекращения статуса адвоката;
- риски для независимости адвокатуры и правозащитных институтов;

Блок 2. уголовное преследование адвокатов Кобзева*, Липцера* и Сергунина*

- осуждение адвокатов за «участие в экстремистской организации»;
- включение адвокатов в списки террористов и экстремистов Росфинмониторинга;
- трехлетний запрет на профессиональную деятельность;

Блок 3. общий контекст:

- утрата независимости адвокатуры;
- дискриминация при доступе к профессии адвоката;
- дисциплинарные злоупотребления и репрессивное нормотворчество;
- системное воспрепятствование осуществлению права на защиту;
- подавление инакомыслия внутри адвокатского сообщества;
- политизация Федеральной палаты адвокатов и адвокатских палат регионов России.

2. Отражение положений докладов об адвокатуре в тексте «Allegation Letter»

Научно-практические доклады, опубликованные в 2025 году ««Захват» адвокатуры и преследование адвокатов в Российской Федерации: как вернуть независимость адвокатов и право граждан на защиту» [14] и «Один большой ужасный законопроект: «адвокатская монополия» как средство демонтажа независимой юридической профессии в России» [18], – представляют собой работы, в которых вскрыт глубокий институциональный кризис, поразивший российскую правовую систему в целом и институт адвокатуры в частности.

Текст документа ООН AL RUS 13/2025 не только концептуально перекликается с этими докладами. Он методологически и фактологически легитимизирует на высшем международном уровне те выводы, к которым пришла независимая российская правовая наука.

Сравнительный анализ позволяет выделить несколько ключевых концептов, обоснованных в докладах, которые нашли свое прямое отражение в официальной коммуникации Спецдокладчиков ООН.

2.1. Институциональный концепт «Захвата адвокатуры»

В докладе «Захват адвокатуры...» детально описывается процесс перехода контроля над органами адвокатского самоуправления (Федеральной палатой адвокатов и региональными палатами) к государственным акторам [14]. Подчеркивается, что этот разрушительный процесс характеризуется жесткой узурпацией власти, выстраиванием административной вертикали, подавлением

любого инакомыслия и полным подчинением рядовых адвокатов воле не избираемого демократическим путем руководства ФПА. Это руководство, в свою очередь, полностью согласовывает свои действия, политику и нормотворчество с Министерством юстиции и исполнительной властью, превращая институт гражданского общества в придаток государственного репрессивного аппарата. В тексте AL RUS 13/2025 Спецдокладчики ООН указывают на эту тревожную тенденцию. В документе используется формулировка о «растущей политизации ассоциаций адвокатов и их согласованности с правительственными интересами» [9]. Мандатарии ООН подчеркивают, что институциональное руководство адвокатуры осознанно пожертвовало профессиональной независимостью в угоду государственным приоритетам. Особое внимание в письме уделяется тому факту, что апрельские поправки 2024 года расширили полномочия Министерства юстиции по надзору за палатами, одновременно консолидировав власть самой ФПА для подавления автономии на местах и отмены решений региональных палат. Этот тезис Спецдокладчиков является подтверждением «захвата» и указанием на то, что международное сообщество теперь абсолютно ясно видит внутреннюю механику разрушения независимого самоуправления в российской адвокатуре и ее последствия.

2.2. Концепт «адвокатской монополии» как инструмента подчинения и цензуры

Во втором докладе был подвергнут критике законопроект об «адвокатской монополии». В докладе показано, что данная законодательная инициатива является не благонамеренной реформой, направленной на повышение качества юридической помощи, а изощренным инструментом демонтажа независимой профессии [18]. Введение монополии преследует цель создать систему тотального подчинения и цензуры, принудительно инкорпорируя всех частнопрактикующих юристов в уже «захваченный» государством институт. В докладе были проанализированы заложенные в проекте механизмы давления: создание системы «ведомственной апелляции» для Минюста, право министерства на «отложенное вето» при допуске в профессию и право Минюста требовать прекращения статуса адвоката по формальным основаниям.

Спецдокладчики ООН в AL RUS 13/2025 выражают аналогичную озабоченность, оперируя схожей аргументацией. Они прямо называют этот проект законом, который может помешать адвокатам независимо осуществлять свою проф-

фессиональную деятельность и подорвать их профессиональные права. В тексте письма ООН отмечается, что предлагаемая реорганизация адвокатуры «может централизовать контроль над юридической профессией и ослабить ее самоуправляемые структуры», критически повысив уязвимость адвокатов к внешнему влиянию или политическому давлению. Опасения относительно того, что монополия уничтожит независимость не только адвокатуры, но и иных частнопрактикующих юристов выраженные в докладах, нашли подтверждение в оценках ведущих международных экспертов.

2.3. Репрессивное корпоративное нормотворчество и дисциплинарный произвол

Опираясь на колоссальный массив эмпирических данных, в докладе приведены репрезентативные фактологические сведения: в отношении не менее 60 адвокатов были осуществлены противоправные преследования со стороны самой ФПА и региональных палат [14]. Также подробно описывается сложившаяся практика использования расплывчатых норм Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА) в качестве карательного инструмента для подавления конструктивной критики, свободы слова и устранения неугодных представителей профессии.

Документ посвящает этой проблематике отдельный, объемный раздел – «Злоупотребления дисциплинарными мерами и репрессивное нормотворчество». Спецдокладчики ООН констатируют, что широко и неопределенно сформулированные стандарты КПЭА, касающиеся «подрыва доверия к профессии», стали активно применяться к деятельности адвокатов в социальных сетях и их публичной критике руководства палат. По мнению мандатариев ООН, дисциплинарные и нормативные механизмы в российской адвокатуре превратились «из этической гарантии в инструмент административного или политического контроля», что подтверждает выводы, изложенные в докладах.

2.4. Системные препятствия осуществлению защиты и уголовное преследование

В докладе также были системно задокументированы факты физического и государственного насилия: более 100 адвокатов пострадали от посягательств на жизнь и здоровье, более 80 подверглись незаконному уголовному преследованию со стороны правоохранительных органов [14]. Особый акцент в докладе сделан на системном процессуальном неравенстве: массовых недопусках адвокатов к задержанным подзащитным в отделы полиции (план «Крепость») и следственные изо-

ляторы, нарушении адвокатской тайны, прослушивании конфиденциальных бесед.

Эти же факты лежат в основе тезисов, выдвинутых в AL RUS 13/2025. Спецдокладчики ООН прямо ссылаются на данные мониторинга, указывая на широко распространенные препятствия в доступе адвокатов к клиентам. В качестве подтверждения достижения апогея преследований адвокатов за профессиональную деятельность в письме ООН приводится резонансное дело Вадима Кобзева*, Алексея Липцера* и Игоря Сергунина*. Их арест и последующее осуждение на длительные сроки лишения свободы (от 3,5 до 5,5

лет) за рутинное выполнение профессиональных обязанностей (передачу информации от клиента) рассматривается и как показательный акт мести.

Эксперты сходятся в том, что подобные преследования грубейшим образом нарушают принцип неотождествления адвоката с клиентом и создают парализующий «охлаждающий эффект» («chilling effect») [25] для всего профессионального сообщества, заставляя адвокатов под угрозой потери свободы отказываться от ведения политически «чувствительных» дел [14].

Таблица 1

Основные тезисы докладов и их отражение в «Allegation Letter» AL RUS 13/2025

Направление анализа	Тезисы докладов	Отражение в «Allegation Letter» ООН AL RUS 13/2025
Состояние самоуправления	Констатация факта «захвата» адвокатуры; узурпация власти руководством ФПА, действующим в интересах государственного аппарата.	Указание на растущую политизацию ассоциаций адвокатов, согласованность с правительством, ослабление автономного контроля на местах.
Оценка законопроекта о монополии	Инструмент уничтожения независимости, установление тотального контроля Минюста над доступом к профессии и лишением статуса.	Предупреждение о рисках централизации контроля, ослабления самоуправляемых структур и уязвимости к политическому давлению.
Внутренние репрессии	Использование дисциплинарных процедур для подавления инакомыслия; преследование за критику руководства палат.	Констатация злоупотребления этическими кодексами; превращение этического надзора в инструмент административного контроля за выражением мнений.
Государственное преследование	Системные уголовные дела против адвокатов; незаконные обыски, нарушение конфиденциальности общения в СИЗО.	Фиксация системного воспрепятствования защите; осуждение арестов и приговоров по делу В. Кобзева*, А. Липцера*, И. Сергунина* как акта явной мести.

Синтезируя вышеизложенное, необходимо констатировать: документ AL RUS 13/2025 подтверждает, что деструктивные процессы, протекающие в российской адвокатуре, не являются внутренним корпоративным конфликтом, а представляют собой грубое, спланированное и системное нарушение международного права прав человека.

3. Сущность поставленных перед Правительством РФ вопросов и возможные векторы ответов

В заключительной части AL RUS 13/2025 мандатарии ООН сформулировали 9 конкретных, детально проработанных вопросов, адресованных Правительству Российской Федерации. С позиций юриспруденции эти вопросы следует классифицировать на три тематических блока, требующих от государства предоставления исчерпывающей фактической, правовой и политической аргументации.

Блок 1: Индивидуальные дела и практика уголовного преследования (вопросы 2 и 9).

В данных вопросах Спецдокладчики ООН прямо требуют разъяснить фактические и правовые основания задержания, последующего осуж-

дения и внесения в официальные списки «террористов и экстремистов» адвокатов В. Кобзева*, А. Липцера* и И. Сергунина*. ООН требует обосновать эти действия сквозь призму ряда норм Международного Пакта о гражданских и политических правах (Далее – МПГПП): 9 (право на свободу и личную неприкосновенность), ст. 2 (эффективное средство правовой защиты) и ст. 14 (право на справедливое судебное разбирательство), а также объяснить, как подобное расширительное толкование термина «экстремизм» соотносится с принципом правовой определенности (ст. 15).

Возможный вектор ответа Правительства РФ: с учетом доктрины государственного суверенитета и сложившейся за последние годы риторической практики [16], официальная позиция властей, вероятнее всего, будет сведена к отрицанию какой-либо связи уголовного преследования с профессиональной правозащитной деятельностью указанных лиц. Правительство, вероятно, заявит, что данные граждане были законно осуждены компетентным и независимым судом на основании норм действующего уголовного права за совершение конкретных преступных деяний – участие в экстремистском сообществе и содействие

его деятельности, а не за оказание юридической помощи. Будет применен классический аргумент *Dura lex, sed lex* (закон суров, но это закон). Будет указано, что включение в списки осуществляется на основании законодательства о противодействии экстремизму и терроризму и применяется только к лицам, причастным к такой деятельности, что установлено вступившими в силу судебными решениями. Государство, весьма вероятно, укажет на конституционный принцип независимости судебной власти, подчеркнув недопустимость вмешательства международных структур, включая механизмы ООН и во внутреннее «суверенное» судопроизводство.

Блок 2: Институциональные реформы и законопроект об «адвокатской монополии» (вопросы 3, 6 и 8).

Спецдокладчики ООН требуют предоставить гарантии того, что положения этого закона не уничтожат самоуправляемый характер и институциональную независимость адвокатуры, а также просят разъяснить меры по устранению несоразмерных финансовых и административных барьеров, ограничивающих равный доступ к профессии.

Возможный вектор ответа Правительства РФ: Государство, весьма вероятно, использует аргументацию, разработанную ФПА и Минюстом, которая ранее была подвергнута критике [14]. В официальном ответе, весьма вероятно, будет заявлено, что реформа направлена исключительно на защиту публичного интереса, повышение качества оказания квалифицированной юридической помощи (во исполнение статьи 48 Конституции РФ) и защиту граждан от недобросовестных частнопрактикующих юристов. Усиление роли Министерства юстиции и создание новых контрольных механизмов будут оправданы необходимостью эффективного государственного контроля за соблюдением конституционных гарантий и очищением рынка от мошенников. Будет заявлено, что данные меры ни в коей мере не противоречат принципам корпоративного самоуправления, а лишь упорядочивают его. Взаимодействие ФПА с Министерством юстиции будет представлено как партнерство в интересах правосудия.

Блок 3: Процессуальные гарантии, свобода выражения мнения и дисциплинарные процедуры (вопросы 4, 5 и 7).

В этой части ООН запрашивает подробную информацию о конкретных мерах, предпринятых для защиты доступа адвокатов к клиентам в СИЗО, обеспечения конфиденциальности общения, а также о гарантиях справедливого дисциплинарного производства.

Отдельно ставится вопрос о защите прав адвокатов на свободу выражения мнений, мирных собраний и создание независимых ассоциаций (статьи 19, 21, 22 МПГПП) без риска репрессий со стороны палат.

Возможный вектор ответа Правительства РФ: Ответ, весьма вероятно, будет представлять собой формально-юридический отчет, цитирующий положения Уголовно-процессуального кодекса РФ и профильного законодательства. Правительство, вероятно, укажет, что беспрепятственный доступ к подзащитным гарантирован законом, а любые гипотетические единичные эксцессы на местах оперативно пресекаются прокурорским надзором и независимыми судами. Касательно дисциплинарных производств государство сошлется на то, что адвокатура в РФ является независимым институтом гражданского общества, и прямое вмешательство государства в деятельность независимых квалификационных комиссий отсутствует, полностью игнорируя при этом *de facto* существующий контроль через лояльное руководство ФПА и новейшие законодательные поправки. Также может последовать ответ о том, что любые ограничения прав адвокатов связаны исключительно с нарушениями ими закона или профессиональной этики. В части свободы выражения может быть указано, что адвокаты, как и все граждане, обязаны соблюдать законодательство о противодействии экстремизму и дискредитации армии. Фундаментальный правовой принцип *Nemo iudex in causa sua* (Никто не может быть судьей в своем собственном деле) весьма вероятно будет проигнорирован в официальном ответе, поскольку чиновники, которым поручат его готовить, очевидно, выступают в роли главного апологета собственных репрессивных механизмов, прикрываясь универсальными ссылками на национальную безопасность и противодействие экстремизму. Между тем, исходя из обстоятельств отсутствия ответа, представляется, что игнорирование является в настоящее время самым вероятным вариантом «ответа» правительства. Причина его – в отсутствии соответствующих международным обязательствам Российской Федерации внятных ответов на поставленные вопросы. Однако отсутствие ответа уже само по себе фиксируется как проблема, которая так или иначе будет разрешаться.

4. Значение «Allegation Letter» для развития адвокатуры и защиты прав человека в России

AL RUS 13/2025 представляет собой важнейшую историческую и юридическую веху в контексте борьбы за сохранение института независимой адвокатуры в Российской Федерации. Его значение

выходит далеко за рамки рутинной переписки и должно оцениваться в нескольких стратегических измерениях.

Во-первых, это авторитетная международно-правовая фиксация институционального кризиса. Документ официально, на высшем уровне механизмов Организации Объединенных Наций, констатирует факт деградации российской адвокатуры как независимого правозащитного института. Он выводит данную проблему из узко-корпоративного, внутрироссийского дискурса на уровень фиксации грубого, системного нарушения международного права и подтверждает, что проблемы, поднятые адвокатами, – не их внутреннее дело, а вопрос соблюдения Россией международных обязательств. Спецдокладчики ООН в своем анализе прямо опираются на Основные принципы ООН, касающиеся роли юристов (Гаванские принципы 1990 г.). В частности, акцент делается на Принципе 16 (гарантия выполнения обязанностей без запугивания и вмешательства), Принципе 18 (императив неотождествления адвокатов с их доверителями и их делами) и Принципе 23 (право на свободу убеждений и ассоциаций). Документ фиксирует, что в Российской Федерации систематически и преднамеренно нарушаются эти глобальные императивы.

Документ значим еще и потому, что впервые объединяет в одном акте три взаимосвязанных явления: законодательную реформу (законопроект об «адвокатской монополии»), институциональную деградацию («захват» органов адвокатского самоуправления) и конкретные репрессии (преследование конкретных адвокатов). Тем самым признается системный, а не единичный характер нарушений. Это принципиально важно, поскольку ранее мандатарии ООН реагировали преимущественно на отдельные дела (в частности, OL RUS 1/2024 касалось антиадвокатских поправок 2024 года) [26], не выстраивая их в единую систему. Новое письмо прямо указывает на взаимосвязь между этими событиями, которые вместе указывают на вмешательство в юридическую профессию через более широкую реструктуризацию ее правовых рамок.

Документ фиксирует угрозу не только корпоративным интересам адвокатов, но и конституционному праву каждого гражданина России на квалифицированную юридическую помощь, гарантированную статьей 48 Конституции РФ.

Во-вторых, это легитимация внутренней независимой правозащитной доктрины. Как было продемонстрировано выше, Документ полностью подтверждает выводы независимых российских

исследователей. Международное сообщество де-факто признало историческую и юридическую правоту тех российских адвокатов, которые на протяжении долгих лет пытались противостоять «смышленому негодяйству» и антиадвокатской деятельности корпоративной номенклатуры адвокатских палат и ФПА. Документ служит моральной, этической и правовой поддержкой для тех представителей профессии, которые подвергаются преследованиям за свою принципиальную позицию. Он обеспечивает международную легитимацию ранее сформулированной аргументации, давая независимым российским адвокатам и юристам дополнительные основания для противодействия законопроекту об «адвокатской монополии» и преследованиям.

Документ может оказать сдерживающее воздействие на законодательный процесс, поскольку:

- принятие законопроекта в предложенном виде будет означать игнорирование официальных запросов пяти мандатариев ООН, что чревато вынесением критических резолюций Совета по правам человека;

- письмо создает международно-правовую основу для последующих жалоб в договорные органы (Комитет ООН по правам человека) от адвокатов и юристов, которым будет отказано в доступе к профессии или статус которых будет прекращен;

- укрепляет позиции независимых адвокатских объединений, ссылающихся на международные стандарты в противодействии законопроекту.

В-третьих, это концептуальная корреляция с новейшими европейскими стандартами. Текст Документа перекликается с принятой в мае 2025 года Конвенцией Совета Европы о защите профессии адвоката. И хотя Российская Федерация более не является государством-членом Совета Европы, данная Конвенция устанавливает передовой мировой стандарт: профессиональные ассоциации обязаны быть подлинно независимыми и самоуправляемыми (статья 4), а не вызванное необходимостью и несоразмерное вмешательство государства категорически недопустимо. Документ ООН наглядно демонстрирует, что осозанный отход от этих универсальных стандартов неминуемо ведет к разрушению самих фундаментальных основ правосудия.

В-четвертых, это формирование надежной доказательной базы для механизмов правосудия. Документ формирует неопровержимую доказательную базу для неизбежных будущих процессов. Фиксация фактов преследования адвокатов, использования репрессивных статусов

«иностранный агент», «нежелательной организации», «экстремиста», «террориста» для подавления легитимной профессиональной деятельности также крайне важна. Как отметила в одном из своих предшествующих заявлений Специальный докладчик по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации Мариана Кацарова, подобные репрессивные действия наглядно демонстрируют «глубокую уязвимость власти, которая боится общественного контроля и привлечения к ответственности» [16]. В случае активации механизмов универсальной юрисдикции [21] или учреждения трибуналов пост-транзитного правосудия, данный документ ООН будет служить доказательством совершения системных действий определенных лиц против правосудия. Наряду с этим анализируемый Документ создает правовую и политическую базу для защиты преследуемых адвокатов: адвокаты, а также правозащитные организации могут ссылаться на него в административных и в судебных делах, в обращениях в государственные и международные органы.

В-пятых, Документ усиливает «охлаждающий эффект» для репрессий: новое преследование или попытки принятия закона об «адвокатской монополии» теперь в центре внимания международного сообщества.

Даже будучи формально проигнорированным, Документ создает репутационные издержки. Россия как постоянный член Совета Безопасности ООН будет так или иначе вынуждена реагировать на такую критику. Российские адвокаты и их объединения могут использовать текст Документа в своих дальнейших заявлениях, жалобах и информационной работе, апеллируя к авторитету ООН.

В-шестых, Документ создает фактическую основу, на которую могут ссылаться последующие коммуникации специальных процедур и договорных органов ООН, а также он может быть использован при подготовке к Универсальному периодическому обзору (УПО) России в Совете ООН по правам человека.

5. Прогноз дальнейшего развития событий в условиях отсутствия конструктивного диалога со стороны государства

На основе имеющихся эмпирических данных, доктрины права и логики развития авторитарных систем представляется возможным рассмотреть ряд вариантов дальнейшего развития событий.

1. Форсированная институционализация тотального контроля (принятие законопроекта об «адвокатской монополии»).

В условиях отсутствия эффективных сдерживающих факторов и демонстративного игнориро-

вания норм международного права, законопроект об «адвокатской монополии» может быть принят законодателем. Это фатальное решение приведет к принудительной инкорпорации оставшихся независимых частнопрактикующих юристов в систему, жестко контролируруемую Министерством юстиции через послушный аппарат ФПА. Независимая частная юридическая практика *de jure* и *de facto* прекратит свое существование на территории России. Вследствие этого рынок юридических услуг существенно сократится, стоимость правовой помощи возрастет, а активность, качество и принципиальность защиты в политически мотивированных и иных «чувствительных» делах упадут до минимума.

2. Формирование «охлаждающего эффекта».

Приговор известным адвокатам уже послужил сигналом для всего многотысячного адвокатского корпуса. Панический страх перед уголовным преследованием по статьям об экстремизме, государственной измене или дискредитации армии приведет к массовому, лавинообразному отказу адвокатов от участия в «чувствительных» делах. Священное право на квалифицированную защиту, гарантированное статьей 14 МПГПП и статьей 48 Конституции РФ, рискует окончательно превратиться в пустую, циничную фикцию. Адвокаты ради собственного самосохранения будут вынуждены прибегать к самоцензуре, а их функция в судебном процессе сведется к безмолвному, формальному присутствию, необходимому лишь для придания видимости легитимности заранее написанным обвинительным приговорам [15].

3. Эскалация внутренних репрессий и расширение проскрипционных списков.

Процесс «зачистки» правового поля не остановится исключительно на громких политических делах. Расплывчатые формулировки законодательства и Кодекса профессиональной этики адвоката будут использоваться для подавления любой корпоративной оппозиции и преследования несогласных. Адвокаты, осмелившиеся критиковать авторитарное руководство палат, требующие элементарной финансовой прозрачности или демократических выборов, будут планомерно лишаться профессионального статуса через послушные квалификационные комиссии [14]. Государство продолжит практику включения независимых юристов, правозащитников и целых объединений в стигматизирующие реестры «иностранных агентов», «нежелательных организаций», «экстремистов» и «террористов», тем самым создавая вокруг них зону отчуждения и изо-

лируя население от последних альтернативных источников правовой помощи [16].

4. Консолидированная реакция международного сообщества.

В ответ на эскалацию репрессий со стороны РФ, институты и механизмы ООН будут вынуждены многократно усилить дипломатическое и информационное давление. Вполне вероятно, что Специальные докладчики ООН представят развернутые, исчерпывающие доклады на предстоящих сессиях Совета по правам человека, где адвокатский вопрос будет выделен отдельной, красной строкой [16].

Весьма вероятно инициация жестких резолюций, прямо осуждающих целенаправленное разрушение института независимой адвокатуры в России. Ведущие международные и внутригосударственные профессиональные объединения адвокатов окончательно прекратят любое институциональное сотрудничество с ФПА и адвокатскими палатами регионов России, официально признав их токсичным инструментом репрессивного аппарата. В этих условиях задача по развитию международной солидарности и поддержки независимых адвокатов ложится на независимые объединения российских адвокатов, вынужденно находящиеся в изгнании, такие как Международная ассоциация российских адвокатов (IARA), базирующаяся в Страсбурге и продолжающая борьбу за внедрение международных стандартов профессии [19, 24].

Заключение

Подводя итог настоящему исследованию, следует с тревогой констатировать, что российская адвокатура как фундамент правового государства переживает один из самых сложных периодов в своей новейшей истории. Документ Allegation Letter AL RUS 13/2025, выпущенный мандатариями ООН, является юридическим диагнозом терминальной стадии разрушения институциональной независимости этой профессии.

Доктринальные труды независимых исследователей и заявления независимых организаций адвокатов и юристов вскрыли внутреннюю, скрытую от обывателя механику этого разрушения: от ползучей, тихой узурпации власти внутри корпорации до откровенного симбиоза верхушки ФПА с карательным аппаратом государства под благовидной ширмой так называемой «профессионализации судебного представительства». Продвигаемый законопроект об «адвокатской монополии» по гражданским делам, напрочь лишенный какого-либо подлинно публичного интереса и заботы о гражданах, выступает лишь

фактором окончательного уничтожения свободной, состязательной юридической практики в России.

Отсутствие адекватного, основанного на нормах цивилизованного права ответа со стороны Правительства РФ на запрос ООН демонстрирует, что государственные служащие, проводящие соответствующую политику, сделали сознательный выбор в пользу изоляции и агрессивного правового нигилизма. В условиях, когда писанный закон цинично используется как инструмент репрессий против тех, кто по долгу профессии призван использовать его как щит, само правосудие мутирует и превращается в расправу.

Еще раз подчеркнем, что впервые в единой коммуникации пяти мандатариев ООН зафиксирована системная взаимосвязь между законодательной реформой («адвокатской монополией»), институциональным «захватом» органов адвокатского самоуправления и конкретными репрессиями против адвокатов. Содержательное соответствие Документа и ранее опубликованных заявлений [27] и докладов, а также научных статей о проблемах адвокатуры в России носит не случайный, а системный характер: эти источники опираются на единые международные стандарты, общую доказательную базу [6, 16, 20, 22] и единое понимание природы происходящих процессов.

Девять вопросов, поставленных в AL RUS 13/2025 перед Правительством Российской Федерации, охватывают весь спектр проблем: от конкретного дела трех осужденных адвокатов до системных проблем независимости адвокатуры. Отсутствие ответа на эти вопросы – которое представляется наиболее вероятным сценарием – не прекратит международно-правового давления, а лишь трансформирует его форму: от вопросов к мнениям Рабочей группы по произвольному задержанию, от комментариев – к рекомендациям Совета ООН по правам человека.

В конечном счете, AL RUS 13/2025 напоминает о том, что «независимость адвокатуры – это не корпоративная привилегия, а правовая гарантия для каждого гражданина», и что государство, избравшее путь подчинения адвокатуры, неизбежно подрывает конституционное право каждого человека на квалифицированную и независимую юридическую помощь.

Quis custodiet ipsos custodes? (Кто будет сторожить самих сторожей?). Когда институт адвокатуры, исторически призванный стоять на страже прав человека и защищать личность от произвола «Левиафана-государства», сам добровольно ста-

новится приложением системы государства, ответ на этот вечный вопрос повисает в зловещей пустоте.

Тем не менее, скрупулезная фиксация всех этих разрушительных процессов механизмами ООН и независимыми российскими исследователями гарантирует одно: ни один акт подавления, ни одно предательство интересов профессии не останется не задокументированным перед суровым лицом истории и международного права.

Истина, зафиксированная сегодня, станет основой для правосудия завтра.

Список источников

1. Communications special procedures [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ohchr.org/en/special-procedures/sr-environment/communications-special-procedures>.
2. Human rights council special procedures [Электронный ресурс]. URL: <https://co-guide.info/mechanism/human-rights-council-special-procedures>.
3. What are communications [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ohchr.org/en/special-procedures-human-rights-council/what-are-communications>.
4. What do the special procedures do communications [Электронный ресурс]. URL: <https://academy.ishr.ch/learn/special-procedures/what-do-the-special-procedures-do-communications>.
5. Submission information allegations and individual complaints [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ohchr.org/en/special-procedures/sr-housing/submission-information-allegations-and-individual-complaints>.
6. Обращение в защиту российских адвокатов, подвергающихся преследованию // Евразийская адвокатура. 2023. № 2 (61). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-v-zaschitu-rossiyskih-advokatov-podvergayuschih-sya-presledovaniyu>.
7. Special rapporteur on torture and other cruel inhuman or degrading treatment or punishment [Электронный ресурс]. URL: <https://cglj.org/human-rights-oversight/united-nations/human-rights-council/special-procedures/special-rapporteur-on-torture-and-other-cruel-inhuman-or-degrading-treatment-or-punishment/>.
8. A19 Guidelines on Communications to UNSPs P4 spreads [Электронный ресурс]. URL: <https://www.article19.org/wp-content/uploads/2022/05/A19-Guidelines-on-Communications-to-UNSPs-P4-spreads.pdf>.
9. DownloadPublicCommunicationFile [Электронный ресурс]. URL: <https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadPublicCommunicationFile?gId=30470>.
10. Russia sentences three Navalny* lawyers [Электронный ресурс]. URL: <https://lawsociety.ie/gazette/top-stories/2025/january/russia-sentences-three-navalny-lawyers/>.
11. Russia sentences Alexey Navalny* lawyers to years behind bars [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbsnews.com/news/russia-sentences-alexey-navalny-lawyers-to-years-behind-bars/>.
12. Submission of information to the special procedures [Электронный ресурс]. URL: <https://www.srpoverty.org/submission-of-information-to-the-special-procedures/>.
13. Communications submitting information special rapporteur [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ohchr.org/en/special-procedures/sr-migrants/communicationssubmitting-information-special-rapporteur>.
14. Захват адвокатуры и преследование адвокатов в Российской Федерации: как вернуть независимость адвокатов и право граждан на защиту [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zahvat-advokatury-i-presledovanie-advokatov-v-rossiyskoj-federatsii-kak-vernute-nezavisimost-advokatov-i-pravo-grazhdan-na-zaschitu>.
15. Story 1159221 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/en/story/2025/01/1159221>.
16. Russia's repression policy dismantle civil society exposes fear [Электронный ресурс]. <https://www.ohchr.org/ru/press-releases/2025/12/russias-repression-policy-dismantle-civil-society-exposes-fear>.
17. Record 4072734 [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4072734>.
18. The international association of Russian advocates has presented a critical report on the bill propo [Электронный ресурс]. URL: <https://www.avocatus.org/en/post/the-international-association-of-russian-advocates-has-presented-a-critical-report-on-the-bill-propo>.
19. Международная ассоциация российских адвокатов: информация о создании и начале деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnaya-assotsiatsiya-rossiyskih-advokatov-informatsiya-o-sozdanii-i-nachale-deyatelnosti>.
20. Обращение о проведении предупредительной акции всеобщего временного повсеместного прекращения участия адвокатов в процессуальных действиях во всех видах судопроизводства // Евразийская адвокатура. 2023. № 5 (64). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-o-provedenii-predupreditelnoy-aktsii-vseobshchego-vremennogo-povsemestnogo-prekrascheniya-uchastiya-advokatov-v>.
21. Story 1166199 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/en/story/2025/10/1166199>.
22. Russian federal bar association issues statement [Электронный ресурс]. URL: <https://www.defendersbelarus.org/tpost/7fd6j75051-russian-federal-bar-association-issues-s>.
23. Russia statement spokesperson politically motivated charges [Электронный ресурс]. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/russia-statement-spokesperson-politically-motivated-charges-alexey-navalny-%E2%80%99s-defence-lawyers_en.
24. Avocatus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.avocatus.org/>.
25. Заявление и петиция на основании отчета международной коалиции в поддержку международного дня адвоката, находящегося в опасности [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-i-petitsiya-na-osnovanii-otcheta-mezhdunarodnoy-koalitsii-v-podderzhku-mezhdunarodnogo-dnya-advokata-nahodyaschegosya>.
26. Заявление специального докладчика ООН по вопросу о положении в области прав человека в Рос-

сийской Федерации и специального... [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-spetsialnogo-dokladchika-oon-po-voprosu-o-polozhenii-v-oblasti-prav-cheloveka-v-rossiyskoy-federatsii-i-spetsialnogo>.

27. Обращение правления межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018» в органы Организации Объединенных Наций... [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-pravleniya-mezhregionalnoy-obschestvennoy-organizatsii-advokatov-i-yuristov-initsiativa-2018-v-organy-organizatsii>.

References

1. Communications special procedures [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.ohchr.org/en/special-procedures/sr-environment/communications-special-procedures>.

2. Human rights council special procedures [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://co-guide.info/mechanism/human-rights-council-special-procedures>.

3. What are communications [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.ohchr.org/en/special-procedures-human-rights-council/what-are-communications>.

4. What do the special procedures do communications [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://academy.ishr.ch/learn/special-procedures/what-do-the-special-procedures-do-communications>.

5. Submission information allegations and individual complaints [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.ohchr.org/en/special-procedures/sr-housing/submission-information-allegations-and-individual-complaints>.

6. Obrashhenie v zashhitu rossijskix advokatov, podvergayushhixsia presledovaniyu // Evrazijskaya advokatura. 2023. № 2 (61). [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-v-zashchitu-rossijskih-advokatov-podvergayuschih-sya-presledovaniyu>.

7. Special rapporteur on torture and other cruel inhuman or degrading treatment or punishment [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cglj.org/human-rights-oversight/united-nations/human-rights-council/special-procedures/special-rapporteur-on-torture-and-other-cruel-inhuman-or-degrading-treatment-or-punishment/>.

8. A19 Guidelines on Communications to UNSPs P4 spreads [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.article19.org/wp-content/uploads/2022/05/A19-Guidelines-on-Communications-to-UNSPs-P4-spreads.pdf>.

9. DownloadPublicCommunicationFile [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadPublicCommunicationFile?gId=30470>.

10. Russia sentences three Navalny* lawyers [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://lawsociety.ie/gazette/top-stories/2025/january/russia-sentences-three-navalny-lawyers/>.

11. Russia sentences Alexey Navalny* lawyers to years behind bars [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.cbsnews.com/news/russia-sentences-alexey-navalny-lawyers-to-years-behind-bars/>.

12. Submission of information to the special procedures [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.srpoverty.org/submission-of-information-to-the-special-procedures/>.

13. Communications submitting information special rapporteur [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.ohchr.org/en/special-procedures/sr-environment/communications-special-procedures>.

ohchr.org/en/special-procedures/sr-migrants/communications-submitting-information-special-rapporteur.

14. Zaxvat advokatury` i presledovanie advokatov v Rossijskoj Federacii: kak vernut` nezavisimost` advokatov i pravo grazhdan na zashhitu [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zahvat-advokatury-i-presledovanie-advokatov-v-rossiyskoy-federatsii-kak-vernuz-nezavisimost-advokatov-i-pravo-grazhdan-na-zashchitu>.

15. Story 1159221 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://news.un.org/en/story/2025/01/1159221>.

16. Russias repression policy dismantle civil society exposes fear [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.ohchr.org/ru/press-releases/2025/12/russias-repression-policy-dismantle-civil-society-exposes-fear>.

17. Record 4072734 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4072734>.

18. The international association of Russian advocates has presented a critical report on the bill propo [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.avocatrus.org/en/post/the-international-association-of-russian-advocates-has-presented-a-critical-report-on-the-bill-propo>.

19. Mezhdunarodnaya asociaciya rossijskix advokatov: informaciya o sozdanii i nachale deyatel`nosti [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnaya-assotsiatsiya-rossijskih-advokatov-informatsiya-o-sozdanii-i-nachale-deyatelnosti>.

20. Obrashhenie o provedenii predupreditel`noj akcii vseobshhego vremennogo povsemestnogo prekrashheniya uchastiya advokatov v processual`ny`x dejstviyax vo vsekh vidax sudoproizvodstva // Evrazijskaya advokatura. 2023. № 5 (64). [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-o-provedenii-predupreditelnoy-aktsii-vseobshchego-vremennogo-povsemestnogo-prekrashcheniya-uchastiya-advokatov-v>.

21. Story 1166199 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://news.un.org/en/story/2025/10/1166199>.

22. Russian federal bar association issues statement [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.defendersbelarus.org/tpost/7fd6j75051-russian-federal-bar-association-issues-s>.

23. Russia statement spokesperson politically motivated charges [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/russia-statement-spokesperson-politically-motivated-charges-alexei-navalny-%E2%80%99s-defence-lawyers_en.

24. Avocatrus [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.avocatrus.org/>.

25. Zayavlenie i peticiya na osnovanii otcheta mezhdunarodnoj koalicii v podderzhku mezhdunarodnogo dnya advokata, naxodyashhegosya v opasnosti [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-i-petitsiya-na-osnovanii-otcheta-mezhdunarodnoy-koalitsii-v-podderzhku-mezhdunarodnogo-dnya-advokata-nahodyashegosya>.

26. Zayavlenie special`nogo dokladchika OON po voprosu o polozhenii v oblasti prav cheloveka v Rossijskoj Federacii i special`nogo... [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-spetsialnogo-dokladchika-oon-po-voprosu-o-polozhenii-v-oblasti-prav-cheloveka-v-rossiyskoy-federatsii-i-spetsialnogo>.

27. Obrashhenie pravleniya mezhregional`noj obshchestvennoj organizacii advokatov i yuristov «Iniciativa

2018» v organy` Organizacii Ob``edinenny`x Nacij... [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-pravleniya-mezhregionalnoy-obshchestvennoy-organizatsii-advokatov-i-yuristov-initsiativa-2018-v-organy-organizatsii>.

Примечания:

* Включен (а) в Российской Федерации в перечень экстремистов и террористов Росфинмониторинга.

Статья поступила в редакцию 05.03.26; одобрена после рецензирования 12.03.26; принята к публикации 12.03.26.

The article was submitted 05.03.26; approved after reviewing 12.03.26; accepted for publication 12.03.26.

Исторический опыт

Научная статья
УДК 348
doi 10.52068/2304-9839_2026_78_1_41

ПРИНЦИПЫ КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА

КАРЕВ Дмитрий Александрович

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин Самарского государственного экономического университета
443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются фундаментальные основания церковного права, его источники и методологические подходы к их изучению. Особое внимание уделяется полемике между представителями различных научных школ – историческим, архаическим и догматическим направлениями. Анализируются позиции И.С. Бердникова, А.С. Павлова, П. Лашкарева и других исследователей относительно природы канонических норм, их происхождения и применения. Выявлены ключевые противоречия между различными интерпретациями канонических принципов и предложены пути их преодоления через синтез исторического и догматического подходов.

Ключевые слова: каноническое право, церковное право, принципы права, источники церковного права

Для цитирования: Карев Д.А. Принципы канонического права // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 41. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_41

Historical Experience

Original article

PRINCIPLES OF CANON LAW

KAREV Dmitry Alexandrovich

Candidate of Law, Associate Professor of Department of Legal Theory and Public Law of Samara State University of Economics
443090, Samara, Sovetskaya Armiya Str., 141, Russian Federation

Abstract: This article examines the fundamental foundations of church law, its sources, and the methodological approaches used to study them. Special attention is given to the debates between representatives of different scientific schools, including historical, archaic, and dogmatic approaches. The article analyzes the views of I.S. Berdnikov, A.S. Pavlov, P. Lashkarev, and other researchers on the nature of canon law, its origins, and its application. The key contradictions between different interpretations of canon law principles are identified, and ways to overcome them through the synthesis of historical and dogmatic approaches are proposed.

Keywords: canon law, church law, principles of law, sources of church law

For citation: Karev D.A. Principles of Canon Law = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):41. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_41

Проблема выявления и систематизации принципов канонического права представляет собой одну из центральных задач церковно-правовой науки, решение которой определяет не только теоретическое понимание природы церковного законодательства, но и практическое применение канонических норм в жизни Церкви. Вместе с тем сама постановка вопроса о принципах канонического права сталкивается с методологическими трудностями, обусловленными специфической

природой церковного права как явления, одновременно юридического и богословского.

Русская каноническая наука XIX столетия выработала несколько концептуальных подходов к пониманию основ церковного права. Каждый из этих подходов базировался на определенных методологических предпосылках и предлагал собственную интерпретацию канонических принципов. Противостояние между научными школами не было простой полемикой – за ним стояли

принципиально различные представления о том, что есть церковное право по своей сути и каким образом должно строиться его изучение.

Историческое направление и его понимание канонических принципов

Одним из наиболее влиятельных течений в русской канонистике XIX века стало историческое направление, представленное прежде всего А.С. Павловым и его последователями. Это направление исходило из того, что церковное право, подобно праву светскому, представляет собой исторический продукт, формировавшийся на протяжении веков под влиянием конкретных обстоятельств церковной жизни [5, С. 12]. Принципы канонического права, согласно этой концепции, не могут быть выведены абстрактно-логическим путем из некоторых априорных положений; напротив, они должны быть извлечены из анализа исторического развития церковного законодательства.

А.С. Павлов в своих исследованиях 50-й главы Кормчей книги продемонстрировал, каким образом исторический анализ позволяет выявить подлинный смысл и значение канонических норм. Однако его методология встретила серьезную критику со стороны И.С. Бердникова, который упрекал Павлова в том, что тот, сосредоточившись на внешней истории канонических памятников, упускает из виду внутреннее содержание канонов, их духовно-правовую природу [5, С. 34–36].

Критика Бердникова заслуживает внимательного рассмотрения. С одной стороны, историческое исследование источников церковного права действительно необходимо – без него невозможно понять, в каких условиях возникали те или иные канонические нормы, какие задачи они призваны были решать. Исторический контекст проливает свет на смысл канонов, позволяет отделить существенное от случайного, вечное от временного. С другой стороны, излишнее увлечение историческим методом может привести к релятивизации канонических норм, к представлению о них как о чисто исторических явлениях, лишенных непреходящего значения.

Принципы канонического права, как их понимали представители исторического направления, включали в себя прежде всего принцип преемственности церковного законодательства. Каноны древней Церкви рассматривались не как застывшие формулы, но как живое предание, развивающееся и обогащающееся в процессе церковной жизни. Важнейшим считался также принцип согласования церковного права с конкретными условиями времени и места. Однако именно этот принцип вызывал наибольшие споры.

Архаическое направление как оппонент исторической школы

В противовес историческому направлению сформировалось то, что Бердников называл «архаическим направлением», представленное работами П. Лашкарева [6, С. 5–8]. Это направление исходило из принципиально иной методологической установки. Согласно архаистам, подлинные принципы церковного права должны быть извлечены из древнейших источников, преимущественно из канонов апостольских и первых вселенских соборов. Позднейшее развитие церковного законодательства рассматривалось как искажение первоначальной чистоты канонического строя.

Лашкарев в своем труде «Право церковное в его основах, видах и источниках» попытался построить систему церковного права, основываясь исключительно на древних канонах и отвергая позднейшие напластования. Однако такой подход, как справедливо отмечал Бердников, приводил к отрыву от реальной церковной практики и к созданию искусственной конструкции, не соответствующей исторической действительности [6, С. 22–25]. Архаическое направление абсолютизировало древность, не учитывая того, что сама древняя Церковь признавала необходимость развития канонического законодательства в соответствии с меняющимися условиями.

При этом нельзя не признать, что архаическое направление содержало в себе рациональное зерно. Обращение к древнейшим источникам позволяло выявить фундаментальные принципы церковного устройства, которые действительно должны сохраняться неизменными. Проблема заключалась в том, что архаисты не смогли выработать критерии для различения между неизменными принципами и изменяемыми формами их реализации.

Критика архаического направления со стороны Бердникова была не просто академической полемикой, но отражала глубинное противоречие в понимании самой природы церковного права. Если исторический подход рисковал растворить каноническое право в потоке исторических изменений, то архаический подход грозил превратить его в мертвую букву, оторванную от живой церковной практики.

Догматические основания канонического права

М.И. Альбов в своем курсе лекций по церковному праву обратил внимание, что принципы канонического права не могут быть поняты вне связи с догматическим учением Церкви [2, С. 15–18].

Церковное право, согласно этой точке зрения, не является автономной системой, существующей независимо от догматики; напротив, канонические нормы представляют собой практическое выражение догматических истин в области церковного устройства и дисциплины.

Этот подход открывает важную перспективу для понимания принципов канонического права. Действительно, такие фундаментальные принципы, как иерархическое устройство Церкви, соборность церковного управления, неотчуждаемость епископской власти в епархии, находят свое обоснование в учении о Церкви как Теле Христовом. Принцип икономии, столь важный в каноническом праве, коренится в догматическом учении о домостроительстве спасения. Принцип каноничности поставления на церковные должности связан с догматом о священстве.

Вместе с тем догматический подход сталкивается с определенными трудностями при попытке объяснить конкретные канонические установления, не имеющие прямого догматического основания. Многие нормы церковного права являются дисциплинарными по своему характеру и не могут быть выведены непосредственно из догматических положений. Более того, существование различной канонической практики в разных Поместных Церквях при единстве догматического учения свидетельствует о том, что связь между догматикой и каноническим правом не является прямолинейной и однозначной.

А.И. Алмазов в своем кратком курсе церковного права попытался найти средний путь, рассматривая каноническое право как область, в которой догматические принципы находят свое практическое применение с учетом конкретных исторических условий [1, С. 8–10]. Такой синтетический подход представляется наиболее плодотворным, хотя и он не лишен методологических проблем.

Источники церковного права как выражение его принципов

Вопрос об источниках церковного права неразрывно связан с проблемой выявления его принципов. Каноническое законодательство древней Церкви – каноны апостольские, правила вселенских и поместных соборов, творения святых отцов – составляет основной массив источников, из которых должны быть извлечены фундаментальные принципы церковного права. Однако способ работы с этими источниками определяется избранной методологией.

Историческое направление стремилось выстроить хронологию канонических памятников,

проследить их взаимовлияние, выявить исторические условия их возникновения. Архаическое направление пыталось очистить древние источники от позднейших добавлений и интерполяций, чтобы добраться до первоначального, «чистого» канонического предания. Догматический подход искал в источниках выражение неизменных истин церковного учения.

Особое значение в русской канонической традиции имела Кормчая книга – свод церковных законов, составленный на основе византийского Номоканона и дополненный местными славянскими правилами [3, С. 145–148]. 50-я глава Кормчей, ставшая предметом специального исследования Павлова, содержала ряд дисциплинарных установлений, происхождение и юридическая сила которых вызвали споры среди канонистов. Полемика вокруг 50-й главы высветила более общую проблему: каким образом определить, какие нормы относятся к неизменным принципам церковного права, а какие являются временными дисциплинарными установлениями?

Бердников справедливо указывал, что нельзя механически применять древние канонические нормы без учета изменившихся условий церковной жизни [5, с. 45–48]. Однако столь же неверно было бы отказываться от древних канонов под предлогом их устарелости. Необходимо выработать критерии для различения между принципами и их историческими формами. Такие критерии могут быть найдены лишь через внимательное изучение церковного предания в его целостности, через сопоставление различных канонических свидетельств, через обращение к практике Церкви на всем протяжении ее истории.

Принцип икономии и его интерпретации

Одним из центральных принципов канонического права является принцип икономии, понимаемый как церковное снисхождение, допускающее отступление от строгости канонов ради духовной пользы. Этот принцип неоднократно обсуждался в русской канонической литературе, причем его интерпретации существенно различались в зависимости от методологических установок исследователей.

Представители исторического направления рассматривали икономию как свидетельство гибкости церковного права, его способности приспособляться к различным историческим условиям. Архаисты, напротив, склонны были видеть в широком применении икономии искажение строгости древних канонов. Догматический подход пытался связать икономию с учением о домостроительстве спасения, рассматривая ее как

проявление божественной любви и милосердия в области церковного управления.

Действительно, принцип икономии не может быть понят вне богословского контекста. Он предполагает, что целью канонического права является не формальное исполнение буквы закона, но духовное преуспевание членов Церкви, их спасение. Однако применение этого принципа требует величайшей осторожности. Неограниченное и произвольное использование икономии может привести к разрушению самого канонического строя, к превращению канонов в пустые декларации, не имеющие реальной силы.

Альбов отмечал, что икономия должна применяться лишь в исключительных случаях и по решению компетентной церковной власти, обладающей правом диспенсации [2, С. 112–115]. При этом икономия не отменяет самого канона как нормы – она лишь допускает временное отступление от него ради высшей цели. Принципиальное различие между икономией как снисхождением и отменой канона как утратившего силу является чрезвычайно важным для понимания динамики церковного права.

Соборность как основополагающий принцип

Принцип соборности пронизывает всю структуру церковного права и управления. Важнейшие решения в Церкви принимаются соборно – на вселенских, поместных или епархиальных соборах. Этот принцип имеет глубокие догматические основания, коренясь в учении о Церкви как общине верующих, возглавляемой Христом и руководимой Духом Святым.

Однако конкретные формы реализации соборного принципа в истории Церкви были весьма различны. Древняя Церковь знала регулярные поместные соборы, собиравшиеся для решения текущих вопросов церковной жизни. В византийский период роль соборов несколько изменилась, а отношения между соборным началом и единоличной властью епископа потребовали более тонкой канонической регламентации. Русская церковная традиция выработала собственные формы соборности, отраженные в практике церковных соборов различных уровней [3, С. 201–204].

В.И. Аскоченский в своей истории Киевской духовной академии показал, каким образом принцип соборности реализовывался в практике церковного образования и научной деятельности [3, С. 156–159]. Коллегиальное управление академией, участие преподавательской корпорации в принятии важных решений – все это являлось

проявлением соборного начала в конкретной области церковной жизни.

Необходимо отметить, что принцип соборности не означает демократии в современном политическом смысле этого слова. Соборность предполагает единство в многообразии, согласие в свободе, подчинение всех членов церковной общины воле Божией, выявляемой через соборное рассуждение. Участники собора действуют не как представители различных партий или интересов, но как носители церковного предания, свидетели истины.

Иерархический принцип и его границы

Тесно связан с принципом соборности принцип иерархичности церковного устройства. Церковь имеет иерархическую структуру, в основании которой лежит богоустановленное различие между клиром и мирянами, а также между различными степенями священства. Этот принцип находит свое выражение в многочисленных канонических нормах, регулирующих права и обязанности различных церковных чинов.

Алмазов подробно рассматривал вопрос о канонических основаниях церковной иерархии, показывая, что иерархическое устройство Церкви коренится в апостольском предании и засвидетельствовано древнейшими каноническими памятниками [1, С. 67–72]. Однако важно понимать, что церковная иерархия – это не просто административная пирамида власти. Она представляет собой духовную реальность, в которой высшее служит низшему, а власть есть служение.

Каноническое право устанавливает определенные границы для осуществления иерархической власти. Епископ обладает полнотой власти в своей епархии, но эта власть не является произвольной – она ограничена канонами и подлежит суду поместного собора. Митрополит имеет определенную власть над епископами своей митрополии, но не может вмешиваться в их епархиальное управление. Патриарх является первым среди епископов, но не обладает юрисдикцией над всеми ими.

Проблема правильного соотношения между иерархическим и соборным началами в церковном управлении неоднократно обсуждалась в русской канонической литературе. Некоторые исследователи склонны были акцентировать единоличную власть епископа, видя в соборах лишь совещательный орган. Другие, напротив, подчеркивали первенство соборного начала, рассматривая епископскую власть как делегированную от собора. Истина, по-видимому, лежит посередине: соборность и иерархичность не противоречат, но дополняют друг друга.

Территориальный принцип церковной организации

Одним из важнейших принципов канонического права является территориальный принцип, согласно которому церковная юрисдикция определяется территориальными границами. Каждая епархия имеет определенную территорию, и на этой территории епископ обладает полной церковной властью. Каноны строго запрещают вмешательство одного епископа в дела епархии другого епископа.

Этот принцип, ясно сформулированный в древних канонах, имел огромное значение для упорядочения церковной жизни. Он предотвращал конфликты между епископами, устанавливал четкие границы ответственности, обеспечивал стабильность церковного управления [2, С. 78–81]. Однако в изменившихся исторических условиях применение территориального принципа иногда вызывало трудности.

Альбов указывал на проблемы, возникающие в связи с появлением параллельных церковных структур на одной территории, с существованием заграничных церковных общин, с миссионерской деятельностью в регионах со смешанным населением [2, С. 145–148]. Каноническое право должно было найти способы разрешения этих коллизий, не отказываясь от территориального принципа как такового, но вырабатывая механизмы его гибкого применения.

В некоторых случаях территориальный принцип дополнялся или модифицировался принципом персональной юрисдикции. Так, существовали ставропигиальные монастыри, изъятые из юрисдикции местного епископа и подчиненные непосредственно патриарху или синоду. Военное духовенство составляло особую юрисдикцию, не связанную с территориальным делением. Однако все эти исключения лишь подтверждали общее правило: нормальной формой церковной организации является территориальная епархия во главе с епископом.

Принцип церковной автономии и ее пределы

Каждая Поместная Церковь обладает определенной автономией в области внутреннего управления и дисциплины. Этот принцип, закрепленный в канонах вселенских соборов, признает за Поместными Церквями право самостоятельно решать вопросы, не затрагивающие догматическое учение и общецерковное единство. Однако границы церковной автономии не всегда легко определить.

Бердников в своей критике архаического направления отмечал, что попытки навязать всем Поместным Церквям единообразную практику, основанную исключительно на древних образцах, противоречат принципу церковной автономии [6, С. 38–41]. Каждая Поместная Церковь имеет право учитывать особенности своего исторического развития, местные традиции, конкретные условия церковной жизни. Вместе с тем автономия не означает полной независимости – Поместные Церкви связаны общим каноническим преданием и обязаны сохранять единство веры и евхаристического общения.

Проблема соотношения между церковной автономией и единством церковного права особенно остро вставала в периоды исторических изменений и культурных трансформаций. Русская Церковь, получив автокефалию, должна была выработать собственные формы канонического устройства, соответствующие местным условиям, но при этом не нарушающие общецерковное каноническое предание [1, С. 156–159]. Этот процесс требовал тонкого различия между принципами, обязательными для всех, и формами их реализации, допускающими вариативность.

Принцип канонической акривии и снисхождения

В каноническом праве существует постоянное напряжение между двумя принципами: акривией (строгостью) и икономией (снисхождением). Акривия требует точного и буквального исполнения канонических предписаний, тогда как икономия допускает отступление от буквы ради духа, от формы ради содержания. Оба эти принципа имеют каноническое обоснование и применяются в различных ситуациях.

Применение акривии необходимо там, где речь идет о фундаментальных основах церковного устройства, о вопросах, затрагивающих сущность церковной жизни. Каноны, устанавливающие условия для рукоположения, правила совершения таинств, основы церковной дисциплины, должны соблюдаться со всей строгостью. Отступление от этих канонов может привести к нарушению самой структуры церковной жизни.

С другой стороны, многие канонические предписания носят дисциплинарный характер и могут быть изменены или временно не применяться ради духовной пользы. Здесь уместна икономия. Однако применение икономии не должно быть произвольным – оно требует серьезного богословского обоснования и санкции компетентной церковной власти [2, С. 198–201].

Альбов справедливо отмечал, что неумеренное использование икономии может привести к ослаблению канонической дисциплины и в конечном счете к духовному упадку [2, С. 203–205]. Вместе с тем жесткая приверженность букве канонов без учета конкретных обстоятельств может привести к формализму и фарисейству. Церковь должна уметь находить правильный баланс между этими двумя принципами, руководствуясь заботой о спасении душ.

Методологический синтез как путь к адекватному пониманию

Проведенный анализ различных подходов к пониманию принципов канонического права показывает, что ни одно из направлений русской канонистики XIX века не смогло выработать полностью адекватную методологию. Историческое направление справедливо указывало на необходимость изучения исторического контекста канонов, но порой недооценивало их непреходящее духовно-правовое значение. Архаическое направление верно подчеркивало важность обращения к древним источникам, но впадало в ошибочную идеализацию древности и недооценку законного развития церковного права. Догматический подход правильно связывал каноническое право с богословием, но не всегда мог объяснить конкретные дисциплинарные установления.

Плодотворный путь исследования принципов канонического права лежит в синтезе этих подходов. Необходимо сочетать историческое изучение источников с богословским осмыслением их содержания, учитывать древнюю традицию, не отрицая законности исторического развития, рассматривать каноническое право как юридический феномен, не забывая о его духовной природе [4, С. 89–92]. Такой синтетический подход позволяет выявить подлинные принципы церковного права, отличить их от временных форм их реализации, понять логику канонического развития.

Принципы канонического права – это не абстрактные теоретические постулаты, но живые начала, действующие в церковной практике. Они выражают саму природу Церкви как богочеловеческого организма, в котором божественное начало находит свое выражение через человеческие установления. Понимание этих принципов требует не только научной компетенции, но и живого опыта церковной жизни, не только знания канонических текстов, но и постижения духа церковного предания.

Изучение принципов канонического права в контексте научных дискуссий русской канонисти-

ки XIX века позволяет сделать несколько важных выводов.

Во-первых, принципы церковного права не могут быть адекватно поняты вне богословского контекста – они коренятся в догматическом учении о Церкви и выражают ее богоустановленную природу.

Во-вторых, историческое развитие канонического права не является простым искажением или отступлением от древних образцов, но представляет собой легитимный процесс раскрытия и применения неизменных принципов в меняющихся исторических условиях.

В-третьих, различие между неизменными принципами и изменяемыми формами их реализации является центральной задачей канонической науки. Это различие не может быть проведено механически – оно требует глубокого проникновения в смысл канонов, понимания их места в общей системе церковного права, учета церковной практики и богословской традиции.

В-четвертых, адекватное понимание принципов канонического права требует синтеза различных методологических подходов – исторического, догматического и юридического.

Полемика между различными школами русской канонистики XIX века не утратила своей актуальности. Те же методологические вопросы встают перед современными исследователями церковного права. Какова природа канонических норм? В какой мере они подвержены историческому развитию? Каковы критерии для различения между принципами и их конкретными формами? Как соотносятся каноническое право и богословие, церковное право и светское право?

Ответы на эти вопросы не могут быть найдены раз и навсегда. Каждое поколение канонистов должно заново осмыслить фундаментальные принципы церковного права в свете актуальных задач церковной жизни. При этом необходимо избегать как консервативного архаизма, цепляющегося за букву древних канонов, так и модернистского релятивизма, отказывающегося от канонического предания. Верность традиции должна сочетаться с пониманием законности исторического развития, строгость канонической дисциплины – с пастырским снисхождением, научная объективность – с живым опытом церковной жизни.

Принципы канонического права – соборность, иерархичность, территориальность, икономия, акривия, церковная автономия – образуют систему, в которой каждый принцип дополняет и уравнивает другие.

Правильное понимание и применение этих принципов является необходимым условием здоровой церковной жизни. Каноническая наука призвана служить Церкви, помогая ей сохранять верность своей богоустановленной природе в меняющихся исторических условиях.

Список источников

1. Алмазов А.И. Краткий курс церковного права. Одесса: Лит. Фрейденберга и К, ценз. 1889.
2. Альбов М.И., священник. Краткий курс лекций по церковному праву. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1882.
3. Аскоченский В.И. История Киевской духовной академии, по преобразовании ее в 1819 году. СПб.: Типография Э. Веймара, 1863.
4. Акчурина Н.В. Историческое направление в русском правоведении XIX века: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2000.
5. Бердников И.С. Несколько слов по поводу рецензий на исследование профессора А.С. Павлова о 50-й главе Кормчей книги. Москва 1887. Казань: Типография Императорского Университета, 1891.
6. Бердников И.С. Архаическое направление в церковном праве (Критический разбор сочинений проф. Киев. акад. П. Лашкарева: Право церковное в его основах, видах и источниках. Киев, 1886). Казань: Типография Императорского Университета, 1896.

References

1. Almazov A.I. Kratkij kurs cerkovnogo prava. Odesa: Lit. Frejdenberga i K, cenz. 1889.
2. Al'bov M.I., svyashhennik. Kratkij kurs lekcij po cerkovnomu pravu. SPb.: Tipografiya V.S. Balasheva, 1882.
3. Askochenskij V.I. Istorija Kievskoj duxovnoj akademii, po preobrazovanii ee v 1819 godu. SPb.: Tipografiya E. Vejmara, 1863.
4. Akchurina N.V. Istoricheskoe napravlenie v russkom pravovedenii XIX veka: avto-ref. dis. ... dokt. jurid. nauk. Saratov, 2000.
5. Berdnikov I.S. Neskol'ko slov po povodu recenzij na issledovanie professora A.S. Pavlova o 50-j glave Kormchej knigi. Moskva 1887. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo Universiteta, 1891.
6. Berdnikov I.S. Arxaicheskoe napravlenie v cerkovnom prave (Kriticheskij razbor sochinenij prof. Kiev. akad. P. Lashkareva: Pravo cerkovnoe v ego osnovax, vidax i istochnikax. Kiev, 1886). Kazan': Tipografiya Imperatorskogo Universiteta, 1896.

Статья поступила в редакцию 24.03.26; одобрена после рецензирования 28.03.26; принята к публикации 28.03.26.

The article was submitted 24.03.26; approved after reviewing 28.03.26; accepted for publication 28.03.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 48.
Eurasian Advocacy. 2026;(1(78)):48.

Исторический опыт

Научная статья

УДК 347.736

doi 10.52068/2304-9839_2026_78_1_48

ИМУЩЕСТВЕННАЯ ОБОСОБЛЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО ИММУНИТЕТА

ДЮЖЕНКОВ Николай Андреевич

Аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

Аннотация: Автором в результате сопоставления истории возникновения и развития имущественных иммунитетов юридических лиц и граждан делается вывод о том, что причиной более позднего закрепления в нормах права иммунитетов юридических лиц является отсутствие на ранних этапах развития законодательства представлений о наличии у юридического лица обособленной имущественной массы. Ретроспективный анализ отечественной доктрины и нормативных правовых актов демонстрирует, что в дореволюционном праве идея об имущественной обособленности юридических лиц не получила должного правового закрепления, а в советском законодательстве юридические лица, несмотря на предусмотренное право обладать обособленным имуществом, в действительности собственниками указанного имущества не являлись, что исключало возможность применения имущественных иммунитетов. Причиной появления иммунитетов юридических лиц в современном российском праве является предоставление на законодательном уровне указанным субъектам правомочий иметь на праве собственности обособленное имущество. На этом основании делается вывод о том, что имущественная обособленность юридических лиц является ключевой предпосылкой и необходимым условием возникновения у них имущественного иммунитета.

Ключевые слова: юридические лица, банкротство, несостоятельность, иммунитет, имущественный иммунитет, имущественная обособленность

Для цитирования: Дюженков Н.А. Имущественная обособленность юридических лиц как предпосылка возникновения имущественного иммунитета // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 48. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_48

Historical Experience

Original article

PROPERTY SEPARATION OF LEGAL ENTITIES AS A PREREQUISITE FOR THE EMERGENCE OF PROPERTY IMMUNITY

DYUZHENKOV Nikolai Andreevich

Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Procedure and Private International Law of Patrice Lumumba Russian University of Friendship of Peoples

117198, Moscow, Miklukho-Maklaya Street, 6, Russian Federation

Abstract: Based on the analysis of the history of the emergence and development of the property immunities of legal entities and individuals, the author concludes that the reason for the later legalization of the immunities of legal entities is the lack of understanding in the early stages of legal development that legal entities have separate property. A retrospective analysis of domestic doctrine and legal acts demonstrates that in pre-revolutionary law, the idea of the property separation of legal entities was not properly formalized, and in Soviet law, legal entities, despite having the right to possess separate property, were not actually the owners of this property, which made it impossible to apply property immunities. The emergence of the immunities of legal entities in modern Russian law is due to the legal provision that allows these entities to own separate property. Based on this, the author concludes that the property separation of legal entities is a key prerequisite and necessary condition for the emergence of their property immunities.

Keywords: legal entities, bankruptcy, insolvency, immunity, property immunity, property separation

For citation: Dyuzhenkov N.A. Property Separation of Legal Entities as a Prerequisite for the Emergence of Property Immunity = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):48. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_48

В соответствии с устоявшимся в правовой доктрине представлением под имущественным иммунитетом понимается правовой режим, ограничивающий возможность обращения взыскания на определенное имущество должника или его реализацию [13, С. 32]. Описание указанного правового режима с использованием термина «иммунитет» («имущественный иммунитет», «исполнительский иммунитет») предложено Конституционным Судом РФ в контексте проверки конституционности положений статьи 446 ГПК РФ [22]. Впоследствии значение указанного термина существенно расширилось, и в настоящий момент распространено на имущество граждан и юридических лиц, не подлежащее включению (или включающееся на ограниченных условиях) в состав их имущественной массы в ходе исполнительного производства или в рамках дела о банкротстве [3, С. 221].

Следует отметить, что закрепление некоего перечня имущества гражданина, на которое не может быть обращено взыскание, имело место еще в дореволюционном законодательстве. Первые упоминания об имущественном иммунитете появляются еще в XVII веке, когда формулируются положения о том, что при обращении взыскания на имущество приоритет следует отдавать движимому, а не недвижимому имуществу (вотчинам, поместьям) гражданина [8, С. 121]. В Уставе гражданского судопроизводства 1864 года уже был сформулирован конкретный перечень имущества гражданина-должника, на которое не могло быть обращено взыскание по его долгам, к которому в основном относились вещи первой необходимости, предназначенные для обеспечения хозяйства и быта и для удовлетворения базовых потребностей гражданина [16, С. 7–9]. При этом Г.Ф. Шершеневич справедливо полагал, что указанный перечень применяется также и в рамках дел о несостоятельности [20, С. 389–392]. Схожие положения впоследствии нашли отражение и в советском законодательстве [23], а в настоящий момент с некоторыми дополнениями закреплены в статье 446 ГПК РФ [24].

Таким образом, представление о необходимости защиты определенного имущества граждан от обращения на него взыскания в том или ином виде существует уже несколько веков, в то время как иммунитет имущества юридических лиц является законодательной новацией последних десятилетий. Это может объясняться тем, что в основе имущественного иммунитета граждан лежит принцип неприкосновенности минимума имущества [14, С. 306], основанный на общепра-

вовом принципе социальной справедливости, который, по понятным причинам, не совместим с правовой природой юридических лиц.

В то же время указанные выше принципы не могут являться единственными основаниями защиты определенного имущества от обращения на него взыскания. Действующему законодательству известны примеры имущественных иммунитетов, правовая природа которых не связана с принципом неприкосновенности минимума имущества – например, имущественный иммунитет депонированного имущества (абзац 4 статьи 131 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»), основанием возникновения которого является обеспечение имущественных интересов третьих лиц (бенефициаров) [25]. Таким образом, принципиальная неприменимость к юридическим лицам оснований возникновения имущественных иммунитетов, тождественных с основаниями возникновения иммунитетов граждан, не может являться единственной причиной их столь длительного отсутствия в законодательстве.

По нашему мнению, невозможность появления имущественных иммунитетов юридических лиц на более ранних этапах развития законодательства связана с отсутствием у них обособленной имущественной массы, а следовательно, и возможности включения и исключения из нее определенного имущества. В этом же состоит и отличие между правовым положением юридических лиц и граждан – существование обособленной имущественной массы у последних, по верному замечанию Е.А. Оганиной, «подразумевается и не ставится под сомнение; это столь же старая идея, как и само понятие права собственности» [9, С. 53–55], тогда как вопрос о наличии собственного имущества у юридических лиц является куда более сложным и заслуживает отдельного рассмотрения.

Как известно, наиболее распространенной теорией, объясняющей содержание правовой природы юридического лица, является теория фикции, согласно которой юридическое лицо – это искусственно созданный и признанный общественной властью субъект, не имеющий действительного бытия [7, С. 121]. Таким образом, юридические лица не существуют в объективной действительности, а их правосубъектность является следствием закрепления в нормах права.

Учитывая искусственность самой конструкции юридических лиц, особую значимость приобретает вопрос об их ключевых признаках, поскольку от степени их определенности будет

зависеть эффективность функционирования юридического лица как субъекта права. В настоящий момент из закрепленного в статье 48 ГК РФ определения юридического лица выводятся его признаки, к числу которых относятся: организационное единство, имущественная обособленность, возможность отвечать по своим обязательствам, выступать от своего имени в гражданских правоотношениях, быть истцом и ответчиком в суде. Совокупность указанных признаков выделяется и в правовой доктрине [5, С. 64].

При этом важнейшим признаком юридического лица, определяющим его правовое содержание и составляющим основу правосубъектности, признается имущественная обособленность. Как отмечает К.И. Скловский, разделение и обособление имущественных масс юридического лица и его участников составляет смысл всей конструкции юридического лица [12, С. 182]. Схожей точки зрения придерживается и Е.А. Суханов [11, С. 174]. Значение иных признаков юридического лица, при всей их существенности, признается вторичным, поскольку именно имущественная обособленность обуславливает возможность участия юридического лица в гражданских и иных правоотношениях [10, С. 78–80], а также позволяет ему нести ответственность по своим обязательствам [18, С. 157].

Мы в полной мере согласны с приведенными позициями. Действительно, сложно представить себе возможность эффективного функционирования юридического лица в правовом поле в условиях отсутствия у последнего обособленной имущественной массы и механизмов распоряжения ею. Более того, именно имущественная обособленность определяет и возможность появления имущественных иммунитетов. Во-первых, сами по себе иммунитеты, выступающие средством защиты имущества, предполагают объективное существование этого имущества. Отсутствие же имущества, напротив, исключает необходимость его защиты.

Во-вторых, отсутствие имущественной обособленности юридических лиц исключает и возможность их юридической ответственности, а невозможность привлечь лицо к ответственности обуславливает нецелесообразность определения перечня имущества, защищенного имущественным иммунитетом. Таким образом, возникновение имущественных иммунитетов является прямым следствием появления у юридического лица обособленного имущества. Указанный вывод может быть подтвержден путем ретроспективного анализа отечественного законодательства.

Так, дореволюционное законодательство не содержит примеров имущественных иммунитетов юридических лиц, что объясняется отсутствием четких представлений о юридическом лице как субъекте права, а следовательно, и о его ключевых признаках, как на уровне правовой доктрины, так и в законодательстве. Например, Г.Ф. Шершеневич в качестве юридических лиц рассматривал «все то, что, не будучи физическим лицом, признается со стороны объективного права способным, в виду определенной цели, быть субъектом права» [21, С. 137]. Другие авторы строили описание конструкции юридического лица преимущественно на его противопоставлении физическим лицам и определяли его как «искусственно созданный субъект», «понятие искусственное, техническое» [6, С. 189]. Стоит согласиться с точкой зрения С.Ю. Филипповой, И.С. Шиткиной, согласно которой такой подход в целом исключает необходимость выделения каких-либо признаков юридических лиц или сводит их к двум формальным признакам: отрицательному характеру и легальности [19, С. 148–152].

В советском законодательстве юридические лица получили более четкую правовую регламентацию. Так, в ГК РСФСР 1922 года впервые закреплено понятие юридических лиц – объединения лиц, учреждения или организации, которые могут, как таковые, приобретать права по имуществу, вступать в обязательства, искать и отвечать на суде [26], а в ГК РСФСР 1964 года в составе усовершенствованного понятия юридического лица закреплены и ключевые его признаки, в том числе возможность обладать обособленным имуществом [27].

Указанное легальное определение юридического лица соответствовало имевшимся на тот момент доктринальным представлениям о его правовой природе. В частности, наличие возможности иметь обособленное имущество впервые начало выделяться в качестве обязательного признака юридических лиц. Значение указанного признака для конструкции юридического лица подчеркивалось в работах О.С. Иоффе [4, С. 106], В.А. Рясенцева [15, С. 110–112].

Закрепление в нормах материального права имущественной обособленности юридических лиц предопределило появление в процессуальном законодательстве перечня имущества, на которое не могло быть обращено взыскание. Перечень такого имущества определялся организационно-правовой формой юридического лица: например, в случае государственных предприятий, учреждений и организаций, согласно

статье 411 ГК РСФСР 1964 года, взыскание не могло быть обращено на предприятия, здания, сооружения, оборудование и иное имущество, относящееся к основным средствам, на фуражные и семенные фонды, а также иные оборотные фонды в пределах, необходимых для нормального функционирования указанных юридических лиц [28].

Данные положения основывались на нормах гражданского законодательства – так, согласно статье 98 ГК РСФСР 1964 года, обращение взыскания допускалось лишь на «прочее имущество», с учетом изъятий, предусмотренных приведенными выше нормами процессуального права. Таким образом, практическое значение формулирования перечня имущества, защищенного от обращения взыскания, было минимальным, поскольку из состава имущественной массы была выведена большая часть ликвидных активов.

Более того, по нашему мнению, правовой режим указанного имущества, несмотря на его внешнее сходство с имущественным иммунитетом, не мог быть квалифицирован соответствующим образом. И в основе указанного противоречия вновь лежит признак имущественной обособленности, а именно специфика его содержания, положенная в основу советского законодательства.

Как указано выше, имущественный иммунитет распространяется на определенное имущество должника и ограничивает возможность его включения в имущественную массу последнего. Таким образом, имущественный иммунитет распространяется на принадлежащее должнику имущество, отсутствие такого имущества исключает необходимость применения иммунитета. Между тем в соответствии с советским законодательством юридические лица собственниками принадлежащего им имущества не являлись. Это имущество фактически в их имущественную массу не входило, что было обусловлено господствовавшей в то время «теорией разделенной собственности».

Указанная концепция была предложена советским ученым А.В. Венедиктовым и сводилась к созданию такого правового режима, при котором юридическое лицо, несмотря на его формальную обособленность, осуществляло лишь полномочия владения в отношении закрепленного за ним имущества, тогда как право собственности на него находилось у государства и советского народа [2, С. 329]. Как отмечал С.Н. Братусь, значение данной теории состояло в том, что она обосновывала возможность отделения лица, осуществляющего правомочия владения, пользования и распоряжения имуществом, от действительного собственника вещи [1, С. 40].

Указанная концепция соответствовала и положениям гражданского законодательства, которые предусматривали право юридического лица «обладать» имуществом, что сегодня понимается как «физическое обладание вещью» и является элементом правомочия владения [29]. В данной связи и право юридического лица иметь обособленное имущество в действительности сводилось к праву осуществлять физическое обладание указанным имуществом, реализовывать полномочия «держателя» имущества.

С учетом изложенного правовой режим имущества, на которое не может быть обращено взыскание, указанного в приведенных выше нормах процессуального законодательства СССР, не может быть квалифицирован в качестве имущественного иммунитета. Поскольку указанное имущество не принадлежит должнику, то и в его имущественную массу оно входит не может, а следовательно, формулирование положений о невозможности обращения взыскания на указанное имущество обусловлено не особенностями его правового режима, а исключительно фактом непринадлежности указанного имущества юридическому лицу и необходимостью провести разграничение между собственником имущества и его формальным держателем.

Данный правовой режим является суррогатом имущественного иммунитета и может быть охарактеризован в качестве «квази-иммунитета», примеры которого можно найти и в нормах современного российского права (иммунитет имущества, изъятого из оборота).

Однако уже в 1991 году в статье 11 Основ гражданского законодательства Союза ССР формулируется определение юридического лица, содержащее его право иметь обособленное имущество на праве собственности, полном хозяйственном ведении или оперативном управлении [30]. Этим же нормативным правовым актом раскрывается и триада правомочий собственника – владение, пользование, распоряжение – известная нам на сегодняшний день. Впоследствии правовое основание наличия у юридического лица обособленного имущества было упразднено из норм гражданского законодательства – как указывал на этот счет Е.А. Суханов, гражданско-правовая природа обособления имущества может быть раскрыта за счет толкования закона и не имеет значения для разрешения вопроса о правовом статусе юридического лица [17, С. 137–138]. Таким образом, представление о юридическом лице как собственнике принадлежащего ему обособленного имущества было окончательно сформировано.

После закрепления в законодательстве возможности юридического лица иметь на праве собственности обособленное имущество и, соответственно, нести ответственность по своим обязательствам за счет указанного имущества, появилась необходимость разработки перечня имущества, на которое не может быть обращено взыскание, то есть защищенного имущественным иммунитетом. Иммунитеты юридических лиц в действующем законодательстве предусмотрены статьями 131–132 Закона о банкротстве, а также частью 2 статьи 446 ГПК РФ, содержащей отсылки к иным нормам федерального законодательства.

В настоящий момент содержание правового режима имущественных иммунитетов юридических лиц, наравне с иммунитетами граждан, заключается в ограничении возможности обращения взыскания на определенное имущество, принадлежащее должнику. При этом действующая редакция Закона о банкротстве, как уже было сказано, по-прежнему содержит примеры «квази-иммунитетов», предоставляющих защиту имуществу, не принадлежащему должнику, однако их наличие является скорее исключением и следствием общего несовершенства формулировок законодательства о банкротстве в рассматриваемой части.

Таким образом, следует заключить, что ключевой предпосылкой возникновения правового режима имущественного иммунитета является наличие обособленной имущественной массы у субъекта-обладателя иммунитета. При этом в случае, если обособленность имущественной массы гражданина по общему правилу презюмируется и не нуждается в дополнительном обосновании, то выделение имущественной обособленности как ключевого признака юридического лица – следствие длительного процесса эволюции представлений о его правовой природе. В результате последовательной теоретической проработки вопросов, связанных с правосубъектностью юридических лиц, в настоящий момент указанным лицам на праве собственности может принадлежать обособленное имущество, что, в свою очередь, является ключевой причиной закрепления в законодательстве перечня имущества, защищенного имущественным иммунитетом.

Список источников

1. Братусь С.Н. Право государственной собственности и имущественная самостоятельность государственного предприятия. М., 1989. С. 38–42.
2. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность / отв. ред. В.К. Райхер. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 329.

3. Дюженков Н.А. К вопросу о концепциях возникновения института имущественных иммунитетов // Евразийский юридический журнал. 2025. № 4 (203). С. 219–221.

4. Иоффе О.С. Советское гражданское право. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. С. 106.

5. Курбатов А.Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения: монография. М.: Юстицинформ, 2022. С. 244.

6. Малышев К. Курс гражданского права, составленный по лекциям К. Малышева. С.-Петербург, 1879/80. С. 302.

7. Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. М.: Статут, 1997. Ч. 1. С. 846.

8. Михайлов М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 г.: Сочинение, написанное для получения степени магистра гражданского права. С.-Петербург, 1848. С. 134.

9. Останина Е.А. Имущественная обособленность физического лица и последствия, с нею связанные // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 12. С. 48–74.

10. Рахмилович В.А. О достоинствах и недостатках Гражданского кодекса РФ // Государство и право. 1996. № 4. С. 78–80.

11. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2011. С. 958.

12. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве: Учеб.-практ. пособие. 2-е изд. М.: Дело, 1999. С. 182.

13. Слабоспицкий А.С., Соловьева Д.А. Исполнительский иммунитет при банкротстве должника // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2023. № 3 (39). С. 31–38.

14. Смоленский И.Н. О реализации некоторых принципов цивилистического процесса в процедуре банкротства физических лиц // Вестник гражданского процесса. 2024. Т. 14. № 4. С. 304–314.

15. Советское гражданское право: В 2 т. / отв. ред. В.А. Рясенцев. М.: Юридическая литература, 1965. Т. 1. С. 518.

16. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб.: Гос. канцелярия, 1866. Ч. 1. С. 763.

17. Суханов Е.А. Комментарии к статьям 48, 50 Гражданского кодекса РФ // Вестник гражданского права. 2022. № 1. С. 136–166.

18. Тархов В.А. Гражданское право. Общая часть: Курс лекций. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1997. С. 330.

19. Филиппова С.Ю., Шиткина И.С. Имущественная обособленность как признак юридического лица: теория и практика (по страницам классики и судебных актов) // Закон. 2024. № 8. С. 146–164.

20. Шершеневич Г.Ф. Конкурсное право. Казань, 1898. С. 498.

21. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1912. С. 793.

22. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.07.2007 № 10-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьей части первой ста-

ты 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.В. Безменова и Н.В. Калабуна» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 30. ст. 3988.

23. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 10 июля 1923 года (утв. постановлением ВЦИК) (введен в действие с 1 сентября 1923 года на всей территории РСФСР) (утратил силу) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1923. Отд. 1. № 46–47. ст. 478.

24. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. ст. 4532.

25. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. ст. 4190.

26. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (с изм. от 02.02.1923) «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Известия ВЦИК. 1922. № 256.

27. Закон РСФСР от 11.06.1964 «Об утверждении Гражданского кодекса РСФСР» (вместе с «Гражданским кодексом РСФСР») // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. ст. 407.

28. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. ст. 407.

29. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3. 2018 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018) (ред. от 26.12.2018) [Электронный ресурс]. URL: СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 10.02.2026).

30. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1) (ред. от 26.11.2001) // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26. ст. 733.

References

1. Bratus` S.N. Pravo gosudarstvennoj sobstvennosti i imushhestvennaya samostoyatel`nost` gosudarstvennogo predpriyatiya. M., 1989. S. 38–42.

2. Venediktov A.V. Gosudarstvennaya socialisticheskaya sobstvennost` / otv. red. V.K. Rajxer. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. S. 329.

3. Dyuzhenkov N.A. K voprosu o koncepciyax vzniknoveniya instituta imushhestvenny`x immunite-tov // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2025. № 4 (203). S. 219–221.

4. Ioffe O.S. Sovetskoe grazhdanskoe pravo. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1958. S. 106.

5. Kurbatov A.Ya. Predprinimatel`skoe pravo: problemy` teorii i pravoprimereniya: monografiya. M.: Yusticin-form, 2022. S. 244.

6. Maly`shev K. Kurs grazhdanskogo prava, sostavleny`j po lekcijam K. Maly`sheva. S.-Peterburg, 1879/80. S. 302.

7. Mejer D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo: v 2 ch. M.: Statut, 1997. Ch. 1. S. 846.

8. Mixajlov M. Istoriya obrazovaniya i razvitiya sistemy` russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva

do Ulozheniya 1649 g.: Sochinenie, napisannoe dlya polucheniya stepeni magistra grazhdanskogo prava. S.-Peterburg, 1848. S. 134.

9. Ostanina E.A. Imushhestvennaya obosoblennost` fizicheskogo licza i posledstviya, s neyu svyazanny`e // Vestnik e`konomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. 2024. № 12. S. 48–74.

10. Raxmilovich V.A. O dostoinstvax i nedostatках Grazhdanskogo kodeksa RF // Gosudarstvo i pravo. 1996. № 4. S. 78–80.

11. Rossijskoe grazhdanskoe pravo: Uchebnik: V 2 t. T. I: Obshhaya chast`. Veshhnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual`ny`e prava. Lichny`e neimushhestvenny`e prava / Otv. red. E.A. Suxanov. M., 2011. S. 958

12. Sklovskij K.I. Sobstvennost` v grazhdanskom prave: Ucheb.-prakt. posobie. 2-e izd. M.: Delo, 1999. S. 182.

13. Slabospiczkiy A.S., Solov`eva D.A. Ispolnitel`skij im-munitet pri bankrotstve dolzhnika // Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 2. Yuridicheskie nauki. 2023. № 3 (39). S. 31–38.

14. Smolenskij I.N. O realizacii nekotory`x principov civilisticheskogo processa v procedure bankrotstva fizicheskix licz // Vestnik grazhdanskogo processa. 2024. T. 14. № 4. S. 304–314.

15. Sovetskoe grazhdanskoe pravo: V 2 t. / otv. red. V.A. Ryasencev. M.: Yuridicheskaya literatura, 1965. T. 1. S. 518.

16. Sudebny`e ustavy` 20 noyabrya 1864 goda, s izlozheniem rassuzhdenij, na koix oni osnovany`. SPb.: Gos. kancelyariya, 1866. Ch. 1. S. 763.

17. Suxanov E.A. Kommentarii k stat`yam 48, 50 Grazhdanskogo kodeksa RF // Vestnik grazhdanskogo prava. 2022. № 1. S. 136–166.

18. Tarxov V.A. Grazhdanskoe pravo. Obshhaya chast`: Kurs lekcij. Cheboksary`: Chuv. kn. izd-vo, 1997. S. 330.

19. Filippova S.Yu., Shitkina I.S. Imushhestvennaya obosoblennost` kak priznak yuridicheskogo licza: teoriya i praktika (po straniczam klassiki i sudebny`x aktov) // Zakon. 2024. № 8. S. 146–164.

20. Shershenevich G.F. Konkursnoe pravo. Kazan`, 1898. S. 498.

21. Shershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. M., 1912. S. 793.

22. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 12.07.2007 № 10-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozheniya abzacza tret`ego chasti pervoj stat`i 446 Grazhdanskogo processual`nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhalobami grazhdan V.V. Bezменова i N.V. Kalabuna» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2007. № 30. St. 3988.

23. Grazhdanskij processual`ny`j kodeks RSFSR ot 10 iyulya 1923 goda (utv. postanovleniem VCIK) (vveden v dejstvie s 1 sentyabrya 1923 goda na vsej territorii RSFSR) (utratil silu) // Sobranie uzakoneniij i rasporyazhenij Rabocheho i Krest`yanskogo pravitel`stva. 1923. Otd. 1. № 46–47. St. 478.

24. Grazhdanskij processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 15.12.2025, s izm. ot 22.12.2025) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2026) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. № 46. St. 4532.

25. Federal`ny`j zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ (red. ot 29.12.2025) «O nesostoyatel`nosti (bankrotstve)» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. № 43. St. 4190.

26. Postanovlenie VCIK ot 11.11.1922 (s izm. ot 02.02.1923) «O vvedenii v dejstvie Grazhdanskogo kodeksa R.S.F.S.R.» (vmeste s «Grazhdanskim kodeksom R.S.F.S.R.») // Izvestiya VCIK. 1922. № 256.

27. Zakon RSFSR ot 11.06.1964 «Ob utverzhdenii Grazhdanskogo kodeksa RSFSR» (vmeste s «Grazhdanskim kodeksom RSFSR») // Vedomosti VS RSFSR. 1964. № 24. St. 407.

28. Grazhdanskij processual'nyj kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 11.06.1964) // Vedomosti VS RSFSR. 1964. № 24. St. 407.

29. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 3. 2018 (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 14.11.2018) (red. ot 26.12.2018) [E`lektronnyj

resurs]. URL: SPS «Konsul`tant-Plyus» (data obrashheniya: 10.02.2026).

30. Osnovy` grazhdanskogo zakonodatel'stva Soyuza SSR i respublik (utv. VS SSSR 31.05.1991 № 2211-1) (red. ot 26.11.2001) // Vedomosti SND i VS SSSR. 1991. № 26. St. 733.

Статья поступила в редакцию 16.02.26; одобрена после рецензирования 20.02.26; принята к публикации 20.02.26.

The article was submitted 16.02.26; approved after reviewing 20.02.26; accepted for publication 20.02.26

Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 55.
Eurasian Advocacy. 2026;(1(78)):55.

Проблемы организации и функционирования адвокатуры

Научная статья

УДК 347.965

doi 10.52068/2304-9839_2026_78_1_55

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА КАК АЛЬТЕРНАТИВА «АДВОКАТСКОЙ МОНОПОЛИИ»: САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ ПО ОТРАСЛЯМ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ

КОЗЛОВА Валерия Михайловна

Аспирант Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, адвокат Московской коллегии адвокатов «Кузьмин и партнеры»

107023, г. Москва, ул. Барабанный переулок, д. 4, этаж 2, пом. X, ком. 3, Российская Федерация

Аннотация: Цель работы – исследовать модель отраслевой специализации судебных представителей на основе саморегулируемых организаций (СРО) как конструктивную альтернативу проекту профессионализации судебного представительства через введение «адвокатской монополии». В статье анализируются итоги международного круглого стола «Перспективы введения специализации в сфере адвокатской деятельности государств – участников СНГ» (9 декабря 2025 г.), позиция М.Ю. Барщевского о реестре судебных представителей, результаты эмпирического исследования А.П. Казуна, Е.А. Ходжаевой и А.А. Яковлева о фактической специализации адвокатского сообщества, зарубежный опыт специализации адвокатов (Армения, Узбекистан, Германия, Франция), а также состояние рынка юридических услуг по данным исследования компании VETA (2024 г.). Обосновывается необходимость перехода от концепции «универсального» адвоката к модели специализированного судебного представительства. Предлагается концепция федерального закона «О квалифицированной юридической помощи», предусматривающая создание отраслевых СРО судебных представителей, распространение на их деятельность законодательства о защите прав потребителей, а также разграничение функций Министерства юстиции РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ в сфере контроля за рынком юридических услуг. Значимость работы заключается в обосновании механизма, обеспечивающего баланс частных и публичных интересов в сфере судебного представительства без обращения к зарубежным моделям, а через развитие отечественного опыта саморегулирования.

Ключевые слова: квалифицированная юридическая помощь, судебное представительство, адвокатская монополия, саморегулируемая организация, специализация, защита прав потребителей, адвокатура

Для цитирования: Козлова В.М. Специализация судебного представительства как альтернатива «адвокатской монополии»: саморегулирование по отраслям права в контексте реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 55. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_55

Problems of Organization and Advocacy Profession Functioning

Original article

SPECIALIZATION OF JUDICIAL REPRESENTATION AS AN ALTERNATIVE TO THE «LAWYER'S MONOPOLY»: SELF-REGULATION BY BRANCHES OF LAW IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTING THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE

KOZLOVA Valeria Mikhailovna

Postgraduate Student of the V.M. Lebedev Russian State University of Justice, Advocate of the Moscow Bar Association «Kuzmin and Partners»

107023, Moscow, 4 Barabanny Lane, 2nd Floor, Block X, Room 3, Russian Federation

Abstract: The purpose of the study is to examine the model of sectoral specialization of judicial representatives based on self-regulatory organizations (SROs) as a constructive alternative to the project of professionalization of judicial representation through the introduction of a «lawyer's monopoly». The methods of systematic analysis, comparative legal method, formal legal method, sociological method, and document analysis method are employed. The article analyzes the outcomes of the international round table «Prospects for the Introduction of Specialization in the Field of

Advocacy of the CIS Member States» (December 9, 2025), the position of M.Yu. Barshchevsky on the register of judicial representatives, the results of the empirical study by A.P. Kazun, E.A. Khodzhayeva and A.A. Yakovlev on actual specialization within the bar community, foreign experience of lawyer specialization (Armenia, Uzbekistan, Germany, France), as well as the state of the legal services market according to the VETA research (2024). The necessity of transitioning from the concept of a «universal» advocate to a model of specialized judicial representation is substantiated. A concept of the federal law «On Qualified Legal Assistance» is proposed, providing for the creation of sectoral SROs of judicial representatives, the extension of consumer protection legislation to their activities, and the delineation of functions of the Ministry of Justice of the Russian Federation and the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation in controlling the legal services market. The significance of the work lies in justifying a mechanism that ensures the balance of private and public interests in the field of judicial representation through the development of domestic self-regulation experience rather than borrowing foreign models.

Keywords: qualified legal assistance, judicial representation, lawyer's monopoly, self-regulatory organization, specialization, consumer protection, advocacy

For citation: Kozlova V.M. Specialization of Judicial Representation as an Alternative to the «Lawyer's Monopoly»: Self-regulation by Branches of Law in the Context of Implementing the Constitutional Right to Qualified Legal Assistance = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):55. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_55

Введение

Адвокаты отмечают, что в современном мире, перенасыщенном информацией и новыми знаниями, юридическая профессия не может оставаться в стороне от тенденций к специализации. Эпоха «универсальных» адвокатов, заявляющих, что они разбираются во всех отраслях права и готовы взяться за ведение любого дела, уходит в прошлое, постепенно уступая место специализированным профессионалам, глубоко погруженным в конкретные сферы [1]. Между тем в Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» сохраняется указание на универсальность профессиональных судебных защитников. Реальность такова, что новые нормативные правовые акты, регулирующие общественные отношения, интенсивно внедряются в жизнь, а действующие – активно трансформируются. В таких условиях невозможно оставаться квалифицированным специалистом, обладающим не только энциклопедическими знаниями, но и пониманием тенденций всех отраслей правового регулирования.

Разрыв между нормативной универсальностью и фактической невозможностью одного специалиста одинаково глубоко знать все отрасли права ставит под угрозу конституционное право граждан на квалифицированную юридическую помощь (ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации). Конституционный Суд РФ подчеркивает, что государство «обеспечивает условия, способствующие подготовке квалифицированных, обладающих необходимыми профессиональными навыками юристов и устанавливает с этой целью определенные профессиональные и иные квалификационные требования». Ключевым понятием здесь является именно «квалифицированная

юридическая помощь» – безотносительно того, кем она оказывается: адвокатом или юристом без адвокатского статуса [11]. Квалифицированная, а значит качественная, юридическая помощь возможна только тогда, когда лицо, ее оказывающее, является высококвалифицированным специалистом в конкретной отрасли права.

Вопрос о реформировании системы судебного представительства приобрел особую остроту в 2025 году, когда Министерство юстиции РФ опубликовало проект поправок, направленных на профессионализацию судебного представительства на базе адвокатуры. Параллельно в Федеральной палате адвокатов РФ (далее – ФПА РФ) активно обсуждались вопросы специализации: 9 декабря 2025 г. состоялся международный круглый стол «Перспективы введения специализации в сфере адвокатской деятельности государств – участников СНГ», был проведен опрос о механизмах введения специализации [3,4].

В настоящей статье предлагается альтернативная модель, основанная на создании саморегулируемых организаций (далее – СРО) судебных представителей, дифференцированных по отраслям права. Принципиально важно, что данная модель не требует обращения к зарубежному опыту как образцу для подражания – достаточно обратить внимание на отечественный опыт саморегулируемых организаций, объединяющих субъектов профессиональной деятельности по оказанию квалифицированной юридической помощи.

1. Фактическая специализация: эмпирические данные

1.1. Специализация как объективная реальность

Масштабное эмпирическое исследование, проведенное А.П. Казуном, Е.А. Ходжаевой и

А.А. Яковлевым на основе опроса 3 317 адвокатов в 35 регионах Российской Федерации, убедительно демонстрирует: несмотря на нормативную универсальность статуса, фактическая специализация адвокатов является скорее правилом, нежели исключением.

Без какой-либо специализации на определенном типе дел работают лишь 1,2 % опрошенных адвокатов. Подавляющее большинство – 70 % опрошенных – имеют высокий уровень специализации: 39 % специализируются преимущественно на уголовных делах, 31 % – на гражданских. Высокая специализация только на административных делах характерна для менее чем 1 % адвокатов и является узкой нишей.

При этом исследование выявило, что на выбор специализации существенно влияют: предшествующий профессиональный опыт (адвокаты из «силовых» ведомств в более чем половине случаев специализируются на уголовных делах, тогда как выходцы из коммерческого сектора чаще выбирают гражданский процесс – 44,9 %); территория деятельности (чем меньше населенный пункт, тем чаще адвокаты специализируются на уголовных делах – более 56 % в малых городах и сельской местности); стаж (наибольшая доля уголовных специалистов – среди начинающих адвокатов и среди наиболее опытных – со стажем свыше 15 лет) [5].

Эти данные свидетельствуют о том, что специализация в адвокатуре – объективный и устойчивый процесс, обусловленный как рыночными, так и институциональными факторами. Нормативное регулирование, игнорирующее данную реальность, неизбежно отстает от практики.

1.2. Состояние рынка юридических услуг

По данным исследования компании VETA (2024 г.) рынок юридических услуг в Москве и Московской области характеризуется значительной дифференциацией стоимости и качества оказываемых услуг [6]. Средняя стоимость представительства в гражданских спорах, арбитражном процессе и уголовном судопроизводстве различается в разы в зависимости от специализации и квалификации представителя. Эти данные свидетельствуют о том, что рынок юридических услуг объективно структурирован по отраслям, однако указанная структура не получает нормативного закрепления.

Как справедливо отмечает М.Ю. Барщевский, «раньше, еще в советские времена и в 1990-е, два грамотных юриста с разных сторон, представляющих клиентов, подсказывали судье, давали ему возможность взглянуть на картину мира объек-

тивно. Это и есть смысл состязательного процесса. Сегодня, когда у тебя два неграмотных, – это только отнимает время». При этом в России ежегодно выпускается от 270 до 300 тыс. юристов [7].

Представляется возможным согласиться с позицией о том, что «профанационным» отношением к адвокатскому статусу и интересам доверителя существенно затрагивается конституционное право на оказание квалифицированной юридической помощи [1]. Существующая система не предусматривает эффективного механизма отсеивания некомпетентных специалистов на этапе их допуска к судебному представительству.

2. Проблемы проекта «адвокатской монополии»

Проект Минюста, опубликованный 11 июля 2025 года, предлагает с 1 января 2028 года допускать к судебному представительству только адвокатов. Между тем данный проект содержит ряд системных противоречий.

Во-первых, проектируемые исключения для штатных сотрудников организаций создают возможность для обхода ограничений. Как отмечает М.Ю. Барщевский: «Там сказано: «за исключением сотрудников предприятий». Стоп, ребята! Так я беру любого человека на временном трудовом договоре на месяц. Он мой сотрудник? Все, он пошел в суд. Это будет обходиться просто в полпинка, но звучит красиво» [7].

Во-вторых, законопроект предусматривает расширение контрольных полномочий Минюста [3; 8]. Указанное обстоятельство рассматривается значительной частью юридического сообщества как потенциальная угроза принципу независимости адвокатуры.

В-третьих, принудительная инкорпорация всех судебных юристов в адвокатуру неизбежно приведет к монополизации рынка и росту цен. Ю.П. Синельщиков предупредил, что реформа «приведет к массовой потере рабочих мест, исчезновению конкуренции, усилению госконтроля и росту цен на юридические услуги при одновременном снижении их доступности» [8].

В-четвертых, «адвокатская монополия» не решает проблему качества, поскольку основана на принципе универсальности: сдав единый квалификационный экзамен общего характера, лицо получает право вести любые дела во всех отраслях права. Однако именно эта универсальность, как показывают эмпирические данные, является фикцией – 98,8 % адвокатов *de facto* работают как специалисты в определенных сферах права.

3. Зарубежный опыт и его границы

3.1. Опыт государств – участников СНГ

На международном круглом столе 9 декабря 2025 года были представлены две принципиально разные модели.

Армения придерживается модели универсальной лицензии: специализация адвокатов является добровольной и определяется самими адвокатами.

Узбекистан с 2018 года реализует лицензионно-разрешительную модель: адвокатские лицензии разделены на два вида – для участия в гражданских и экономических судах и для участия в уголовных и административных судах. При этом адвокат вправе получить оба вида лицензий при условии сдачи соответствующих экзаменов [1; 4].

3.2. Опыт стран Западной Европы и его ограниченная применимость

В Германии и Франции адвокаты являются универсалами и вправе вести любые дела. В Германии наряду с универсальным статусом функционирует добровольная система «Fachanwalt» (адвокат-специалист). Как было подчеркнуто на круглом столе, отсутствие принудительной специализации обусловлено стремлением адвокатуры сохранить независимость, «потому что любое дополнительное регулирование, в том числе в сфере специализации, может пошатнуть эту независимость».

Вместе с тем не следует переоценивать значение зарубежного опыта для российских условий. Правовые системы Германии, Франции, а тем более государств – участников СНГ имеют свою историческую специфику, иную структуру юридического рынка и иные механизмы контроля качества. Российская правовая система располагает собственным институциональным ресурсом для решения проблемы специализации – опытом саморегулируемых организаций, успешно функционирующих в смежных сферах профессиональной деятельности.

4. Отечественный опыт саморегулирования как основа модели

4.1. СРО арбитражных управляющих: доказавшая эффективность модель

Институт саморегулирования деятельности арбитражных управляющих существует в России с декабря 2002 года, когда Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» впервые заменил государственное лицензирование механизмом саморегулирования. За более чем два десятилетия существования институт показал свою работоспособность и постоянно совершенствовался: появились новые способы обеспечения имущественной ответственности, способы контроля деятельности, введены дополнительные

требования к повышению уровня профессиональной подготовки. Ключевые элементы модели СРО арбитражных управляющих, применимые к судебному представительству, включают: разработку стандартов и правил профессиональной деятельности; контроль за их соблюдением членами организации; формирование компенсационного фонда для обеспечения ответственности; защиту прав и законных интересов членов организации; создание национального объединения СРО.

4.2. Преимущества саморегулирования перед «адвокатской монополией»

Модель СРО обладает рядом преимуществ перед «адвокатской монополией» в контексте обеспечения квалифицированной юридической помощи:

- отраслевая квалификация вместо универсального статуса: экзамен при вступлении в СРО проверяет знания конкретной отрасли права, а не общую правовую эрудицию;
- корпоративный контроль коллег-специалистов: качество работы оценивается профессионалами в той же сфере, а не универсальной квалификационной комиссией;
- имущественная ответственность: компенсационный фонд обеспечивает реальное возмещение убытков доверителей;
- конкуренция: множество СРО по разным отраслям исключает монополизацию и удерживает стоимость услуг;
- добровольность: юрист самостоятельно выбирает отрасль специализации и соответствующую СРО, что сохраняет свободу профессиональной деятельности.

5. Концепция федерального закона «О квалифицированной юридической помощи»

5.1. Общие положения

Предлагается принятие нового федерального закона «О квалифицированной юридической помощи», который заменит действующее деление рынка на «адвокатов» и «свободных юристов» единой системой допуска к судебному представительству. Закон должен закрепить право на осуществление судебного представительства за следующими субъектами:

- адвокатами (в силу действующего статуса);
- членами отраслевых саморегулируемых организаций судебных представителей;
- законными представителями, штатными сотрудниками организаций и иными лицами, указанными в процессуальном законодательстве.

Указанный подход обеспечивает реализацию конституционного права на квалифицированную юридическую помощь (ч. 1 ст. 48 Конституции

РФ) через подтверждение квалификации специалистов в конкретных отраслях права, а не через формальное наделение единым универсальным статусом. М.Ю. Барщевский сформулировал базовый принцип данного подхода: «Квалифицированная юридическая помощь – это не помощь тех, кто получил юридический диплом» [7]. Право на судебное представительство должно быть обусловлено подтвержденной квалификацией в соответствующей сфере.

5.2. Отраслевые СРО судебных представителей

Ключевыми элементами предлагаемой модели являются саморегулируемые организации судебных представителей, создаваемые по отраслевому принципу. Предлагается выделение следующих основных направлений:

- СРО специалистов по гражданскому и семейному праву;
- СРО специалистов по арбитражному и корпоративному праву;
- СРО специалистов по банкротству (по аналогии с действующими СРО арбитражных управляющих);
- СРО специалистов по налоговому праву;
- СРО специалистов по интеллектуальной собственности и ИТ-праву;
- СРО специалистов по трудовому праву;
- иные СРО по мере формирования соответствующего спроса.

Требования к членству в СРО должны включать: высшее юридическое образование; стаж практической деятельности в соответствующей отрасли не менее двух лет; успешную сдачу отраслевого квалификационного экзамена; соблюдение стандартов профессиональной этики и дисциплины.

Один юрист вправе состоять одновременно в нескольких СРО при условии сдачи соответствующих экзаменов – аналогично возможности получения двух видов лицензий в Узбекистане. Такая модель легитимизирует фактическое положение дел: эмпирические данные показывают, что около 30 % адвокатов совмещают практику в нескольких типах дел, и механизм множественного членства в СРО позволит сохранить эту гибкость.

5.3. Защита прав потребителей юридических услуг

Важнейшей новеллой предлагаемой модели является распространение на деятельность судебных представителей – членов СРО – законодательства о защите прав потребителей. В настоящее время адвокатская деятельность ассоциирует себя с юридической помощью, лукаво умалчивая

о возмездном характере отношений, в связи с чем судебная практика последовательно отказывает в применении Закона РФ «О защите прав потребителей» к отношениям между адвокатом и доверителем.

Членство в СРО предполагает профессиональную деятельность по оказанию юридических услуг на систематической основе, что позволяет квалифицировать отношения между судебным представителем и доверителем как потребительские. Это обеспечивает доверителю весь арсенал потребительской защиты: право на взыскание неустойки за ненадлежащее оказание услуг, штрафа в размере 50 % от присужденной суммы, компенсации морального вреда, а также освобождение от уплаты государственной пошлины при обращении в суд. Указанные механизмы создают мощный экономический стимул к повышению качества услуг (юридической помощи), значительно превосходящий по эффективности дисциплинарные процедуры, предусмотренные действующим законодательством об адвокатуре.

5.4. Разграничение функций государственных органов

Одним из существенных рисков действующей реформы является сосредоточение контрольных полномочий в руках Министерства юстиции Российской Федерации [3; 8]. В предлагаемой модели функции разграничиваются по принципу сдержек и противовесов.

Министерство юстиции РФ осуществляет исключительно техническую функцию – ведение единого федерального реестра судебных представителей (СРО и их членов). Минюст лишается дисциплинарных и карательных полномочий в отношении судебных представителей, что устраняет конфликт интересов членов юридического сообщества с государством.

Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации осуществляет контроль за деятельностью СРО судебных представителей. Данное решение концептуально обосновано тем, что именно судебная власть, осуществляющая через Судебный департамент организационное обеспечение деятельности судов, имеет прямой публичный интерес в том, чтобы в судебных процессах участвовали квалифицированные представители, соблюдающие процессуальную дисциплину и этику. По аналогии с системой СРО арбитражных управляющих, где контроль осуществляется органом, непосредственно связанным с процедурами банкротства, контроль за СРО судебных представителей логично возложить на орган судебной власти.

5.5. Роль адвокатуры в новой системе

Предлагаемая модель переосмысливает роль адвокатуры в соответствии с конституционным предназначением, не умаляя значения данного института.

Адвокаты сохраняют право на судебное представительство в полном объеме в силу своего действующего статуса. Вместе с тем основная публичная функция адвокатуры сосредотачивается на обеспечении защиты по назначению государства в уголовном судопроизводстве (ст. 51 УПК РФ), а также на оказании бесплатной юридической помощи в соответствии с Федеральным законом от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». Конституция Российской Федерации в ч. 2 ст. 48 прямо связывает право задержанного, заключенного под стражу и обвиняемого на помощь именно с фигурой адвоката (защитника), что подтверждает обоснованность сохранения адвокатуры как специализированного публично-правового института уголовной защиты.

Адвокаты также вправе в добровольном порядке вступать в отраслевые СРО для подтверждения своей узкой квалификации перед доверителями и повышения конкурентоспособности на рынке. Такое совмещение статусов позволяет адвокатам легитимизировать свою *de facto* специализацию – ту, которой они и так придерживаются в 98,8 % случаев.

6. Баланс частных и публичных интересов

Предлагаемая модель разрешает многолетний конфликт между адвокатами и частнопрактикующими юристами через оптимальный баланс частных и публичных интересов, что соответствует парадигме эволюции судебного представительства.

Частный интерес доверителя обеспечивается: свободой выбора специалиста, чья квалификация в конкретной отрасли права подтверждена членством в профильной СРО; экономической защитой посредством норм законодательства о защите прав потребителей; сохранением конкуренции на рынке юридических услуг, препятствующей необоснованному росту цен.

Публичный интерес государства в обеспечении защиты по назначению в уголовном судопроизводстве реализуется через сохранение адвокатуры как специализированного института.

Публичный интерес правосудия в повышении качества судебных процессов обеспечивается контролем Судебного департамента при Верховном Суде РФ за деятельностью СРО и механизмами отраслевой квалификационной аттестации.

Право каждого на получение квалифицированной юридической помощи «служит гарантией осуществления других закрепленных в Конституции прав и свобод, в частности на защиту своих прав всеми способами, не запрещенными законом, на судебную защиту, на разбирательство дела судом на основе состязательности и равноправия сторон».

Заключение

Анализ действующего регулирования, проекта адвокатской монополии, эмпирических данных о фактической специализации адвокатов и отечественного опыта саморегулирования позволяет сформулировать следующие выводы.

Специализация в сфере судебного представительства является объективной реальностью: 98,8 % адвокатов *de facto* специализируются на определенных типах дел. Нормативное регулирование, игнорирующее данную реальность и основанное на фикции «универсального» адвоката, не способно обеспечить конституционное право на квалифицированную юридическую помощь.

Проект профессионализации судебного представительства через «адвокатскую монополию», при всей обоснованности цели повышения качества юридической помощи, содержит системные риски: возможность обхода ограничений, угрозу монополизации рынка и роста цен, а также сосредоточение избыточных контрольных полномочий в руках исполнительной власти.

Не следует искать выход в зарубежных моделях: российская правовая система располагает собственным, доказавшим свою эффективность институтом саморегулирования. Модель отраслевых СРО арбитражных управляющих, успешно функционирующая с 2002 года, может быть адаптирована к сфере судебного представительства.

Предлагаемая концепция федерального закона «О квалифицированной юридической помощи» позволяет достичь цели повышения качества судебного представительства через рыночные и частноправовые механизмы – отраслевую квалификационную аттестацию, имущественную ответственность перед потребителем, конкуренцию между организациями – при одновременном сохранении адвокатуры как публично-правового института уголовной защиты.

Ключевой идеей данной концепции является признание того, что квалифицированная юридическая помощь в современных условиях может быть обеспечена не посредством наделения специалиста универсальным статусом, а посредством подтверждения его глубокой квалификации в конкретной отрасли права.

Список источников

1. Бушманов И.Б. Специализация в адвокатуре: насущное требование современности // Адвокатская газета. 2024. 18 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/spetsializatsiya-v-advokature-nasushchnoe-trebovanie-sovremennosti/>.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.1997 № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 7. ст. 871.
3. Министерство юстиции РФ. Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (профессионализация судебного представительства). 2025. 11 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/163630/>.
4. Федеральная палата адвокатов РФ. Международный круглый стол «Перспективы введения специализации в сфере адвокатской деятельности государств – участников СНГ». 2025. 9 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/po-kakomu-puti-nam-idti/>.
5. Казун А.П., Ходжаева Е.А., Яковлев А.А. Адвокатское сообщество России: аналитический обзор на основе эмпирических данных. М.; СПб.: ИПП при ЕУ в СПб; НИУ ВШЭ, 2015.
6. VETA. Исследование рынка юридических услуг: Москва и Московская область. М.: VETA, 2024.
7. Барщевский М.Ю. Интервью РБК: «Альтернативой «адвокатской монополии» мог бы стать экзамен на право представлять позицию в суде» // РБК. 2026. 28 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/02/2026/69a158b59a79473aba6d3892>.
8. Синельщиков Ю.П. Адвокаты и юристы поссорились в гостях у коммунистов: острая дискуссия об адвокатской монополии в парламенте // Коммерсантъ. 2025. 9 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8101430>.
9. Ряховская А.Н., Кован С.Е., Алферов В.Н. Проблемы саморегулирования в России // Эффективное антикризисное управление. 2013. № 2. С. 62–71.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.10.2001 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений статей 293 и 246 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 45. Ст. 4302.
11. Морщакова Т.Г. Конституционные основы организации и реформирования системы квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 5. С. 58–72 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iuaj.net/node/1923>.
2024. 18 sentyabrya [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/spetsializatsiya-v-advokature-nasushchnoe-trebovanie-sovremennosti/>.
2. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 28.01.1997 № 2-P «Po delu o proverke konstitucionnosti chasti chetvertoj stat'i 47 Ugolovno-processual'nogo kodeksa RSFSR v svyazi s zhalobami grazhdan B.V. Antipova, R.L. Gitisa i S.V. Abramova» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1997. № 7. St. 871.
3. Ministerstvo yusticii RF. Proekt federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v otdel'ny`e zakonodatel'ny`e akty` Rossijskoj Federacii» (professionalizaciya sudebnogo predstavitel'stva). 2025. 11 iyulya [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/163630/>.
4. Federal'naya palata advokatov RF. Mezhdunarodny`j krugly`j stol «Perspektivy` vvedeniya specializacii v sfere advokatskoj deyatel'nosti gosudarstv – uchastnikov SNG». 2025. 9 dekabrya [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/po-kakomu-puti-nam-idti/>.
5. Kazun A.P., Xodzhaeva E.A., Yakovlev A.A. Advokatskoe soobshhestvo Rossii: analiticheskij obzor na osnove e`mpiricheskix danny`x. M.; SPb.: IPP pri EU v SPb; NIU VShE`, 2015.
6. VETA. Issledovanie ry`nka yuridicheskix uslug: Moskva i Moskovskaya oblast`. M.: VETA, 2024.
7. Barshhevskij M.Yu. Interv`yu RBK: «Al'ternativoj advokatskoj monopolii mog by` stat' e`kzamen na pravo predstavlyat' poziciyu v sude» // RBK. 2026. 28 fevralya [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/02/2026/69a158b59a79473aba6d3892>.
8. Sinel'shnikov Yu.P. Advokaty` i yuristy` possorilis` v gostyax u kommunistov: ostraya diskussiya ob advokatskoj monopolii v parlamente // Kommersant`. 2025. 9 oktyabrya [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8101430>.
9. Ryaxovskaya A.N., Kovan S.E., Alferov V.N. Problemy` samoregulirovaniya v Rossii // E`ffektivnoe antikrizisnoe upravlenie. 2013. № 2. S. 62–71.
10. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 25.10.2001 № 14-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij statej 293 i 246 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa RSFSR v svyazi s zhalobami grazhdan» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2001. № 45. St. 4302.
11. Morshhakova T.G. Konstitucionny`e osnovy` organizacii i reformirovaniya sistemy` kvalificirovannoj yuridicheskoy pomoshhi v Rossijskoj Federacii // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2015. № 5. S. 58–72 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.iuaj.net/node/1923>.

Статья поступила в редакцию 05.03.26; одобрена после рецензирования 12.03.26; принята к публикации 12.03.26.

The article was submitted 05.03.26; approved after reviewing 12.03.26; accepted for publication 12.03.26.

References

1. Bushmanov I.B. Specializaciya v advokature: nasushhnoe trebovanie sovremennosti // Advokatskaya gazeta.

Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 62.
Eurasian Advocacy. 2026;(1(78)):62.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья

УДК 343.163

doi 10.52068/2304-9839_2026_78_1_62

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОГЛАШЕНИЯ ПОКАЗАНИЙ ПОТЕРПЕВШЕГО И СВИДЕТЕЛЯ СО СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ

ИБРАГИМОВ Артур Гасангусейнович

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация: Целью статьи является анализ специфики оглашения показаний потерпевшего и свидетеля со стороны обвинения в ходе судебного следствия. Анализируется соотношение показаний, данных на стадии предварительного расследования и в суде, а также процессуальные основания их оглашения в соответствии со ст. 281 УПК РФ. Особое внимание уделяется проблеме обвинительного уклона, обусловленного условиями получения показаний на досудебной стадии и практикой их последующего использования государственным обвинителем. Сделан вывод о необходимости внимательного процессуального контроля со стороны защиты за основаниями и порядком оглашения таких показаний в судебном заседании.

Ключевые слова: оглашение показаний, допрос, судебное следствие, государственный обвинитель, сторона защиты, потерпевший, свидетель со стороны обвинения

Для цитирования: Ибрагимов А.Г. Некоторые особенности оглашения показаний потерпевшего и свидетеля со стороны обвинения // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 62. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_62

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

SOME FEATURES OF READING OUT THE TESTIMONY OF THE VICTIM AND THE PROSECUTION WITNESS

IBRAGIMOV Artur Gasanguseinovich

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science of Kazan Federal University
420008, Kazan, Kremlevskaya str., 18-1, Russian Federation

Abstract: The purpose of the article is to analyze the specifics of reading out the testimony of the victim and witness on the part of the prosecution during the trial. It analyzes the relationship between testimony given at the stage of preliminary investigation and testimony presented in court, as well as the procedural grounds for their disclosure under Article 281 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Particular attention is paid to the problem of accusatory bias resulting from the conditions in which testimony is obtained during the pre-trial stage and from the practice of its subsequent use by the public prosecutor. The author concludes that the defense must exercise careful procedural control over the grounds and procedure for reading out such testimony during the trial.

Keywords: reading out testimony, interrogation, judicial proceedings, public prosecutor, defense, victim, prosecution witness

For citation: Ibragimov A.G. Some Features of Reading Out the Testimony of the Victim and the Prosecution Witness = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):62. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_62

Допрос является важнейшим следственным действием, производимым как в ходе досудебного, так и судебного производства.

Целесообразно проанализировать некоторые особенности допроса потерпевшего и свидетеля

со стороны обвинения на обоих этапах, а также обратиться к вопросу оглашения их показаний государственным обвинителем в судебном следствии.

На досудебном этапе допросы участников уголовного судопроизводства производятся в

«вакууме». Органы предварительного расследования обладают публично-властными полномочиями, которые, в свою очередь, обеспечивают их широким уголовно-процессуальным инструментарием.

Почему мною употреблен термин «вакуум» и какое это имеет значение для судебного следствия?

Лицо, вовлеченное в уголовный процесс на досудебном этапе, предстает перед представителем государства, наделенным публично-властными полномочиями, обладающим специальными знаниями, являющимся участником со стороны обвинения.

Должностное лицо, осуществляющее допрос в ходе предварительного расследования, помимо вышеуказанного, располагает множеством тактических приемов, некоторые из которых фактически выходят за рамки уголовно-процессуального закона. В ряде случаев установить такой водораздел исключительно сложно. Вместе с тем, заверяя достоверность запротоколированной информации рукописной записью «с моих слов напечатано верно, мною прочитано», допрашиваемый может не в полной мере осознавать изменение, в частности, некоторых формулировок или словопотребления в целом, но именно этот протокол может быть оглашен в ходе судебного следствия, когда, как показывает практика, в силу объективно-естественных или субъективно-личностных причин (например, истечения значительного количества времени или ретроспективных когнитивных искажений у допрошенного лица) восстановить объективную картину обстоятельств гораздо сложнее.

Поскольку следственное действие производится в условиях ограниченного круга лиц, а также априорного влияния (в некотором смысле давления) статуса должностного лица органа предварительного расследования на допрашиваемого, сторона обвинения, безусловно, имеет преимущество.

М.Е. Клюкова справедливо отмечает, что в силу отсутствия публично-властных полномочий у стороны защиты возникает «опасность создания обвинительного уклона в стадии предварительного расследования». По ее мнению, именно производство допросов скрывает в себе множество факторов, остающихся на мета-уровне, то есть в такой плоскости, которая очевидна лишь для участников произведенного допроса [2]. Однако именно такие обстоятельства влияют на содержание самого протокола в частности и порождают угрозу обвинительного уклона в целом.

Совершенно иная уголовно-процессуальная конъюнктура складывается при производстве допроса в ходе судебного следствия.

Судебное следствие есть ключевая стадия уголовного судопроизводства, что объясняется следующими факторами:

– во-первых, в полной мере раскрывается принцип состязательности сторон, поскольку сторона защиты одновременно с государственным обвинением участвует в исследовании доказательств, в частности, в режиме реального времени получает возможность задавать вопросы участникам уголовного судопроизводства во время допросов;

– во-вторых, именно в ходе судебного следствия доказательства, добытые в ходе предварительного расследования, исследуются непосредственно судом, который оценивает их при вынесении итогового решения по уголовному делу;

– в-третьих, в ходе судебного следствия допрос по существу тех же обстоятельств производится не должностным лицом органа предварительного расследования, а прокурором.

Таким образом, на момент допроса участников уголовного судопроизводства в материалах дела уже имеются протоколы, составленные в ходе предварительного расследования с учетом специфики, описанной ранее. По указанным причинам целесообразно остановиться на допросе потерпевшего и свидетеля со стороны обвинения.

В силу ч. 2 ст. 281 УПК РФ [1] при неявке в судебное заседание потерпевшего или свидетеля суд по собственной инициативе или по ходатайству стороны вправе принять решение об оглашении ранее данных ими показаний в следующих случаях: смерть потерпевшего или свидетеля; тяжелая болезнь, препятствующая явке в суд; отказ потерпевшего или свидетеля, являющегося иностранным гражданином, явиться по вызову суда; стихийное бедствие или иные чрезвычайные обстоятельства, препятствующие явке в суд; если в результате принятых мер установить место нахождения потерпевшего или свидетеля для вызова в судебное заседание не представилось возможным.

В этом случае стороне защиты не представляется возможным задать вопросы таким участникам и суд будет опираться на данные в ходе предварительного расследования показания.

Вместе с тем следует обратить внимание на ч. 3 ст. 281 УПК РФ [1], в соответствии с которой по ходатайству стороны суд вправе принять решение об оглашении показаний потерпевшего или

свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования либо в суде, при наличии существенных противоречий между ранее данными показаниями и показаниями, данными в суде.

Как показывает практика, оглашение показаний потерпевших и свидетелей со стороны обвинения в связи с существенными противоречиями уже является неотъемлемой частью судебного следствия. Какие обстоятельства скрываются за таким оглашением?

Во-первых, государственными обвинителями зачастую такие существенные противоречия не указываются, и это, в свою очередь, продиктовано своими причинами: показания, данные потерпевшим или свидетелем в ходе судебного следствия, не в полной мере отвечают доказательным ожиданиям прокурора и содержанию протокола допроса в предварительном расследовании, однако как таковых противоречий по существу не имеется и тем более не имеется противоречий существенных. Скорее, это указывает на невозможность правильной постановки вопросов государственным обвинителем и восполнения пробелов в показаниях. Понятия «противоречие» и «пробел» не тождественны. Пробел восполняется путем постановки логически верных и допустимо сформулированных вопросов. Пробел именно восполняется. Противоречие устраняется.

Во-вторых, когда существенные противоречия действительно имеют место, в подавляющем большинстве случаев протокол допроса оглашается в полном объеме, охватывая не только показания, подпадающие под определение «существенные противоречия», но и иную их часть. Такое «сплошное» оглашение крайне полезно для государственного обвинителя, поскольку вопросы, касающиеся иной части показаний, могут

быть еще не заданы на момент оглашения, либо восполнение пробелов невозможно в силу причин, описанных выше.

Допрос является сложным многоуровневым следственным (судебно-следственным) действием, имеющим колоссальное доказательственное значение, требующим внимания к тактике, обстановке и уголовно-процессуальным требованиям, что влечет соответствующие сложности при оглашении.

Представляется, что защитникам следует крайне внимательно относиться как к самому оглашению показаний потерпевшего и свидетеля со стороны обвинения, так и к его основаниям.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. 20.02.2026).
2. Ключкова М.Е. Субъекты уголовного преследования // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. № 6. С. 273–279.

References

1. Uголовno-processual'ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. 20.02.2026).
2. Klyukova M.E. Sub`ekty` ugolovno-go presledovaniya // Ucheny`e zapiski Kazanskogo gosudarstvenno-go universiteta. Seriya: Gumanitarny`e nauki. 2007. T. 149. № 6. S. 273–279.

Статья поступила в редакцию 11.03.26; одобрена после рецензирования 17.03.26; принята к публикации 17.03.26.

The article was submitted 11.03.26; approved after reviewing 17.03.26; accepted for publication 17.03.26.

Научная статья

УДК 347.4

doi 10.52068/2304-9839_2026_78_1_65

ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ ДОГОВОРА ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ

МАЛАФЕЕВ Михаил Александрович

Аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права юридического факультета Ульяновского государственного университета

432970, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 40/9, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются особенности договора технического сопровождения программного обеспечения. Данный вид договора является относительно новым, практика по таким договорам постоянно развивается, поскольку условия таких соглашений напрямую связаны с актуальными тенденциями в сфере развития информационных технологий. Каждый новый подход в работе служб технической поддержки отражается на общей характеристике такого договора и его условиях. В работе рассматриваются отличия услуг технической поддержки и технического сопровождения, основные и существенные условия таких соглашений, проблемы классификации таких договоров, проблемы правового режима системных обновлений как результатов работы технической поддержки. Определяется роль данного вида соглашений в общей системе отношений по предоставлению программного обеспечения. Применяется сравнительный анализ практик отдельных организаций, анализируется практика по таким договорам, а также обсуждаются основные проблемы подобных договоров. По результатам исследования предлагается при определении рассматриваемых договоров использовать термин именно «техническое сопровождение», как наиболее универсальный для данного вида услуг. В рамках текущей практики предлагается воспринимать такие соглашения как договор на оказание услуг, в существенных условиях которых необходимо предусматривать полный исчерпывающий перечень оказываемых услуг, точные критерии оценки качества услуг, зону ответственности исполнителя, а также порядок обновлений сопровождаемой системы и предел возможных изменений.

Ключевые слова: договор технической поддержки, техническая поддержка, техническое сопровождение, предоставление программного обеспечения, гражданско-правовые отношения

Для цитирования: Малафеев М.А. Проблемы практики договора технической поддержки = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):65. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_65

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

PROBLEMS OF PRACTICE OF TECHNICAL MAINTENANCE CONTRACTS

MALAFEEV Mikhail Alexandrovich

Postgraduate Student of the Department of Civil and Business Law of Law Faculty of Ulyanovsk State University
432970, Ulyanovsk, Goncharova Str., 40/9, Russian Federation

Abstract: The article discusses the specifics of the software technical maintenance agreement. This type of contract is relatively new, and the practice of such contracts is constantly evolving, since the terms of such agreements are directly related to current trends in information technology development. Each new approach in the work of technical support services is reflected in the general characteristics of such an agreement and its terms. The article examines the differences between technical support services and software maintenance, the main and essential terms of such agreements, the problems of classifying such contracts, the problems of the legal regime of system updates as the results of support specialists' work. The article investigates the role of this type of agreement in the general system of relations for the provision of software. A comparative analysis of the practices of individual organizations is applied, the practice of such contracts is analyzed, and the main problems of such contracts are discussed. According to the results of the work, it is proposed to use the term «software maintenance» as the most universal for this type of service. Within the framework of current practice, it is proposed to treat such agreements as a service agreement, in the essential terms of which it is necessary to provide a complete and exhaustive list of services provided, precise criteria for evaluating

the quality of services, the area of responsibility of the contractor, as well as the procedure for updating the supported system and the limit of possible changes.

Keywords: technical support agreement, technical support, software maintenance, software provision, civil law relations

For citation: Malafeev M.A. Problems of Practice of Technical Maintenance Contracts = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):65. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_65

В современной практике большинства организаций использование корпоративных информационных систем составляет неотъемлемую часть их деятельности. Используются как распространенные на рынке готовые предложения, так и отдельные их модификации или полностью уникальные разработки. Однако каждая корпоративная информационная система предназначена для работы с определенным оборудованием и определенным видом операционных систем, каждая из которых представляет собой комплексную систему. Независимо от степени проработки используемой конфигурации информационной системы, при работе с ней неизбежно будут возникать системные ошибки, сбои в работе отдельных компонентов или уязвимости в используемых мерах обеспечения безопасности данных. Для того чтобы используемое организацией программное обеспечение было работоспособным и сохраняло высокий уровень безопасности и отказоустойчивости, ему необходимы своевременные обновления, диагностика и исправление возникающих в ходе работы ошибок, и внесение индивидуальных доработок для решения задач организации. Именно с этой целью в отношении корпоративных информационных систем, другого программного обеспечения или оборудования организации заключают отдельный договор на их техническое обслуживание.

На практике, после передачи программного обеспечения и его технической адаптации возникает вопрос о дальнейшей поддержке работоспособности предоставленной программы. Если предоставляемое программное обеспечение было установлено на устройство с обычной операционной системой, например на распространенные дистрибутивы Linux, Windows или MacOS, то, со временем, программа может перестать работать из-за значительных изменений в работе таких систем, возникших в результате очередных системных обновлений. Также большинству систем для стабильной работы с разными видами компьютерной техники требуется дополнительная техническая адаптация в виде установки отдельных обязательных системных компонентов, которые могут выйти из строя после глобальных обновлений системы. Помимо этого, в ходе работы у

заказчика может возникнуть необходимость внесения незначительных изменений в программное обеспечение, такие изменения могут не затрагивать основные принципы его работы, но будут невозможны без соответствующего понимания технической стороны работы программного обеспечения. В подобных случаях возникает необходимость заключения отдельного договора технического сопровождения.

Договор технического сопровождения, как правило, направлен на обеспечение стабильной работы программного обеспечения. Подобный договор предполагает наличие отдельного субъекта, который будет нести ответственность за работу системы, являющейся предметом договора.

В текущем законодательстве не представлено понятий, которые напрямую определяли бы термины «Техническое сопровождение» или «Техническая поддержка».

Однако в текстах действующих на данный момент государственных стандартов упоминаются ключевые задачи, возлагаемые на команду технической поддержки. Так, ГОСТ Р ИСО/МЭК 20000-1-2021, определяющий стандарты работы системы менеджмента сервисов (далее – СМС), содержит общие универсальные требования к качеству работы. Указанный стандарт определяет СМС как службу, которая выполняет следующие функции [7]:

- содействует менеджменту жизненного цикла сервиса;
- осуществляет планирование проводимых над сервисом работ;
- проектирует модели сервисов для лучшей организации работы их компонентов;
- проводит перенесение сервисов на другую архитектуру;
- организует поставки необходимых для сервиса компонентов;
- подготавливает планы по улучшению качества сервиса.

Также следует рассмотреть положения ГОСТ Р ИСО/МЭК 12207-2010, содержащего рекомендации по всем этапам жизненного цикла программного обеспечения. Указанный стандарт использует не привычное понятие «поддержка», а более расширенный его вариант –

«сопровождение», предполагающий более комплексный спектр услуг.

Как указано в пункте 6.4.10 данного стандарта: «цель процесса сопровождения программных средств заключается в обеспечении эффективной по затратам поддержки поставляемого программного продукта»[8]. В рамках данного стандарта процесс сопровождения программных средств можно разделить на две стадии:

1. в перечень услуг по сопровождению программных средств перед их поставкой рекомендуется включать следующие услуги:

- планирование операций после поставки;
- обеспечению и поддержанию и логистики.

2. виды деятельности после поставки включают в себя:

- модификацию программных средств;
- поддержку функционирования, такую как обучение или работа в режиме диспетчерской связи.

Следует также заметить, что в разъяснениях законодателя понятия «сопровождение» и «поддержка» не отождествляются.

В данной практике также понятие «сопровождение» является более широким и охватывает больший спектр услуг. Как следует из положений Письма Минцифры России от 07 сентября 2021 г. № П11-2-05-200-38749 «О рассмотрении обращений субъектов предпринимательской деятельности и заинтересованных лиц в сфере информационных технологий» техническая поддержка входит в перечень услуг, оказываемых в рамках технического сопровождения.

В упомянутом письме указано, что в рамках услуг по сопровождению программного обеспечения могут предоставляться следующие услуги [11]:

– работы по технической поддержке. Данный пункт дополнительно подтверждает, что понятие «техническое сопровождение» не тождественно технической поддержке;

– адаптация или модификация программного обеспечения или поддерживаемой базы данных, если целью этих работ (услуг) является обеспечение бесперебойного функционирования и эффективной эксплуатации программ для ЭВМ или баз данных (частично или полностью), в том числе в программно-аппаратной среде исполнителя.

Однако из практики организаций следует, что определения технической поддержки и технического сопровождения нередко отождествляются как один и тот же набор услуг поддержки программного обеспечения. При этом из той же

практики следует[4], что техническое сопровождение считается не только технической работой, но и:

– работой по подготовке учебных и методических материалов по работе с программным обеспечением;

– внесением незначительных изменений в используемую спецификацию программного обеспечения.

Также в рамках технического сопровождения могут оказываться услуги по обновлению первичных документов и отчетных форм, в которых содержится вся основная техническая характеристика поддерживаемого программного обеспечения и текущие критерии оценки качества работы технической поддержки.

Для анализа текущей практики по таким договорам следует рассмотреть типовые условия подобных соглашений, предлагаемые наиболее крупными организациями. Современные условия договоров на оказание услуг технической поддержки и технического сопровождения предполагают следующие обязанности исполнителя:

– своевременное обновление программы для обеспечения стабильной работы с будущими обновлениями операционной системы или технической структуры устройства;

– устранение возникших в результате эксплуатации программы технических ошибок.

Помимо данных основных условий, подобные договоры могут содержать дополнительные обязанности, среди которых могут быть:

– подготовка справочных материалов для самообучения пользователя работе с программой (например, составление памятки с ответами на часто возникающие вопросы по работе с системой);

– отслеживание технических показателей стабильности работы программы;

– составление и ведение технической документации программы с логированием вносимых в программу изменений.

Необходимо определить, какие условия наиболее часто предусмотрены данным видом договоров и какие из них можно считать существенными для подобных соглашений. Также для проведения наиболее объективного анализа необходимо рассмотреть, как именно трактуется термин «техническая поддержка» в договорах. Например, компания ООО «Крипто-Про», специализирующаяся на разработке систем криптографической защиты информации, в рамках договора технической поддержки предоставляемой ею программы разделяет понятия «Техническая

поддержка» и «Техническое сопровождение»: «Техническая поддержка означает совокупность видов абонентных сервисных услуг по обслуживанию УЦ (Категория 1 – регулярное обслуживание). Сопровождение же означает совокупность видов разовых сервисных услуг по обновлению, поддержке и сопровождению УЦ (Категория 2 – нерегулярное обслуживание)» [17].

Предмет договора технической поддержки ООО «Крипто-Про» указывает на то, что исполнитель обязуется осуществлять как техническую поддержку, так и техническое сопровождение.

В рамках утверждаемого перечня данный договор подразделяет предоставляемые услуги по категориям, среди которых можно выделить регулярное обслуживание, которое включает, в том числе:

- консультации по выбору, установке, администрированию, восстановлению баз данных и работоспособности системы;
- информирование о появлении новых версий системы.

Также следует заметить, что данный договор прямо дифференцирует поступающие задачи по их приоритетности относительно оценки влияния проблемы на работу компании – заказчика.

Далее следует рассмотреть форму договора, предоставляемую АО «Финтех». В этом случае компания не разделяет понятия «техническая поддержка» и «техническое сопровождение», отождествляя эти виды деятельности. Как следует из приложения «пакет технической поддержки», данный договор предусматривает и некоторые услуги технического сопровождения, такие как консультации по вопросам базовой настройки в рамках разъяснения технической документации программы. Однако основное содержание договора опирается именно на понятие «техническая поддержка», не предполагая широкого спектра именно информационно-технического сопровождения, ограничивая заказчика работами только по обнаруженным техническим ошибкам и особенностям настройки программы.

В разделе 3 «Условия и порядок организации технической поддержки» [18] следует обратить внимание на то, что договором прямо предусмотрены способы обращения заказчика в службу поддержки. Таким образом, организация, осуществляющая техническую поддержку, заранее ограничивает перечень способов связи с заказчиком для обеспечения наиболее оперативного реагирования на поступающие обращения.

Данный экземпляр договора также подразделяет предоставляемый перечень услуг по от-

дельным категориям. В данном договоре представлена более классическая для подобных услуг многоуровневая классификация услуг технической поддержки.

Далее следует рассмотреть практику компании 1С, которая действует как самостоятельно, так и через официальных партнеров, предоставляющих корпоративное ПО, специализированное на бухгалтерском учете и делопроизводстве.

В рамках договора на оказание услуг технического сопровождения, компании, действующие по франшизе 1С, заключают так называемый договор информационно-технологического сопровождения. В рамках практики продуктов 1С информационно-технологическое сопровождение понимается как «комплексная поддержка» [1], предполагая широкий неисчерпывающий перечень возможных услуг, оказываемых по такому соглашению.

Основными обязанностями по договору информационно-технологического сопровождения выступают следующие направления деятельности:

- установка официальных пакетов обновлений для программных продуктов компании, используемых заказчиком;
- доступ к отдельной справочно-технической Информационной системе 1С:ИТС;
- консультации по вопросам сервисного обслуживания системы и другим услугам, предоставляемым как самой компанией 1С, так и ее официальными партнерами.

Практика технической поддержки продукции 1С выделяется особым подходом к обеспечению закрытости системы. Как следует из условий соглашения информационно-технического сопровождения, пользователь продукции 1С не сможет получить доступ к официальным пакетам обновлений некоторых конфигураций системы даже при условии наличия у него знаний и навыков, достаточных для самостоятельной установки обновлений [9]. Таким образом, показана интересная практика полной зависимости предоставляемой корпоративной информационной системы от изначального правообладателя. В рамках этой практики заключение подобного договора является, условно, необязательным действием, однако с точки зрения обеспечения достаточного уровня отказоустойчивости и безопасности предоставляемой системы, такой договор необходим и в этом случае может являться неотъемлемой частью отношений по предоставлению корпоративной информационной системы.

Также следует заметить, что договор информационно-технического сопровождения в рамках

выбранного заказчиком доступного тарифа будет распространять свое действие одновременно на несколько программных продуктов компании, относящихся к одной серии [10]. Таким образом, подобный договор хоть и является обязательным для организаций, которым необходимо обеспечивать высокий уровень отказоустойчивости системы, он является отдельным, самостоятельным видом услуг, соглашение об оказании которых может быть заключено не сразу после установки официальной корпоративной информационной системы, а в любой удобный для заказчика момент.

Как отмечает Н.В. Васильева, одной из основных проблем унификации практики договоров по оказанию услуг технической поддержки также является проблема определения понятия «обновление системы» [2, С.18]. Как следует из рассмотренных ранее примеров, условие об обновлении системы, в отношении которой заключается соглашение об оказании услуг технической поддержки и технического сопровождения, является неотъемлемой частью каждого подобного соглашения. Однако, как следует из тех же примеров, подобные соглашения не определяют перечень работ, входящих в состав услуг обновления системы. Также следует отметить, что основные споры касательно договора о сопровождении ПО состоят в том, как следует трактовать обновление ПО – как оказание услуг или как передачу прав на его новую версию. В данном случае следует исходить из объема вносимых в программу изменений. Как следует из содержания статьи 1280 ГК РФ, лицо, правомерно владеющее экземпляром программного обеспечения, вправе осуществить «внесение в программу для ЭВМ или базу данных изменений исключительно в целях их функционирования на технических средствах пользователя».

В некоторых ситуациях обновление программного обеспечения относится именно к разделу услуг технического обслуживания, модернизации, улучшения характеристик оборудования, как было установлено в решении Арбитражного суда Свердловской области по делу № А60-65159/2019 [16]. Следует отметить, что понятие «модернизация продукции» содержится в положениях ГОСТ Р 15.000-2016 и определяется как «Создание продукции с улучшенными потребительскими свойствами путем ограниченного изменения исходной продукции и взамен ее» [5]. То есть модернизация продукции, как и модификация, порождает новый самостоятельный объект.

Однако с технической точки зрения обновление программного обеспечения не всегда несет в

себе существенные изменения в ключевых компонентах программы. На практике часто возникают ситуации, когда обновления подразделяются на обычные, которые содержат незначительные изменения и слегка улучшают работу приложения, и критические, которые напрямую влияют на работоспособность системы. Также следует учитывать и характер обновлений, поскольку обновление системы, которое направлено исключительно на обеспечение нормальной работы программы на оборудовании клиента, может быть квалифицировано как адаптация. Данная позиция также подтверждается действующими разъяснениями, изложенными в Письме Минцифры России от 27 января 2022 г. № П11-2-05-200-3571 «О рассмотрении обращений субъектов предпринимательской деятельности и заинтересованных лиц в сфере информационных технологий». Как следует из упомянутого выше документа: «адаптация, так же, как и модификация, может включать в себя внесение изменений в исходный код, исполняемый объектный код или сопутствующие документы. Такие работы (услуги), направленные на создание адаптированной версии программы для ЭВМ, базы данных, в том числе путем параметрической настройки, доработки и изменения скриптов, конфигурационных файлов, в том числе файлов, учитывающих параметры оборудования клиента и необходимых для привязки программы для ЭВМ, базы данных к оборудованию клиента, и т.п., являются адаптацией программы для ЭВМ, базы данных» [12]. То есть, в случае обновлений, проводимых командой технической поддержки или технического сопровождения, направленных исключительно на обеспечение нормальной работы программы, как правило, не возникает нового самостоятельного объекта, поскольку ключевые элементы программы не были изменены.

Подход к установке обновлений программы именно в целях адаптации становится наиболее актуальным в текущих условиях ухода с российского рынка некоторых крупных производителей программного обеспечения. В качестве примера такой ситуации следует рассмотреть выводы из Постановления Семнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 23 января 2020 г. по делу № А60-44348/2018. Как было установлено в рамках данного дела, из пояснений представителей истца апелляционному суду следует, что обновление программного обеспечения SAP не могло быть произведено ввиду введенных международных санкций, однако работоспособность установленного у заказчика названного программного

обеспечения поддерживалась в ходе исполнения договора технической поддержки. Исполнителем были установлены различного рода обновления программного обеспечения, однако ни одного обновления, выпущенного компанией SAP за период действия договора, установлено не было. То есть исполнитель по договору вносил изменения в программное обеспечение исключительно в целях обеспечения его стабильной работы на оборудовании заказчика.

Также отмечено, что, поскольку ни договор, ни какие-либо нормативные правовые и нормативно-технические акты Российской Федерации не содержат определения «актуального состояния» информационной системы, под «актуальным состоянием» следует понимать, как указано в решении, «работоспособное состояние». Также под «актуальным состоянием» системы может пониматься состояние, в котором на конкретную дату система содержит в себе абсолютно все выпущенные к этому моменту ее изготовителем обновления программного обеспечения, однако в рассматриваемом случае было установлено, что система SAP, установленная в АО «Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод», в таком состоянии не находилась, не теряя при этом работоспособности. Анализируя объем оказанных услуг, суд пришел к выводу, что объем оказанных услуг был объективно достаточен для поддержания системы SAP в работоспособном (т.е. актуальном) состоянии[14].

Таким образом, при заключении договора технической поддержки или технического сопровождения сторонам рекомендуется определить, в какой именно форме осуществляется установка обновлений систем и нормы какого именно договора следует применять при разрешении споров о качестве установленного обновления. Также следует уточнить, в каких именно условиях могут проводиться работы по адаптации программного обеспечения и какой статус приобретают результаты таких работ, если подобные условия не были предусмотрены лицензионным соглашением с правообладателем.

Также следует обратить внимание на форму договора, которым оформляются и закрепляются отношения по технической поддержке программного обеспечения. В настоящее время в практике не выделяется какая-либо доминирующая форма такого договора. Как отмечает В.А. Канашевский [3, С. 82], к договорам об оказании услуг технической поддержки программного обеспечения применяются нормы нескольких основных видов договоров:

1. Нормы договора возмездного оказания услуг или договора подряда. Данная практика применяется при технической поддержке оборудования, требующего частого внесения модификаций в используемую версию программы. Также подобная практика позволяет более привычным способом определить критерии качества оказанной технической поддержки.

2. Нормы договора купли-продажи. Такой вид практики используется в случаях, когда техническая поддержка осуществляется по предоставлению так называемых сертификатов на техническое обслуживание. Сертификат выступает в таких отношениях отдельным предложением, содержащим определенный эмитентом сертификата перечень услуг технической поддержки и технического сопровождения программного обеспечения. В рамках подобной концепции сертификат трактуется именно как товар, предоставляющий доступ к определенным в спецификации товара услугам технической поддержки.

Следует отметить, что при продаже сертификата на техническую поддержку ответственность поставщика сертификата также зависит от условий партнерского или лицензионного соглашения. Так, в решении Арбитражного суда г. Москвы от 25 октября 2023 г. по делу № А40-112331/2023 было установлено, что ответчик, возражая против удовлетворения исковых требований, указал, что на момент расторжения партнерского соглашения он исполнил все обязательства, вытекающие из актов приема-передачи сертификатов, перед истцом, а именно передал сертификаты, подтверждающие право требования оказания услуг поддержки, в связи с чем оснований для применения п. 4 ст. 453 ГК РФ и п. 1 ст. 1102 ГК РФ отсутствуют. В рамках данной позиции ответчик исходит из того, что его обязанность состояла не в оказании услуг поддержки, а в передаче сертификата, что противоречит условиям партнерского соглашения и следующим доводам самого ответчика. в соответствии с условиями партнерского соглашения, а также определений «поддержки» и «заказчика», у ответчика, как исполнителя услуг поддержки, возникла обязанность оказать конечным пользователям (заказчикам) услуги поддержки, которые были оплачены истцом и перечислены в соответствующих сертификатах, переданных истцу по актам приема-передачи. В рамках данного спора судом было установлено следующее: «само по себе действие по передаче сертификатов от ответчика истцу не являлось исполнением обязанности, за которую истец произвел оплату. истец платил

за услуги поддержки, которые ответчик должен был оказать заказчику, но не оказал, прекратив деятельность на территории РФ. Сама по себе передача сертификата без дальнейшего оказания указанных в нем услуг потребительской ценности не имеет» [15]. В данном случае ответственность по оказанию технической поддержки была возложена на ответчика по условиям партнерского соглашения, а не в рамках договора поставки сертификатов. Влияние партнерского соглашения также заметно в решении Девятого арбитражного апелляционного суда от 20 февраля 2025 г. по делу № А40-92891/2024 [13]. В рамках данного решения, исходя из условий партнерского соглашения, заключенного между ответчиком (поставщиком сертификатов технической поддержки) и третьим лицом – компанией Red Hat Ltd., было установлено, что все обязательства по оказанию услуг технической поддержки по поставленным сертификатам возлагались исключительно на Red Hat. По условиям соглашения ООО «Бизнес Телеком-Импорт» не принимало на себя обязательства по оказанию услуг технической поддержки или обеспечению предоставления услуг технической поддержки конечным пользователям. Судом было установлено, что, в рамках договора по поставке сертификатов технической поддержки, партнерское соглашение не является договором в пользу третьего лица и не предусматривает предоставление каких-либо прав для третьих лиц, не являющихся стороной этого соглашения.

3. Нормы лицензионного или сформированного на его основе сублицензионного договора. Подобная модель применяется в тех случаях, когда техническая поддержка предполагает не просто исправление возникающих ошибок в работе программы, а внесение исправлений в ту спецификацию программы, в отношении которой оказывается поддержка. При такой практике применяется уникальная модель отношений, которая заключается не в проведении установленного перечня работ, а в передаче права на использование результата интеллектуальной деятельности, которым выступает модифицированная службой технической поддержки версия программного обеспечения. Подобная модель может являться непривычной для данного вида услуг, однако она позволяет обеспечить высокий уровень правовой защиты стороны исполнителя по такому договору технической поддержки. Поскольку ст. 1237 ГК РФ предусматривает, что в течение срока действия лицензионного договора лицензиару следует не совершать действий, которые могут помешать

лицензиату пользоваться предоставленным ему объемом прав в отношении предмета договора, служба технической поддержки также может поставить лицензиата в положение, при котором он не сможет изменить исполнителя услуг технической поддержки, поскольку за прошлым исполнителем будет сохраняться право на результаты его модификаций, установленных на оборудовании заказчика.

4. Смешанная форма договора, объединяющая все указанные выше формы. Как отмечает В.А. Канашевский: «Базовая модель технической поддержки охватывается конструкцией договора возмездного оказания услуг, а расширенная строится по модели смешанного договора» [3, С.82].

Также проблема договора на оказание услуг технической поддержки заключается в особенностях подтверждения факта проделанной исполнителем работы.

Большинство организаций предоставляют привычный акт приема-передачи. Однако подобный акт не может объективно и в полной мере свидетельствовать о качестве оказанных услуг. В данном случае при заключении следует учитывать критерии оценки качества работы, определяемые в дополнительном соглашении к договору технического сопровождения или в отдельном регламенте работы службы поддержки. Примером подобного регламента могут служить положения раздела «Особенности функционирования информационной системы мониторинга в условиях аварийной ситуации» Постановления Правительства РФ от 26 апреля 2019 г. № 515 (ред. от 29 сентября 2025 г.) «О системе маркировки товаров средствами идентификации и прослеживаемости движения товаров». Этот акт регламентирует общие положения о работе системы маркировки товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации. В рамках указанного раздела определяются следующие положения:

- понятие «аварийная ситуация» применительно к особенностям работы системы мониторинга;
- срок начала проведения работ по устранению аварийной ситуации и срок уведомления пользователей об аварийной ситуации;
- длительность послеаварийного периода, в который не может гарантироваться бесперебойная работа системы;
- порядок подготовки отчета по возникшей аварийной ситуации.

Из этого следует, что при заключении договора технической поддержки или технического сопровождения сторонам необходимо определить

точный перечень показателей и критериев, по которым можно будет провести объективную оценку качества выполняемой работы. При определении точного списка таких показателей рекомендуется ориентироваться на примеры показателей качества ИТ-Услуг и их применения, указанные в ГОСТ Р 71998-2025[6]. Данный государственный стандарт содержит наиболее полный список возможных показателей и примеры их вычислений.

Таким образом, можно заключить, что договор технической поддержки является достаточно новой практикой в отношениях предоставления программного обеспечения и, практически не имеет устоявшейся правовой модели.

Такой договор следует воспринимать именно в формате технического сопровождения, поскольку такое соглашение предполагает больший спектр услуг, характерных для такой деятельности. Учитывая особенности выполняемых работ по такому договору, его можно отнести к общей категории договоров на оказание услуг.

В качестве существенных условий такого договора, кроме обозначенных в действующем законодательстве, следует также определить:

– предмет, включающий исчерпывающий перечень услуг;

– показатели качества, применяемые для оценки результатов технического сопровождения. Отдельно в пункте следует обозначить сроки реагирования на инцидент, поскольку у каждой организации время простоя критически важно для работы системы будет приводить к разному объему убытков;

– ответственность сторон, в рамках которой рекомендуется обозначить, какие именно категории инцидентов должны обрабатываться;

– порядок установки обновлений, включающий также условия о возможности внесения изменений в поддерживаемое ПО в рамках его адаптации.

Также сторонам следует определить, понимают ли они процесс обновления ПО как передачу новой версии программы либо как услугу по модификации или адаптации уже используемой версии.

Список источников

1. 1С:ИТС – единый договор для получения сервисов пользователями «1С:Предприятие» [Электронный ресурс]. URL: <https://its.1c.ru/db/aboutitsnew>.

2. Васильева Н.В. Договор технической поддержки // Молодые исследователи и наука: Актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей по материалам IV Всероссийской студенческой науч-

но-практической конференции. Йошкар-Ола, 2025. С. 15–26.

3. Канашевский В.А. Судебные споры о прекращении технической поддержки программного обеспечения иностранными правообладателями // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 12. С. 76–87.

4. Ловачева Н.Н. Понятие сопровождения программ для ЭВМ и баз данных: обзор правовых и практических аспектов // Петербургский правовой портал. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://ppt.ru/art/pravo/soprovozhdenie-programm-dlya-evm-i-baz-dannykh>.

5. Национальный стандарт ГОСТ Р 15.000–2016 «Система разработки и постановки продукции на производство. Основные положения» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 31.10.2016 № 1540-ст).

6. Национальный стандарт ГОСТ Р 71998–2025 «Информационные технологии. Требования и оценка качества систем и программного обеспечения. Определение качества ИТ-услуг» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 25.03.2025 № 213-ст).

7. Национальный стандарт ГОСТ Р ИСО/МЭК 20000-1–2021 «Информационные технологии. Менеджмент сервисов. Часть 1. Требования к системе менеджмента сервисов» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 07.12.2021 № 1718-ст).

8. Национальный стандарт ГОСТ Р ИСО/МЭК 12207–2010 «Информационная технология. Системная и программная инженерия. Процессы жизненного цикла программных средств» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30.11.2010 № 631-ст).

9. Официальная поддержка 1С [Электронный ресурс]. URL: <https://1c.ru/rus/support/support.htm>.

10. Оформление договора 1С:ИТС [Электронный ресурс]. URL: https://its.1c.ru/db/aboutitsnew#content:21:hdoc:issogl1_many.

11. Письмо Минцифры России от 07.09.2021 № П11-2-05-200-38749 «О рассмотрении обращений субъектов предпринимательской деятельности и заинтересованных лиц в сфере информационных технологий» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_395075/.

12. Письмо Минцифры России от 27.01.2022 № П11-2-05-200-3571 «О рассмотрении обращений субъектов предпринимательской деятельности и заинтересованных лиц в сфере информационных технологий» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_408074/.

13. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.02.2025 по делу № А40-92891/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/kUwKXgOdASr1/>.

14. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.01.2020 по делу № А60-44348/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Cij23vPln8YC/>.

15. Решение Арбитражного суда города Москвы от 25.10.2023 по делу № А40-112331/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/q4Zrn9BQrklw/>.

16. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 25.09.2020 по делу № А60-65159/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ldU2Z797YS6d/>.

17. Типовой договор на техническую поддержку и техническое сопровождение ООО «Крипто-про» [Электронный ресурс]. URL: <https://cryptopro.ru/sites/default/files/products/ca/doc/dogovor-uc1.doc>.

18. Типовой договор услуг прямой технической поддержки «СинтезМ» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fintech.ru/tehpodderzhka/sintez-m-i>.

References

1. 1S:ITS – ediny`j dogovor dlya polucheniya servisov pol`zovatelyami «1S:Predpriyatie» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://its.1c.ru/db/aboutitsnew>.

2. Vasil`eva N.V. Dogovor texnicheskoy podderzhki // Molody`e issledovateli i nauka: Aktual`ny`e voprosy`, dostizheniya i innovacii. Sbornik statej po materialam IV Vserossijskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Joshkar-Ola, 2025. S. 15-26.

3. Kanashevskij V.A. Sudebny`e spory` o prekrashhenii texnicheskoy podderzhki programmnoho obespecheniya inostranny`mi pravoobladatelyami // Zhurnal rossijskogo prava. 2024. T. 28. № 12. S. 76-87.

4. Lovacheva N.N. Ponyatie soprovozhdeniya programm dlya E`VM i baz danny`x: obzor pravovy`x i prakticheskix aspektov // Peterburgskij pravovoj portal. 2021 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://ppt.ru/art/pravo/soprovozhdenie-programm-dlya-evm-i-baz-dannykh>. Nacional`ny`j standart GOST R 15.000–2016 «Sistema razrabotki i postanovki produkcii na proizvodstvo. Osnovny`e polozheniya» (utv. prikazom Federal`nogo agentstva po texniceskomu regulirovaniyu i metrologii ot 31.10.2016 № 1540-st).

5. Nacional`ny`j standart GOST R 71998–2025 «Informacionny`e tehnologii. Trebovaniya i ocenka kachestva sistem i programmnoho obespecheniya. Opredelenie kachestva IT-uslug» (utv. prikazom Federal`nogo agentstva po texniceskomu regulirovaniyu i metrologii ot 25.03.2025 № 213-st).

6. Nacional`ny`j standart GOST R ISO/ME`K 20000-1–2021 «Informacionny`e tehnologii. Menedzhment servisov. Chast` 1. Trebovaniya k sisteme menedzhmenta servisov» (utv. prikazom Federal`nogo agentstva po texniceskomu regulirovaniyu i metrologii ot 07.12.2021 № 1718-st).

7. Nacional`ny`j standart GOST R ISO/ME`K 12207–2010 «Informacionnaya tehnologiya. Sistemnaya i programmaya inzheneriya. Processy` zhiznennogo cikla

programmny`x sredstv» (utv. prikazom Federal`nogo agentstva po texniceskomu regulirovaniyu i metrologii ot 30.11.2010 № 631-st).

8. Oficial`naya podderzhka 1C [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://1c.ru/rus/support/support.htm>.

9. Oformlenie dogovora 1S:ITS [E`lektronny`j resurs]. URL: https://its.1c.ru/db/aboutitsnew#content:21:hdoc:issog1_many.

10. Pis`mo Mincifry` Rossii ot 07.09.2021 № P11-2-05-200-38749 «O rassmotrenii obrashhenij sub`ektov predprinimatel`skoj deyatel`nosti i zainteresovanny`x licz v sfere informacionny`x tehnologij» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_395075/.

11. Pis`mo Mincifry` Rossii ot 27.01.2022 № P11-2-05-200-3571 «O rassmotrenii obrashhenij sub`ektov predprinimatel`skoj deyatel`nosti i zainteresovanny`x licz v sfere informacionny`x tehnologij» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_408074/.

12. Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 20.02.2025 po delu № А40-92891/2024 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/kUwKXgOdASr1/>.

13. Postanovlenie Semnadczatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 23.01.2020 po delu № А60-44348/2018 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Cij23vPln8YC/>.

14. Reshenie Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy` ot 25.10.2023 po delu № А40-112331/2023 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/q4Zrn9BQrklw/>.

15. Reshenie Arbitrazhnogo suda Sverdlovskoj oblasti ot 25.09.2020 po delu № А60-65159/2019 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ldU2Z797YS6d/>.

16. Tipovoj dogovor na texniceskuyu podderzhku i texniceskoe soprovozhdenie ООО «Крипто-про» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cryptopro.ru/sites/default/files/products/ca/doc/dogovor-uc1.doc>.

17. Tipovoj dogovor uslug pryamoj texnicheskoy podderzhki «СинтезМ» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.fintech.ru/tehpodderzhka/sintez-m-i>.

Статья поступила в редакцию 17.02.26; одобрена после рецензирования 21.02.26; принята к публикации 25.02.26.

The article was submitted 17.02.26; approved after reviewing 21.02.26; accepted for publication 25.02.26.

ПАССАЖИР КАК СУБЪЕКТ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ БЕЗОПАСНУЮ РАБОТУ ТРАНСПОРТА

ШВЕДЧЕНКО Владислав Анатольевич

Аспирант кафедры уголовного права Российского университета транспорта
127055, ГСП-4, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9, Российская Федерация

Аннотация: В статье акцентируется внимание на пассажире как самостоятельном субъекте транспортного преступления и уточняются критерии его уголовной ответственности. Особое внимание уделяется проблемам установления причинно-следственной связи между поведением пассажира и наступившими последствиями. В статье обосновано, что пассажир выступает носителем самостоятельных обязанностей, нарушение которых при наличии причинной связи с тяжким вредом здоровью либо смертью образует основания уголовной ответственности по ст. 268 УК РФ. Выявлены основные проблемы квалификации: разграничение статей 264 и 268 УК РФ, оценка вмешательства пассажира в управление транспортным средством, а также установление причинной связи при множественности нарушителей.

Ключевые слова: пассажир, транспортные преступления, безопасность дорожного движения, субъект преступления, правила дорожного движения, уголовная ответственность

Для цитирования: Шведченко В.А. Пассажир как субъект нарушения правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 74. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_74

THE PASSENGER AS A SUBJECT OF VIOLATIONS OF RULES ENSURING SAFE TRANSPORTATION OPERATIONS

SHVEDCHENKO Vladislav Anatolyevich

Postgraduate Student of the Criminal Law Department of the Russian University of Transport
127055, GSP-4, Moscow, Obraztsova Str., 9, Build. 9, Russian Federation

Abstract: The article focuses on the passenger as an independent subject of a transportation crime and clarifies the criteria for their criminal liability. Particular attention is paid to the problems of establishing a causal link between the passenger's behavior and the resulting consequences. It is substantiated that a passenger bears independent obligations, the violation of which, if causally linked to serious harm to health or death, constitutes grounds for criminal liability under Article 268 of the Criminal Code of the Russian Federation. The main issues in legal classification are identified: distinguishing between Articles 264 and 268 of the Criminal Code, assessing the passenger's interference with the operation of the vehicle, and establishing a causal link when there are multiple offenders.

Keywords: passenger, transportation crimes, road safety, perpetrator, traffic regulations, criminal liability

For citation: Shvedchenko V.A. The Passenger as a Subject of Violations of Rules Ensuring Safe Transportation Operations = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):74. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_74

В уголовно-правовой доктрине и правоприменении транспортные преступления традиционно ассоциируются с водителем как с их субъектом. Однако такое смещение фокуса оставляет в тени анализ иных участников дорожного движения в качестве субъектов транспортных преступлений,

прежде всего пассажира. Статья 268 УК РФ «Нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта» прямо указывает на пассажира как возможного субъекта: «Нарушение пассажиром, пешеходом или другим участником движения правил безопасности движения или

эксплуатации транспортных средств, если это деяние повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека». При этом научная литература обоснованно фиксирует, что опасное поведение пассажиров не всегда получает уголовно-правовую оценку по 268 статье УК РФ из-за сложностей квалификации и доказывания причинной связи, а также конкуренции с составами ст. 264 УК РФ, что ведет к редкому применению ст. 268 УК РФ и к разнонаправленной практике [8, С. 49–50].

Диспозиция статьи носит бланкетный характер: для вывода о преступлении требуется установить конкретное правило, его нарушение, причинно-следственную связь с последствиями и форму вины по отношению к последствиям. Ключевой вопрос – какие именно обязанности пассажира позволяют признать его субъектом преступления, предусмотренного ст. 268 УК РФ.

В Правилах дорожного движения понятие «пассажир» охватывает не только лицо, находящееся в транспортном средстве, но и входящее в него либо выходящее из него [2, п. 1.2], а перечень обязанностей включает требование пользоваться ремнями безопасности, запрет открывать двери транспортного средства во время движения и отвлекать водителя во время движения, а также осуществлять посадку и высадку только после полной остановки [2, п. 5.1–5.2]. Следовательно, уже на уровне регулятивных норм пассажир наделен обязанностями, нарушение которых соотносится со ст. 268 УК РФ, что делает постановку вопроса о пассажире как субъекте транспортного преступления оправданной.

Суд, оценивая фактические обстоятельства, исходит из того, что пассажир нарушает правила, обязательные для него как участника движения, и именно эти нарушения обуславливают последствия [9, С. 66–67].

Однако нельзя говорить, что применение ст. 268 УК РФ ограничено исключительно формальным нарушением пассажиром правил дорожного движения. Она также применяется в случаях активного воздействия пассажира на процесс управления и создания аварийной обстановки. В научной литературе по данному поводу приводится пример, когда пассажир, находясь на переднем сиденье, в ходе движения схватил руль и нажал на педаль тормоза, после чего транспортное средство потеряло управление и произошло столкновение, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью. Действия пассажира были квалифицированы по ст. 268 УК РФ [7, С. 66–67]. Данный пример, во-первых, демонстрирует, что

невмешательство в управление является не абстрактным запретом, а нормативно оформленной обязанностью, нарушение которой может перейти из сферы административной противоправности в сферу уголовной ответственности при наступлении тяжких последствий [2, п. 5.2; 1, ст. 268]. Во-вторых, он иллюстрирует, что квалификация поведения пассажира по ст. 268 УК РФ возможна и тогда, когда пассажир совершает кратковременные действия, затрагивающие управление, но не приобретает устойчивого статуса лица, управляющего транспортным средством, в смысле ст. 264 УК РФ.

В данном контексте важно упомянуть Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 года № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения». Пленум исходит из расширительного понимания лица, управлявшего транспортным средством (включая не имеющих права управления, лишенных права, обучающихся вождению и т.п.) [4, п. 2]. Это важно для разграничения статуса управляющего транспортным средством и пассажира. Такое определение, по всей видимости, создает конкуренцию между статьями 264 и 268 УК РФ и дает возможность для появления «пограничных» ситуаций, когда пассажир фактически вмешивается в управление, но все еще квалифицируется как субъект преступления, предусмотренного ст. 268 УК РФ [4, п. 2; 5, С. 15–16].

Отдельная категория споров – случаи множественности нарушителей и «разделенной» причинности (водитель нарушил одно правило, пассажир – другое). В литературе обращается внимание, что позиция о нахождении в причинной связи с последствиями действий только одного лица при множественных нарушениях не универсальна. При определенных обстоятельствах причинная связь может быть установлена и в отношении пассажира, и в отношении водителя, и данные действия могут получить самостоятельную квалификацию [6, С. 66]. При этом важно именно доказывание причинности. Не всякое нарушение обязанностей пассажира или опасное поведение, за которыми последовала аварийная ситуация, являются ее причиной.

Пассажир в системе транспортной безопасности не является исключительно «потерпевшим» или «пассивным участником» – он прямо наделен обязанностями участника движения и потому может выступать самостоятельным субъектом

транспортного преступления при нарушении соответствующих правил и наступлении предусмотренных законом последствий. Нормативной основой для такой ответственности выступают, с одной стороны, обязанности и запреты для пассажиров, закрепленные в ПДД (включая запрет отвлекать водителя, вмешиваться в движение, создавать помехи и т.п.), а с другой – ст. 268 УК РФ, конструкция которой допускает привлечение к уголовной ответственности пассажира как общего субъекта при наличии причинной связи между нарушением и тяжким вредом здоровью либо смертью [1, ст. 268; 2, п. 5.1–5.2]. В доктрине подчеркивается, что определяющим является не формальный статус лица (пассажир или водитель), а наличие конкретной обязанности соблюдать правило безопасности и фактическое нарушение этой обязанности, породившее общественно опасные последствия, что применимо и к пассажиру [6, С. 38–39].

С учетом изложенного, следует определить, что пассажир прямо наделен обязанностями участника движения и может выступать самостоятельным субъектом транспортного преступления при нарушении соответствующих правил и наступлении предусмотренных законом последствий. Нормативной основой для уголовной ответственности в данном случае выступают статья 268 УК РФ и бланкетная отсылка к ПДД. Таким образом, пассажир как субъект транспортного преступления в логике ст. 268 УК РФ должен рассматриваться не абстрактно, а через совокупность критериев, предлагаемых и развиваемых в научной литературе: во-первых, наличие обязанности (запрета) пассажира, установленной нормативными правилами, во-вторых, доказанная причинная связь между нарушением и последствиями.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Постановление Совета Министров – Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 16.07.2025) «О Правилах дорожного движения».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (в ред. постановлений Пленума ВС РФ от 23.12.2010 № 31, от 24.05.2016 № 22, от 25.06.2024 № 21) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения».

5. Безбородов Д.А., Зарубин А.В., Кравченко Р.М. [и др.] Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 года № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» с изменениями, внесенными постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 года № 31, от 24 мая 2016 года № 22 / под общ. ред. А.Н. Попова. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023.

6. Безбородов Д.А., Зарубин А.В., Кравченко Р.М. [и др.] Преступления против безопасности движения или эксплуатации транспорта: учебное пособие / под ред. А.Н. Попова. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023.

7. Уголовное право России: состояние и перспективы (транспортные преступления): материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции «Волженкинские чтения», Санкт-Петербург, 25 ноября 2022 года / под общ. ред. А.А. Сапожкова. СПб.: СПбЮИ (ф) УП РФ, 2023.

8. Мидловец М.В. Проблемы определения вины участников дорожно-транспортного преступления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2016. Т. 2 (68). № 3. С. 84–89.

References

1. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 29.12.2025) // Sbornie zakonodatel'stva RF. 1996. № 25. St. 2954.
2. Postanovlenie Soveta Ministrov – Pravitel'stva RF ot 23.10.1993 № 1090 (red. ot 16.07.2025) «O Pravilax dorozhnogo dvizheniya».
3. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 29.12.2025) (s izm. i dop.) // Sbornie zakonodatel'stva RF. 2002. № 1 (ch. 1). St. 1.
4. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 09.12.2008 № 25 (v red. postanovlenij Plenuma VS RF ot 23.12.2010 № 31, ot 24.05.2016 № 22, ot 25.06.2024 № 21) «O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyax, svyazanny`x s narusheniem pravil dorozhnogo dvizheniya i e`kspluatacii transportny`x sredstv, a takzhe s ix nepravomerny`m zavladeniem bez celi xishheniya».
5. Bezborodov D.A., Zarubin A.V., Kravchenko R.M. [i dr.] Kommentarij k Postanovleniyu Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 9 dekabrya 2008 goda № 25 O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyax, svyazanny`x s narusheniem pravil dorozhnogo dvizheniya i e`kspluatacii transportny`x sredstv, a takzhe s ix nepravomerny`m zavladeniem bez celi xishheniya s izmeneniyami, vnesenny`mi postanovleniyami Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 23 dekabrya 2010 goda № 31, ot 24 maya 2016 goda № 22 / pod obshh. red. A.N. Popova. SPb.: Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Universiteta prokuratury` Rossijskoj Federacii, 2023.

6. Bezborodov D.A., Zarubin A.V., Kravchenko R.M. [i dr.] Prestupleniya protiv bezopasnosti dvizheniya ili e'kspluatacii transporta: uchebnoe posobie / pod red. A.N. Popova. SPb.: Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Universiteta prokuratury` Rossijskoj Federacii, 2023.

7. Ugolovnoe pravo Rossii: sostoyanie i perspektivy` (transportny'e prestupleniya): materialy` VIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii Volzhenkinskie chteniya, Sankt-Peterburg, 25 noyabrya 2022 goda / pod obshh. red. A.A. Sapozhkova. SPb.: SPbYuI (f) UP RF, 2023.

8. Midlovecz M.V. Problemy` opredeleniya viny` uchastnikov dorozhno-transportnogo prestupleniya //

Ucheny'e zapiski Kry`mskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2016. T. 2 (68). № 3. S. 84–89.

Статья поступила в редакцию 20.03.26; одобрена после рецензирования 23.03.26; принята к публикации 23.03.26.

The article was submitted 20.03.26; approved after reviewing 23.03.26; accepted for publication 23.03.26.

Научная статья

УДК 340.226

doi 10.52068/2304-9839_2026_78_1_78

КРАЙНЯЯ НЕОБХОДИМОСТЬ И ДОПУСТИМЫЙ РИСК: МЕТОДИКА СРАВНЕНИЯ ВРЕДА И АЛЬТЕРНАТИВ ПОВЕДЕНИЯ

БУЛАХОВА Виктория Денисовна

Студент Института юриспруденции и инжиниринга Пятигорского государственного университета
357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9, Российская Федерация

РИМАР Иван Викторович

Студент Института юриспруденции и инжиниринга Пятигорского государственного университета
357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена разработке методики оценки крайней необходимости в уголовном праве через системный анализ альтернатив поведения и сопоставление охраняемых благ. Целью исследования является преодоление декларативности требования о «меньшем вреде», закрепленного в статье 39 Уголовного кодекса Российской Федерации, посредством создания операциональных критериев сравнения. Методологическую основу составляют формально-юридический метод, аксиологический анализ и кейс-метод. Сформулированы критерии сравнения причиненного и предотвращенного вреда, проведено разграничение крайней необходимости и обоснованного риска, предложена авторская кейс-методика оценки. Научная новизна состоит в разработке «треугольника оценки», интегрирующего три параметра: ценность охраняемого блага, вероятность причинения ущерба и наличие альтернатив поведения. Обосновано, что ключевым элементом квалификации крайней необходимости выступает доказанная безальтернативность или рационально ограниченная альтернатива действий, а не только итоговое соотношение причиненного и предотвращенного вреда. Разработана матрица аргументации для стороны защиты и обвинения, а также критерии «неустрашимости опасности».

Ключевые слова: крайняя необходимость, меньший вред, альтернатива поведения, обоснованный риск, уголовная ответственность, обстоятельства, исключающие преступность деяния, аксиология уголовного права, охраняемые блага, кейс-методика, треугольник оценки

Для цитирования: Булахова В.Д., Римар И.В. Крайняя необходимость и допустимый риск: методика сравнения вреда и альтернатив поведения // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 78. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_78

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

EXTREME NECESSITY AND JUSTIFIABLE RISK: METHODOLOGY FOR COMPARING HARM AND BEHAVIORAL ALTERNATIVES

BULAKHOVA Victoria Denisovna

Student of Institute of Law and Engineering of Pyatigorsk State University
357532, Pyatigorsk, Kalinin Ave., 9, Russian Federation

RIMAR Ivan Viktorovich

Student of Institute of Law and Engineering of Pyatigorsk State University
357532, Pyatigorsk, Kalinin Ave., 9, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to the development of a methodology for assessing extreme necessity in criminal law through a systematic analysis of behavioral alternatives and comparison of protected interests. The aim of the study is to overcome the declarative nature of the «lesser harm» requirement enshrined in Article 39 of the Criminal Code of the Russian Federation by creating operational comparison criteria. Criteria for comparing inflicted and prevented harm have been formulated, a distinction between extreme necessity and justified risk has been drawn, and an original case-based assessment methodology has been proposed. The scientific novelty consists in the development of an

«assessment triangle» integrating three parameters: the value of the protected interest, the probability of damage, and the availability of behavioral alternatives.

Keywords: extreme necessity, lesser harm, behavioral alternative, justified risk, criminal liability, circumstances excluding criminality of an act, axiology of criminal law, protected interests, case methodology, assessment triangle

For citation: Bulakhova V.D., Rimar I.V. Extreme Necessity and Justifiable Risk: Methodology for Comparing Harm and Behavioral Alternatives = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):78. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_78

Введение

Реалии развития современного российского общества свидетельствуют о необходимости не просто понимания сущности преступности, ее основных характеристик и тенденций, представляющих угрозу для нормального функционирования институтов общества и государства в целом, но и исследования институтов уголовного закона [1, С. 21]. Так, институт крайней необходимости, закрепленный в статье 39 Уголовного кодекса Российской Федерации, является одним из наиболее сложных обстоятельств, исключающих преступность деяния. Центральным условием правомерности действий в состоянии крайней необходимости выступает требование о том, чтобы причиненный вред был меньше вреда предотвращенного. Однако правоприменительная практика свидетельствует о том, что данное требование нередко остается декларативным: ни закон, ни доктрина не предлагают четких критериев и методик сравнения разнородных благ, что порождает правовую неопределенность и произвольность квалификации [2, С. 345–347].

В науке уголовного права проблема крайней необходимости исследуется с позиций различных подходов. Классическая отечественная доктрина, представленная трудами Н.С. Таганцева, А.Н. Трайнина и в современный период – А.В. Наумова, рассматривает крайнюю необходимость прежде всего как столкновение охраняемых интересов, при котором сохранение одного блага достигается за счет причинения вреда другому [3, С. 156–158]. Ю.В. Баулин предложил системный подход к анализу обстоятельств, исключающих преступность деяния, акцентируя внимание на объективных и субъективных условиях правомерности [4]. В зарубежной доктрине значительное влияние оказала концепция «балансирования интересов» (interest balancing), разработанная в немецкой уголовно-правовой науке К. Роксином, который обосновал необходимость комплексной оценки, включающей не только соотношение благ, но и степень опасности и наличие альтернатив [5, С. 672–675].

Вместе с тем дискуссионным остается вопрос о методологии сравнения разнородных благ: ка-

ким образом сопоставить, например, имущественный вред и вред здоровью, право собственности и личную свободу? Недостаточно исследована проблема анализа альтернатив поведения: закон требует, чтобы опасность не могла быть устранена иными средствами, однако критерии оценки «невозможности» остаются неразработанными. Требуется уточнение соотношения крайней необходимости и обоснованного риска (ст. 41 УК РФ) как смежных институтов, различение которых на практике вызывает значительные затруднения.

В данной статье ставится вопрос: возможно ли сформулировать операциональную методику оценки крайней необходимости, преодолевающую декларативность нормативного требования о «меньшем вреде»? Предполагается, что ключевым элементом такой методики должна стать оценка безальтернативности действий, а не только итоговое сопоставление вреда.

Цель исследования – разработать методический подход к оценке крайней необходимости, интегрирующий анализ альтернатив поведения и аксиологическое сопоставление охраняемых благ.

Задачи:

- 1) сформулировать критерии сравнения причиненного и предотвращенного вреда;
- 2) провести разграничение крайней необходимости и обоснованного риска;
- 3) предложить кейс-методику оценки с использованием «треугольника оценки».

Методологическую основу составляют формально-юридический метод, аксиологический анализ и кейс-метод.

Условия крайней необходимости: нормативная модель и проблемы интерпретации

Статья 39 УК РФ определяет крайнюю необходимость как причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости [6]. Законодательная конструкция содержит три ключевых условия правомерности: наличие

реальной и наличной опасности, невозможность устранения опасности иными средствами и превышение пределов (причиненный вред должен быть менее значительным, чем предотвращенный).

Каждое из названных условий порождает существенные проблемы интерпретации. Требование наличности опасности предполагает ее непосредственный характер, однако в ряде ситуаций границы между реальной и мнимой опасностью, наличной и будущей, размыты. Как отмечает А.В. Наумов, «оценка наличности опасности всегда осуществляется *ex post*, тогда как лицо принимает решение *ex ante*, в условиях дефицита информации и времени» [3, С. 162]. Это создает фундаментальное расхождение между перспективой правоприменителя и перспективой действующего субъекта.

Особую сложность представляет условие о невозможности устранения опасности иными средствами. Буквальное толкование данного условия предполагает абсолютную безальтернативность, однако такая интерпретация делает институт крайней необходимости практически неприменимым: почти в любой ситуации ретроспективно можно обнаружить теоретическую альтернативу. Судебная практика свидетельствует, что суды нередко оценивают наличие альтернатив с позиции «идеального наблюдателя», располагающего полной информацией и неограниченным временем, что существенно расходится с реальными условиями, в которых принимается решение о защитных действиях. Представляется обоснованным подход, предложенный Ю.В. Баулиным, согласно которому невозможность устранения опасности иными средствами следует понимать как отсутствие рационально доступных альтернатив с учетом конкретных обстоятельств, включая временной дефицит, информационную неопределенность и психофизиологическое состояние лица [4, С. 89–91]. Данная интерпретация переводит оценку из плоскости абстрактной логики в плоскость ситуационного анализа, что соответствует природе крайней необходимости как экстраординарного основания правомерности причинения вреда.

Методика сравнения вреда: «треугольник оценки»

Центральная проблема квалификации крайней необходимости состоит в сравнении причиненного и предотвращенного вреда. Когда речь идет об однородных благах (например, имущество против имущества), сопоставление относительно несложно и может быть произведено в стоимостном выражении. Однако в подавляю-

щем большинстве практически значимых ситуаций приходится сравнивать разнородные блага: жизнь и имущество, здоровье и свободу, публичные и частные интересы.

Для решения данной проблемы предлагается модель «треугольника оценки», интегрирующая три параметра. Первый параметр – аксиологическая ценность охраняемого блага. Иерархия охраняемых благ определяется прежде всего системой ценностей, закрепленной в Конституции Российской Федерации и Особенной части УК РФ. Статья 2 Конституции Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью; система Особенной части УК РФ выстроена от преступлений против личности к преступлениям против государства, что отражает иерархию охраняемых объектов [7, С. 234–236]. На основании данной иерархии может быть выстроена шкала ценностей: жизнь > здоровье > свобода > собственность > иные права, при понимании условности и относительности подобного ранжирования.

Второй параметр – вероятность причинения ущерба. Он отражает степень реальности угрозы: чем выше вероятность наступления вреда при бездействии, тем более оправданным становится причинение вреда меньшему благу. Этот критерий заимствован из теории обоснованного риска и позволяет учитывать ситуации, когда угроза не является абсолютно неизбежной, но ее вероятность достаточно высока для обоснования защитных действий. В.И. Михайлов справедливо указывает, что «вероятностный характер угрозы не исключает крайней необходимости, но должен учитываться при оценке пропорциональности причиненного вреда» [8, С. 78].

Третий параметр – наличие и доступность альтернатив поведения. Он имеет, по нашему мнению, ключевое значение и должен рассматриваться как центральный элемент оценки. Если лицо располагало рационально доступной альтернативой, позволяющей устранить опасность без причинения вреда или с причинением существенно меньшего вреда, то действия в состоянии крайней необходимости не могут быть признаны правомерными независимо от итогового соотношения вреда. И напротив, доказанная безальтернативность действий существенно расширяет допустимые пределы причинения вреда, поскольку свидетельствует, что иного способа защиты охраняемого блага не существовало.

Интеграция трех параметров в единую модель позволяет перейти от одномерного сравнения вреда к многомерной оценке ситуации. Дей-

ствия лица могут быть признаны совершенными в состоянии крайней необходимости, если:

а) аксиологическая ценность защищенного блага превышает ценность блага, которому причинен вред;

б) вероятность реализации угрозы была достаточно высокой для обоснования немедленных действий;

в) рационально доступные альтернативы отсутствовали или были существенно менее эффективны.

Несоблюдение хотя бы одного из параметров при высоких значениях остальных не исключает автоматически правомерность, но требует дополнительного обоснования [9, С. 112–114].

Разграничение крайней необходимости и обоснованного риска: критерии демаркации

Разграничение крайней необходимости (ст. 39 УК РФ) и обоснованного риска (ст. 41 УК РФ) представляет значительную сложность, поскольку оба института предполагают правомерное причинение вреда охраняемым интересам. Вместе с тем между ними существуют принципиальные различия, которые могут быть систематизированы по нескольким критериям.

Первый критерий – источник опасности. При крайней необходимости вред причиняется для устранения уже существующей опасности, исходящей от внешнего источника (стихийное бедствие, действия третьих лиц, техногенная авария). При обоснованном риске лицо само создает ситуацию потенциальной опасности, предпринимая действия, направленные на достижение общественно полезной цели. Как отмечает А.И. Рарог, «при крайней необходимости лицо реагирует на опасность, при обоснованном риске – инициирует деятельность, сопряженную с опасностью» [10, С. 287–288].

Второй критерий – характер неопределенности. Крайняя необходимость предполагает ситуацию, в которой вред является неизбежным следствием защитных действий: лицо знает, что его действия причинят вред, но выбирает меньший вред из двух неизбежных. Обоснованный риск, напротив, предполагает вероятностный характер вреда: лицо надеется, что негативные последствия не наступят, и принимает меры для их предотвращения. Данное различие имеет существенное практическое значение: при крайней необходимости оценивается соотношение причиненного и предотвращенного вреда, при обоснованном риске – достаточность мер предосторожности и обоснованность расчета на ненаступление вреда [11, С. 445–447].

Третий критерий – роль альтернатив. При крайней необходимости отсутствие альтернатив является обязательным условием правомерности; при обоснованном риске наличие альтернативных путей достижения цели не исключает правомерности рискованных действий, если именно они являются наиболее эффективными. Хирург, применяющий экспериментальную методику при наличии стандартных протоколов лечения, действует в рамках обоснованного риска, а не крайней необходимости, даже если стандартные методы менее эффективны. Это различие имеет принципиальное значение для предложенной модели «треугольника оценки»: параметр альтернативности играет различную роль в зависимости от квалифицируемого института, что требует предварительного определения правовой природы ситуации.

Кейс-методика оценки: практическое применение «треугольника оценки»

Для демонстрации практической применимости предложенной методики рассмотрим два показательных случая, иллюстрирующих различные конфигурации «треугольника оценки».

Кейс первый: водитель автомобиля, обнаружив на полосе движения ребенка, во избежание наезда совершает резкий маневр на встречную полосу, в результате чего причиняет тяжкий вред здоровью водителю встречного транспортного средства. Анализ по параметрам «треугольника»: ценность защищенного блага (жизнь ребенка) превышает ценность блага, которому причинен вред (здоровье встречного водителя), что удовлетворяет первому параметру; вероятность наезда при продолжении движения была близка к абсолютной с учетом скорости и дистанции, что удовлетворяет второму параметру; альтернативы (экстренное торможение) в данных условиях скорости и дистанции не обеспечивали предотвращения наезда, что удовлетворяет третьему параметру. Совокупная оценка по всем трем параметрам свидетельствует о правомерности действий в состоянии крайней необходимости. Существенно, что именно анализ альтернатив играет здесь решающую роль: если бы экстренное торможение позволяло предотвратить наезд, маневр на встречную полосу утратил бы правомерность.

Кейс второй: предприниматель, узнав о предстоящей налоговой проверке, уничтожает бухгалтерскую документацию, мотивируя это необходимостью защиты коммерческой тайны и деловой репутации. Анализ по параметрам: ценность защищаемого блага (деловая репутация, коммерческая тайна) не превышает ценности

охраняемого законом интереса в надлежащем налоговом контроле; вероятность реального ущерба от проверки является предположительной; альтернативы (обжалование действий налогового органа, использование правовых средств защиты) рационально доступны. По всем трем параметрам оценка отрицательна, что исключает квалификацию действий как совершенных в состоянии крайней необходимости [12, С. 167–169].

На основании проведенного анализа представляется возможным сформулировать матрицу аргументации. Для стороны защиты приоритетными являются: доказывание высокой аксиологической ценности защищенного блага, демонстрация высокой вероятности реализации угрозы и обоснование безальтернативности действий. Для стороны обвинения – указание на наличие рационально доступных альтернатив, оспаривание пропорциональности причиненного вреда и опровержение наличия угрозы. Критерий безальтернативности при этом выступает как «точка пересечения» позиций сторон: именно вокруг вопроса о наличии альтернатив разворачивается основная полемика в большинстве уголовных дел, связанных с крайней необходимостью [13, С. 234–237].

Выводы

Проведенное исследование подтверждает, что действующая нормативная модель крайней необходимости нуждается в доктринальном дополнении методическим инструментарием, позволяющим перевести абстрактное требование о «меньшем вреде» в плоскость операциональной оценки. Предложенная модель «треугольника оценки» представляет собой попытку такой операционализации.

Основные выводы исследования состоят в следующем. Сравнение причиненного и предотвращенного вреда не может быть сведено к одномерному сопоставлению ущерба; оно требует комплексной оценки, интегрирующей аксиологическую ценность охраняемого блага, вероятность реализации угрозы и наличие альтернатив поведения. Ключевым элементом квалификации крайней необходимости является доказанная безальтернативность или рационально ограниченная альтернатива действий. Разграничение крайней необходимости и обоснованного риска проводится по трем критериям: источник опасности, характер неопределенности и роль альтернатив. Матрица аргументации, основанная на «треугольнике оценки», предоставляет стороне защиты и стороне обвинения структурированный инструмент для построения позиции по делам о крайней необходимости.

Заключение

Проблема крайней необходимости, будучи одной из наиболее сложных в уголовном праве, требует не только нормативного закрепления общих условий правомерности, но и разработки доктринального инструментария, обеспечивающего единообразное и обоснованное правоприменение. Предложенная в настоящем исследовании модель «треугольника оценки» представляет собой шаг в этом направлении, интегрируя аксиологические, вероятностные и ситуационные параметры в единую методику квалификации. Необходимо учитывать не только изменения в правоприменительной практике, но и те традиции, которые характерны для российской уголовно-правовой доктрины [15, С. 35–36]. Само право должно рассматриваться с позиции его социально-нравственной природы, обеспечивающей баланс между защитой личности и охраной публичных интересов. Юридическая наука должна глубоко изучать вопросы соотношения обстоятельств, исключающих преступность деяния, выявляя как положительные моменты в правоприменительной практике, так и проблемные аспекты, обозначая возникновение возможных рисков произвольной квалификации. Все это позволит осуществить наиболее рациональное совершенствование механизмов оценки крайней необходимости с учетом современных реалий [15, С. 35–36].

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке модели «треугольника оценки» как методического инструмента уголовно-правовой науки, а также в обосновании приоритета критерия безальтернативности над критерием пропорциональности вреда при квалификации крайней необходимости. Практическая значимость определяется возможностью использования предложенной методики в правоприменительной деятельности – судьями при квалификации деяний, адвокатами при построении защитительной позиции, следователями при оценке обстоятельств дела. Для совершенствования законодательства представляет интерес возможность нормативного закрепления критериев оценки альтернатив поведения в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации [14].

Ограничения исследования связаны с его преимущественно доктринальным характером; эмпирическая верификация предложенной модели на материале судебной практики требует самостоятельного исследования. Перспективы дальнейших работ видятся в количественном анализе судебных решений по делам о крайней необходи-

мости, а также в адаптации «треугольника оценки» к смежным институтам – необходимой обороне и обоснованному риску.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акименко М.А., Попов А.П. Учебно-методическое пособие для проведения практических занятий по криминологии. Пятигорск: ООО «Рекламно-информационное агентство на Кавказских Минеральных Водах», 2025. С. 144.
2. Козлов А.П. Уголовное право. Общая часть: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. С. 584.
3. Наумов А.В., Кибальник А.Г. (ред.). Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2026. С. 448.
4. Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Харьков: Основа, 1991. С. 360.
5. Roxin C., Greco L. Strafrecht. Allgemeiner Teil. Band I. 5. Aufl. München: C.H. Beck, 2020. S. 1212.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026).
7. Бриллиантов А.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 4-е изд. М.: Проспект, 2023. С. 1392.
8. Михайлов В.И. Об определении понятия «обстоятельство, исключающее преступность деяния» // Юридический вестник Самарского университета. 2021. № 3.
9. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 217 с.
10. Рарог А.И. Уголовное право России. Общая часть: учебник. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2022. С. 496.
11. Ситковская О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Норма, 2019. С. 560.
12. Побегайло Э.Ф. Проблемы правоприменения в сфере обстоятельств, исключающих преступность деяния // Уголовное право. 2021. № 4. С. 162–175.
13. Кадников Н.Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: проблемы квалификации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 228–241.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».
15. Наумов А.В. Вектор современных направлений отечественной доктрины уголовного права (как законодательства, так и его применения) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 3.
- agentstvo na Kavkazskix Mineral`ny`x Vodax, 2025. 144 s.
2. Kozlov A.P. Uголовное право. Obshhaya chast` : uchebnik. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2021. S. 584.
3. Naumov A.V., Kibal`nik A.G. (red.). Uголовное право. Obshhaya chast` : uchebnik dlya vuzov. 6-e izd., pererab. i dop. M.: Izdatel`stvo Yurajt, 2026. S. 448.
4. Baulin Yu.V. Obstoyatel`stva, isklyuchayushhie prestupnost` deyaniya. Xar`kov: Osnova, 1991. S. 360.
5. Roxin C., Greco L. Strafrecht. Allgemeiner Teil. Band I. 5. Aufl. München: C.H. Beck, 2020. S. 1212.
6. Uголовny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 29.12.2025) (s izm. i dop., vstup. v silu s 20.01.2026).
7. Brilliantov A.V. Kommentarij k Uголовnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejny`j). 4-e izd. M.: Prospekt, 2023. S. 1392.
8. Mixajlov V.I. Ob opredelenii ponyatiya «obstoyatel`stvo, isklyuchayushhee prestupnost` deyaniya» // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2021. № 3.
9. Orexov V.V. Neobxodimaya oborona i iny`e obstoyatel`stva, isklyuchayushhie prestupnost` deyaniya. SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2003. S. 217.
10. Rarog A.I. Uголовное право Rossii. Obshhaya chast` : uchebnik. 7-e izd., pererab. i dop. M.: E`ksmo, 2022. S. 496.
11. Sitkovskaya O.D. Psixologicheskij kommentarij k Uголовnomu kodeksu Rossijskoj Federacii. M.: Norma, 2019. S. 560.
12. Pobegajlo E` .F. Problemy` pravoprimereniya v sfere obstoyatel`stv, isklyuchayushhix prestupnost` deyaniya // Uголовное право. 2021. № 4. S. 162–175.
13. Kadnikov N.G. Obstoyatel`stva, isklyuchayushhie prestupnost` deyaniya: problemy` kvalifikacii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 2. S. 228–241.
14. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 27.09.2012 № 19 (red. ot 09.12.2025) «O primenenii sudami zakonodatel`stva o neobxodimoj oborone i prichinenii vreda pri zaderzhanii licza, sovershivshego prestuplenie».
15. Naumov A.V. Vektor sovremenny`x napravlenij otechestvennoj doktriny` uголовного права (kak zakonodatel`stva, tak i ego primeneniya) // Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2023. № 3.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.03.26; одобрена после рецензирования 24.03.26; принята к публикации 24.03.26.

The article was submitted 19.03.26; approved after reviewing 24.03.26; accepted for publication 24.03.26.

References

1. Akimenko M.A., Popov A.P. Uchebno-metodicheskoe posobie dlya provedeniya prakticheskix zanyatij po kriminologii. Pyatigorsk: ООО Reklamno-informacionnoe

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве

Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 84.
Eurasian Advocacy. 2026;(1(78)):84.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве

Научная статья

УДК 343.13

doi 10.52068/2304-9839_2026_78_1_84

КРАТКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ, ВОЗОБНОВЛЕННОМУ В СВЯЗИ С ВНОВЬ ОТКРЫВШИМИСЯ ИЛИ НОВЫМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ

ГАЛЕЦКИЙ Виталий Сергеевич

Кандидат юридических наук, начальник юридического отдела Московского экспертного бюро по контролю качества работ на объектах городского хозяйства, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института

105066, г. Москва, ул. Нижняя Красносельская, д. 13, стр. 1, Российская Федерация

АНУЧИНА Ольга Владимировна

Кандидат юридических наук, начальник отдела по изучению социальных процессов и разработке комплексных проблем обеспечения правопорядка научно-исследовательского центра Академии управления Министерства внутренних дел России

125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные теоретические и практические проблемы, возникающие при производстве расследования по уголовным делам, возобновленным в порядке главы 49 УПК РФ. Особое внимание уделено анализу дискреционных полномочий и процессуальных действий прокурора, руководителя следственного органа и следователя на досудебном этапе возобновленного производства. Выявлены законодательные пробелы и правоприменительные сложности в части установления новых и вновь открывшихся обстоятельств, взаимодействия участников уголовного преследования, исчисления процессуальных сроков и определения пределов расследования. На основе анализа правовых позиций Конституционного Суда РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального регулирования.

Ключевые слова: возобновление производства, новые обстоятельства, вновь открывшиеся обстоятельства, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, расследование

Для цитирования: Галецкий В.С., Анучина О.В. Краткий анализ проблем досудебного производства по уголовному делу, возобновленному в связи с вновь открывшимися или новыми обстоятельствами // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 84. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_84

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space

Original article

A BRIEF ANALYSIS OF ISSUES IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN A CRIMINAL CASE REOPENED DUE TO NEWLY DISCOVERED OR NEW CIRCUMSTANCES

GALETSKY Vitaly Sergeevich

Candidate of Law, Head of the Legal Department of the Moscow Expert Bureau for Quality Control of Work at Urban Facilities, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines at the International Law Institute
105066, Moscow, Nizhnyaya Krasnoselskaya Str., 13, Bldg. 1, Russian Federation

ANUCHINA Olga Vladimirovna

Candidate of Law, Head of the Department for the Study of Social Processes and Development of Comprehensive Issues of Law and Order Maintenance at the Research Center of the Academy of Management of the MIA of Russia
125993, Moscow, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh Str., 8, Russian Federation

Abstract: The article discusses current theoretical and practical issues that arise during the investigation of criminal cases that have been reopened under Chapter 49 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Special attention is paid to the analysis of the discretionary powers and procedural actions of the prosecutor, the head of

the investigative body, and the investigator during the pre-trial stage of the resumed proceedings. The article identifies legislative gaps and practical difficulties in establishing new and newly discovered circumstances, coordinating the actions of the participants in the criminal prosecution, calculating procedural deadlines, and determining the limits of the investigation. Based on the analysis of the Constitutional Court of the Russian Federation's legal positions and the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, proposals have been formulated to improve the criminal procedure regulation.

Keywords: resumption of proceedings, new circumstances, newly discovered circumstances, prosecutor, head of the investigative body, investigator, investigation

For citation: Galetsky V.S., Anuchina O.V. A Brief Analysis of Issues in Pre-trial Proceedings in a Criminal Case Reopened Due to Newly Discovered or New Circumstances = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):84. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_84

Отечественному уголовному процессу институт возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств знаком с 1864 года. Тот факт, что процессуальные нормы, регулирующие данную процедуру, со времен закрепления в Уставе уголовного судопроизводства не покидают уголовно-процессуальное законодательство по сей день, свидетельствует об исключительно важной роли указанного института. Сегодня, урегулированный главой 49 УПК РФ, он занимает особое место в системе проверочных производств, выступая завершающей стадией уголовного процесса и последней процессуальной возможностью исправления судебной ошибки [3, С. 360]. Как, на наш взгляд, справедливо отмечал Т.Л. Оксюк, в отличие от апелляционного, кассационного и надзорного производств, основаниями для пересмотра здесь служат не ошибки в деятельности суда или органов следствия как таковые («юридические ошибки»), а выявление обстоятельств, которые либо существовали на момент судебного разбирательства, но не были известны суду, либо возникли уже после вступления приговора в законную силу [6, С. 14].

Несмотря на свою более чем 160-летнюю непрерывную историю развития, рассматриваемый нами в данной работе институт длительное время не был объектом исследований и теоретического осмысления для представителей научного сообщества. Первое монографическое исследование («Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам») было опубликовано в 1959 году Б.С. Тетериным, после чего вопросы возобновления производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств исследовались многими советскими и российскими учеными, среди которых В.Б. Алексеев, Л.Б. Алексеева, В.П. Божьев, Н.А. Громов, В.А. Давыдов, В.П. Маслов, Е.Б. Мизулина, И.Б. Михайловская, В.А. Познанский, Н.Н. Полянский, Н.Н. Шанявский, Е.М. Чехарин, М.Л. Якуб и другие, которые занимались систем-

ной научной разработкой фундаментальных основ данного механизма исправления судебных ошибок.

Вместе с тем правоприменительная практика последних лет, включая разъяснения, данные Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении от 14 декабря 2021 г. № 43 [10], свидетельствует о наличии в главе 49 УПК РФ значительного числа неурегулированных проблемных аспектов, препятствующих реализации норм данного института. Так, согласно официальной статистике Верховного Суда Российской Федерации [9], приведенной в таблице 1, за совершение преступлений против правосудия за период с 2020 года по первое полугодие 2025 года в отношении более 65 000 человек судом вынесены приговоры, количество которых коррелирует с количеством потенциальных уголовных дел, подлежащих пересмотру ввиду вновь открывшихся обстоятельств, поскольку именно в преступлениях против правосудия заложены причины многих судебных «ошибок факта». В то же время дискреционность полномочий прокурора в данном вопросе вносит искажение в данную зависимость, делая ее нелинейной.

Таблица 1

Год	Главе 31 «Преступления против правосудия» УК РФ	
	Осуждено лиц	Оправдано лиц
2020	11 543	21
2021	12 998	25
2022	13 471	26
2023	12 969	25
2024	11 226	15
2025 (1-е полугодие)	4 473	14

Проведенный авторами опрос 100 следователей (руководителей следственных органов) и прокуроров (помощников прокурора) из разных регионов Российской Федерации позволяет

выделить в качестве ключевого блок проблем, сосредоточенный на этапе досудебного производства, который включает проверку сообщения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах и их расследование. Учитывая, что именно прокурор, руководитель следственного органа и следователь являются основными субъектами, обеспечивающими подготовку материалов для судебного решения о возобновлении дела, вопросы регламентации их полномочий и процессуального взаимодействия приобретают первостепенную значимость.

В то же время 92 % из опрошенных нами работников правоохранительных и надзорных органов ни разу не сталкивались в своей повседневной деятельности с необходимостью возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, и лишь 8 % были задействованы в реализации данной процедуры однократно. Два и более раз с процедурой возобновления производства по уголовному делу, предусмотренной главой 49 УПК РФ, не сталкивался никто из респондентов, несмотря на то, что средний стаж службы в прокуратуре и органах предварительного следствия опрошенных составлял более 10 лет. При этом 95 % опрошенных отметили в качестве основных сложностей применения данного института отсутствие четкого правового регулирования в УПК РФ и ведомственных нормативных актах и отсутствие подробных методических материалов по проверке и расследованию сообщения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах.

Указанный опрос, конечно, не претендует на репрезентативность, но в качестве пилотного исследования он позволяет констатировать наличие определенных проблем как теоретического, так и правоприменительного характера, нуждающихся в комплексном анализе и выработке конкретных предложений и рекомендаций по их разрешению.

Исходя из того, что центральная роль в иницировании процедуры возобновления производства по уголовному делу принадлежит прокурору, полномочия которого охватывают как этап проверки поступившей информации, так и этап расследования, проводимого следователем по его поручению, считаем логичным начать перечисление вышеозначенных проблем именно с фрагментарной законодательной регламентации полномочий прокурора.

Во-первых, УПК РФ не устанавливает сроков проведения прокурором проверки сообщений о новых или вновь открывшихся обстоятельствах.

Это приводит к затягиванию процесса и нарушению прав заинтересованных лиц. Т.Л. Оксюк обоснованно предлагает применять по аналогии общую процедуру рассмотрения сообщения о преступлении, предусмотренную ст. 144 УПК РФ [7, С. 9]. Нам представляется, что данный пробел должен быть восполнен законодательно путем внесения соответствующих дополнений в ст. 415 УПК РФ, поскольку различного рода аналогии порождают разнообразную, зачастую ошибочную правоприменительную практику.

Во-вторых, не урегулирован вопрос об истребовании прокурором уголовного дела из суда для изучения. Без изучения материалов дела прокурор лишен возможности оценить, повлияло ли новое или вновь открывшееся обстоятельство на законность и обоснованность приговора [3, С. 179]. Хотя на практике это право прокуроры фактически реализуют, его нормативное закрепление в главе 49 УПК РФ отсутствует, что представляется необходимым изменить.

В-третьих, серьезные вопросы вызывает формулировка, что следователь при расследовании новых обстоятельств «решает вопрос об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства» (ч. 4 ст. 415 УПК РФ). Как верно отмечает В.А. Давыдов, такая формулировка способна «парализовать» институт расследования «иных новых обстоятельств», так как ориентирует следователя на возбуждение отдельного уголовного дела, а не на установление фактов, которые могут служить основанием для пересмотра уже состоявшегося приговора [2]. Расследование в порядке ч. 4 ст. 415 УПК РФ должно быть нацелено на установление объективной истины по фактам, имеющим значение для возобновления производства, а не на автоматическое уголовное преследование.

Переходя к вопросам организации и пределов расследования в контексте вышеуказанного уголовно-процессуального института, отметим, что, как показывает практика, перед следователем, а точнее уже перед его руководителем, получившим постановление прокурора о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств (ч. 4 ст. 415 УПК РФ), встает вопрос: что именно он должен расследовать? УПК РФ, как обоснованно указывал В.А. Давыдов, не содержит четкого перечня следственных и процессуальных действий, допустимых при таком расследовании, оставляя этот вопрос на усмотрение правоприменителя [4, С. 944]. Отсутствие законодательно закрепленного процессуального статуса лиц (осужденного, оправданного, потерпевшего) на этапе расследо-

вания новых обстоятельств также создает риски нарушения их прав. Непонятно, в какие сроки проводить такое расследование, какой процедурой его заканчивать и какой итоговый процессуальный документ составлять (так, например, ряд исследователей считает возможным составление в качестве итогового документа: обвинительного заключения, акта или постановления [5, С. 55], в то время как некоторые из опрошенных нами практических работников составляли некое постановление, которым в соответствии с п. 25 ст. 5 УПК РФ оформляется любое процессуальное решение следователя).

В соответствии с ч. 4 ст. 415 УПК РФ расследование новых обстоятельств производится следователем по поручению его руководителя на основании постановления прокурора. Исходя из общих принципов организации расследования (ст. 39 УПК РФ), руководитель следственного органа осуществляет ведомственный контроль за законностью действий следователя. Однако применительно к главе 49 УПК РФ полномочия руководителя следственного органа не детализированы, что также может порождать проблемы в правоприменительной практике, отдаляя проводимые следователем действия по указаниям его непосредственного руководителя от тех, на которые был ориентирован, вынося свое постановление, прокурор, не всегда обоснованно смещая пределы доказывания, определение которых применительно к данной процедуре и так достаточно сложное.

УПК РФ не устанавливает, вправе ли следователь производить любые следственные действия, или же их перечень должен быть ограничен. Отсутствие четких правил влечет за собой либо неполноту расследования, либо необоснованное расширение его границ. На практике следователь фактически руководствуется общими положениями УПК РФ, что представляется не вполне корректным, учитывая специфику данного производства, которое, по сути, является проверочным и не направлено на формулирование нового обвинения, а призвано выявить обстоятельства, опровергающие или подтверждающие законность уже вступившего в силу приговора [4, С. 947].

Законодательно не решен однозначно и вопрос о возможности применения мер процессуального принуждения в ходе расследования новых обстоятельств, а также о том, в каком процессуальном статусе должны находиться фигуранты такого производства. В УПК РФ напрямую не указано, вправе ли следователь, например, проводить обыск или накладывать арест на иму-

щество в рамках производства, возбужденного прокурором.

Завершающим этапом досудебного производства является составление прокурором заключения о возобновлении производства по уголовному делу либо вынесение постановления о прекращении возбужденного им производства (ч. 1 ст. 416 УПК РФ). При этом УПК РФ не регламентирует процессуальную форму заключения прокурора, хотя данный акт, по сути, является итоговым решением, определяющим дальнейшую судьбу дела. Закон не предъявляет четких требований к его структуре и содержанию (к примеру, таких, которые предъявляются к обвинительному заключению), что приводит к разнообразию правоприменительной практики и затрудняет процесс рассмотрения такого решения судом или его обжалования. Обоснованным представляется предложение о необходимости нормативного закрепления того, что в заключении должны быть указаны: поводы и основания возбуждения производства, фабула установленных обстоятельств, анализ собранных доказательств и мотивированный вывод о наличии оснований для пересмотра судебного решения [7, С. 11].

Особого внимания заслуживает вопрос обжалования решений прокурора. Часть 3 ст. 416 УПК РФ предусматривает право заинтересованных лиц обжаловать в суд постановление прокурора о прекращении возбужденного им производства. В то же время решение прокурора об отказе в возбуждении производства в законе прямо не упомянуто. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 43 от 14 декабря 2021 г. восполнил этот пробел, разъяснив, что такие решения также могут быть обжалованы в порядке ст. 125 УПК РФ [10, п. 8]. Однако данный подход является судебным толкованием, и для единообразия практики необходимо прямое законодательное закрепление порядка обжалования всех решений прокурора, принимаемых в ходе производства по правилам главы 49 УПК РФ, что ранее обосновывалось и В.А. Давыдовым [2].

Дискуссионным остается вопрос о сроках давности при возобновлении производства с поворотом к худшему. Часть 3 ст. 414 УПК РФ устанавливает годичный срок для такого пересмотра со дня открытия обстоятельств. При этом закон не устанавливает предельного срока, по истечении которого пересмотр не допускается, отсылая к срокам давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 78 УК РФ) [1, С. 128]. Авторы разделяют позицию В.А. Давыдова, который обоснованно указывает на несправедливость такого подхода,

предлагая сократить эти сроки наполовину применительно к пересмотру судебных актов, поскольку установление одних и тех же сроков для привлечения к ответственности и для поворота к худшему не согласуется с принципами правовой определенности и гуманизма [2].

Также не регламентированы действия прокурора и следователя при обнаружении обстоятельств, свидетельствующих о необходимости предъявления более тяжкого обвинения. Как указал Конституционный Суд РФ [11], суд не может самостоятельно изменить обвинение на более тяжкое. Это означает, что для реализации такого поворота в рамках возобновленного производства должен быть задействован эффективный механизм расследования и возвращения дела прокурору. Однако детали этого механизма в главе 49 УПК РФ прописаны недостаточно четко [8, С. 16].

Таким образом, проведенный краткий анализ позволяет констатировать, что институт расследования по уголовным делам, возобновленным ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, нуждается в комплексном совершенствовании. Основные усилия должны быть направлены на решение следующих задач:

Регламентация досудебного производства путем внесения в ст. 415–416 УПК РФ дополнений, устанавливающих:

- сроки проведения прокурором проверки и порядок их продления;
- сроки проведения расследования и порядок продления этих сроков;
- право прокурора на истребование уголовного дела;
- перечень следственных и процессуальных действий, допустимых при расследовании новых обстоятельств;
- процессуальный статус участников (осужденного, потерпевшего) на этапе расследования;
- структуру и содержание заключения прокурора;
- исчерпывающий порядок обжалования всех решений прокурора (как о возбуждении производства и прекращении, так и об отказе в его возбуждении) по правилам ст. 125 УПК РФ.

Необходимо проведение комплексного исследования данного уголовно-процессуального института.

Требуется разработка соответствующих ведомственных и межведомственных методических материалов, макетов уголовных дел, иных справочных и аналитических материалов, которые позволят следователям и прокурорам оптимально

применять положения главы 49 УПК РФ в практической деятельности.

Реализация этих предложений, на наш взгляд, будет способствовать не только повышению эффективности прокурорского надзора и предварительного расследования на данной стадии, но и укреплению гарантий конституционных прав граждан на доступ к правосудию и исправление судебных ошибок.

Список источников

1. Давыдов В.А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: теория и практика исправления судебных ошибок. М.: Юрайт, 2012. С. 313.
2. Давыдов В.А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 50.
3. Давыдов В.А. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств // Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрайт, 2011. С. 927–977.
4. Давыдов В.А. О некоторых проблемах регулирования порядка расследования обстоятельств, влекущих возобновление уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство: теория и практика. М.: Юрайт, 2011. С. 942–952.
5. Загайнова Ю.В., Диденко Н.С., Попова А.В., Курилов С.И. Участие прокурора в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2025. С. 73.
6. Оксюк Т.Л. Актуальные проблемы возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств // Законность. 2014. № 1. С. 14–19.
7. Оксюк Т.Л. Усмотрение прокурора в уголовном процессе // Законность. 2010. № 3. С. 3–9.
8. Оксюк Т.Л. Постановление принято – проблемы остались // Законность. 2022. № 4. С. 15–19.
9. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://scdep.ruid=79>.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.12.2021 № 43 «О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 2.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс].

References

1. Davy`dov V.A. Vozobnovlenie ugovnogo sudoproizvodstva vvidu novy`x ili vnov` otkry`vshixsya obstoyatel`stv: teoriya i praktika ispravleniya sudebny`x oshibok. M.: Yurajt, 2012. S. 313.
2. Davy`dov V.A. Vozobnovlenie ugovnogo sudoproizvodstva vvidu novy`x ili vnov` otkry`vshixsya obstoyatel`stv: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2011. S. 50.
3. Davy`dov V.A. Vozobnovlenie proizvodstva po ugovnomu delu vvidu novy`x ili vnov` otkry`vshixsya obstoyatel`stv // Uголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. N.A. Kolokolova. M.: Yurajt, 2011. S. 927–977.
4. Davy`dov V.A. O nekotory`x problemax regulirovaniya poryadka rassledovaniya obstoyatel`stv, vlekushhix vozobnovlenie ugovnogo sudoproizvodstva // Uголовное судопроизводство: теория и практика. M.: Yurajt, 2011. S. 942–952.
5. Zagajnova Yu.V., Didenko N.S., Popova A.V., Kurilov S.I. Uchastie prokurora v ugovnom sudoproizvodstve: uchebnoe posobie. Rostov-na-Donu, 2025. S. 73.
6. Oksyuk T.L. Aktual`ny`e problemy` vozobnovleniya proizvodstva po ugovnomu delu vvidu novy`x ili vnov` otkry`vshixsya obstoyatel`stv // Zakonnost`. 2014. № 1. S. 14–19.
7. Oksyuk T.L. Usmotrenie prokurora v ugovnom processe // Zakonnost`. 2010. № 3. S. 3–9.
8. Oksyuk T.L. Postanovlenie prinyato – problemy` ostalis` // Zakonnost`. 2022. № 4. S. 15–19.
9. Svodny`e statisticheskie svedeniya o deyatel`nosti federal`ny`x sudov obshhej yurisdikcii i mirovy`x sudej // Oficial`ny`j sayt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://scdep.ruid=79>.
10. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 14.12.2021 № 43 «O primenenii sudami norm glavy` 49 Uголовно-процессуального кодекса Россиjskoj Federacii, reguliruyushhix vozobnovlenie proizvodstva po ugovnomu delu vvidu novy`x ili vnov` otkry`vshixsya obstoyatel`stv po zaklyucheniyu prokurora» // Byulleten` Verhovnogo Suda RF. 2022. № 2.
11. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 02.07.2013 № 16-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij chasti pervoj stat`i 237 Uголовно-процессуального кодекса Россиjskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina Respubliki Uzbekistan B.T. Gadaeva i zaprosom Kurganskogo oblastnogo suda» // SPS «Konsul`tant Plyus» [E`lektronny`j resurs].

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.03.26; одобрена после рецензирования 14.03.26; принята к публикации 14.03.26.

The article was submitted 10.03.26; approved after reviewing 14.03.26; accepted for publication 14.03.26.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

БАСХАНОВ Ахмед Магомедович

Доцент кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии Министерства внутренних дел России, капитан полиции
400075, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130, Российская Федерация

ХУЧИЕВ Рамзан Рустамович

Слушатель 5 курса факультета подготовки следователей Волгоградской академии Министерства внутренних дел России, младший лейтенант полиции
400075, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена анализу актуальных проблем уголовно-правовой оценки деяний, совершаемых с применением технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ). Авторы исследуют правовую природу ИИ как средства совершения преступления, рассматривают вопросы квалификации преступлений, совершенных с использованием дипфейков и автономных систем.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовная ответственность, квалификация преступлений, дипфейк, субъект преступления

Для цитирования: Басханов А.М., Хучиев Р.Р. Использование искусственного интеллекта при совершении преступлений: проблемы уголовно-правовой квалификации и перспективы законодательной регламентации // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 90. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_90

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space

Original article

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CRIMES: PROBLEMS OF CRIMINAL QUALIFICATION AND PROSPECTS OF LEGISLATIVE REGULATION

BASKHANOV Akhmed Magomedovich

Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
400075, Volgograd, Istoricheskaya str., 130, Russian Federation

KHUCHIEV Ramzan Rustamovich

Student of the 5th course of the faculty of training investigators of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, junior police lieutenant
400075, Volgograd, Istoricheskaya str., 130, Russian Federation

Abstract: The article analyzes the current problems of criminal law assessment of acts committed with the use of artificial intelligence technologies (hereinafter – AI). The authors explore the legal nature of AI as a means of committing a crime and consider the issues of qualification of crimes committed with the use of deepfakes and autonomous systems.

Keywords: artificial intelligence, criminal liability, qualification of crimes, deepfake, subject of a crime

For citation: Baskhanov A.M., Khuchiev R.R. The Use of Artificial Intelligence in Crimes: Problems of Criminal Qualification and Prospects of Legislative Regulation = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):90. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_90

Острой проблемой современной уголовно-правовой доктрины является определение статуса искусственного интеллекта в механизме совершения преступления. Классическая теория уголовного права исходит из принципа личной ответственности, согласно которому субъектом преступления может быть только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Однако автономность современных систем ИИ, способных к самообучению и принятию решений в условиях неопределенности, ставит под сомнение универсальность этого подхода.

Субъективная сторона преступления, включающая вину в форме умысла или неосторожности, является обязательным элементом состава преступления. При использовании ИИ установление вины осложняется проблемой «непрозрачности». Глубокие нейронные сети, обучающиеся на больших данных, могут формировать модели поведения, не предусмотренные разработчиками.

Возникает вопрос: подлежит ли уголовной ответственности программист, создавший нейросеть для законных целей (например, для анализа финансовых рынков), если она самостоятельно «обучилась» инсайдерской торговле или манипулированию рынком?

Если разработчик предвидел возможность такого поведения и сознательно допустил его (косвенный умысел), ответственность наступает.

Если не предвидел, но должен был и мог предвидеть (преступная небрежность), ответственность также возможна, но доказывание факта «долженствования» требует сложных технических экспертиз.

Если поведение ИИ является следствием непрогнозируемой мутации весов нейросети (казус), в рамках действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) ответственность исключается [1, С. 33–35].

Исследования показывают, что содержание «вины» искусственного интеллекта (как технической категории ошибки) обладает признаками, схожими с интеллектуальными и волевыми моментами деятельности человека, но правовая оценка этих признаков невозможна без изменения парадигмы субъекта. В настоящее время ответственность распределяется между разработчиком (за закладку вредоносного кода), оператором (за использование ИИ в противоправных целях) и лицом, ответственным за внедрение (за отсутствие надлежащих мер безопасности).

Статья 159.6 УК РФ предусматривает ответственность за хищение, совершенное путем ввода,

удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации. Это специальный вид мошенничества, где обман направлен не на человека, а на компьютерную систему.

Использование ИИ радикально расширяет способы совершения этого преступления.

Автоматизированный подбор паролей (брутфорс): использование ML-алгоритмов для анализа образцов поведения пользователей и генерации наиболее вероятных паролей значительно повышает эффективность атак по сравнению с простым перебором.

Обход антифрод-систем: состязательные атаки позволяют генерировать транзакции, которые алгоритмы защиты банков воспринимают как легитимные, маскируя хищение под обычную активность клиента.

Атака на биометрию: использование генеративных сетей для создания синтетических отпечатков пальцев или изображений лица (дипфейков) для доступа к банковским приложениям.

Сложность представляют вопросы квалификации. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 [7] разъясняет, что мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное посредством неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) или посредством создания, использования и распространения вредоносных программ (ст. 273 УК РФ), требует дополнительной квалификации по соответствующим статьям. Это создает риск избыточной криминализации, так как сам способ (вмешательство в информацию) является конструктивным признаком ст. 159.6 УК РФ, однако судебная практика идет по пути идеальной совокупности.

Искусственный интеллект вывел социальную инженерию на новый уровень. Чат-боты на базе больших языковых моделей способны вести диалог с жертвой в режиме реального времени, адаптируя стиль общения под конкретного человека [2, С. 45–47].

В доктрине обсуждается проблема: является ли использование дипфейка при телефонном мошенничестве «вмешательством в функционирование средств обработки информации»? С технической точки зрения телефонная сеть передает информацию корректно. Искажение происходит на когнитивном уровне восприятия жертвы. Эксперты считают, что существующего инструментария (ст. 159 УК РФ) достаточно для борьбы с

любыми видами обмана, включая высокотехнологичные. Вместе с тем распространено мнение о недопустимости применения уголовного закона по аналогии и квалификации действий по совокупности статей 159 и 272 УК РФ, если не было технического взлома системы.

Тем не менее, если дипфейк используется для обхода биометрической защиты, это однозначно подпадает под признаки модификации компьютерной информации (подмена биометрического вектора) и квалифицируется по ст. 159.6 УК РФ в совокупности со ст. 272 УК РФ.

Статья 273 УК РФ устанавливает ответственность за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ. Современные киберугрозы все чаще используют ИИ для автоматизации атак.

Полиморфное вредоносное ПО: программы, которые постоянно меняют свой код с помощью ИИ, чтобы избежать обнаружения сигнатурными антивирусами.

Автоматизированные платформы атак: создание систем, которые самостоятельно сканируют сети, находят уязвимости и выбирают оптимальный эксплойт.

Объективная сторона ст. 273 УК РФ включает создание программ, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования информации. Применение ИИ ставит вопрос: является ли нейросеть «программой» в смысле ст. 273 УК РФ? Согласно примечанию к ст. 272 УК РФ, под компьютерной информацией понимаются сведения, представленные в форме электрических сигналов. Вредоносный ИИ представляет собой совокупность кода (архитектура) и данных (веса), что полностью охватывается понятием компьютерной информации [3, С. 13–19].

Статья 274.1 УК РФ является специальной нормой, охраняющей критическую информационную инфраструктуру (далее – КИИ). Использование ИИ для атак на КИИ (например, автоматизированные DDoS-атаки, управляемые ботнетами на базе ИИ) повышает степень общественной опасности. Судебная практика, отраженная в постановлении Пленума № 37, ориентирует суды на привлечение специалистов для выяснения технических вопросов, связанных с отнесением систем к КИИ [4, С. 39–42].

Особую опасность представляют «отравленные» данные. Если злоумышленник внедряет в обучающую выборку ИИ, управляющего объектом КИИ (например, системой управления шлюзами плотины), искаженные данные, это может

привести к аварии в будущем. Такое действие следует квалифицировать как модификацию компьютерной информации, повлекшую тяжкие последствия (ст. 274.1 УК РФ).

Внедрение беспилотных транспортных средств (далее – БТС) на дорогах общего пользования создает правовой вакуум в части ответственности за дорожно-транспортные происшествия. Действующая статья 264 УК РФ («Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств») субъектом преступления называет лицо, управляющее транспортным средством. В случае полностью автономного автомобиля водитель отсутствует.

Какие возможны варианты квалификации?

Ответственность разработчика (ст. 238 УК РФ): оказание услуг или производство товаров, не отвечающих требованиям безопасности. Если авария произошла из-за системной ошибки в коде, которую разработчик должен был выявить, это наиболее вероятный путь.

Ответственность за действия, угрожающие безопасной эксплуатации (ст. 267.1 УК РФ): данная статья криминализует действия, совершенные извне (например, кибератака на сенсоры беспилотника, ослепление лазером, подмена GPS-сигнала). Это важный инструмент защиты БТС от внешнего вмешательства, но он не решает проблему внутренних сбоев.

Халатность (ст. 293 УК РФ): применима к должностным лицам, ответственным за допуск БТС на дороги, если они ненадлежащим образом проверили безопасность системы.

Аналогичная проблема возникает при использовании ИИ в медицине (системы поддержки принятия врачебных решений, хирургические роботы). В случае ошибки ИИ, повлекшей смерть пациента, ответственность может нести врач, если он слепо доверился рекомендации алгоритма вопреки клинической картине (неосторожность). Однако если алгоритм функционировал автономно (робот-хирург), вопрос ответственности смещается в плоскость качества программного обеспечения.

Очевидно, что сегодня в России необходима разработка стандартов тестирования ИИ-систем, нарушение которых будет являться обязательным условием для наступления уголовной ответственности разработчиков. Без четких технических регламентов доказывание вины в форме преступного легкомыслия или небрежности практически невозможно.

В делах, связанных с использованием ИИ, ключевым доказательством становятся логи,

исходный код, веса нейросетей. Постановление Пленума ВС РФ № 37 ориентирует суды на привлечение специалистов для разъяснения технических терминов и анализа сложных вопросов. Однако проблема установления авторства действий остается острой. Использование VPN, цепочек прокси-серверов и автономных ботов затрудняет идентификацию реального злоумышленника. В этом контексте особую роль играют цифровые следы, оставляемые уникальными особенностями кода или стилем обучения нейросети.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что действующая система уголовно-правового регулирования России, сформированная в доцифровую эпоху, требует точечной, но глубокой модернизации для эффективного противодействия преступности, использующей искусственный интеллект. Отказ от признания ИИ субъектом уголовной ответственности на данном этапе обоснован и соответствует принципам гуманизма и личной виновной ответственности [5]. Центром тяжести репрессивного механизма должен оставаться человек – разработчик, оператор или пользователь, использующий мощь алгоритмов во вред обществу [6, С. 112–115].

Вместе с тем специфика ИИ как инструмента (автономность, масштабность, непрозрачность) требует введения новых квалифицирующих признаков и специальных составов (в частности, по дипфейкам), а также пересмотра подходов к доказыванию умысла. Необходимо выработать собственный подход, сочетающий защиту национального цифрового суверенитета с гарантиями прав граждан и поддержкой технологического развития.

Имплементация предложенных изменений позволит восполнить существующие правовые пробелы, обеспечить неотвратимость наказания за высокотехнологичные преступления и создать безопасную среду для развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации.

Список источников

1. Габов А.В. Искусственный интеллект: правовое регулирование: монография. Москва: Проспект, 2022. С. 33–35.
2. Гузева А.А. Киберпреступность в условиях цифровизации: вопросы квалификации и предупреждения: учебное пособие. Москва: Юрлитинформ, 2023. С. 45–47.
3. Берг А.Л. Искусственный интеллект и проблемы уголовной ответственности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 4 (62). С. 13–19.

4. Талан М.В. Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта: проблемы и перспективы // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 39–42.

5. Нифталиева И.А. Принцип справедливости в уголовном праве: проблемы реализации в законодательстве и правоприменительной практике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. 25 с.

6. Яковлева Е.О. Искусственный интеллект как криминогенный фактор: проблемы квалификации и тактики расследования // Полицейская деятельность. 2025. № 6. С. 112–115.

7. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Gabov A.V. Iskusstvenny`j intellekt: pravovoe regulirovanie: monografiya. Moskva: Prospekt, 2022. S. 33–35.
2. Guzeva A.A. Kiberprestupnost` v usloviyax cifrovizacii: voprosy` kvalifikacii i preduprezhdeniya: uchebnoe posobie. Moskva: Yurlitinform, 2023. S. 45–47.
3. Berg A.L. Iskusstvenny`j intellekt i problemy` ugovnoy otvetstvennosti // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 4 (62). S. 13–19.
4. Talan M.V. Prestupleniya, sovershaemy`e s ispol`zovaniem iskusstvennogo intellekta: problemy` i perspektivy` // Vestnik e`konomiki, prava i sociologii. 2025. № 3. S. 39–42.
5. Niftaliev I.A. Princip spravedlivosti v ugovnom prave: problemy` realizacii v zakonodatel`stve i pravoprimeritel`noj praktike: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2022. S. 25.
6. Yakovleva E.O. Iskusstvenny`j intellekt kak kriminogenny`j faktor: problemy` kvalifikacii i taktiki rassledovaniya // Policejskaya deyatel`nost`. 2025. № 6. S. 112–115.
7. O nekotory`x voprosax sudebnoj praktiki po ugovnoy`m delam o prestupleniyax v sfere komp`yuternoj informacii, a takzhe iny`x prestupleniyax, sovershenny`x s ispol`zovaniem e`lektronny`x ili informacionno-telekommunikacionny`x setej, vklyuchaya set` «Internet»: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 15.12.2022 № 37. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.02.26; одобрена после рецензирования 21.02.26; принята к публикации 21.02.26.

The article was submitted 17.02.26; approved after reviewing 21.02.26; accepted for publication 21.02.26.

РОЛЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ДНК-БАЗ ДАННЫХ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

КАЗАНОВ Александр Алексеевич

Аспирант Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

344002, г. Ростов-на-Дону, улица Пушкинская, д. 70, Российская Федерация

Аннотация: Современная криминалистическая практика, осуществляемая субъектами раскрытия и расследования преступлений, немыслима без применения технических средств. Криминалистика дала следователям ценные знания, благодаря которым они научились эффективно выявлять и исследовать улики. Автор отмечает тревожную динамику увеличения числа нераскрытых преступлений, относящихся к категории тяжких и особо тяжких. Основной причиной, препятствующей раскрытию и расследованию значительной доли противоправных деяний, является невозможность установления личности преступника. Для идентификации субъекта проводится сопоставление генетического профиля лица, подозреваемого или обвиняемого, с биологическим материалом, обнаруженным на месте совершения преступления. По этапу расследования способ содействия может быть предварительным (общим). Основная цель данного способа заключается в подтверждении органами дознания факта совершения преступления и определении круга лиц, имеющих к нему отношение. В данном контексте применение государственных генетических ДНК-баз данных становится инструментом для идентификации потенциальных подозреваемых, анализа их перемещений и установления причастности к преступлению. Исходя из проведенного исследования, автор классифицировал преимущества, проблемы и пути развития ДНК-баз данных как способа содействия раскрытию и расследованию преступлений. Для достижения поставленных задач применялись методы сравнительного анализа, обобщения эмпирических данных, изучения судебной практики, а также статистический метод.

Ключевые слова: способ содействия, ДНК-анализ, генетическая база данных, расследование преступлений, раскрытие преступлений, статистический анализ

Для цитирования: Казанов А.А. Роль криминалистических ДНК-баз данных в раскрытии и расследовании преступлений // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 95. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_95

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space

Original article

THE ROLE OF FORENSIC DNA DATABASES IN CRIME DETECTION AND INVESTIGATION

KAZANOV Alexander Alekseevich

Postgraduate Student of the South Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

344002, Rostov-on-Don, Pushkinskaya Str., 70, Russian Federation

Abstract: Modern criminalistic practice carried out by the subjects of crime detection and investigation is unthinkable without the use of technical means. Forensic science has given investigators valuable knowledge, thanks to which they have learned how to effectively identify and examine evidence. The author notes the alarming dynamics of the increase in the number of unsolved crimes classified as grave and especially grave. The main reason preventing the detection and investigation of a significant proportion of illegal acts is the inability to identify the perpetrator. To identify the subject, the genetic profile of the suspect or accused person is compared with the biological material found at the crime scene. At the stage of the investigation, the method of assistance may be preliminary (general). The main purpose of this method is to confirm by the bodies of inquiry the fact of the commission of a crime and to determine the circle of persons related to it. In this context, the use of government genetic DNA databases is becoming a tool for identifying potential suspects, analyzing their movements, and establishing involvement in a crime. Based on the

conducted research, the author has classified the advantages, problems, and ways of developing DNA databases as a way to facilitate the detection and investigation of crimes. To achieve these objectives, the following methods were used: comparative analysis, generalization of empirical data, and study of judicial practice. A statistical method was also used.

Keywords: method of assistance, DNA analysis, genetic database, crime investigation, crime detection, statistical analysis

For citation: Kazanov A.A. The Role of Forensic DNA Databases in Crime Detection and Investigation = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):95. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_95

Введение

За период с января по сентябрь 2025 года количество нераскрытых преступлений снизилось на 4,4 % по сравнению с аналогичным периодом 2024 года, составив 604,2 тысячи противоправных деяний. Наблюдается тенденция к увеличению доли тяжких и особо тяжких преступлений в общем массиве нераскрытых дел: с 32,6 % до 35,2 %. Данное изменение свидетельствует о том, что, несмотря на общее сокращение числа нераскрытых преступлений, доля особо опасных из них возросла. Также в официальной статистике зафиксирован существенный скачок в числе нераскрытых преступлений, связанных с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью – на 24,4 %. Главным фактором, препятствующим раскрытию 563,7 тысячи преступлений, выступает невозможность идентификации виновных. Несмотря на снижение показателей относительно минувшего года на 7,9 %, данная статистическая динамика может свидетельствовать о пробелах в следственной деятельности [1, С. 2-5].

Обзор литературы

Благодаря изучению генетических отличий между людьми исследователи выявили, что уникальность ДНК каждого человека позволяет его идентифицировать. При этом данный генетический материал можно получить из самых разных источников: крови, слюны, пота и прочих биологических следов. Возможность проведения анализа ДНК не ограничена днем совершения преступления. ДНК сохраняет свои идентификационные свойства на протяжении тысячелетий.

XIX век ознаменовался переходом к криминалистическим методам поиска и установления личности преступника.

Фрэнсис Гальтон в 1895 году научно обосновал метод дактилоскопии. Его исследования убедительно продемонстрировали уникальность отпечатков пальцев, исключая возможность их полного совпадения у разных людей. Начиная с XX века в ряде государств была внедрена систематическая дактилоскопическая регистрация лиц, совершивших преступления. К концу столетия, с появлением компьютерных технологий, данный процесс

был автоматизирован. Данная технология обеспечила оперативное сопоставление отпечатков, изъятых с места происшествия, с обширной базой данных, насчитывающей десятки миллионов дактилоскопических карт [3, С. 3].

В конце XX века ДНК-анализ стал одним из ведущих методов биологических исследований как в России, так и за рубежом.

Революционный подход к идентификации личности, основанный на молекулярной генетике, был предложен английским профессором А. Джеффрисом. В июле 1985 года его новаторская статья «Индивидуально-специфичные «отпечатки пальцев» ДНК человека» положила начало этому направлению в исследовании [2, С. 1].

Прогресс в области технологий анализа ДНК открыл перспективы для создания обширных баз данных, содержащих генетическую информацию, пригодную для использования в следственной деятельности [4, С. 535].

Для целей экспертно-криминалистического учета биологических объектов в 2006 году в РФ была создана первая значимая база геномной регистрации ДНК. Данный учет регламентирован приказом МВД от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» [5, С. 241].

Несмотря на то, что Федеральный закон № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» вступил в силу 1 января 2009 года, его полное внедрение столкнулось с препятствиями, обусловленными недостаточной подготовленностью системы [6].

Процесс обязательной геномной регистрации претерпел значительные изменения. На начальном этапе он касался лишь узкого круга лиц – осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, неустановленных лиц и неопознанных трупов. Постепенно, начиная с 2023 года, круг лиц, подлежащих регистрации, расширился до всех осужденных к лишению свободы вне зависимости от того, к какой категории или виду относится преступление. Дальнейшее развитие законодательства привело к тому, что с 2024 года в

него были включены близкие родственники лиц, пропавших без вести. А с 1 января 2025 года к этому списку добавились и лица, подвергнутые административному аресту.

Единообразие молекулярной структуры ДНК во всех органах и биологических жидкостях организма является ключевым преимуществом, расширяющим спектр объектов, доступных для экспертного изучения. Следовательно, при обнаружении на месте происшествия биологического материала одного типа нет необходимости в поиске идентичного образца для проведения сравнительного исследования. Благодаря свойству идентичности возможно сопоставление различных видов образцов, например, слюны и эпителия. В условиях ограниченной доступности сбора материала это решение обеспечивает следствию существенную экономию времени.

Еще одно свойство заключается в том, что по биологическим следам можно изучить огромное количество самых разных признаков. Это дает возможность сформировать предварительный профиль лица, причастного к преступлению. Профиль может включать в себя демографические характеристики (пол, примерный возраст, этническую принадлежность). Также возможно идентифицировать потенциальных родственников, если их генотипы присутствуют в соответствующей базе [7, С. 438].

Опираясь на проведенный анализ и учитывая актуальные научные работы в сфере содействия в рамках классификации по стадиям расследования, был выделен предварительный (общий) способ. На данном этапе первостепенной задачей органов дознания является фиксация факта совершения противоправного деяния и установление круга лиц, причастных к его совершению. Взаимодействие с государственными генетическими реестрами предоставляет возможность для идентификации потенциальных подозреваемых, отслеживания их перемещений и установления связи с совершенным преступлением.

Революционное внедрение ДНК-анализа стало ключевым фактором в раскрытии множества забытых преступлений прошлых лет. Если ранее криминалистическая экспертиза ограничивалась определением групповой принадлежности крови, то современные способы позволяют идентифицировать конкретного человека по любому биологическому материалу, обнаруженному на месте происшествия.

Материалы и методы

В рамках достижения поставленной исследовательской цели автор опирается на комплекс

методологических инструментов, включающих статистический анализ, сравнительный метод, обобщение данных и анализ судебной практики. Исследование метода ДНК-анализа как способа содействия раскрытию и расследованию преступлений позволяет автору предложить конкретные пути решения выявленных проблем.

Результаты и обсуждение

Создание первой базы данных на основе ДНК было осуществлено в Великобритании в период с 1986 по 1987 год. Применение метода ДНК-дактилоскопии для поимки преступника происходило в графстве Лестершир. Несмотря на то, что первоначальный план сбора образцов крови у всех мужчин (около 5 тысяч человек) не привел к немедленному выявлению преступника из-за его обмана (он отказался от сдачи крови), метод все же оказался эффективным. Этот случай наглядно демонстрирует, что необходимо формировать максимально полные ДНК-базы, включающие информацию о каждом человеке [8, С. 32].

В 1995 году была основана NDNAD, ставшая первой в мире системой накопления генетических данных, предназначенной для содействия в раскрытии и расследовании преступных деяний.

По состоянию на 30 июня 2025 года национальная база данных ДНК (NDNAD) содержит 1 409 346 профилей ДНК женщин и 5 996 028 мужчин, что в сумме составляет 7 447 315 генетических образцов. Кроме того, с мест преступлений был изъят 704 691 образец ДНК. Если исходить из того, что население Великобритании насчитывает 69 миллионов человек, то доля информации, представленной в базе данных, составляет 11,81 % от общего числа граждан [9].

С 2009 года в Российской Федерации действует Федеральная база данных геномной информации (ФБДГИ). База пополняется как сведениями граждан, добровольно прошедших геномное тестирование, так и данными, подлежащими обязательному внесению в соответствии с законодательством. По состоянию на сентябрь 2024 года за первые 9 месяцев 2024 года в ФБДГИ зарегистрированы 1340 осужденных, а также 8270 лиц, находящихся под следствием [10].

По состоянию на 2023 год ФБДГИ содержал 965 тысяч объектов геномной информации, что составляет примерно 0,6 % от общего числа граждан страны [11].

Международная практика демонстрирует, что создание эффективной базы данных ДНК приобретает значимость при условии включения в нее генетической информации как минимум 1 % населения.

В законодательство были внесены изменения, которые позволят в период с 2023 по 2025 год собрать генетические данные около 3,5 % граждан страны. Это в пять раз превышает прежние показатели и, как ожидается, значительно повысит эффективность расследования преступлений за счет расширения базы для поиска [11].

По состоянию на 1 января 2023 года в РФ числилось около 28 тысяч человек, объявленных в розыск как пропавших без вести. Среди них около 960 несовершеннолетних. Удалось выяснить судьбу лишь четверти (26,6 %) от общего числа разыскиваемых. Также среди более чем 12 тысяч неопознанных трупов личность была установлена лишь в 15,4 % случаев за 2023 год [12].

Согласно представленным данным, текущая эффективность оценивается как низкая. Исходя из этого, можно заключить, что на сегодняшний день применение данного способа содействия в раскрытии и расследовании преступлений в Российской Федерации имеет ряд проблем, и наше исследование направлено на их решение.

Существующая проблема затрагивает как практические аспекты, так и законодательное оформление данной сферы деятельности. Отсутствие четко регламентированных законодательных процедур и правил, касающихся изъятия биологических образцов для последующих исследований, создает риск совершения существенных ошибок при их получении, что потенциально может привести к утрате ценного материала для идентификации преступника.

С точки зрения практической реализации ошибки могут возникнуть на этапах непосредственного изъятия следователем биологических образцов, при их транспортировке, а также при несоблюдении надлежащих условий хранения.

Учитывая вышеизложенное, нельзя гарантировать, что применение данного способа содействия раскрытию и расследованию преступлений приведет к успеху.

Определение и формирование референтных групп для многонационального населения мегаполисов сопряжено с определенными трудностями. Непрерывающийся приток мигрантов из различных регионов России приводит к существенному росту этнического многообразия населения крупных городов. Это, в свою очередь, влечет за собой изменения в генофонде и выражается в разных ДНК-маркерах между поколениями, что отражает процессы смешения.

Наблюдаемая генетическая вариативность населения РФ создает серьезные препятствия для идентификации лиц, погибших в результа-

те преступлений, террористических актов или катастроф, а также для установления личности неопознанных трупов. Для преодоления данной проблемы необходимо разработать и внедрить регионально-специфичные базы данных ДНК по территориальному признаку, что, в свою очередь, повысит эффективность содействия в раскрытии и расследовании противоправных деяний.

Следующей проблемой становится создание единого генетического реестра для всего населения. Внедрение комплексной базы данных ДНК позволит значительно оптимизировать и ускорить этот процесс. Тем не менее на сегодняшний день ни одно государство не предприняло подобного шага, поскольку данная реализация сопряжена со значительными финансовыми затратами и вступает в противоречие с действующими правовыми нормами. В этой ситуации затрагиваются вопросы нарушения конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни и несанкционированного доступа к их персональным данным, учитывая, что генетическая информация содержит большой объем сведений о человеке.

Поэтому для решения данной проблемы необходимо установить для генетической информации особый правовой статус, обязывающий получать согласие на ее использование, ввиду того, что геном каждого человека содержит сведения как о его родословной, так и о будущих поколениях.

Помимо обязательной геномной регистрации, предусмотренной законодательством, существует также ее добровольная форма. Проведение такой регистрации осуществляется в соответствии с действующим законом по письменному заявлению граждан и требует оплаты.

Существующая проблема заключается в отсутствии у граждан мотивации для предоставления своего биологического материала с целью пополнения национальной ДНК-базы. Для решения этой задачи предлагается внести изменения в законодательство, опираясь на опыт Великобритании, где проведение ДНК-тестирования финансировалось государством. Введение подобного финансового стимула могло бы повысить готовность граждан к сдаче биоматериала, тем самым содействуя раскрытию и расследованию преступлений.

Заключение

На основе представленного анализа выделим основные преимущества, проблемы и пути развития ДНК-баз данных как способа содействия раскрытию и расследованию преступлений.

Преимущества:

– единая молекулярная основа ДНК. Поскольку структура ДНК остается неизменной во всех тканях организма, это значительно облегчает процесс сбора и последующего анализа биологических образцов;

– обширный информационный потенциал. Анализ ДНК предоставляет возможность детального исследования предварительного портрета субъекта исследования. Данный портрет включает в себя демографические параметры и идентификацию кровных связей;

– ДНК-экспертиза как инструмент ретроспективного расследования. ДНК-анализ открывает возможность для раскрытия преступлений прошлых лет, которые ранее оставались нераскрытыми.

Проблемы:

– недостаточная полнота баз данных. Несмотря на предпринятые усилия по расширению, российская база (ФБДГИ) на данный момент охватывает лишь приблизительно 0,6 % геномных данных от всего населения страны. Этот показатель существенно отстает от международных стандартов;

– пробелы в законодательстве и процедурах. Отсутствие четкой законодательной регламентации процедур изъятия, хранения и транспортировки образцов порождает риск ошибок;

– сложность идентификации в многонациональной стране. В условиях высокого генетического разнообразия, вызванного миграционными процессами, возникают трудности в процессе идентификации субъектов расследования;

– отсутствие мотивации для добровольной регистрации. Недостаточная добровольная мотивация граждан к предоставлению биологического материала обуславливает необходимость применения государственных мер стимулирования.

Авторские подходы к решению проблем:

– создание единого генетического реестра. Разработка и внедрение всеобъемлющей единой базы данных ДНК способствует оперативному раскрытию и расследованию преступлений;

– установление особого правового статуса генетической информации. Требуется законодательное закрепление, предполагающее получение согласия на ее использование;

– разработка регионально-специфичных баз данных ДНК. В связи с неоднородной популяцией целесообразно формирование баз данных, ориентированных на конкретные регионы;

– внедрение системы финансового поощрения. Аналогично британской модели, где госу-

дарственное финансирование ДНК-тестирования способствует увеличению числа граждан, готовых предоставить свой биологический материал.

Несмотря на значительный прогресс в области геномной идентификации личности, существующие ДНК-базы данных остаются недостаточно полными. Это ограничивает их потенциал как для оперативного содействия раскрытию преступлений, так и для решения широкого спектра криминалистических проблем.

Список источников

1. Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2025 года. М.: Министерство внутренних дел Российской Федерации. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2025 [Электронный ресурс]. URL: [file:///C:/Users/09876/Downloads/Sbornik_dlya_UOS_yanv-sent2025 %20\(1\).pdf](file:///C:/Users/09876/Downloads/Sbornik_dlya_UOS_yanv-sent2025 %20(1).pdf).

2. Алешкина Т.Н. К истории создания и использования геномной информации при раскрытии и расследовании преступлений // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. С. 1–5.

3. Боринская С.А., Балановский О.П., Курбатова О.Л., Янковский Н.К. По следам ДНК: как генетика народонаселения помогает криминалистике // Природа. 2020. № 11 (1263). С. 3–14.

4. Семенова П.К. Использование ДНК-анализа при расследовании преступлений // Вопросы российской юстиции. 2021. № 14. С. 532–537.

5. Салыхова Л.Ф. Формирование криминалистических банков данных ДНК // Молодой ученый. 2022. № 13 (408). С. 241–243.

6. Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 8. ст. 1043.

7. Мамаева Е.С. Об актуальности использования ДНК-данных в процессе производства предварительного расследования // Молодой ученый. 2025. № 22 (573). С. 438–439.

8. Казанов А.А. ДНК-идентифицирование, как нетрадиционный метод раскрытия и расследования серийных убийств // Вопросы права. 2023. № 1. С. 31–33.

9. National DNA Database statistics – GOV.UK Официальная статистика национальной базы данных ДНК, 1 квартал 2025-2026 годов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/national-dna-database-statistics>.

10. Работа ДНК-лаборатории ЭКЦ ГУ МВД России по Московской области в рамках реализации государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» // Официальный сайт главного управления МВД России по Московской области. 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://50.mvd.pf/news/item/55446604>.

11. Меликян Т. Геномная регистрация: для кого в России она станет обязательной // Деловой журнал «Профиль». 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://>

profile.ru/society/genomnaya-registraciya-dlya-kogo-v-rossii-ona-stanet-obyazatelnoj-1259766/.

12. Рыбакова М. Хранить до выяснения: чьи ДНК-коды попадут в государственную базу геномной информации // Деловой журнал «Профиль». 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://profile.ru/society/hranit-do-vyyasneniya-chi-dnk-kody-popadut-v-gosudarstvennuju-bazu-genomnoj-informacii-1450434>.

References

1. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar`-sentyabr` 2025 goda. M.: Ministerstvo vnutrennix del Rossijskoj Federacii. FKU «Glavny`j informacionno-analiticheskij centr», 2025 [E`lektronny`j resurs]. URL: file:///C:/Users/09876/Downloads/Sbornik_dlya_UOS_yanvsent2025 %20(1).pdf.

2. Aleshkina T.N. K istorii sozdaniya i ispol`zovaniya genomnoj informacii pri raskry`tii i rassledovanii prestuplenij // Aktual`ny`e problemy` gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2014. S. 1–5.

3. Borinskaya S.A., Balanovskij O.P., Kurbatova O.L., Yankovskij N.K. Po sledam DNK: kak genetika narodonaseleniya pomogaet kriminalistike // Priroda. 2020. № 11 (1263). S. 3–14.

4. Semenova P.K. Ispol`zovanie DNK-analiza pri rassledovanii prestuplenij // Voprosy` rossijskoj yusticii. 2021. № 14. S. 532–537.

5. Salyaxova L.F. Formirovanie kriminalisticheskix bankov danny`x DNK // Molodoj ucheny`j. 2022. № 13 (408). S. 241–243.

6. Federal`ny`j zakon ot 03.12.2008 № 242-FZ «O gosudarstvennoj genomnoj registracii v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2024. № 8. St. 1043.

7. Mamaeva E.S. Ob aktual`nosti ispol`zovaniya DNK-danny`x v processe proizvodstva predvaritel`nogo rassledovaniya // Molodoj ucheny`j. 2025. № 22 (573). S. 438–439.

8. Kazanov A.A. DNK-identificirovanie, kak netradicionny`j metod raskry`tiya i rassledovaniya serijny`x ubijstv // Voprosy` prava. 2023. № 1. S. 31–33.

9. National DNA Database statistics – GOV.UK Official`naya statistika nacional`noj bazy` danny`x DNK, 1 kvartal 2025-2026 godov [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/national-dna-database-statistics>.

10. Rabota DNK-laboratorii E`KCh GU MVD Rossii po Moskovskoj oblasti v ramkax realizacii gosudarstvennoj programmy` Rossijskoj Federacii «Obespechenie obshhestvennogo poryadka i protivodejstvie prestupnosti» // Oficial`ny`j sayt glavnogo upravleniya MVD Rossii po Moskovskoj oblasti. 2024 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://50.mvd.rf/news/item/55446604>.

11. Melikyan T. Genomnaya registraciya: dlya kogo v Rossii ona stanet obyazatel`noj // Delovoj zhurnal «Profil`». 2023 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://profile.ru/society/genomnaya-registraciya-dlya-kogo-v-rossii-ona-stanet-obyazatelnoj-1259766/>.

12. Ry`bakova M. Xranit` do vy`yasneniya: ch`i DNK-kody` popadut v gosudarstvennuju bazu genomnoj informacii // Delovoj zhurnal «Profil`». 2024 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://profile.ru/society/hranit-do-vyyasneniya-chi-dnk-kody-popadut-v-gosudarstvennuju-bazu-genomnoj-informacii-1450434>.

Статья поступила в редакцию 17.02.26; одобрена после рецензирования 26.02.26; принята к публикации 26.02.26.

The article was submitted 17.02.26; approved after reviewing 26.02.26; accepted for publication 26.02.26.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕФИНИЦИРОВАНИЯ КРИМИНАЛЬНОГО БАНКРОТСТВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОВРОВЯН Армине Арсеновна

Адвокат, член Адвокатской палаты города Севастополя, преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс» Юридического института Севастопольского государственного университета
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена анализу актуальных вопросов определения криминального банкротства в уголовном праве Российской Федерации. В статье сделан вывод о том, что составы преступлений, объединяемые в понятие «криминальное банкротство», необходимо различать в зависимости от сформированности правовых оснований для признания соответствующего субъекта несостоятельным.

Ключевые слова: банкротство, криминальное банкротство, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, должник, кредитор, латентность, признаки несостоятельности, экономическое преступление

Для цитирования: Мовровян А.А. Актуальные вопросы дефиницирования криминального банкротства в уголовном праве Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 101. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_101

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space

Original article

CURRENT ISSUES OF DEFINING CRIMINAL BANKRUPTCY IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

MOVROVYAN Armine Arsenovna

Advocate, Member of the Sevastopol Bar Association, Lecturer of the Criminal Law and Procedure Department of the Law Institute of Sevastopol State University
299053, Sevastopol, Universitetskaya Str., 33, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to the analysis of topical issues of the definition of criminal bankruptcy in the criminal law of the Russian Federation. The article concludes that the types of crimes combined into the concept of «criminal bankruptcy» must be distinguished depending on the formation of legal grounds for recognizing the relevant entity as insolvent.

Keywords: bankruptcy, criminal bankruptcy, intentional bankruptcy, fictitious bankruptcy, debtor, creditor, latency, signs of insolvency, economic crime

For citation: Movrovyan A.A. Current Issues of Defining Criminal Bankruptcy in the Criminal Law of the Russian Federation = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):101. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_101

Обеспечение экономической стабильности и благополучия населения является приоритетной задачей российского государства. Одним из существующих инструментов достижения указанной задачи является нормативно закрепленная возможность освобождения от долговой нагрузки посредством процедуры несостоятельности (банкротства), доступной как организациям, так и гражданам.

Согласно сведениям, содержащимся в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (далее – Федрсурс), по состоянию на 1 января 2026 года в России зарегистрировано 2 310 737 граждан-должников и 191 650 юридических лиц, объявленных банкротами [3].

С концептуальной точки зрения криминальное банкротство представляет собой комплексный институт, регламентируемый нормами

уголовного и гражданского законодательства о несостоятельности (банкротстве), соединяющий в себе уголовно-правовой инструментарий и экономико-финансовые механизмы.

Большинство исследователей, среди которых К.С. Гончарова и В.В. Маклакова [4, С. 66], подчеркивают межотраслевой характер института несостоятельности, в котором соединяются правовой, экономико-финансовый, управленческий компоненты.

Криминальное банкротство является специфической уголовно-правовой категорией, объединяющей группу составов, объективная сторона которых аккумулирует действия, направленные на приобретение статуса несостоятельности на незаконных основаниях, характеризующиеся прямым умыслом, корыстным мотивом и крупным ущербом в качестве негативного последствия. Здесь важно подчеркнуть, что российский уголовный закон ни один из указанных составов не поименовывает криминальным, дифференцируя преднамеренное и фиктивное банкротство.

Криминальное банкротство, представленное неправомерными действиями, преднамеренным и фиктивным банкротством, отнесено к экономическим преступлениям, поскольку оно считается видовой подгруппой противоправных деяний, сопряженных с нарушением законодательства в сфере экономических отношений. Е.Н. Разыграева отмечает, что криминальное банкротство является формой хищения [6, С. 97]. Следует согласиться с позицией исследователя, поскольку незаконная деятельность, направленная на установление правового статуса несостоятельности, порождает долгосрочные отрицательные финансово-экономические последствия как для частных лиц – кредиторов гражданина или организации, объявленных банкротами, так и для экономической системы государства, недополучившего налоговые поступления и иные «списанные» обязательные платежи.

Составы, предусматривающие ответственность граждан и организаций при намеренном нарушении банкротного законодательства и незаконном конструировании условий признания субъекта несостоятельным (банкротом) при явном отсутствии к тому предпосылок, закреплены в нормах ст. 195, 196 и 197 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1]. Законодатель выделил неправомерные действия при банкротстве в отдельный состав (ст. 195 УК РФ), и разграничил преднамеренное (ст. 196 УК РФ) и фиктивное (ст. 197 УК РФ) банкротство.

К.С. Гончарова и В.В. Маклакова составы, закрепленные в статьях 195, 196 и 197 УК РФ, называют формами криминального банкротства [4, С. 67].

Полагаем, что оправданным будет криминальное банкротство обозначить как родовое понятие применительно к указанным составам, соотносящимся с первым как общее и частное.

Следует отметить, что для криминального банкротства характерна высокая степень делинквентности субъектов, его совершивших, что предопределяет обнаружение в составе исключительно прямого умысла. Более того, уголовно-правовое значение в ходе квалификации действий ответственного лица приобретает и корыстный мотив, который носит явный характер и априори предполагается. Действительно, неосторожность не представляется возможным соотносить с осмысленными манипуляциями должника или контролирующих его лиц.

Согласно аргументированной позиции Р.С. Поздышева, основным параметром, который позволяет дифференцировать неправомерные действия при банкротстве от преднамеренного банкротства, считается момент совершения противоправных активных действий [5, с. 98]. Несмотря на то, что определенная логика в таком умозаключении присутствует, тем не менее, считаем данный критерий не самым удачным, хотя и получившим распространение в научных кругах исследователей. Момент совершения противоправных действий является лишь косвенным темпоральным критерием, не характеризующим содержательную сторону соответствующего деяния криминального банкротства.

Представляется, что составы преступлений, объединяемых в понятие «криминальное банкротство», необходимо различать в зависимости от сформированности правовых оснований для признания соответствующего субъекта несостоятельным. В одном составе такие признаки сформированы в полном объеме (применительно к статье 195 УК РФ), в другом составе – указанные признаки искусственно создаются, хотя изначально риска появления условий несостоятельности можно было избежать; в третьем составе – создается лишь видимость банкротного состояния организации или гражданина при отсутствии материальных предпосылок.

Сравнительно-сопоставительный анализ диспозиций статей 195-197 УК РФ позволил установить сходство объективных сторон, в которых центральное место отведено незаконным действиям, направленным на злостное нарушение правовых

норм, содержащихся в Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2].

Анализ материалов судебной практики показывает, что криминальное банкротство (в частности, преднамеренное банкротство) сводится к совершению последовательных действий по отчуждению имущества, принадлежащего должнику на праве собственности. Преступный характер проявляется в замысле создания неспособности удовлетворить требования кредиторов по имеющимся денежным обязательствам, о которых как сам должник, так и контролирующее его лицо не могли не знать. Несмотря на осознание существующего долгового бремени, виновное лицо совершает и документирует совокупность мнимых и притворных сделок [7; 8]. При преднамеренном и фиктивном банкротстве преобладают мнимые сделки, поскольку контролирующее должника-организацию лицо либо сам гражданин-должник не испытывают стремления к наступлению последствий соответствующей сделки. Причем распространены как одиночные мнимые договоры купли-продажи, займа и иные гражданско-правовые сделки, так и сложные цепочки, выявить которые следователям бывает крайне непросто.

Подводя итог вышеизложенному, следует подчеркнуть, что закрепленный в федеральном законодательстве механизм признания субъекта несостоятельным (банкротом) с учетом сложившейся судебной практики, нашедшей оформление в руководящих разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации, представляется легко достижимым. На рынке юридических услуг имеется обширное предложение в сфере «списания долгов». Однако здесь следует понимать, что попустительское списание кредиторской задолженности при отсутствии уважительных причин не делает гражданский оборот предсказуемым, а экономическую систему государства более стабильной. В связи с изложенным полагаем, требуется проявлять пристальное внимание к каждому случаю банкротства, в особенности применительно к организациям, и к соответствующей квалификации действий контролирующих должника лиц на предмет криминальной составляющей.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2025 г. № 534-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. ст. 2954.
2. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Официаль-

ный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/>.

3. Статистическая информация Едином федеральном реестре сведений о банкротстве по состоянию на 01 января 2026 г. // Официальный интернет-портал Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://bankrot.fedresurs.ru/>.

4. Гончарова К.С., Маклакова В.В. Криминальное банкротство: понятие и формы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 7 (113). С. 65-70.

5. Поздышев Р.С. Вопросы соотношения криминальных банкротств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 97-101.

6. Разыграева Е.Н. Криминальное банкротство – форма хищения? // Журнал российского права. 2017. № 5 (245). С. 97-104.

7. Приговор Каневского районного суда Краснодарского края от 26 августа 2025 г. по делу № 1-174/2025 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/>.

8. Приговор Перовского районного суда города Москвы от 13 августа 2025 г. по делу № 01-0518/2025 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/>.

References

1. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (v red. ot 29 dekabrya 2025 g. № 534-FZ) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1996. № 25. St. 2954.

2. Federal`ny`j zakon ot 26 oktyabrya 2002 g. № 127-FZ «O nesostoyatel`nosti (bankrot-stve)» // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/>.

3. Statisticheskaya informaciya Edinom federal`nom reestre svedenij o bankrotstve po sostoyaniyu na 01 yanvary 2026 g. // Oficial`ny`j internet-portal Edinogo federal`nogo reestra yuridicheskix znachimy`x svedenij o faktax deyatel`nosti yuridicheskix licz, individual`ny`x predprinimatelej i iny`x sub`ektov e`konomicheskoy deyatel`nosti [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://bankrot.fedresurs.ru/>.

4. Goncharova K.S., Maklakova V.V. Kriminal`noe bankrotstvo: ponyatie i formy` // E`ko-nomika i biznes: teoriya i praktika. 2024. № 7 (113). S. 65-70.

5. Pozdy`shev R.S. Voprosy` sootnosheniya kriminal`ny`x bankrotstv // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2024. № 2 (66). S. 97-101.

6. Razy`graeva E.N. Kriminal`noe bankrotstvo – forma xishheniya? // Zhurnal rossijskogo prava. 2017. № 5 (245). S. 97-104.

7. Prigovor Kanevskogo rajonnogo suda Krasnodarskogo kraja ot 26 avgusta 2025 g. po delu № 1-174/2025 // Baza sudebny`x aktov, sudebny`x reshenij i normativny`x dokumentov «Sudebny`e i normativny`e akty` RF» [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://sudact.ru/>.

8. Prigovor Perovskogo rajonnogo suda goroda Moskvy` ot 13 avgusta 2025 g. po delu № 01-0518/2025 // Baza sudebny`x aktov, sudebny`x reshenij i normativny`x dokumentov «Sudebny`e i normativny`e akty` RF» [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://sudact.ru/>.

Статья поступила в редакцию 20.03.26; одобрена после рецензирования 23.03.26; принята к публикации 23.03.26.

The article was submitted 20.03.26; approved after reviewing 23.03.26; accepted for publication 23.03.26.

ЛИЧНОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО, САМОВОЛЬНО ОСТАВИВШЕГО ВОИНСКУЮ ЧАСТЬ ЛИБО СОВЕРШИВШЕГО ДЕЗЕРТИРСТВО, КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

САТАЕВ Руслан Рашидович

Адвокат Адвокатской палаты Республики Башкортостан
450000, г. Уфа, ул. Айская, д. 79, Российская Федерация

Аннотация: В данной публикации рассматриваются криминалистические особенности личности военнослужащего, самовольно оставившего воинскую часть либо совершившего дезертирство. Применяется дифференцированный подход к исследованию личности военнослужащего срочной службы и военнослужащего по контракту. Рассматриваются психофизические особенности личности военнослужащих разных возрастных категорий. Исследуются современные детерминанты, влияющие на личность военнослужащего, которые в совокупности с имеющимися особенностями личности способствуют совершению исследуемых преступлений.

Ключевые слова: военная служба, преступление, дезертир, самовольное оставление части, призывник, срочная служба, служба по контракту, личность преступника

Для цитирования: Сатаев Р.Р. Личность военнослужащего, самовольно оставившего воинскую часть либо совершившего дезертирство, как элемент криминалистической характеристики // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 105. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_105

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space

Original article

THE PERSONALITY OF A MILITARY SERVICEMAN WHO HAS LEFT HIS MILITARY UNIT OR COMMITTED DESERTION, AS AN ELEMENT OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS

SATAEV Ruslan Rashidovich

Advocate of the Bar Chamber of the Republic of Bashkortostan
450000, Ufa, Ayskaya str., 79, Russian Federation

Abstract: This publication examines the criminalistics features of the personality of a serviceman who has left his military unit without permission or has committed desertion. A differentiated approach is applied to the study of the personality of a conscripted serviceman and a contract serviceman. The psychophysical features of the personality of servicemen of different age groups are considered. The article explores the modern determinants that influence the personality of a serviceman, which, together with the existing personality traits, contribute to the commission of the crimes under study.

Keywords: military service, crime, deserter, unauthorized leave, conscript, contract service, criminal personality

For citation: Sataev R.R. The Personality of a Military Serviceman Who has Left His Military Unit or Committed Desertion, as an Element of Criminalistic Characteristics = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):105. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_105

В современных условиях геополитического противостояния особую значимость приобрел вопрос о воинской дисциплине военнослужащих. Проводимая специальная военная операция заставила переосмыслить характер и степень внешних угроз, значение эффективности обороноспособности государства, а также роль Российской

армии в достижении государственной целостности и суверенитета страны.

В каждой сфере государственных отношений произошли значимые изменения, направленные на адаптацию к новым условиям военного противостояния, которые существенно отразились и на уголовно-правовой охране режима военной

службы, что потребовало от Верховного Суда Российской Федерации выработки разъяснений для единообразного подхода к практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы.

Бесспорно, что уголовное законодательство, хоть и является материальной основой для расследования преступлений против военной службы, однако с процессуальной позиции определяющее значение для эффективности раскрытия преступлений данной категории имеют криминалистические знания, посредством которых представляется возможным понять закономерности приготовления к совершению преступлений, особенности механизма слеодообразования и формирования криминалистических версий их совершения.

Криминалистическая характеристика преступлений против военной службы предоставляет возможность на всех этапах расследования использовать специальные знания для получения криминалистически значимой информации посредством обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств. Механизм совершения конкретного преступления индивидуален, и, применяя криминалистическую «матрицу» механизма его совершения, следователь существенно экономит время и силы для его расследования: в кратчайшие сроки устанавливаются лица, причастные к совершению преступления, мотивы его совершения, доказательственные источники и др.

Следует отметить, что даже самая полная криминалистическая характеристика конкретного преступления, несмотря на ее индивидуализирующую направленность, имеет вероятностный характер. Однако как справедливо отметил Р.С. Белкин, на начальном этапе расследования, когда важно в кратчайшие сроки верно определить рабочую версию совершения преступления и дальнейшие действия по его раскрытию, всякое истинное знание, даже вероятное, имеет высокую цену, так как дает возможность отфильтровать нужную информацию из большого массива исходных данных [1, С. 693].

Применительно к расследованию преступлений, предусмотренных ст. 337 УК РФ (самовольное оставление части или места службы) и ст. 338 УК РФ (дезертирство), криминалистическая характеристика дает возможность соотнести имеющиеся научно обоснованные варианты криминалистических версий совершения данных преступлений с реальной обстановкой, которая является исходной точкой для работы следователя и кримина-

листа. Особую важность для понимания механизма совершения преступления представляют знания о личности военнослужащего, самовольно оставившего воинскую часть либо совершившего дезертирство, включая психологические детерминанты преступного поведения как элементов криминалистической характеристики.

Личность преступника является собирательным элементом криминалистической характеристики, так как для ее познания необходимо применять научные подходы различных отраслевых наук (психологии, социологии, криминологии, педагогики и др.), симбиоз которых, в конечном счете, позволит выделить криминалистическую нить, дающую возможность установить мотивы совершения преступления.

Свойства личности военнослужащего – весьма специфическая категория, которая, по мнению С.И. Анненкова, является основой для разработки определяющих положений методики расследования отдельных видов преступлений, способствует своевременному раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений [2, С. 121].

Знания о личности преступника формируют целостное представление о субъекте преступления; для наиболее точного и полного его описания следует учитывать не только индивидуальные особенности личности, но и внешние факторы, которые детерминируют ее формирование в условиях краткосрочного или длительного воздействия. К ним следует отнести круг общения, семейное окружение, обстановку на рабочем (трудовом) месте, характер отдыха, досуга и хобби, условия быта, степень вовлеченности в политические, культурные и экономические сферы жизнедеятельности и пр. В то же время внутренние качества личности, характеризующие ее индивидуальные особенности, выступают перманентной категорией и меняют личность, воздействуя на ее социально-психологические и эмоционально-волевые качества [5, С. 74].

В.Е. Эминов и И.М. Мацкевич, характеризуя личность военнослужащего, самовольно оставившего воинскую часть или совершившего дезертирство, выделяют следующие факторы, оказывающие влияние на формирование соответствующих преступных личностных установок: уставный распорядок дня, ежедневное выполнение однотипных задач, однополое социальное общение (зачастую конфликтное), наличие статуса «подчиненный» в иерархии единоначалия, высокая вероятность возникновения экстремальных ситуаций, сопряженных с риском для жизни,

существенная нехватка личного времени, в том числе для досуга, ограничения свободы передвижения, высокие физические и моральные нагрузки и пр. [12, С. 166–167].

Социально-демографический портрет дезертира характеризуется единой половой принадлежностью (лица мужского пола); призывным возрастом военнослужащего (за исключением службы по контракту); достаточно высоким уровнем физической подготовки (в том числе приобретенным на первом этапе прохождения военной службы); сравнительно низким интеллектуальным уровнем, а также общим уровнем социального развития (отсутствие жизненного опыта), так как военнослужащие срочной службы в своем большинстве составляют категорию подростков, недостаточно хорошо освоивших программу общего образования и не поступивших на учебу в высшие учебные заведения; нахождением во внебрачном статусе; невысоким уровнем благосостояния; склонностью к девиантному поведению (наличие административных правонарушений).

А.И. Долгова указывает на то, что именно возраст солдата-срочника определяет специфику криминалистической характеристики его личности, обосновывая свое суждение отсутствием у восемнадцатилетнего подростка достаточного жизненного опыта и устоявшихся ценностных ориентиров. По ее мнению, в этом возрасте совершеннолетний фактически еще является ребенком, которым легко манипулировать, которого можно спровоцировать, «сломать». Это закономерность психофизического развития подростка, которая, с одной стороны, удобна для четкой организации режима прохождения службы, то есть дает возможность начальствующему составу сформировать в призывнике психологическую модель безоговорочно подчиняющегося солдата; с другой стороны, является уязвимым местом для формирования неуставных отношений в солдатском коллективе, где подросток лишен поддержки и остается наедине с обидчиками [7, С. 581].

Это приводит к слову психики, полному отрицанию окружающих и в последующем выражается в преступных действиях военнослужащего – незаконном оставлении воинской части. При этом отмечаются случаи расправы со своими обидчиками, в том числе с применением вверенного огнестрельного автоматического оружия.

Так, 26 августа 2015 года из войсковой части № 45117 (г. Воронеж) самовольно отлучился военнослужащий срочной службы Макаров А. Военнослужащий убил пожарным топором дежурного по полку. Еще двоих военнослужащих

(ефрейтора и срочника) он расстрелял из огнестрельного оружия. Преступник был ликвидирован при задержании. Причиной для убийства трех военнослужащих послужило законное замечание дежурного.

Другой пример. 25 октября 2019 года рядовой Шамсутдинов Р., 1999 года рождения, проходя срочную службу в войсковой части 54160 (г. Грозный), расстрелял из автомата АК-74М своих сослуживцев: погибли 8 человек, еще 2 получили ранения. Преступными мотивами стали неуставные отношения.

В другом случае преступление совершил военнослужащий срочной службы в Волгоградском районе. 9 июня 2025 года военнослужащий Валькович М. самовольно оставил место службы, взяв автоматическое огнестрельное оружие, и на почве ревности и мести открыл огонь по двум гражданским лицам, которых подозревал в связи с его женой.

Приведенные примеры свидетельствуют о разноплановости мотивов совершения преступлений, связанных с самовольным оставлением места несения службы.

Кроме того, возраст субъекта преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, имеет широкий диапазон, так как военную службу проходят как солдаты срочной службы, так и военнослужащие по контракту. Также к их числу необходимо добавить курсантов военных училищ и военнослужащих, отбывающих наказание в дисциплинарной воинской части. В соответствии с ч. 1 ст. 22 и ч. 1 ст. 35 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» призывной возраст составляет от 18 до 30 лет; для курсантов военных образовательных организаций военная служба может начинаться и с 16-летнего возраста. Наиболее активное формирование психики у мужчин происходит в возрасте 21–22 года [9, С. 272], что дает основания говорить о психологической незрелости военнослужащих-призывников в силу незавершенности их психологической самоопределенности, неустойчивости характера, отсутствия жизненного опыта и глубокой социализации, абстрактного представления об истинных жизненных ценностях (морально-нравственных, духовных, культурных, патриотических).

У военнослужащих старшего начальствующего состава черты личностной характеристики несколько другие, так как они являются профессиональными военными, проходящими военную службу по контракту, то есть по собственному желанию, руководствуясь внутренними убежде-

ниями, мотивами и целями. Кроме того, возраст данной категории военных составляет от 21 года, и с психологической точки зрения они более стабильны и мотивированы к выполнению приказов и поставленных задач независимо от сопутствующих факторов.

В пользу психологической устойчивости военнослужащих офицерского состава также говорит тот факт, что условия прохождения ими службы более привилегированны относительно солдат-срочников: они живут не в казарменных помещениях, а в офицерских общежитиях; по большей части выполняют руководящие функции и в отношении срочников отдают приказы и требуют их выполнения; имеют больше свободного личного времени и возможностей для свободной социализации [3, С. 260–261].

В связи с этим Е.А. Моргуленко отмечает «материально благополучные» условия службы для военнослужащих по контракту, но одновременно с этим указывает на усиление преступных тенденций именно у этой категории военнослужащих, приводя статистику совершенных преступлений по ст. 337 и 338 УК РФ, возросшую за 10-летний период (1994–2004 гг.) в 2,5 раза [10, С. 350].

В соответствии с данными Минобороны России, за 2024 год установлено 50 554 факта дезертирства и самовольного оставления части. Подавляющее число указанных преступлений совершено военнослужащими Южного военного округа – 22 577. В Московском военном округе совершено 7 778 преступлений, в Ленинградском военном округе – 3 052 преступления, в Восточном военном округе – 3 378 преступлений, а в Центральном военном округе – 13 769 преступлений [13].

По результатам проведенного исследования в 2017 году, А.В. Кудрявцев, изучив 142 уголовных дела, определил следующие цифровые показатели по возрастным группам военнослужащих-дезертиров и лиц, самовольно оставивших часть: 18 лет – 21 %, 19 лет – 26,7 %, 20 лет – 28,3 %, 21 – 25 лет – 21 %, свыше 25 лет – 4 %. При этом им отмечено доминирование криминальной активности военнослужащих срочной службы, совершающих рассматриваемые преступления, в первые три месяца после призыва.

В подавляющем большинстве случаев (97,2 %) подсудимые полностью признают свою вину и раскаиваются в содеянном; в 2,1 % случаев вина признается частично и в 0,7 % случаев вина не признается.

Кроме обозначенных характеристик личности военнослужащих, определяющими также явля-

ются иные социально-демографические условия, которые сопровождают становление их личности и влияют на наступление внутреннего кризиса. По мнению Ф.В. Глазырина, уровень культуры личности военнослужащего и его интеллектуального развития определяют его поведение даже в экстремальных условиях, к которым, бесспорно, относятся военные действия [6, С. 13].

Таким образом, на основе исследования данных о личности военнослужащего-дезертира сформируем его социально-психологический портрет: негативное отношение к военной службе и исполнению воинского долга; низкий уровень интеллектуального и духовного развития; несформированность (неустойчивость) психики; отсутствие жизненного опыта и коммуникативной социализации; правовой нигилизм; подверженность подстрекательству и провокации; эмоциональная неустойчивость; неготовность преодолевать тяготы и лишения военной службы.

На данный момент отсутствует официальная статистика соотношения дезертирства, совершенного военнослужащими срочной и контрактной службы. Однако А.Л. Багратян в своем диссертационном исследовании указывает, что для срочников наиболее характерно совершение преступлений, предусмотренных ст. 337, 338 УК РФ, в первые месяцы службы, когда происходит социальная адаптация личности военнослужащего к окружающим условиям, режиму военной службы, уставным отношениям. В условиях «шокового» погружения в суровую реальность жесткой субординации, высоких физических нагрузок, которые сопровождаются тоской по дому, родным и близким, психологический портрет личности меняется, создавая негативные предпосылки для преступного уклонения от военной службы. Неуставные отношения еще в большей степени катализируют психологический дисбаланс военнослужащего [4, С. 77].

Военнослужащие по контракту, совершая дезертирство, руководствуются иными личностными установками, которые основываются на страхе и нежелании выполнять свой долг на передовой, в условиях повышенного риска для жизни и здоровья. Дела о дезертирстве в России возбуждались ежегодно. Однако, судя по открытым данным, с началом специальной военной операции факты дезертирства участились. Если кто-то из дезертиров, как и раньше, просто хочет отдохнуть и немного пожить «гражданской» жизнью, то другие пытаются избежать отправки на передовую или даже специально покидают часть, чтобы с ними разорвали контракт [12].

Следует согласиться с оценкой личности военнослужащего, самовольно оставившего воинскую часть или место службы, высказанной Е.А. Моргуленко. По ее мнению, эта оценка биполярна и одновременно сочетает в себе элементы преступника и жертвы, так как предпосылки самовольного уклонения от службы в большинстве случаев связаны с предшествующими противоправными (не всегда уголовно наказуемыми) деяниями в отношении военнослужащего, что приводит к совершению преступления уже самим военнослужащим [10, С. 353].

В заключение данного исследования следует сделать вывод о том, что личность военнослужащего, самовольно оставившего воинскую часть либо совершившего дезертирство (как элемент криминалистической характеристики), следует рассматривать дифференцированно по критерию вида военной службы.

Личность военнослужащих срочной службы характеризуется недостаточной социализацией, отсутствием должного жизненного опыта, слабой психологической устойчивостью, что в полной мере соответствует возрастному уровню психофизического развития юноши в возрасте 18–19 лет. Кроме того, обостряющим фактором выступают неуставные отношения и зависимое положение военнослужащего в системе «начальник – подчиненный». Необходимо также учитывать принудительный характер вступления призывника в ряды Вооруженных Сил Российской Федерации, что неоднозначно отражается на добросовестности выполнения воинского долга.

Характеристика личности военнослужащих по контракту, совершивших преступления, предусмотренные ст. 337, 338 УК РФ, выглядит иначе. В силу того, что выбор военной профессии для контрактника является добровольным, а сама военная служба – призыванием и возможностью карьерного роста и источником финансовой стабильности, соответственно, личность военнослужащего характеризуется высокой психологической устойчивостью, возрастной зрелостью, социальной адаптивностью к условиям прохождения военной службы. В качестве мотивов, детерминирующих преступное поведение, отмечаются боязнь и нежелание участвовать в боевых действиях, где существует высокая вероятность получения ранений или гибели.

Список источников

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Росинская Е.Р. Криминалистика / Под ред. Р.С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. С. 693.

2. Анненков С.И. Личность мошенника как элемент криминалистической характеристики // Личность преступника и уголовная ответственность. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981. С. 121.

3. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 260–261.

4. Багратян А.Л. Особенности расследования самовольного оставления воинской части или места службы по законодательству Российской Федерации и Республики Армения: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 77.

5. Ведерников Н.Т. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики // Криминалистическая характеристика преступлений. М.: Всесоюзный ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. С. 74.

6. Глазырин Ф.В. Криминалистическое изучение личности обвиняемого: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1973. С. 13.

7. Криминология / Под общ. ред. А.И. Долговой. М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1997. С. 581.

8. Кудрявцев А.В. Организация раскрытия и расследования дезертирства и самовольного оставления части: учебное пособие / А.В. Кудрявцев, А.Е. Михайлов, Н.А. Максимкина. Владимир, 2017. С. 30.

9. Ласокина Н.Д., Ушаков Г.К. Медицинская психология. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Медицина, 1984. С. 272.

10. Моргуленко Е.А. Преступность военнослужащих в современных политико-экономических условиях: тенденции и прогнозы // Актуальные проблемы правового обеспечения прохождения военной службы в Российской Федерации. М.: За права военнослужащих, 2006. Вып. 62. С. 353.

11. Эминов В.Е., Мацкевич И.М. Преступность военнослужащих: исторический, криминологический, социально-правовой анализ. М.: PENATES-ПЕНАТЫ, 1999. С. 154–155.

12. Сто шагов назад: как солдаты дезертируют с начала СВО [Электронный ресурс]. URL: <https://news.ru/society/sto-shagov-nazad-kak-i-pochemu-voennye-begut-iz-chastej?ysclid=mlwim4l1iz529514048>.

13. Минобороны России зафиксировало 50,5 тыс. случаев дезертирства и самовольного оставления части за 2024 год [Электронный ресурс]. URL: <https://elgpwfx-bsccljbcqrq-ez.a.run.app/news/minoborony-rossii-zafiksirovalo-505-tys-sluchaev-dezertirstva-i-samovolnogo-ostavleniya-chasti?ysclid=mlwip2yry1926520729>.

References

1. Aver`yanova T.V., Belkin R.S., Koruxov Yu.G., Rosinskaya E.R. Kriminalistika / Pod red. R.S. Belkina. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2004. S. 693.

2. Annenkov S.I. Lichnost` moshennika kak e`lement kriminalisticheskoy karakteristiki // Lichnost` prestupnika i ugovlnaya otvetstvennost`. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1981. S. 121.

3. Antonyan Yu.M., Kudryavcev V.N., E`minov V.E. Lichnost` prestupnika. SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2004. S. 260–261.

4. Bagratyan A.L. Osobennosti rassledovaniya samovol'nogo ostavleniya voinskoj chasti ili mesta sluzhby` po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii i Respubliki Armeniya: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2009. S. 77.

5. Vedernikov N.T. Lichnost` prestupnika kak e`lement kriminalisticheskoy xarakteristiki // Kriminalisticheskaya xarakteristika prestuplenij. M.: Vsesoyuzny`j in-t po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti, 1984. S. 74.

6. Glazy`rin F.V. Kriminalisticheskoe izuchenie lichnosti obvinyaemogo: avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk. Sverdlovsk, 1973. S. 13.

7. Kriminologiya / Pod obshh. red. A.I. Dolgovej. M.: INFRA-M – NORMA, 1997. S. 581.

8. Kudryavcev A.V. Organizaciya raskry`tiya i rassledovaniya dezertirstva i samovol'nogo ostavleniya chasti: uchebnoe posobie / A.V. Kudryavcev, A.E. Mixajlov, N.A. Maksimkina. Vladimir, 2017. S. 30.

9. Lasokina N.D., Ushakov G.K. Medicinskaya psixologiya. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Medicina, 1984. S. 272.

10. Morgulenko E.A. Prestupnost` voennosluzhashhix v sovremenny`x politiko-e`konomicheskix usloviyax: tendencii i prognozy` // Aktual'ny`e problemy` pravovogo

obespecheniya proxozhdeniya voennoj sluzhby` v Rossijskoj Federacii. M.: Za prava voennosluzhashhix, 2006. Vy`p. 62. S. 353.

11. E`minov V.E., Maczkevich I.M. Prestupnost` voennosluzhashhix: istoricheskij, kriminologicheskij, social`no-pravovoj analiz. M.: PENATES-PENATY`, 1999. S. 154–155.

12. Sto shagov nazad: kak soldaty` dezertiruyut s nachala SVO [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://news.ru/society/sto-shagov-nazad-kak-i-pochemu-voennye-begut-iz-chastej?ysclid=mlwim41iz529514048>.

13. Minoborony` Rossii zafiksirovalo 50,5 ty`s. sluchaev dezertirstva i samovol'nogo ostavleniya chasti za 2024 god [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://elgpwfx-bsccljbcrqez.a.run.app/news/minoborony-rossii-zafiksirovalo-505-tys-sluchaev-dezertirstva-i-samovolnogo-ostavleniya-chasti?ysclid=mlwip2yry1926520729>.

Статья поступила в редакцию 22.02.26; одобрена после рецензирования 26.02.26; принята к публикации 26.02.26.

The article was submitted 22.02.26; approved after reviewing 26.02.26; accepted for publication 26.02.26.

НЕСТАНДАРТНАЯ ОБСТАНОВКА КАК ФАКТОР, ПРЕДОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ОСОБЫЙ ПОРЯДОК ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

МИХАЙЛОВ Петр Игоревич

Соискатель кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской таможенной академии
140009, Московская область, г. Люберцы, Комсомольский проспект, д. 4, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются различные термины, характеризующие «нестандартную», критическую обстановку через призму лексического и правового значения, а также анализируются вводимые при их возникновении специальные административные правовые режимы. Раскрыто содержание правового режима и специального правового режима, рассмотрены их особенности, имеющие значение для уголовного судопроизводства, указано на возникновение в последние годы новых чрезвычайных обстоятельств, обуславливающих необходимость введения определенных ограничений и особого порядка жизнедеятельности; вместе с тем еще не имеющих соответствующей нормативной базы и в полной мере не сформировавшихся в самостоятельные правовые режимы (самоизоляция, специальная военная операция). Автором рассмотрено влияние различных видов чрезвычайных ситуаций на предварительное расследование, сделан вывод об однородности проблемных аспектов, порождаемых ими для расследования, сформулированы определения и особенности чрезвычайной ситуации для целей уголовного судопроизводства, а также обоснован вывод о необходимости формирования специальных механизмов расследования, применяемых в чрезвычайных ситуациях.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, исключительная ситуация, чрезвычайные обстоятельства, уголовное судопроизводство в чрезвычайных ситуациях, особый порядок уголовного судопроизводства

Для цитирования: Михайлов П.И. Нестандартная обстановка как фактор, определяющий особый порядок производства по уголовным делам // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 111. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_111

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space

Original article

UNUSUAL CIRCUMSTANCES AS A FACTOR DETERMINING THE SPECIAL PROCEDURE FOR CRIMINAL PROCEEDINGS

MIKHAILOV Petr Igorevich

Applicant of the Department of Criminal Law of Russian Customs Academy
140009, Moscow Region, Lyubertsy, Komsomolsky Prospekt, 4, Russian Federation

Abstract: This article examines various terms characterising «non-standard», critical situations through the prism of their lexical and legal meanings, and analyses the special administrative legal regimes introduced when such situations arise. The content of the legal regime and the special legal regime is explained, their features relevant to criminal proceedings are examined, and attention is drawn to the emergence in recent years of new extraordinary circumstances necessitating the introduction of certain restrictions and a special order of daily life, which, however, do not yet have a corresponding regulatory framework and have not fully developed into independent legal regimes (self-isolation, special military operation). The author examines the impact of various types of emergency situations on the preliminary investigation, concludes that the problematic aspects they give rise to for investigations are homogeneous, formulates a definition and the characteristics of an emergency situation for the purposes of criminal proceedings, and substantiates the conclusion regarding the need to establish special investigative mechanisms applicable in emergency situations.

Keywords: emergency, exceptional circumstances, extraordinary circumstances, criminal proceedings in emergencies, special procedure for criminal proceedings

For citation: Mikhailov P.I. Unusual Circumstances as a Factor Determining the Special Procedure for Criminal Proceedings = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):111. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_111

Крайне актуальным и востребованным, прежде всего, со стороны практических работников правоохранительных органов на современном этапе представляется вопрос расследования преступлений в различных нестандартных, кризисных условиях, что обуславливается не только общеизвестными событиями последних лет, оказавшими существенное влияние на жизнь общества и государства, но и различными негативными событиями, происходящими, к сожалению, на систематической основе (природные пожары, наводнения, землетрясения, масштабные техногенные катастрофы и другие).

Очевидно, что для выработки эффективного порядка производства по уголовным делам в нестандартной обстановке первоначально следует сформулировать понятие и критерии отнесения каких-либо обстоятельств к тем, которые носят чрезвычайный (экстренный) характер и обуславливают необходимость применения такого порядка.

Вместе с тем, по нашему мнению, нельзя отрицать, что сама по себе нестандартная, «критическая» обстановка любого вида и генезиса требует применения для ее локализации и преодоления особых, специальных механизмов, на что обращала внимание юридическая наука [1], и что, несомненно, актуально и для сферы уголовного судопроизводства.

В научной и учебной литературе, а также в действующем законодательстве нередко используются различные термины, обозначающие «критическую», «экстренную» обстановку, которые в целом представляются схожими между собой и зачастую трактуются как синонимы. К ним относятся, например, термины «чрезвычайная ситуация», «исключительная ситуация», «чрезвычайное положение», «чрезвычайные условия», «чрезвычайные обстоятельства», «чрезвычайные меры» и многие другие понятия.

Большой толковый словарь русского языка предлагает определять лексическое значение слов, содержащихся в предложенных выше понятиях, следующим образом [2]:

– «исключительный» – представляющий собой исключение из общих правил, обычных норм; особенный, необыкновенный, редкий; выделяющийся среди других своими положительными или отрицательными качествами;

– «чрезвычайный» – превосходящий все обычное; исключительный; очень большой по силе, степени проявления, воздействия; экстренный, вызванный исключительными обстоятельствами, не предусмотренный обычным ходом дел;

– «экстренный» – срочный, спешный; вызванный чем-либо внезапным, неотложным, чрезвычайным;

– «условия» – обстановка, в которой происходит, протекает что-либо;

– «обстановка» – совокупность условий, обстоятельств, в которых что-либо происходит;

– «обстоятельства» – событие, факт, сопутствующие чему-либо; совокупность условий, в которых что-либо происходит, определяющих положение кого-, чего-либо;

– «ситуация» – обстановка, положение, возникшие на основе стечения, совокупности каких-либо условий и обстоятельств.

Таким образом, исходя из обозначенного толкования приведенных понятий, следует сделать вывод, что по своему лексическому значению термины «чрезвычайный», «исключительный» и «экстренный» являются синонимами, равно как и «условия», «обстановка», «обстоятельства» и «ситуация» представляют собой синонимичные понятия.

Например, как следует из изложенного, условия есть обстановка, а обстановка – совокупность условий. Или же экстренный определяется как чрезвычайный, а чрезвычайный, напротив, есть экстренный.

Вместе с тем, помимо лексического значения приведенных понятий, для уяснения их сущности в контексте рассматриваемой проблематики необходимо рассмотреть и их правовое толкование.

Законодательное определение чрезвычайной ситуации закреплено в Федеральном законе от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», в соответствии с которым под чрезвычайной ситуацией понимается обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей [3].

На наш взгляд, законодательное определение имеет значимое упущение, а именно: исходя из сущности легального определения, чрезвычайная ситуация может иметь природный либо техногенный генезис, при этом не учитывается возможность ее социального происхождения, в том числе в результате неправомерных действий человека.

Наиболее полное содержание термина «чрезвычайная ситуация» предлагает С.А. Старостин, определяя чрезвычайную ситуацию как обстановку, сложившуюся на определенной территории в результате опасного явления социального, природного или техногенного характера, создающую угрозу жизненно важным интересам личности, общества и государства или уже повлекшую многочисленные жертвы, значительные материальные потери, нарушение условий жизнедеятельности людей, ущерб окружающей природной среде, и для ликвидации которой требуются неотложные и специальные меры правового, организационного и иного характера [4].

С учетом изложенного очевидно, что в приведенном контексте «чрезвычайная ситуация» представляет собой специальный административный правовой режим, конкретный вид которого зависит от совокупности предусмотренных в соответствующем нормативном правовом акте факторов (причин возникновения, масштаба и иных) и принятого в установленном порядке решения о введении какого-либо режима.

В общем смысле правовой режим, как справедливо отмечает М.А. Громов, есть устанавливаемый на законных основаниях компетентными органами на определенное время и на конкретной территории порядок жизнедеятельности граждан, функционирования организаций, предприятий, учреждений, государственных органов и органов местного самоуправления для достижения необходимых целей с использованием правовых средств и организационных мер [5, С. 129].

С.А. Старостин обоснованно подчеркивает, что для того, чтобы ввести какой-либо специальный административно-правовой режим, необходимо наличие чрезвычайной ситуации, ликвидировать которую либо минимизировать ее негативные последствия без введения соответствующего правового режима невозможно [6].

Таким образом, в наиболее общем виде специальный, либо, как его нередко именуют в научной литературе, «чрезвычайный» правовой режим представляет собой особый порядок, устанавливаемый на основании закона уполномоченными органами (должностными лицами) на определенное время и на конкретной территории, вводимый соответствующим распорядительным документом указанных органов, направленный на преодоление чрезвычайной ситуации.

Необходимо особо подчеркнуть, что каждый конкретный специальный административный правовой режим регламентирован соответствующими нормативными правовыми актами

(федеральными конституционными законами и федеральными законами), в которых содержатся положения об основаниях и порядке введения данного режима, особенностях функционирования органов государства в период его действия, предусмотрены различные запреты и ограничения прав и другие положения, в том числе затрагивающие и сферу охраны правопорядка, поддержание которого невозможно без реализации принципа неотвратимости наказания, то есть без наличия эффективной системы предварительного расследования.

При этом возникает вопрос: если в случае введения какого-либо специального административного правового режима в значительной степени меняются многие процессы государственного управления и повседневной жизни, в системе организации жизнедеятельности начинают превалировать методы запретов, ограничений и позитивных обязываний, предусмотрены ли какие-либо специальные механизмы для сферы уголовного судопроизводства и достаточны ли они?

Для ответа на поставленный вопрос необходимо рассмотреть имеющиеся специальные правовые режимы через призму их влияния на уголовное судопроизводство.

Представляется обоснованным отнесение некоторыми правоведами к числу «чрезвычайных» правовых режимов обособленной части общей совокупности административно-правовых режимов, а именно: особого правового режима военного положения; особого правового режима чрезвычайного положения; режима контртеррористической операции [7, С. 394-396].

Правовые режимы военного и чрезвычайного положения во многом схожи по своей конструкции и различаются характером угроз, которые в первом случае исходят извне государства, а во втором – изнутри государства.

Следует особо подчеркнуть, что федеральные конституционные законы, регламентирующие обозначенные правовые режимы, не содержат каких-либо положений об особенностях производства по уголовным делам в таких условиях.

Режим контртеррористической операции регламентируется Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [8]. Как сказано в преамбуле к федеральному закону, он устанавливает основные принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма, а также правовые и организационные основы

применения Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом [8].

Закон не закрепляет понятия режима контртеррористической операции (далее – КТО), вместе с тем дает определение самой «контртеррористической операции», под которой понимается комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористического акта.

Из приведенного определения следует, что одним из средств противодействия терроризму выступает реализация функции уголовного преследования за подобную преступную деятельность, что подтверждается и общими принципами борьбы с терроризмом, одним из которых является неотвратимость наказания.

Кроме того, значительное количество предусмотренных законом ограничений направлено не только на непосредственное предотвращение террористической угрозы, но и на осуществление мероприятий, реализуемых в рамках оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, необходимых для расследования уголовного дела и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

К таким мерам, в частности, относятся ведение контроля телефонных переговоров и иной информации, передаваемой по каналам телекоммуникационных систем, а также осуществление поиска на каналах электрической связи и в почтовых отправлениях в целях выявления информации об обстоятельствах совершения террористического акта; беспрепятственное проникновение лиц, проводящих контртеррористическую операцию, в жилые и иные принадлежащие физическим лицам помещения; проведение при проходе (проезде) на территорию, в пределах которой введен правовой режим контртеррористической операции, и при выходе (выезде) с указанной территории досмотра физических лиц и находящихся при них вещей и другие меры.

Сказанное подтверждает, например, Я.А. Антонов, который полагает, что обеспечение прав и свобод человека и гражданина на территории совершения террористического акта требует проведения комплекса уголовно- и административно-процессуальных мероприятий, направленных на предотвращение, документирование, раскрытие и расследование данных деяний [9].

Однако, как следует из анализируемых источников и уголовно-процессуального закона, каких-либо особых правовых средств для реализации уголовно-процессуальной деятельности в условиях режима КТО не предусмотрено.

В связи с этим спорным остается вопрос механизма практической реализации вышеуказанных ограничений, затрагивающих, в том числе конституционные права (например, при осуществлении контроля телефонных переговоров), а также корреляции данных положений Федерального закона «О противодействии терроризму» с требованиями уголовно-процессуального законодательства и законодательства, регламентирующего оперативно-розыскную деятельность, а также порядка предоставления результатов такой деятельности для осуществления уголовного преследования и их использования в процессе доказывания по уголовному делу.

Как уже было отмечено, несмотря на повышенную сложность расследования в таких обстоятельствах, обусловленную, прежде всего, быстро меняющейся обстановкой и постоянным наличием реальной угрозы жизни и здоровью, какие-либо специальные механизмы расследования не предусмотрены.

Другие «нестандартные» обстоятельства, возникающие в нашей жизни в последние годы, также предопределили необходимость принятия нормативных актов, регламентирующих вопросы жизнедеятельности в этих условиях (например, самоизоляция во время пандемии «COVID-19», Специальная военная операция), однако сегодня соответствующие правовые режимы и их правовая база только формируются, и, по нашему мнению, преждевременно в данном случае говорить о полноценном правовом режиме.

Вместе с тем при обозначенных кризисных обстоятельствах также возникает острая необходимость качественного расследования преступлений, тогда как какая-либо специальная нормативная основа такой деятельности, как и в случае со специальными административными правовыми режимами, не предусмотрена, а действующее законодательство оказалось не в полной мере работоспособно [10].

Осуществленный анализ показывает, что все правовые режимы, вводимые в чрезвычайных ситуациях, характеризуются следующими общими признаками, которые, очевидно, существенно влияют и на сферу уголовного судопроизводства:

– устанавливаются нормативными правовыми актами, регламентирующими сущность и объем вводимых ограничений;

– основополагающей целью их введения выступает необходимость обеспечения безопасности, защиты граждан и территорий от различных негативных факторов;

– предусматривают определенные ограничения прав и свобод человека и гражданина, а также упрощение некоторых правовых процедур, существенно затрагивающих права человека и гражданина;

– вводятся на определенный срок и на конкретной территории;

– предусматривают особую форму государственного управления, в том числе, например, значительное расширение полномочий органов военного управления;

– характеризуются преобладанием в правовом регулировании запретов и позитивных обя-зываний;

– для преодоления негативных факторов, вызвавших необходимость введения чрезвычайного правового режима, используются специальные силы и средства, а также специфические методы работы.

Поскольку нормативная база, составляющая правовую основу рассмотренных правовых режимов, практически не содержит каких-либо положений, касающихся уголовного судопроизводства, а также что не предусмотрено каких-либо особенностей расследования в случае введения других временных ограничений, вызванных специфической, нестандартной обстановкой, но не сформировавшихся до настоящего времени в самостоятельный правовой режим, на взгляд автора статьи, в контексте осуществления уголовно-процессуальной деятельности первостепенное значение имеет именно физическое возникновение чрезвычайной ситуации, которое создает определенные препятствия для осуществления такой деятельности в обычном режиме, а также юридическое закрепление наличия такой ситуации в официальном документе о введении какого-либо особого режима на определенной территории.

В связи с изложенным для разрешения обозначенных проблем считаем необходимым сформулировать понятие чрезвычайной ситуации для целей уголовного судопроизводства.

Полагаем, что для целей уголовного судопроизводства все вышеприведенные дефиниции, обозначающие нестандартную обстановку расследования, имеют синонимичное значение, так как все обозначаемые ими события порождают однородные проблемы и требуют выработки унифицированных механизмов расследования при таких обстоятельствах.

В качестве универсального термина, обозначающего все критические ситуации для целей уголовного процесса, предлагается использовать дефиницию, состоящую из двух слов, первым из которых является «чрезвычайный», а в качестве второго использовать любой из терминов «ситуация», «условия», «обстановка», которые целесообразно рассматривать как обозначающие единую общность и в данном контексте являющиеся синонимами.

Таким образом, под чрезвычайной ситуацией для целей уголовного судопроизводства в общем смысле следует понимать обстановку, возникшую на определенной территории ввиду наличия обстоятельств непреодолимой силы, техногенных катастроф либо иного противоправного (негативного) воздействия, создающую непосредственную угрозу жизни и здоровью человека, угрозу уничтожения либо повреждения имущества, причинения ущерба окружающей среде, а также влекущую иные негативные последствия, для преодоления которых на указанной территории уполномоченным лицом (органом) введен особый правовой режим.

Предложенное определение, на наш взгляд, целесообразно закрепить в общих положениях уголовно-процессуального закона, так как последующие изменения должны базироваться на его основе.

Обозначенные особенности нестандартной обстановки оказывают существенное влияние на реализацию всех функций государства в целом и на осуществление уголовно-процессуальной деятельности в частности, что свидетельствует о невозможности эффективного осуществления уголовного судопроизводства в указанных условиях обычными средствами и требует выработки соответствующих специальных механизмов, о чем автор настоящей статьи неоднократно высказывался в других научных работах [10].

Кроме того, считаем очевидным, что само преодоление чрезвычайной ситуации без эффективно функционирующей системы предварительного расследования преступлений будет крайне затруднительным, а в некоторых случаях – и вовсе невозможным, что также свидетельствует о необходимости выработки специфических эффективных механизмов расследования.

Список источников

1. Попугаев Ю.И. К вопросу о сущности специальных административно-правовых режимов в контексте публично-правовой проблематики // Закон и

право. 2024. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suschnosti-spetsialnyh-administrativno-pravovyh-rezhimov-v-kontekste-publichno-pravovoy-problematiki>.

2. Большой толковый словарь русского языка под общ. ред. С.А. Кузнецова // Справочно-информационный портал «Грамота.ру» [Электронный ресурс]. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=%D1%87%D1%80%D0%B7%D0%B2%D1%8B%D1%87%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D1%87%D1%80%D0%B7%D0%B2%D1%8B%D1%87%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=slovari&dicts[]=42).

3. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/.

4. Старостин С.А. Система чрезвычайных административно-правовых режимов: проблемы теории, законодательства и практики // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2023. № 48 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-chrezvychaynyh-administrativno-pravovyh-rezhimov-problemy-teorii-zakonodatelstva-i-praktiki>.

5. Громов М.А. Понятие «чрезвычайные правовые режимы»: их виды, характеризующие признаки, классификация // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 3 (27).

6. Старостин С.А. Чрезвычайные административно-правовые режимы: монография // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/>.

7. Громов М.А. Чрезвычайные правовые режимы, как подсистема административно-правовых режимов // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 394–396.

8. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/.

9. Антонов Я.А. Организация обеспечения подразделений полиции прав человека в условиях особого правового режима контртеррористической операции // Закон и право. 2024. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-obespecheniya-podrazdeleniyami-politsii-prav-cheloveka-v-usloviyah-osobogo-pravovogo-rezhima-kontrterroristicheskoy>.

10. Михайлов П.И. Приостановление предварительного следствия по уголовному делу в чрезвычайных условиях на примере пандемии коронавируса (covid-19) // Евразийская адвокатура. 2020. № 4 (47) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priostanovlenie-predvaritelnogo-sledstviya-po-ugolovnomu-delu-v-chrezvychaynyh-usloviyah-na-primere-pandemii-koronavirusa-covid-19>.

References

1. Popugaev Yu.I. K voprosu o sushhnosti special'ny`x administrativno-pravovy`x rezhimov v kontekste publichno-pravovoy problematiki // Zakon i pravo. 2024. № 5 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/>

article/n/k-voprosu-o-suschnosti-spetsialnyh-administrativno-pravovyh-rezhimov-v-kontekste-publichno-pravovoy-problematiki.

2. Bol'shoj tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka pod obshh. red. S.A. Kuzneczova // Spravochno-informacionny`j portal «Gramota.ru» [E`lektronny`j resurs]. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=%D1%87%D1%80%D0%B7%D0%B2%D1%8B%D1%87%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D1%87%D1%80%D0%B7%D0%B2%D1%8B%D1%87%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=slovari&dicts[]=42).

3. Federal'ny`j zakon ot 21.12.1994 № 68-FZ «O zashhite naseleniya i territorij ot chrezvy`chajny`x situacij prirodno i texnogennogo xaraktera» // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/.

4. Starostin S.A. Sistema chrezvy`chajny`x administrativno-pravovy`x rezhimov: problemy` teorii, zakonodatel'stva i praktiki // Vestn. Tom. gos. un-ta. Pravo. 2023. № 48 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-chrezvychaynyh-administrativno-pravovyh-rezhimov-problemy-teorii-zakonodatelstva-i-praktiki>.

5. Gromov M.A. Ponyatie «chrezvy`chajny`e pravovy`e rezhimy`»: ix vidy`, xarakterizuyushhie priznaki, klassifikaciya // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2013. № 3 (27).

6. Starostin S.A. Chrezvy`chajny`e administrativno-pravovy`e rezhimy`: monografiya // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.consultant.ru/>.

7. Gromov M.A. Chrezvy`chajny`e pravovy`e rezhimy`, kak podсистема administrativno-pravovy`x rezhimov // Probely` v rossijskom zakonodatel'stve. 2008. № 1. S. 394–396.

8. Federal'ny`j zakon ot 06.03.2006 № 35-FZ «O protivodejstvii terrorizmu» // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/.

9. Antonov Ya.A. Organizaciya obespecheniya podrazdeleniyami policii prav cheloveka v usloviyah osobogo pravovogo rezhima kontrterroristicheskoy operacii // Zakon i pravo. 2024. № 3 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-obespecheniya-podrazdeleniyami-politsii-prav-cheloveka-v-usloviyah-osobogo-pravovogo-rezhima-kontrterroristicheskoy>.

10. Mixajlov P.I. Priostanovlenie predvaritel'nogo sledstviya po ugolovnomu delu v chrezvy`chajny`x usloviyah na primere pandemii koronavirusa (covid-19) // Evrazijskaya advokatura. 2020. № 4 (47) [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priostanovlenie-predvaritelnogo-sledstviya-po-ugolovnomu-delu-v-chrezvychaynyh-usloviyah-na-primere-pandemii-koronavirusa-covid-19>.

Статья поступила в редакцию 09.02.26; одобрена после рецензирования 16.02.26; принята к публикации 16.02.26.

The article was submitted 09.02.26; approved after reviewing 16.02.26; accepted for publication 16.02.26.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ КАК ИСТОЧНИК РОЖДЕНИЯ МОТИВА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ПРОШИН Владимир Михайлович

Адвокат Московской коллегии адвокатов «Защита»

123056, г. Москва, ул. Зоологическая, д. 30, стр. 2, пом. III, Российская Федерация

Аннотация: Планирование и принятие мер в состоянии конфликта интересов одной из сторон (или обеими сторонами) по обеспечению личного интереса за счет ущемления интереса противоположной стороны приводит к рождению мотива совершения преступления. Допускаемая недобросовестность в разрешении конфликта интересов одной из сторон создает мотивационную основу действий субъекта по удовлетворению потребности в достижении интереса, осознаваемого как приоритетный по отношению к интересу конфликтующей стороны, и с этого момента криминальные закономерности, управляя причинно-следственным движением субъекта к событию преступления, дают толчок формированию обстоятельств события преступления. Поэтому при реализации решения об удовлетворении потребности в обеспечении одной из сторон своего конфликтующего интереса в ущерб интересам противоположной стороны есть все основания считать конфликт интересов возможной стадией развития криминальных закономерностей в направлении запуска механизма совершения преступления. При этом конфликт интересов может быть как с частным лицом, так и с публичным образованием. Это характерно для совершения любого умышленного преступления.

Ключевые слова: конфликт интересов, мотив совершения преступления, криминалистическая характеристика преступления, событие преступления, механизм совершения преступления, криминальное событие, криминальные закономерности, субъект преступления, обстоятельства события преступления, публичный интерес, частный интерес, следы преступления, идеальный след преступления, материальный след преступления

Для цитирования: Прошин В.М. Конфликт интересов как источник рождения мотива совершения преступления // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 117. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_117

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space

Original article

CONFLICT OF INTEREST AS A SOURCE OF MOTIVATION TO COMMIT A CRIME

PROSHIN Vladimir Mikhailovich

Advocate of the Moscow Bar Association «Zashchita»

123056, Moscow, Zoologicheskaya Str., 30, Building 2, Flat III, Russian Federation

Abstract: Planning and taking measures in a state of conflict of interests by one of the parties (or both parties) to ensure personal interest at the expense of infringement of the interest of the opposite party leads to the emergence of a motive to commit a crime. Tolerated dishonesty in resolving a conflict of interests of one of the parties creates a motivational basis for the actions of the subject to satisfy the need to achieve an interest recognized as a priority in relation to the interest of the conflicting party, and from this moment, criminal patterns, controlling the cause-and-effect movement of the subject to the event of a crime, give impetus to the formation of the circumstances of the event of a crime. Therefore, when implementing a decision to satisfy one party's need to secure their conflicting interests at the expense of the opposing party, there is every reason to consider the conflict of interest a possible stage in the development of criminal patterns leading to the commission of a crime. Moreover, the conflict of interest may be with either an individual or a public entity. This is typical in the commission of any intentional crime.

Keywords: conflict of interest, motive for committing a crime, forensic characteristics of a crime, crime event, mechanism for committing a crime, criminal event, criminal patterns, subject of a crime, circumstances of a crime event, public interest, private interest, traces of a crime, ideal trace of a crime, material trace of a crime

For citation: Proshin V.M. Conflict of Interest as a Source of Motivation to Commit a Crime = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):117. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_117

В основе правовой оценки мотива совершения любого преступления как элемента криминалистической характеристики преступления лежит правильное понимание конфликта интересов, выступающего криминальным импульсом причинно-следственного движения субъекта к событию преступления. Некоторые исследователи предлагают выделять конфликт интересов в качестве одного из признаков отдельных преступлений, например коррупционных. [1]

Законодательное определение понятия «конфликт интересов» дано в ч. 1 ст. 19 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и в ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Положениями этих законов под конфликтом интересов предлагается понимать ситуацию, при которой личная заинтересованность (прямая либо косвенная) лица, замещающего должность, статус которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий). [2, 3]

Конфликт интересов как социальное явление – это всегда иницирующий импульс в отношениях для осуществления действий конфликтующими сторонами по нахождению баланса их интересов либо для планирования и принятия мер одной из сторон (или обеими сторонами) по обеспечению личного интереса за счет ущемления интереса противоположной стороны. Именно в направлении разрешения конфликта интересов по второму варианту его следует рассматривать как источник рождения мотива совершения преступления, а значит, к исследованию роли и значения этого явления в конструкции криминального события необходимо подойти с позиции его понимания как основания развития криминальных закономерностей, управляющих формированием обстоятельств события преступления.

В любом виде отношений появление конфликта интересов – это сформировавшееся в сознании субъекта соответствующих отношений (его представителя) решение о предпочтении условий и направления удовлетворения интереса в рамках этих отношений, влекущее создание обстоятельств угрозы либо реального вреда интересам противоположной стороны. В основе конфликта лежат управляющие поведением

субъекта потребности. Осознаваемый характер противозаконности предпринимаемых действий, избранного способа и средств, а также итоговая цена удовлетворения этих потребностей являются проявлением работы криминальных закономерностей, управляющих поведением носителя этих потребностей в обстановке формирующегося события преступления.

Конфликт интересов как социальное явление, иницируя динамический ход работы криминальных закономерностей в направлении причинно-следственного движения к событию преступления, создает мотивационную основу действий субъекта по удовлетворению потребности в достижении интереса, осознаваемого как приоритетный по отношению к интересу конфликтующей стороны, и с этого момента начинает управлять формированием обстоятельств события преступления. На стадии анализа и поиска путей разрешения возникшего конфликта интересов субъект фокусирует внимание на криминальном способе его разрешения как гарантии высокой результативности. Именно данный момент является временной точкой деформации позиции личности в социальной среде как добросовестного и добропорядочного гражданина. Начинается психологическое подчинение сознания субъекта влиянию поведенческого доминирования потребностей в направлении формирования обстоятельств события преступления, что в итоге, с учетом направления меняющихся качеств личности, приводит к морально-нравственной допустимости обеспечения приоритета личных интересов над публичными и интересами третьих лиц ценой совершения уголовно наказуемых действий. Временная точка рождения необходимости обеспечения данного приоритета является собой начало причинно-следственного и пространственно-временного движения носителя приоритетного интереса к событию преступления путем планирования и последующего запуска механизма совершения преступления. Именно в ходе данного движения сознательно принятое решение об обеспечении вышеупомянутого приоритета кристаллизует (проявляет) во вне следы угрозы столкновения интересов, так как во внешней среде начинают отражаться интеллектуально-волевые усилия субъекта, создающие угрозу либо уже причиняющие ущерб противостоящим публичным интересам либо интересам третьих лиц.

Таким образом, при движении субъекта к событию преступления материально-следовая фиксация конфликта интересов отражает этап

эволюции криминальных закономерностей, управляющих причинно-следственным формированием события преступления. То есть конфликт интересов как стадия проявления работы криминальных закономерностей, формируя мотивационную основу поведения носителя приоритетного интереса в социальной среде и постоянно повышая степень психологического влияния на его сознание, начинает управлять формированием обстоятельств события преступления. Поэтому конфликт интересов как криминальная стадия движения к запуску механизма совершения преступления имеет место при совершении любого умышленного преступления, предусмотренного УК РФ. При этом необходимо уяснить оценку нахождения в состоянии конфликта другого его участника (далее – «другой участник конфликта»): носителя публичного интереса либо третьего лица (физического или юридического).

Конфликт интересов – это всегда в рамках какого-либо отношения столкновение интересов сторон в результате осознанного планирования одним из участников конфликта удовлетворения потребности в реализации определенного интереса в направлении и на условиях, создающих угрозу интересам противоположной стороны. Угроза интересам может оцениваться с точки зрения гражданско-правовой (моральный или репутационный ущерб, имущественно-стоимостной ущерб) и уголовно-правовой (степень общественной опасности причинения вреда правам и охраняемым законом интересам). Осознание другим участником столкновения интересов факта нахождения в состоянии конфликта с кем бы то ни было возможно только на этапе материально-следового проявления угрозы его интересам либо наличия самого факта ее действительного воплощения. До этого момента осознание другим участником наличия конфликта интересов и уж тем более факта нахождения в состоянии конфликта интересов, не производится, да и само понимание наличия конфликта исключается, так как на горизонте планирования он не видит пересечения с интересами лица, планирующего в ближайшее время незаконное обеспечение своего интереса за счет интереса другого лица.

Сформировавшийся конфликт интересов как временная точка движения к событию преступления проявляет себя через отражение в идеальных и материальных криминалистических следах. В идеальных следах – в виде оформившегося в сознании плана действий по удовлетворению возникшей потребности за счет публичного интереса либо интереса третьего лица. В материальных

следах – в виде результата интеллектуально-волевых действий по обеспечению своего интереса за счет интереса, конфликтующего с ним. То есть противостояние с перспективой перехода в событие преступления, поддающееся правовой оценке как конфликт интересов, приобретает «зрелые» черты признаков подготовки и запуска механизма совершения преступления при отражении первых следов, персонифицирующих результаты столкновения конфликтующих интересов.

Технология образования любого конфликта интересов всегда ставит вопрос о способе его разрешения, оптимальность нахождения которого предполагает понимание материально-правовой формы и материально-вещественного содержания предмета столкновения интересов. Полные и достоверные сведения об упомянутых форме и содержании формируют подход к вариативности определения оснований и условий удовлетворения столкнувшихся интересов.

Существуют две разновидности конфликта интересов. Первая – столкновение интересов лиц, законно и добросовестно приобретающих и осуществляющих права и обязанности своей волей и в своем интересе. Причина конфликта интересов – ошибочное толкование и применение норм права, лежащих в основе обеспечения и проведения в жизнь конфликтующего интереса. Вторая разновидность – осознанная допустимость обеспечения личного интереса за счет создания угрозы либо причинения вреда публичным интересам и (или) интересам третьих лиц. В данном случае инициатором рождения конфликта интересов является носитель приоритета личного интереса, отрицающий необходимость соблюдения в системе общественных отношений баланса публичных и частных интересов, баланса личных интересов и интересов третьего лица и культивирующий потребность извлечения преимущества из незаконного или недобросовестного поведения, направленного на удовлетворение своего интереса за счет создания угрозы либо причинения вреда публичным интересам или интересам третьего лица. Вторая разновидность конфликта интересов является основанием его развития в криминальном направлении, так как потребности управляют работой сознания субъекта по планированию и формированию обстоятельств их удовлетворения, качество и динамика протекания которых создают итоговую форму и содержание события преступления. То есть в основе криминального импульса по планированию и запуску механизма совершения преступления лежит осознаваемая субъектом привилегия допустимости удовлетво-

рения потребности в обеспечении текущего жизненного интереса в нарушение установленных законом прав и интересов лиц, стоящих на пути движения в избранном направлении.

Следовательно, в основе создания конфликта интересов, ведущего к событию преступления, лежит криминальное творчество носителя интереса, понимаемого как приоритетный.

Субъекты интересов, лежащих на пути незаконного движения к удовлетворению приоритетного интереса, иницилирующих действий по формированию состояния конфликта не принимают. А значит, конфликт интересов как стадия развития криминальных закономерностей в конечной фазе формирования мотива совершения преступления есть степень завершения психологической готовности лица к игнорированию либо прямому нарушению осознаваемых законных границ интересов противостоящей стороны в соответствующем виде отношений, препятствующих выбранному направлению и условиям удовлетворения потребности в обеспечении приоритета личного интереса.

Итоговой криминальной формой развития конфликта интересов как стадии функционирования криминальных закономерностей является рождение мотива движения к событию преступления, в рамках которого запущенный механизм совершения преступления осознается носителем мотива преступления как средство обеспечения потребности в достижении соответствующего интереса.

Список источников

1. Квалификация коррупционных преступлений в сфере экономики: курс лекций / под ред. А.М. Багмета. М.: Юнити-Дана, 2015. С. 20.
2. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/.
3. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/.

References

1. Kvalifikaciya korrupcionny`x prestuplenij v sfere e`konomiki: kurs lekcij / pod red. A.M. Bagmeta. M.: Yuniti-Dana, 2015. S. 20.
2. Federal`ny`j zakon ot 27.07.2004 № 79-FZ «O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/.
3. Federal`ny`j zakon ot 25.12.2008 № 273-FZ «O protivodejstvii korrupcii» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/.

Статья поступила в редакцию 09.12.25; одобрена после рецензирования 21.12.25; принята к публикации 21.12.25.

The article was submitted 09.12.25; approved after reviewing 21.12.25; accepted for publication 21.12.25.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЩЕНИЯ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ (СТАТЬЯ 238.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

ГЛУШКОВА Мария Константиновна

Аспирант кафедры криминалистики Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 13, Российская Федерация

Аннотация: Осуществлен анализ судебных решений, вынесенных по ст. 238.1 УК РФ за 2015–2025 гг., в которых предметом преступления выступили фальсифицированные медицинские изделия. Представлены выводы о специфике основных элементов криминалистической характеристики преступления применительно к обращению фальсифицированных медицинских изделий, что позволяет правильно оценить сложившиеся следственные ситуации и выбрать оптимальные методы расследования.

Ключевые слова: статья 238.1 УК РФ, фальсифицированные медицинские изделия, криминалистическая характеристика, методика расследования

Для цитирования: Глушкова М.К. Криминалистическая характеристика обращения фальсифицированных медицинских изделий (статья 238.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации) // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 121. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_121

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space

Original article

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THE CIRCULATION OF FALSIFIED MEDICAL DEVICES (ARTICLE 238.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

GLUSHKOVA Mariia Konstantinovna

Postgraduate Student of the Department of Criminalistics of Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University
119991, Moscow, Leninskie Gory, 1, building 13, Russian Federation

Abstract: The article analyzes court decisions issued under Article 238.1 of the Criminal Code of the Russian Federation for the period 2015–2025, in which counterfeit medical devices were the subject of the crime. The article presents conclusions on the specific features of the main elements of the criminalistic characteristics of the crime in relation to the circulation of counterfeit medical devices, which allows for an accurate assessment of the current investigative situations and the selection of optimal methods for investigation.

Keywords: Article 238.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, falsified medical devices, criminalistic characteristics, investigation methodology

For citation: Glushkova M.K. Criminalistic Characteristics of the Circulation of Falsified Medical Devices (Article 238.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):121. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_121

Криминалистическая характеристика преступлений (далее – КХ) как научная категория выступает основой формирования частных методик расследования преступлений [1, С. 19] в силу того, что представляет собой комплекс систематизированных взаимосвязанных данных о признаках определенного вида преступлений, что обуславливает как ее теоретическую, так и практическую значимость.

Одним из дискуссионных вопросов в рамках учения о КХ являются составляющие ее элементы.

Так, Р.С. Белкин к числу обязательных компонентов КХ причислял: характеристику исходной информации, систему данных о способе совершения и сокрытия преступления, типичных последствиях его применения, личности преступника, мотивах и целях преступления, личности жертвы,

о некоторых обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка) [2, С. 179].

В рамках данной статьи будут рассмотрены такие элементы КХ обращения не соответствующей установленным требованиям медицинской продукции, как предмет преступления, способ и обстановка совершения преступления, личность преступника и потерпевшего.

В целом состав элементов КХ не является неизменной конструкцией, так как применительно к отдельным видам преступлений он может меняться. Ценность КХ преступления во многом обусловлена наличием взаимосвязей между составляющими ее элементами, что позволяет, особенно в условиях информационной неопределенности на первоначальном этапе расследования, осуществить его грамотное планирование, выдвинуть следственные версии.

Фальсифицированные, недоброкачественные, незарегистрированные лекарственные средства (далее – ЛС), медицинские изделия (далее – МИ), а также фальсифицированные биологически активные добавки (далее – БАД) с не заявленными при государственной регистрации фармацевтическими субстанциями являются предметами преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ. Невзирая на то, что, согласно проведенному нами анализу 140 приговоров судов первой инстанции и 96 судебных решений судов апелляционной и кассационной инстанций за 2015–2025 гг., предметом преступления чаще всего выступает незарегистрированная медицинская продукция, особый интерес представляют фальсифицированные МИ, а также КХ преступлений, связанных с их обращением.

Общая дефиниция МИ дается в ст. 38 Федерального закона от 21 ноября 2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». К ним причисляется достаточно широкий круг объектов, например, приборы, инструменты, материалы и т.д., служащие для диагностики, профилактики, лечения заболеваний, реабилитации и иных целей. Законность обращения МИ контролируют не только уполномоченные органы, например, Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор), но и все заинтересованные субъекты.

Согласно официальным данным Росздравнадзора, в 2025 г. было проведено 387 внеплановых контрольных (надзорных) мероприятий, основаниями для проведения которых служили: наличие сведений об угрозе причинения вреда жизни и тяжкого вреда здоровью граждан, по фактам причинения такого вреда; поручение Правитель-

ства РФ о проведении мероприятий в отношении конкретных контролируемых лиц; требование прокурора о проведении контрольного (надзорного) мероприятия; истечение срока исполнения решения Росздравнадзора об устранении выявленного нарушения обязательных требований. На официальном сайте за прошедший год было размещено 69 информационных писем о незарегистрированных МИ; 14 – о фальсифицированных; 160 – о недоброкачественных; ограничено обращение 1 725 583 единиц не соответствующих установленным требованиям МИ.

Из общей совокупности проанализированных судебных решений фальсифицированные МИ, т.е. МИ, сопровождаемые ложной информацией о характеристиках и (или) производителе (п. 12 ст. 38 Федерального закона № 323-ФЗ), выступили предметом преступления в 33 приговорах судов первой инстанции, в 3 судебных актах судов проверочных инстанций (в условиях отсутствия опубликованных текстов приговоров судов первой инстанции по данным делам), т.е. в 36 уголовных делах. Чаще всего фальсифицировались презервативы (11 случаев), которые фигурировали в материалах судебной практики практически ежегодно, порой по несколько раз. Значительно реже, но достаточно часто в сравнении с иными МИ, – защитные костюмы (4 случая); материал стоматологический, халаты медицинские одноразовые, респираторы (по 3 случая) и иные МИ. Безусловно, существовала тесная взаимосвязь между периодом распространения коронавирусной инфекции и частотой фальсификации средств индивидуальной защиты – медицинских масок, халатов, перчаток, респираторов, защитных костюмов.

В качестве высокотехнологичного фальсификата предметами преступления, в изученных приговорах, выступили компьютерный томограф (далее – КТ-аппарат) и рентген-аппарат. Так, осужденный приговором Королевского городского суда Московской области от 07 октября 2024 г. осуществил сбыт фальсифицированного, недоброкачественного МИ – КТ-аппарата, ранее состоявшего на балансе медицинской организации, амортизированного и якобы утилизированного способом переработки, который не соответствовал требованиям безопасности и эффективности МИ, требованиям к маркировке, нормативной, технической и эксплуатационной документации.

Способ совершения преступления как один из элементов КХ, как правило, охватывает действия по подготовке к совершению преступления,

непосредственному его совершению и сокрытию преступного деяния.

На этапе подготовки обычно осуществляются действия, направленные на подбор соучастников, формирование преступной группы, распределение преступных ролей; выбор конкретного вида и наименования МИ для фальсификации; приискивание средств и орудий совершения преступления; выбор места производства, хранения и сбыта продукции; сокрытие преступления [3, С. 149; 4, С. 50].

На подготовительном этапе могут регистрироваться юридические лица для осуществления сбыта в рамках деятельности легально функционирующей организации; арендоваться офисы для хранения медицинской продукции и ее реализации. Также обязательно подыскиваются каналы сбыта фальсификатов, к примеру, посредством размещения объявлений о реализации МИ в сети «Интернет» (на сайте «www.avito.ru» – не менее 13 случаев, и т. п.), размещения коммерческих предложений на продажу МИ от имени юридических лиц, заключения государственных контрактов на поставку МИ (не менее 10 случаев); ведутся переговоры с потенциальными контрагентами – приобретателями МИ, относительно условий заключения сделки, характеристик сбываемой продукции, в том числе с демонстрацией ее образцов.

Достаточно часто заранее изготавливаются этикетки, содержащие ложные сведения о производителе МИ; из сети «Интернет» скачиваются копии регистрационных удостоверений на МИ для облегчения возможности выдать фальсификат за оригинальную продукцию и, как следствие, беспрепятственно осуществить поставку; зачастую производится переупаковка фальсифицированных МИ для придания им схожего с оригинальными вида.

Помимо того, что фальсификация по своей природе относится к способам сокрытия преступных деяний, иные действия по сокрытию также фактически пронизывают все этапы обращения фальсифицированных МИ. Помимо изготовления этикеток с ложными сведениями о характеристиках МИ, использования поддельной документации на МИ, часто к совершению преступления привлекаются неосведомленные лица, в том числе руководители организаций, в рамках деятельности которых осуществляется сбыт МИ; лица, осуществляющие их доставку покупателям, и т. д.

В способ совершения анализируемого преступления могут входить, но достаточно редко входят на практике, действия, направленные на

ввоз фальсифицированных МИ (1 случай), на производство фальсифицированных МИ (6 случаев). Н.Ф. Файзрахманов к способам производства фальсифицированной медицинской продукции относит производство без лицензии или с нарушением установленных требований; производство с нарушением технологического процесса; подмену упаковки или инструкции по применению; производство из негодного или фальсифицированного сырья; производство с незаконным использованием чужих товарных знаков [3, С. 149].

Обратимся к изученной судебной практике. Так, ООО «Первый Проджект» одержало победу в электронном аукционе на поставку в онкологический диспансер реагентов и расходных материалов для гистологических исследований производства Итальянской Республики, которые, как впоследствии стало известно, не могли быть получены от производителя. В этой связи у осужденного приговором Кировского районного суда Санкт-Петербурга от 21 июля 2020 г. возник умысел на фальсификацию МИ посредством подмены МИ производства Итальянской Республики на имевшиеся в распоряжении производственные запасы, которые были неосведомленными о преступных намерениях лицами расфасованы в тару и снабжены фальсифицированными этикетками, идентичными этикеткам итальянской компании «DIAPATH S.p.A.» (ДИАПАФ С.п.А.).

В отличие от производства и ввоза, сбыт фальсифицированных МИ осуществлялся во всех проанализированных случаях. Распространены ситуации сбыта фальсификатов в ходе оперативно-розыскного мероприятия «Проверочная закупка», зачастую проводимого по итогам мониторинга сети «Интернет», а также в рамках деятельности легально действующих юридических лиц по государственным контрактам на поставку в пользу медицинских учреждений. Последний тезис находит подтверждение в выводах В.Н. Семелева, согласно которым одной из особенностей способа совершения преступлений в сфере обращения МИ является создание видимости совершения обычной, соответствующей закону сделки или действий [5, С. 87]. Кроме того, стоит отметить, что, согласно полученным в ходе анализа материалов судебной практики данным, сбыт фальсифицированных ЛС также преимущественно осуществлялся через легально действующие организации в рамках государственных контрактов.

В одном из дел Ч., осужденный приговором Советского районного суда г. Иваново от 10 февраля 2020 г., действуя в рамках деятельности

юридического лица ООО «Система», разместил на сайте каталога производителей текстильной продукции информацию о продаже МИ – марли медицинской – в целях поиска каналов сбыта фальсифицированной медицинской продукции. Узнав о наличии потребности в медицинской марле производителя ООО «ХБК НАВТЕКС», соответствующей ГОСТ 9412-93, у индивидуального предпринимателя М., Ч. заключил с ним договор поставки, согласно которому ООО «Система» обязалась передать М. закупаемые товары для использования в предпринимательской деятельности. Далее ООО «Система» заключила договор поставки на приобретение у ООО «Контракт Сервис» марли, которая впоследствии была предложена для приобретения индивидуальному предпринимателю М.

В целях сокрытия информации об истинном производителе марли Ч. изготовил бумажные ярлыки, указав на них заведомо ложные сведения об изготовителе (якобы ООО «ХБК НАВТЕКС») и о соответствии товара требованиям ГОСТ 9412-93 «Марля медицинская», осуществил расклейку ярлыков на рулоны с марлей по месту их хранения.

Обстановка совершения преступления как значимый компонент КХ входит в ее состав, характеризуя объективную реальность в связи с протеканием события преступления в конкретных условиях окружающей среды: места, времени, природно-климатических факторов и т.д. В судебных решениях этот элемент чаще всего характеризуется указанием на период времени его совершения («в неустановленный период времени», «примерно в начале «дата», но не позднее «дата»», «более точное время следствием не установлено», «в период с марта 2017 года до 15 августа 2017 года») и место совершения (в г. Ростове-на-Дону; доставка осуществлена «в багажное отделение Казанского вокзала «адрес»; «находясь на «данные изъяты», напротив дома, расположенного по адресу «данные изъяты»»; «находясь на оптовом рынке «Южные ворота», расположенном по адресу: г. Москва, 19-й км МКАД» и т.д.).

Хранение фальсифицированных МИ достаточно часто осуществляется по месту жительства виновных лиц, на специально арендованных складах. Не менее чем в 6 случаях в качестве места сбыта фальсифицированных МИ избирались железнодорожные вокзалы. Зачастую, особенно когда речь идет о поставках фальсифицированных МИ по государственным контрактам, местом сбыта являются места нахождения заказчиков, как правило, медицинских учреждений (ГБУЗ «Городской клинический онкологический диспансер», ГУЗ

«Краевая клиническая инфекционная больница» и т.п.). Фальсифицированные МИ сбывались также и по месту нахождения юридического лица, в рамках деятельности которого осуществлялось незаконное обращение медицинской продукции, однако достаточно редко.

Обращение фальсифицированных МИ в целом достаточно часто осуществлялось в условиях их более низких цен в сравнении со стоимостью оригинальной продукции (не менее 8 случаев). Данный фактор для определенного сегмента потерпевших может стать одним из ключевых при выборе медицинской продукции для приобретения, а для контролирующих органов – сигналом для проведения проверочных мероприятий. Так, согласно приговору Преображенского районного суда г. Москвы от 17.05.2024 г., единственному официальному эксклюзивному дистрибьютору «GANA Group», изготавливающему МИ – имплантаты интрадермальные с гиалуронатом натрия «GANA HA Body» («Гана эйчэй Боди»), стали поступать сообщения от заказчиков-клиентов, врачей о продаже аналогичного препарата по очень низкой цене, что стало основанием для обращения потерпевшего в правоохранительные органы.

Существенная доля проанализированных преступных деяний совершена в период неблагоприятной эпидемиологической ситуации, вызванной пандемией COVID-19. Как минимум в 7 случаях, начиная с 2021 г., осужденные, движимые корыстными мотивами, использовали ситуацию острого дефицита средств индивидуальной защиты (маски, респираторы, защитные костюмы, перчатки), осуществляя поставки якобы оригинальных МИ в медицинские учреждения.

В связи с тем, что каждый акт преступной деятельности отражает особенности личности субъекта ее осуществления (сведения о социально-психологических свойствах и качествах, преступном опыте, специальных знаниях, поле, возрасте, особенностях взаимоотношений с жертвой), судебные решения, вынесенные за 10-летний период действия ст. 238.1 УК РФ, были проанализированы и относительно данного элемента КХ преступления. Чаще всего фальсификацию МИ осуществляли граждане РФ, являющиеся представителями мужского пола (38 мужчин). При этом, несмотря на то, что женщины реже становились субъектами рассматриваемого преступления, согласно проанализированному данным, они все же чаще осуществляли фальсификацию МИ (11 человек), нежели ЛС (1 человек). Примерно равное число женщин совершало как обращение фальсифицированных МИ единолично (6 человек),

так и в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группы (5 человек). Примерно равное число осужденных, по имеющимся данным, как состояло в зарегистрированном браке (11 человек), так и не состояло в нем (10 человек). Два человека находились в разводе, в остальных случаях информация о семейном положении осужденных отсутствовала.

Как правило, среди осужденных преобладают лица с высшим образованием, при этом существенна доля и тех, кто имеет среднее профессиональное образование. В изученных судебных решениях отсутствуют данные о наличии хотя бы у одного лица медицинского или фармацевтического образования, что дает основание полагать, что профессиональная подготовка не является характерным признаком лиц, совершивших обращение с фальсифицированными МИ.

При фальсификации МИ имеется тенденция к использованию лицами своего служебного положения, преимуществ, предоставляемых занимаемой должностью для достижения преступных целей. В.Н. Семелев также отмечал, что преступления в сфере обращения МИ достаточно часто совершают должностные лица, в том числе учреждений здравоохранения, обладающие организационно-распорядительными полномочиями [5, С. 97]. Большинство осужденных официально трудоустроено (30 человек). В совокупности примерно треть из них занимает посты генеральных директоров ООО, заместителей генеральных директоров ООО, коммерческих директоров ООО и т.д., как минимум 6 человек являются индивидуальными предпринимателями. Согласно текстам судебных решений, только 8 человек официально не были трудоустроены, как правило, в связи с получением образования или пребыванием на пенсии.

Так, согласно приговору Центрального районного суда г. Волгограда от 29 ноября 2021 г., Р., будучи генеральным директором ООО «Ультраст», осуществляющего оптовую торговлю фармацевтической продукцией, и менеджер по продажам ООО «Ультраст» М. совершили сбыт фальсифицированных МИ с логотипом марки АО «ЗМ Россия» группой лиц по предварительному сговору. В качестве смягчающих наказание обстоятельств у обеих женщин учтены наличие положительных характеристик, полное признание вины, раскаяние в содеянном, участие в благотворительной деятельности.

Фальсификаторы МИ обычно не привлекались ранее к ответственности, не имеют судимостей и характеризуются положительно по месту

жительства, работы или учебы (32 человека). Как правило, отягчающие обстоятельства при совершении обращения фальсифицированных МИ отсутствуют (41 случай).

Рассматривая вывод Г.А. Варданян, согласно которому часто к преступлениям в сфере теневого фармацевтического рынка причастны немногочисленные (3–10 человек) организованные группы (50,2 %) и преступные сообщества (16,4 %) [4, С. 58], можно заключить, что он в целом актуален и применительно к совершению обращения фальсифицированных МИ. Согласно полученным в рамках анализа 36 судебных решений данным, не менее чем в 14 случаях преступления были совершены группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «а» ч. 2 ст. 238.1 УК РФ).

Такие группы, как правило, состоят из двух (реже – трех) человек, часто формируются по месту осуществления трудовой деятельности или в связи с ее осуществлением. К примеру, Б1 и Б2, осужденные приговором Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай от 2 июня 2023 г., вступили в предварительный преступный сговор в целях производства и сбыта от имени ООО «Ареда» посредством организации поставок по государственному контракту с Минздравом Республики Алтай в бюджетные учреждения здравоохранения фальсифицированных МИ – комплектов защитной одежды для медицинского персонала. Б1 должен был, используя свои знакомства в органах государственной власти Республики, получить информацию об ассортименте и количестве комплектов защитной одежды, сумме имевшихся денежных средств на их приобретение, сроках поставки; обеспечить изготовление и направление в Минздрав коммерческого предложения на поставку МИ. Б2 должен был обеспечить приобретение нетканого материала для изготовления МИ в необходимом количестве и ассортименте, подобрать место производства, обеспечить производство в установленные сроки, в согласованном ассортименте и количестве, доставку в бюджетные учреждения здравоохранения.

Встречаются случаи формирования группы лиц по предварительному сговору или организованной группы для осуществления обращения фальсифицированных МИ лицами, связанными друг с другом семейно-родственными отношениями. Так, осужденный приговором Останкинского районного суда г. Москвы от 19.11.2019 г. вступил в предварительный сговор со своей сестрой – студенткой в целях осуществления сбыта фальсифицированных и незарегистрированных

МИ – презервативов «Durex», приобретенных не у официальных представителей производителя, без надлежащих товаросопроводительных документов, по цене многократно ниже рыночной стоимости.

В качестве потерпевших от обращения фальсифицированных МИ могут выступать как физические, так и юридические лица, ценность получения сведений о которых обуславливается возможностью тем самым приобрести больше информации о личности преступника, мотивах совершения преступления. В проанализированных 36 судебных решениях физические лица в качестве потерпевших от обращения фальсифицированных МИ не фигурировали ни разу, что позволяет сделать вывод, что потерпевшие среди физических лиц при отсутствии причинения вреда здоровью, как правило, не устанавливаются. Как следствие, в большинстве случаев потерпевшими выступают юридические лица: правообладатели торговых марок (не менее 11 случаев, в т.ч. 4 случая – ООО «Рекитт Бенкизер АйПи» – правообладатель торговой марки «Contex»); медицинские учреждения (не менее 10 случаев, например, бюджетные учреждения здравоохранения Республики Алтай); министерства, как правило, Минздрав субъекта РФ (не менее 5 случаев).

Так, Л., осужденная приговором Мотовилихинского районного суда г. Перми от 12 сентября 2019 г., осознавая необходимость заключения соглашения с правообладателем об использовании принадлежащего ему товарного знака и не имея такового соглашения, заведомо зная, что приобретаемый ею товар является фальсифицированным, то есть выпущенным с нарушением требований действующего законодательства и изготовленным не компанией ООО «Рекитт Бенкизер АйПи», приобрела 25 коробок с презервативами «Contex» и разместила в сети «Интернет» объявление об их продаже, впоследствии совершив сбыт фальсифицированных МИ под видом оригинальной продукции указанной компании.

В связи с причинением обращением фальсификатов существенного материального ущерба потерпевшим, в частности правообладателям, их представителями, как правило, осуществляются превентивные меры по мониторингу рынка медицинской продукции в целях обнаружения фактов незаконного обращения продукции; осуществляется взаимодействие с правоохранительными органами для выявления фальсификаторов и привлечения их к ответственности; преобразуется медицинская продукция, к примеру, упаковка, посредством внедрения большего числа за-

щитных механизмов, усложняющих возможность произвести подделку.

Таким образом, понимание криминалистической характеристики обращения не отвечающей требованиям медицинской продукции является важным шагом на пути к формированию методики расследования данного преступления. Чаще всего предметами преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ, выступают незарегистрированные лекарственные средства и медицинские изделия, однако особый научный интерес представляет изучение фальсификатов в связи с возможностью причинить в результате их применения существенный вред здоровью человека.

Анализ 36 судебных решений, вынесенных за 2015–2025 гг., в которых предметами преступления выступили фальсифицированные медицинские изделия, показал, что чаще всего фальсифицировались презервативы, а также средства индивидуальной защиты. Сбыт фальсификатов зачастую производится в ходе оперативно-розыскного мероприятия «Проверочная закупка», проводимого по итогам мониторинга сети «Интернет», а также в рамках государственных контрактов на поставку товаров в медицинские учреждения. Каналы сбыта, как правило, подыскиваются в глобальной сети с помощью размещения соответствующих объявлений о реализации; посредством участия в электронных аукционах на поставку и т.д.

Обращение фальсифицированных медицинских изделий совершают граждане РФ, преимущественно мужского пола, с высшим или средним профессиональным образованием, официально трудоустроенные, нередко обладающие организационно-распорядительными полномочиями. Ущерб от обращения фальсифицированных медицинских изделий чаще всего причиняется юридическим лицам – правообладателям торговых марок, медицинским учреждениям – заказчикам по договорам поставки, министерствам здравоохранения субъектов Российской Федерации.

Список источников

1. Бахин В.П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики. М., 2000. Вып. 1. С. 16–22.
2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М., 1988. С. 304.
3. Файзрахманов Н.Ф. Некоторые вопросы криминалистической характеристики оборота фальсифицированных и недоброкачественных лекарственных средств, биологически активных добавок // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 1

(22). С. 148–152.

4. Варданыан Г.А. Методика расследования преступлений, связанных с производством и обращением не соответствующих лицензионно-разрешительным требованиям и (или) фальсифицированных, недоброкачественных, незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий или биологически активных добавок: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2015. С. 273.

5. Семелев В.Н. Методика расследования преступлений в сфере обращения медицинских изделий: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2025. С. 306.

References

1. Baxin V.P. Kriminalisticheskaya karakteristika prestuplenij kak e`lement rassledovaniya // Vestnik kriminalistiki. M., 2000. Vy`p. 1. S. 16–22.

2. Belkin R.S. Kriminalistika: problemy`, tendencii, perspektivy`. Ot teorii – k praktike. M., 1988. S. 304.

3. Fajzrahmanov N.F. Nekotory`e voprosy` kriminalisticheskoy karakteristiki oborota fal`sificirovanny`x i nedobrokachestvenny`x lekarstvenny`x sredstv, bio-

logicheski aktivny`x dobavok // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2012. № 1 (22). S. 148–152.

4. Vardanyan G.A. Metodika rassledovaniya prestuplenij,svyazanny`x sproizvodstvomi obrashheniem nesootvetstvuyushhix licenzionno-razreshitel`ny`m trebovaniyam i (ili) fal`sificirovanny`x, nedobrokachestvenny`x, nezaregistrirovanny`x lekarstvenny`x sredstv, medicinskix izdelij ili biologicheskix izdelij ili biologicheskix aktivny`x dobavok: dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2015. S. 273.

5. Semelev V.N. Metodika rassledovaniya prestuplenij v sfere obrashheniya medicinskix izdelij: dis. ... kand. yurid. nauk. Saransk, 2025. S. 306.

Статья поступила в редакцию 10.03.26; одобрена после рецензирования 17.03.26; принята к публикации 17.03.26.

The article was submitted 10.03.26; approved after reviewing 17.03.26; accepted for publication 17.03.26.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА: КЛАССИФИКАЦИЯ И МОДЕЛЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

ПЕШКОВ Борис Сергеевич

Аспирант Государственного университета управления, заместитель директора благотворительного фонда «Страна для детей»

123308, г. Москва, пр-кт Маршала Жукова, д. 2, помещ. 19/3, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена исследованию гражданско-правового режима добровольческой деятельности в правоохранительной сфере на примере участия граждан в охране общественного порядка. На основе анализа 135-ФЗ и 44-ФЗ, материалов законопроектной работы, правоприменительной практики и статистики обосновывается классификация видов добровольчества по степени публично-правовой интеграции и формируется двухуровневая модель соотношения общего и специального режимов регулирования. Показано, что деятельность народных дружинников характеризуется максимальной публично-правовой интеграцией при сохранении базовых частноправовых признаков добровольчества, что позволяет по-новому определить пределы действия гражданско-правового статуса добровольца в правоохранительной сфере.

Ключевые слова: добровольчество, волонтер, народный дружинник, гражданско-правовой режим, охрана общественного порядка, сравнительно-правовой анализ

Для цитирования: Пешков Б.С. Гражданско-правовой режим добровольчества в сфере охраны общественного порядка: классификация и модель правового регулирования // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 128. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_128

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space

Original article

CIVIL-LAW REGIME OF VOLUNTEERING IN THE FIELD OF PUBLIC ORDER PROTECTION: CLASSIFICATION AND REGULATORY MODEL

PESHKOV Boris Sergeevich

Postgraduate Student of the State University of Management, Deputy Director of the «Country for Children» Charitable Foundation

123308, Moscow, Marshal Zhukov Avenue, 2, Office 19/3, Russian Federation

Abstract: The article examines the civil-law regime of voluntary activity in the law-enforcement sphere, using citizens' participation in the protection of public order as an example. Drawing on an analysis of Federal Laws No. 135-FZ and No. 44-FZ, legislative history materials, law-enforcement practice and statistical data, the author substantiates a classification of types of volunteering according to the degree of public-law integration and develops a two-tier model of the relationship between the general and special regulatory regimes. It is shown that the activity of members of voluntary people's guards is characterized by maximum public-law integration while retaining the basic private-law features of volunteering, which makes it possible to redefine the limits of the civil-law status of the volunteer in the law-enforcement sphere.

Keywords: volunteering, volunteer, voluntary people's guard, protection of public order, civil-law regime, comparative legal analysis

For citation: Peshkov B.S. Civil-Law Regime of Volunteering in the Field of Public Order Protection: Classification and Regulatory Model = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):128. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_128

Добровольческая деятельность в современном праве рассматривается как форма реализации частной автономии личности, основанная на безвозмездном выполнении работ и оказании услуг в общественно полезных целях. Объектом исследования является частноправовое регулирование добровольческой деятельности в российском праве, предметом – особенности гражданско-правового режима добровольчества в правоохранительной сфере на примере участия граждан в охране общественного порядка.

Участие граждан в охране общественного порядка опосредуется общим регулированием Федерального закона от 11 августа 1995 года № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (далее – 135-ФЗ) и специальными нормами Федерального закона от 2 апреля 2014 года № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» (далее – 44-ФЗ). Это позволяет выявить, как модифицируется статус добровольца при вхождении в «публичную» сферу, как распределяются гражданско-правовые риски и ответственность между добровольцем, организатором и публичными субъектами, а также как соотносятся общие нормы 135-ФЗ и специальные предписания законодательства.

Актуальность исследования обусловлена ростом масштабов добровольческой деятельности и тем, что действующее законодательство пока не сформировало единого частноправового режима добровольчества для различных сфер его реализации.

В октябре 2022 года были приняты очередные поправки к 135-ФЗ, которые расширили цели добровольческой деятельности, добавив «содействие органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам в охране общественного порядка в соответствии с законодательством Российской Федерации». Однако с 2014 года 44-ФЗ устанавливает для участия граждан в охране общественного порядка самостоятельный правовой режим, существенно отличающийся от общего режима добровольчества по 135-ФЗ.

В связи с указанными изменениями с частноправовой точки зрения возникает ряд проблем. Во-первых, остается неясным, сохраняет ли доброволец, содействующий правоохранительным органам, тот же гражданско-правовой статус, который предусмотрен 135-ФЗ для «классического» волонтера, или же его правовое положение модифицируется в силу публично-правовых элементов, привносимых 44-ФЗ. Во-вторых, требуют уточнения механизмы распределения граждан-

ско-правовых рисков и ответственности между добровольцем, организатором добровольческой деятельности и публичными субъектами (органами внутренних дел, органами местного самоуправления) при осуществлении деятельности, сопряженной с угрозой жизни и здоровью. В-третьих, нуждается в оценке вопрос о соотношении безвозмездности как квалифицирующего признака добровольческой деятельности и материального стимулирования, предусмотренного 44-ФЗ для народных дружинников. Наконец, не решена коллизийная проблема применения к одним и тем же отношениям норм общего закона о добровольчестве и специального закона об участии граждан в охране общественного порядка – с учетом прямого указания ч. 2 ст. 3 135-ФЗ о недопустимости противоречия иных федеральных законов базовым принципам добровольчества.

Цель настоящего исследования состоит в определении пределов и особенностей действия гражданско-правового режима добровольчества при вхождении добровольца в правоохранительную сферу.

Статья 3 135-ФЗ указывает, что существуют особенности регулирования добровольческой деятельности, которые предусмотрены в других законах, и называет две такие сферы – добровольчество в религиозных организациях и сохранение объектов культурного наследия. Часть 2 статьи 3 предусматривает, что нормы о деятельности волонтеров, содержащиеся в иных федеральных законах, не должны противоречить 135-ФЗ.

Таким образом, 135-ФЗ предусматривает возможность регулирования добровольческой деятельности другими законами, но оговаривает верховенство общей нормы. Следовательно, 44-ФЗ может являться специальным законом, который регулирует особенности участия добровольцев в сфере содействия органам внутренних дел и иным органам в охране общественного порядка.

В первом чтении законопроекта 2013 года, ставшего впоследствии 44-ФЗ, содержалось понятие добровольческой деятельности, которое включало в себя участие граждан в мероприятиях по поиску пропавших без вести лиц. В поправках к законопроекту данная деятельность стала именоваться как «участие граждан в поиске лиц, пропавших без вести». Таким образом, изначально авторы закона относили к добровольческой деятельности только деятельность волонтеров-поисковиков, тогда как народные дружинники относились к иным формам участия граждан в охране общественного порядка.

Часть 1 статьи 2 135-ФЗ, перечисляющая возможные цели благотворительной и добровольческой деятельности, носит исчерпывающий характер. Деятельность, осуществляемая вне установленных законом целей, не может считаться добровольческой, а на лиц, ее осуществляющих, не могут быть распространены права и обязанности, предусмотренные в 135-ФЗ.

В специализированной литературе встречается мнение, согласно которому деятельность народных дружинников рассматривается как добровольческая (Фетисова Е.А. [9, С. 425-432], Семенов А.А. [8, С. 198-199]). Однако также в доктрине присутствует позиция, согласно которой деятельность народных дружинников нельзя отнести к добровольческой, так как к дружинникам предъявляются требования «нередко связанные с опасными для здоровья и жизни ситуациями, к более высоким требованиям по отбору» [2, С. 41].

Законопроект, впоследствии ставший законом от 7 октября 2022 года № 394-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», при внесении содержал в себе следующую формулировку рассматриваемой цели добровольческой деятельности: «Содействие органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам в охране общественного порядка в составе добровольных народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности». В тексте пояснительной записки к законопроекту приводятся статистические сведения о количестве граждан, задействованных в качестве народных дружинников, и необходимости предусмотрения мер поддержки в виде государственного страхования данных граждан при осуществлении деятельности по содействию охране общественного порядка.

В заключении на указанный законопроект Правительство Российской Федерации указало на необходимость уточнить вводимую цель в соответствии с 44-ФЗ. В рамках подготовки проекта закона ко второму чтению замечание Правительства было учтено, и цель была изменена на ту, что вошла в принятый Федеральный закон. Предположим, что указанное изменение было направлено на расширение видов деятельности по охране общественного порядка в соответствии с 44-ФЗ, которые можно отнести к добровольческой, во избежание дальнейшего использования правоприменителем принципа *expressio unius est exclusio alterius*.

Таким образом, при внесении изменений в 135-ФЗ законодатель предполагал, что обществен-

ные отношения в сфере деятельности народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности должны считаться волонтерством.

По состоянию на март 2026 года в информационной системе «Добро.рф» зарегистрировано более 30 организаторов добровольческой деятельности [11] из числа народных дружин при общем количестве свыше 9,9 тыс. дружин по стране [10, С. 18]. Ни одна из них не была верифицирована на платформе. Такая конфигурация объясняется требованием наличия статуса юридического лица для верификации, которому большинство дружин не соответствует, а также наличием у народных дружин собственных инструментов поддержки в рамках 44-ФЗ и регионального законодательства.

Проведенный анализ законодательных изменений, материалов законопроектной работы и практики применения 135-ФЗ позволяет сделать вывод о намерении законодателя включить деятельность народных дружинников в сферу добровольчества.

Однако формальное подпадание дружинников под определение добровольца не снимает фундаментальных вопросов о природе соотношения этих правовых категорий. Существование специального закона с детальным регулированием аспектов участия граждан в охране общественного порядка может указывать на намерение законодателя создать автономный правовой режим, не подчиняющийся общим нормам о добровольчестве.

Проведем в таблице 1 сравнительно-правовой анализ установленных в законах понятий, принципов деятельности, правовых статусов добровольца и народного дружинника.

44-ФЗ устанавливает обширный перечень императивных требований к кандидату в народные дружинники: гражданство, личные и деловые качества, совершеннолетие, дееспособность, отсутствие неснятой или непогашенной судимости, психических расстройств, наркомании или алкоголизма. Тогда как волонтером в широком толковании может быть практически любое лицо.

Эти требования обусловлены спецификой правоохранительной деятельности и необходимостью обеспечения законности действий дружинников, но одновременно сужают круг потенциальных участников и повышают барьер для гражданской активности.

По форме осуществления деятельности народный дружинник может действовать только в составе народной дружины, которая должна быть

Таблица 1

	Добровольчество 135-ФЗ	Деятельность народной дружины 44-ФЗ
Понятие	Доброволец (волонтер) – это физическое лицо, осуществляющее добровольческую (волонтерскую) деятельность в целях содействия органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам в охране общественного порядка в соответствии с законодательством Российской Федерации.	Народный дружинник – это гражданин Российской Федерации, являющийся членом народной дружины и принимающий участие в ее составе участие в охране общественного порядка.
Организация	Организаторы добровольческой (волонтерской) деятельности – юридические и физические лица, которые привлекают на постоянной или временной основе добровольцев (волонтеров) к осуществлению добровольческой (волонтерской) деятельности в целях содействия органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам в охране общественного порядка в соответствии с законодательством Российской Федерации, и осуществляют руководство их деятельностью.	Народная дружина – основанное на членстве общественное объединение, участвующее в охране общественного порядка во взаимодействии с органами внутренних дел (полицией) и иными правоохранительными органами, органами государственной власти и органами местного самоуправления.
Принципы	<ul style="list-style-type: none"> – Безвозмездность – Добровольность – Общественно полезная цель 	<ul style="list-style-type: none"> – Законность – Добровольность – Приоритетность защиты прав и свобод человека и гражданина – Право каждого на самозащиту – Взаимодействие с органами внутренних дел – Недопустимость подмены полномочий органов внутренних дел.

зарегистрирована в специальном реестре, действовать на определенной территории в плотном взаимодействии с органами местного самоуправления и территориальными органами внутренних дел. В свою очередь, волонтер имеет право действовать индивидуально, в составе добровольческой организации или под руководством организатора добровольческой деятельности.

Для большинства видов добровольческой деятельности 135-ФЗ не устанавливает императивных требований к подготовке добровольца, в то время как 44-ФЗ закрепляет обязанность народных дружинников проходить специальное обучение, в том числе по действиям при применении физической силы и оказанию первой помощи. Это усиливает публично-правовой компонент их статуса и подчеркивает отличия от «классического» добровольца.

Кроме того, народный дружинник наделен в соответствии с 44-ФЗ определенными властными полномочиями: он может требовать прекратить противоправные деяния, в определенных случаях применять физическую силу к нарушителю, обеспечивать сохранность вещественных доказательств, принимать меры по охране места происшествия и оказывать иное содействие полиции. Ключевым отличием от прав обычного гражданина в рамках охраны общественного порядка является применение мер принуждения. Доброволец не наделен подобными полномочиями даже при участии в содействии органам внутренних дел.

Ключевым вопросом в соотношении понятий «доброволец» и «народный дружинник» является безвозмездность их деятельности. Именно без-

возмездное выполнение работ или услуг является одним из квалифицирующих условий признания деятельности добровольческой. В соответствии со статьей 26 44-ФЗ органы государственной власти и органы местного самоуправления могут осуществлять материальное стимулирование деятельности народных дружинников. Характер и объем материального стимулирования народных дружинников в субъектах РФ существенно различаются и в последние годы имеют выраженную тенденцию к увеличению. Так, в Санкт-Петербурге установлено вознаграждение за дежурство в размере 187 руб. за час, в Нижнем Тагиле почасовая оплата дежурств повышена до 200 руб. за счет субсидий местного бюджета, в Ярославской области с 2026 г. размер выплаты доведен до 400 руб. за час участия в охране общественного порядка. Вопросы выплат за дежурство становились предметом судебных разбирательств: так, в Ульяновской области прокуроры действовали в интересах дружинников в судебном заседании в части взыскания задолженности за неоплаченные дежурства [12,13]. При этом вопросы дополнительного материального стимулирования народных дружинников для повышения мотивации участия в деятельности дружин продолжают рассматриваться в доктрине [3, С. 66].

Отдельного внимания заслуживает принципиальная разница в характере деятельности и ее общественном назначении. Добровольчество по своей правовой природе является инструментом гражданского общества, направленным на решение социальных проблем, оказание помощи уязвимым категориям населения, содействие в социально значимых сферах. Деятельность до-

бровольцев основана на принципах альтруизма и солидарности.

Народные дружины, выполняя правоохранительную функцию, являются элементом системы охраны общественного порядка. Их деятельность носит превентивный и репрессивный характер. Это принципиально иная функция, нежели социальная помощь, характерная для добровольчества.

Обобщение приведенных данных позволяет сделать несколько принципиальных выводов. Во-первых, по субъектному составу и условиям участия институты демонстрируют разный уровень «закрытости».

Во-вторых, кардинально различается объем предоставляемых полномочий и, соответственно, возможность применения мер принуждения. Доброволец осуществляет, по своей сути, вспомогательные, частноправовые действия и не наделяется властными полномочиями, его вмешательство в сферу публичного управления опосредовано через организатора добровольческой деятельности или благополучателя. Народный дружинник, напротив, интегрирован в систему охраны общественного порядка, что сближает его правовой статус с субъектами, реализующими элементы публичной власти.

В-третьих, различна степень институциональной встраиваемости в государственный аппарат. Добровольческие объединения преимущественно действуют автономно, взаимодействуя с органами государственной власти и местного самоуправления на началах партнерства и соглашений. Народные дружины создаются и функционируют в тесной связке с органами внутренних дел и органами местного самоуправления, подлежат обязательному включению в региональные реестры, находятся под контролем прокуратуры и иных публичных органов. Это позволяет говорить о двух самостоятельных правовых режимах гражданского участия, соприкасающихся лишь в части мер поддержки добровольцев, но не сливающихся в единый институт добровольчества.

Проведенный сравнительный анализ позволяет перейти к построению классификации видов добровольческой деятельности, основанной на степени включенности публично-правовых элементов в частноправовой режим добровольчества.

В существующей литературе классификации добровольчества строятся, как правило, по отраслевому критерию: социальное, экологическое, спортивное, культурное, медицинское волонтерство и т. д. Такой подход продуктивен для целей описания, однако не выявляет различий в право-

вом режиме участия добровольца. Между тем анализ действующего законодательства показывает, что гражданско-правовой статус добровольца существенно модифицируется в зависимости от того, насколько сфера деятельности подвергнута публично-правовому регулированию и насколько глубоко доброволец оказывается встроены в систему государственного управления.

В связи с этим представляется обоснованным предложить классификацию видов добровольческой деятельности по критерию степени публично-правовой интеграции, то есть в зависимости от того, в какой мере частноправовой режим добровольчества, установленный 135-ФЗ, дополняется или замещается публично-правовыми элементами. В основу данного критерия положены следующие признаки: наличие специальных императивных требований к личности добровольца; наличие у добровольца властных полномочий или полномочий по применению мер принуждения; степень организационной подчиненности государственным органам; характер юридического оформления участия (договорная модель); источник финансирования мер поддержки и страхования.

На основании указанных признаков выделим три типа добровольческой деятельности.

1. Добровольчество с минимальной публично-правовой интеграцией. К данному типу относится добровольческая деятельность в социальной, экологической, культурной, спортивной сферах. Правовой режим практически полностью определяется 135-ФЗ и нормами гражданского права. Специальные требования к личности добровольца отсутствуют либо минимальны. Доброволец не наделяется какими-либо властными полномочиями. Отношения между добровольцем и организатором оформляются гражданско-правовым договором о добровольческой деятельности, правовая природа которого определена как безвозмездный договор оказания услуг [4, С. 22], [5, С. 44]. Финансирование мер поддержки осуществляется за счет средств организатора добровольческой деятельности или благополучателя. Государственные органы участвуют в отношениях лишь в контексте общего содействия развитию добровольчества. Это «базовая модель» частноправового режима добровольчества.

2. Добровольчество с повышенной публично-правовой интеграцией. К данному типу относятся виды добровольческой деятельности, связанные с повышенными рисками для жизни и здоровья добровольца и (или) третьих лиц: добровольчество в сфере преодоления чрезвычайных ситуаций, в

здравоохранении, в сфере поиска лиц, пропавших без вести. Для данного уровня характерно сохранение частноправовой основы отношений (договор, безвозмездность, добровольность), однако она дополняется обязательными публично-правовыми элементами: специальными требованиями к подготовке и квалификации добровольца, обязательным страхованием жизни и здоровья, координацией деятельности со стороны государственных органов, а в ряде случаев – ограничениями на индивидуальное добровольчество вне организационных форм. Договор о добровольческой деятельности на данном уровне приобретает черты комплексного, инкорпорируя элементы административного регулирования [1, С. 161]. Источник финансирования мер поддержки – смешанный (средства организатора, бюджетные средства).

3. Добровольчество с максимальной публично-правовой интеграцией. К данному типу относится участие граждан в охране общественного порядка через деятельность народных дружинников. В данном случае происходит наиболее глубокое «наслоение» публично-правовых элементов на частноправовую основу добровольчества. Характерные признаки: императивные требования к личности участника; наделение участника властными полномочиями, включая право применения физической силы; обязательная организационная форма участия; обязательная регистрация в специальных реестрах; государственный контроль; финансирование преимущественно из бюджетных средств. На данном уровне частноправовая природа добровольчества сохраняется лишь в базовых признаках (добровольность вступления, общественная полезность цели), тогда как содержание правоотношения определяется преимущественно публично-правовыми нормами специальных законов.

В отличие от первых двух типов, где отношения между добровольцем и организатором опосредуются гражданско-правовым договором, в третьем типе договорная модель уступает место иному механизму. Народная дружина является основанным на членстве общественным объединением, следовательно, юридическим фактом, порождающим правовую связь дружинника с дружиной, выступает не заключение договора, а акт приобретения членства (подача заявления, решение о принятии, выдача удостоверения). Содержание прав и обязанностей дружинника определяется не соглашением сторон, а уставом дружины и императивными предписаниями 44-ФЗ, что в совокупности с координацией с органа-

ми внутренних дел позволяет квалифицировать возникающее правоотношение как комплексное публично-правовое организационное отношение, основанное на членстве и отличающееся от договорной конструкции первого и второго типов классификации.

Предложенная классификация позволяет зафиксировать, что деятельность народных дружинников располагается на третьем уровне публично-правовой интеграции. Именно максимальная насыщенность публично-правовыми элементами обуславливает те системные различия с «классическим» добровольцем, которые были выявлены в ходе сравнительного анализа. Вместе с тем принадлежность деятельности народных дружинников к третьему уровню не означает ее выхода за пределы добровольчества как такового: базовые частноправовые признаки (добровольность и общественная полезность) сохраняются, а 135-ФЗ формально распространяет на данную деятельность свое действие. Речь идет не об исключении, а о максимальной модификации частноправового режима публично-правовыми элементами.

Различия в публично-правовой интеграции добровольческой деятельности не затрагивают гражданско-правовую ответственность волонтеров. В случае причинения вреда по вине волонтера, осуществляющего свою деятельность по заданию и под руководством организатора добровольческой деятельности, в том числе народной дружины, такой организатор несет ответственность в соответствии со статьей 1068 Гражданского кодекса РФ [7, С. 430–433]. Особенностью деятельности дружинника является лишь его возможность причинить вред в пределах полномочий, предоставленных законом – для устранения опасности, угрожающей ему или иным лицам. [6, С. 199] При этом гражданско-правовая ответственность не входит в предмет страхования народного дружинника, предусмотренного статьей 26 44-ФЗ, поэтому исполнение деликтного обязательства будет происходить или народной дружиной, если она имеет форму юридического лица, или фактически может происходить за счет средств, выделяемых субъектами Российской Федерации на содержание народных дружин, с последующим взысканием с виновного члена народной дружины.

В случае причинения вреда жизни и здоровью самого волонтера предусмотрены различные механизмы компенсации: на первом уровне организатор добровольческой деятельности в соответствии со статьей 17.1 135-ФЗ имеет право заключить договор страхования в пользу волонтера при

осуществлении последним своей деятельности, однако если такой договор не был заключен, но вред был причинен по вине организатора, то он несет ответственность в рамках статьи 1064 Гражданского кодекса РФ. На втором уровне в соответствии с п. 1.1. статьи 17.1 135-ФЗ предусмотрена компенсация за счет средств федерального бюджета, для третьего уровня, как правило, характерны страховые выплаты за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований или за счет страховых компаний, с которыми у муниципалитета заключен договор. К примеру, в Оренбургской области дружинник взыскал со страховщика выплату за период временной нетрудоспособности, возникшей из-за подвернутой ноги после неудачного прыжка со ступеньки во время дежурства [14].

На основании проведенного анализа законодательства, материалов законопроектной работы, правоприменительной практики и предложенной классификации возможно сформулировать модель правового регулирования добровольчества в правоохранительной сфере.

В доктрине сложились два полярных подхода к правовой квалификации деятельности народных дружинников. Первый подход (Фетисова Е.А., Семенов А.А.) постулирует, что народная дружина является разновидностью волонтерства, а дружинник – видом добровольца. Второй подход (Гейжан Н.Ф. и др.) отрицает добровольческий характер деятельности дружинников. Оба подхода исходят из бинарной логики «или-или»: деятельность дружинников либо полностью укладывается в рамки добровольчества, либо полностью из них исключается.

Предлагаемая модель основана на ином – градуальном – понимании соотношения частного правового и публично-правового начал в регулировании добровольческой деятельности. Ее суть состоит в следующем: во-первых, добровольчество рассматривается как единый институт, основанный на частноправовых принципах добровольности участия, безвозмездности и общественной полезности цели. 135-ФЗ выступает общим законом, устанавливающим базовый частноправовой режим добровольчества, применимый ко всем видам добровольческой деятельности.

Во-вторых, по мере вхождения добровольца в сферы с повышенной общественной значимостью и повышенными рисками базовый частноправовой режим последовательно дополняется публично-правовыми элементами, закрепленными в специальных законах. Это не разрушает частноправовую основу, а модифицирует ее, соз-

давая комплексный (частно-публичный) режим регулирования.

В-третьих, специальный закон действует как *lex specialis*, устанавливающий дополнительные требования, полномочия, меры контроля и ответственности. Однако его специальность ограничена частью 2 статьи 3 135-ФЗ, которая выполняет функцию «нормы-ограничителя»: специальное регулирование допускается лишь в той мере, в какой оно не противоречит базовым принципам добровольчества, закрепленным в общем законе. Напряжение возникает лишь в части материального стимулирования народных дружинников, что требует разграничения между оплатой труда и поощрительными выплатами.

В-четвертых, в результате формируется двухуровневая конструкция правового регулирования:

- верхний уровень – общий частноправовой режим добровольчества по 135-ФЗ, определяющий базовые принципы, общие права и обязанности добровольца, общие механизмы поддержки;

- нижний уровень – специальный частно-публичный режим, определяющий дополнительные требования к участникам, организационные формы, властные полномочия, специфические меры поддержки и контроля.

Оба уровня действуют одновременно и кумулятивно: специальный режим не вытесняет общий, а дополняет его. Доброволец, действующий в правоохранительной сфере, сохраняет базовые права, предусмотренные 135-ФЗ, и одновременно приобретает специальный статус по 44-ФЗ.

Таким образом, установлено, что правовое регулирование добровольческой деятельности в сфере охраны общественного порядка представляет собой особый случай действия общего гражданско-правового режима добровольчества в условиях максимальной публично-правовой интеграции. Доброволец и народный дружинник выступают как субъекты различных правовых режимов гражданского участия: классического частноправового режима добровольчества и комплексного (частно-публичного) режима участия граждан в охране общественного порядка.

Предложена классификация видов добровольческой деятельности по степени публично-правовой интеграции, выделяющая три типа: добровольчество с минимальной, повышенной и максимальной публично-правовой интеграцией. Деятельность народных дружинников отнесена к третьему типу. Такая классификация позволяет по-новому описать место народных дружин в системе добровольчества и объяснить существенные

отличия их правового статуса от статуса «классического» волонтера.

Сформулирована авторская двухуровневая модель соотношения общего и специального режимов регулирования добровольчества в правоохранительной сфере. На «верхнем» уровне 135-ФЗ закрепляет базовый частнопредметный режим добровольческой деятельности, тогда как на «нижнем» уровне специальные нормативно-правовые акты устанавливают публично-правовые элементы. Специальное регулирование действует как *lex specialis*, но в пределах, задаваемых частью 2 статьи 3 135-ФЗ, что позволяет конкретизировать границы применения принципа *lex specialis derogat lex generalis* в данной сфере.

Список источников

1. Блинова Ю.В. О правовой природе договора о добровольческой (волонтерской) деятельности: сравнительно-правовой анализ // *Lex Russica*. 2020. № 4 (73). С. 152–164.
2. Гейжан Н.Ф., Гуз О.М., Тальянина И.А., Душкина Е.В., Старова Е.А. Методологические основы и особенности подготовки волонтеров и членов добровольных народных дружин // *Перспективы науки и образования*. 2022. № 3 (57). С. 38–54.
3. Добров А.Н. Проблемы привлечения граждан к участию в охране общественного порядка // *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. 2022. № 4. С. 61–68.
4. Жаворонков Р.Н. Гражданско-правовое регулирование добровольческой и благотворительной деятельности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
5. Малеина М.Н. Правовая природа, структура связей и содержание договора о волонтерской деятельности // *Журнал российского права*. 2017. № 8 (248).
6. Новиков Д.О. Применение физической силы добровольными народными дружинниками, в рамках федерального закона «Об участии граждан в охране общественного порядка»: вопросы теории // *Право и политика*. 2016. Т. 7. С. 199.
7. Пешков Б.С. Ответственность за вред, причиненный в ходе добровольческой деятельности // *Образование и право*. 2025. № 4. С. 430–433.
8. Семенов А.А. Добровольная народная дружина как вид молодежной волонтерской деятельности // *Наука и школа*. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobrovolnaya-narodnaya-druzhina-kak-vid-molodezhnoy-volonterskoj-deyatelnosti> (дата обращения: 08.02.2026).
9. Фетисова Е.А. Добровольная народная дружина как вид волонтерства // *Право и правопорядок в фокусе научных исследований: Сборник научных трудов / Под общей редакцией С.Е. Туркулец, Е.В. Листопадовой*. Том Выпуск 2. Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2021. С. 425–432.
10. Хомутов М.В. Особенности участия народных дружин, казачьих обществ и общественных объединений правоохранительной направленности в предупреждении преступлений // *Общество и право*. 2024. № 1 (87). С. 16–21.
11. Организаторы добровольческой деятельности // Единая информационная система в сфере развития добровольчества (волонтерства) «Добро.рф» [Электронный ресурс]. URL: dobro.ru/search.
12. Решение Железнодорожного районного суда города Ульяновска по делу № 2-1464/2023 от 17.07.2023 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/t4hQV5bT5pgv/>.
13. Решение Ленинского районного суда г. Ульяновска по делу № 2-3562/2023 от 17.07.2023 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/STKcDXD06ml3/>.
14. Решение Домбаровского районного суда Оренбургской области по делу № 2-21/2018 (2-368/2017) от 08.02.2018 // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iIDe5EAIP8Zp/>.

References

1. Blinova Yu.V. O pravovoj prirode dogovora o dobrovol'cheskoj (volonterskoj) deyatel'nosti: sravnitel'no-pravovoj analiz // *Lex Russica*. 2020. № 4 (73). S. 152–164.
2. Gejzhan N.F., Guz O.M., Talyanina I.A., Dushkina E.V., Starova E.A. Metodologicheskie osnovy i osobennosti podgotovki volonterov i chlenov dobrovol'ny'x narodny'x druzhin // *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2022. № 3 (57). S. 38–54.
3. Dobrov A.N. Problemy` privlecheniya grazhdan k uchastiyu v ohrane obshhestvennogo poryadka // *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. 2022. № 4. S. 61–68.
4. Zhavoronkov R.N. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie dobrovol'cheskoj i blagotvoritel'noj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2004.
5. Maleina M.N. Pravovaya priroda, struktura svyazey i sodержanie dogovora o volonterskoj deyatel'nosti // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2017. № 8 (248).
6. Novikov D.O. Primenenie fizicheskoy sily` dobrovol'ny`mi narodny`mi druzhinnikami, v ramkax federal'nogo zakona «Ob uchastii grazhdan v ohrane obshhestvennogo poryadka»: voprosy` teorii // *Pravo i politika*. 2016. T. 7. S. 199.
7. Peshkov B.S. Otvetstvennost` za vred, prichinyonny`j v xode dobrovol'cheskoj deyatel'nosti // *Obrazovanie i pravo*. 2025. № 4. S. 430–433.
8. Semenov A.A. Dobrovol'naya narodnaya druzhina kak vid molodezhnoj volonterskoj deyatel'nosti // *Nauka i shkola*. 2015. № 2 [E'lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dobrovolnaya-narodnaya-druzhina-kak-vid-molodezhnoy-volonterskoj-deyatelnosti> (data obrashheniya: 08.02.2026).
9. Fetisova E.A. Dobrovol'naya narodnaya druzhina kak vid volonterstva // *Pravo i pravoporyadok v fokuse*

nauchny`x issledovaniy: Sbornik nauchny`x trudov / Pod obshhej redakciej S.E. Turkulecz, E.V. Listopadovoj. Tom Vy`pusk 2. Xabarovsk: Dal`nevostochny`j gosudarstvenny`j universitet putej soobshheniya, 2021. S. 425–432.

10. Xomutov M.V. Osobnosti uchastiya narodny`x družhin, kazach`ix obshhestv i obshhestvenny`x ob`edinenij pravooxranitel`noj napravlenosti v predu-prezhdenii prestuplenij // Obshhestvo i pravo. 2024. № 1 (87). S. 16–21.

11. Organizatory` dobrovol`cheskoj deyatel`nosti // Edinaya informacionnaya sistema v sfere razvitiya dobrovol`chestva (volonterstva) «Dobro.rf» [E`lektronny`j resurs]. URL: dobro.ru/search.

12. Reshenie Zheleznodorozhnogo rajonnogo suda goroda Ul`yanovska po delu № 2-1464/2023 ot 17.07.2023 // Sudebny`e i normativny`e akty` RF [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/t4hQV5bT5pgv/>.

13. Reshenie Leninskogo rajonnogo suda g. Ul`yanovska po delu № 2-3562/2023 ot 17.07.2023 // Sudebny`e i normativny`e akty` RF [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/STKcDXDo6ml3/>.

14. Reshenie Dombarovskogo rajonnogo suda Orenburgskoj oblasti po delu № 2-21/2018 (2-368/2017) ot 08.02.2018 // Sudebny`e i normativny`e akty` RF [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iIDe5EAIP8Zp/>.

Статья поступила в редакцию 02.03.26; одобрена после рецензирования 10.03.26; принята к публикации 11.03.26.

The article was submitted 02.03.26; approved after reviewing 10.03.26; accepted for publication 11.03.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 137.
Eurasian Advocacy. 2026;(1(78)):137.

Актуальные проблемы юридической науки и практики

Научная статья
УДК 340.12
doi 10.52068/2304-9839_2026_78_1_137

ТИПОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С ЛИЧНОСТЬЮ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

ТЕМИРОВА Радмила Расуловна

Аспирант Карачаево-Черкесского филиала Московского финансово-промышленного университета «Синергия» 369000, г. Черкесск, ул. пр-кт Ленина, д. 83, Российская Федерация

Аннотация: В статье предлагается общетеоретическая типология государств, основанная на характере их взаимоотношений с личностью. Анализируются различные критерии типологии: объем признаваемых прав личности, механизмы их защиты, степень ограничения государственной власти правом, формы участия личности в осуществлении власти. Исследуются классические и современные типологические модели, включая дихотомии «правовое – неправовое», «демократическое – авторитарное», «либеральное – патерналистское» государство. В результате разработана интегративная четырехуровневая модель типологии, отражающая динамику взаимоотношений государства и личности от подавления к партнерству. Обосновано, что движение от авторитарного к правовому государству представляет собой общую закономерность развития государственности, проявляющуюся с различной интенсивностью в конкретных национальных контекстах. Новизна состоит в обосновании характера взаимоотношений «государство – личность» как универсального типологического критерия, преодолевающего ограниченность одномерных классификаций.

Ключевые слова: типология государства, личность, права человека, правовое государство, авторитарное государство, патерналистское государство, ограничение власти, теория государства и права, интегративная модель, взаимоотношения государства и личности

Для цитирования: Темирова Р.Р. Типология государства через призму взаимоотношений с личностью: общетеоретический подход // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 137. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_137

Actual Problems of Legal Science and Practice

Original article

TYPOLOGY OF THE STATE THROUGH THE PRISM OF RELATIONS WITH THE INDIVIDUAL: A GENERAL THEORETICAL APPROACH

TEMIROVA Radmila Rasulovna

Postgraduate Student of the Karachay-Cherkess Branch of the Moscow Financial-Industrial University «Synergy» 369000, Cherkessk, Lenin Avenue, 83, Russian Federation

Abstract: The article proposes a general theoretical typology of states based on the nature of their relations with the individual. The paper substantiates that the relationship between the state and the individual can serve as an independent and system-forming typological criterion. The author identifies the key parameters of such a typology and formulates a generalized classification of states depending on the degree of legal autonomy of the individual, the level of participation in public affairs and the orientation of state power toward the protection or restriction of rights and freedoms. The significance of the work lies in expanding the methodological tools of the theory of state and law and in clarifying the heuristic potential of a individual-centered approach to the typology of the state.

Keywords: typology of the state, individual, human rights, rule-of-law state, authoritarian state, paternalistic state, theory of state and law

For citation: Temirova R.R. Typology of the State Through the Prism of Relations With the Individual: a General Theoretical Approach = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):137. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_137

Введение

Типология государства является одной из центральных проблем теории государства и права. От того, какие критерии положены в основу классификации, зависит понимание сущности государственности, закономерностей ее развития и перспектив трансформации. Классические типологии, разработанные в рамках формационного и цивилизационного подходов, внесли значительный вклад в осмысление государственно-правовых явлений, однако в современных условиях обнаруживают ряд существенных ограничений [1, С. 215–217]. Формационный подход, привязывая тип государства к способу производства, недооценивает правовую и гуманитарную составляющие государственности. Цивилизационный подход, акцентируя культурно-историческую специфику, затрудняет сравнительный анализ и выявление универсальных закономерностей.

В этих условиях все большее значение приобретает подход, в основе которого лежит характер взаимоотношений государства и личности. Как справедливо отмечает В.С. Нерсесянц, «степень свободы индивида в его отношениях с государственной властью есть наиболее точный показатель типа государства» [2, С. 302]. Этот тезис развивается в работах С.С. Алексева, обосновавшего взаимосвязь между уровнем правового развития государства и объемом гарантий прав личности [3, С. 178–180]. В зарубежной науке аналогичные идеи разрабатываются в рамках теорий ограниченного правления (Ф. Хайек) и совещательной демократии (Ю. Хабермас) [4; 5].

Вместе с тем в научной литературе дискуссионным остается вопрос о том, может ли характер взаимоотношений государства и личности рассматриваться как самостоятельный и достаточный типологический критерий. Одни авторы полагают, что он является лишь одним из многих признаков, характеризующих тип государства, наряду с экономическими, политическими и культурными факторами. Другие, напротив, считают его системообразующим, определяющим все остальные характеристики государственности. Недостаточно исследованной остается проблема построения интегративной типологии, которая позволила бы преодолеть ограниченность одномерных дихотомических классификаций (правовое – неправовое, демократическое – авторитарное) и отразить многообразие реально существующих моделей.

В этой статье ставится вопрос: является ли характер взаимоотношений государства и личности универсальным системообразующим критерием

типологии, и каким образом он может быть операционализирован для построения интегративной модели? Предполагается, что именно совокупность параметров взаимодействия личности и государственной власти позволяет наиболее точно определить тип государства и выявить закономерности его трансформации.

Цель исследования – разработать интегративную общетеоретическую типологию государств, основанную на комплексном анализе взаимоотношений личности и государственной власти.

Задачи:

- 1) проанализировать существующие типологические критерии и их ограничения;
- 2) обосновать характер взаимоотношений «государство – личность» как системообразующий типологический признак;
- 3) разработать параметры типологии и выделить основные типы;
- 4) показать закономерность движения от авторитарного к правовому государству.

Методологической основой служат системный подход, позволяющий рассмотреть взаимоотношения государства и личности как целостную систему; сравнительно-правовой метод, обеспечивающий сопоставление различных моделей; формально-юридический метод, необходимый для анализа нормативного закрепления прав личности; а также историко-правовой метод, позволяющий проследить эволюцию типов государственности.

Критерии типологии государства: от формационного подхода к личностно-правовому

Традиционные типологии государства оперируют критериями, которые, при всей их научной значимости, оставляют за пределами анализа важнейшее измерение государственности – положение личности в системе властных отношений. Формационный подход, разработанный в марксистской традиции, выделяет рабовладельческий, феодальный, буржуазный и социалистический типы государства на основании характера производственных отношений. Безусловным достоинством данного подхода является внимание к материальным основаниям государственной власти, однако он фактически рассматривает личность лишь как представителя определенного класса, игнорируя ее самоценность как субъекта права [1, С. 223–225].

Цивилизационный подход, представленный прежде всего работами А. Тойнби и С. Хантингтона, классифицирует государства по принадлежности к определенной цивилизации. Такой подход позволяет учитывать культурно-историческую

специфику, но затрудняет выделение универсальных закономерностей и нередко ведет к культурному релятивизму, при котором различия в положении личности объясняются «спецификой цивилизации» и тем самым выводятся из-под критического анализа [6, С. 89–91].

Личностно-правовой критерий типологии, предлагаемый в настоящей работе, исходит из того, что положение личности по отношению к государственной власти является не одним из многих, а определяющим признаком типа государства. Данный тезис основывается на следующей логике: именно через отношение к личности государство реализует свою сущность – выступает либо как инструмент подавления и контроля, либо как институт, обеспечивающий свободу и достоинство человека. Как подчеркивает М.Н. Марченко, «взаимоотношения государства и личности есть квинтэссенция государственно-правовой действительности» [7, С. 412]. Все иные характеристики – форма правления, территориальное устройство, политический режим – приобретают свой реальный смысл именно в контексте их влияния на положение личности.

Параметры типологии: операционализация критерия «государство – личность»

Для построения интегративной типологии необходимо определить конкретные параметры, посредством которых характер взаимоотношений государства и личности может быть зафиксирован и измерен. На основании анализа научной литературы и нормативного материала представляется возможным выделить четыре основных параметра.

Первый параметр – объем признаваемых и гарантируемых прав личности. Данный параметр отражает содержательную сторону взаимоотношений: какие именно права государство признает за личностью и в какой мере обеспечивает их реализацию. Существенное значение имеет не только формальное закрепление прав в нормативных актах, но и реальная практика их реализации. Как показывает опыт ряда государств, конституционное закрепление широкого каталога прав может сочетаться с их систематическим нарушением, что свидетельствует о расхождении между нормативной и фактической моделями [8, С. 156–158].

Второй параметр – степень ограничения государственной власти правом. Этот параметр характеризует институциональную архитектуру взаимоотношений: насколько государственная власть связана правовыми нормами и подконтрольна независимым институтам. Ф. Хайек в своей концепции «верховенства права» подчеркивал,

что подлинное ограничение власти достигается не просто наличием законов, а их определенным качеством – общностью, абстрактностью и равным применением ко всем [4, С. 205–207]. Данный параметр позволяет различить государства, в которых право действительно ограничивает власть, и государства, в которых право выступает инструментом самой власти.

Третий параметр – механизмы защиты прав личности. Он отражает процедурную сторону взаимоотношений: какие институциональные средства доступны личности для защиты своих прав от нарушений со стороны государства. Наличие независимой судебной системы, института уполномоченного по правам человека, доступ к международным механизмам защиты – все эти элементы определяют реальную степень защищенности личности. В.Д. Зорькин обоснованно указывает, что «эффективность конституционного правосудия является одним из ключевых индикаторов реального типа государства» [9, С. 45].

Четвертый параметр – формы и степень участия личности в осуществлении публичной власти. Данный параметр характеризует политическую субъектность личности: является ли она объектом управления или активным участником властных процессов. Ю. Хабермас в теории де-либеративной демократии обосновал, что легитимность государственной власти определяется не только формальными процедурами выборов, но и качеством публичного дискурса, в котором граждане выступают как равноправные участники обсуждения общественно значимых решений [5, С. 287–289]. Этот параметр позволяет провести различие между формальным участием (наличие выборов при отсутствии реальной конкуренции) и содержательным участием (реальное влияние граждан на принятие решений).

Интегративная модель типологии: от подавления к партнерству

На основании выделенных параметров представляется возможным построить четырехуровневую интегративную модель типологии государств по характеру их взаимоотношений с личностью.

Первый тип – подавляющее государство. Характеризуется минимальным объемом признаваемых прав личности, отсутствием реального ограничения власти правом, неэффективностью или отсутствием механизмов защиты прав, а также исключением личности из процесса осуществления власти. Личность в таком государстве выступает объектом управления, а не субъектом права. Исторически к данному типу относятся тоталитарные режимы XX века, однако отдельные его

элементы обнаруживаются и в современных государствах. Важно отметить, что подавляющий характер государства не обязательно связан с формальным отсутствием правовых норм – он может проявляться и при наличии развитого законодательства, если последнее используется как инструмент контроля, а не защиты [10, С. 312–314].

Второй тип – патерналистское государство. Отличается признанием ряда прав личности, прежде всего социально-экономических, при существенном ограничении политических прав и свобод. Государственная власть позиционирует себя как защитника и покровителя граждан, принимающего решения «в их интересах». Ограничение власти правом носит частичный характер: власть связана определенными обязательствами, но сама определяет их объем и содержание. Механизмы защиты прав существуют, но подконтрольны самой власти. Личность допускается к участию в управлении в контролируемых формах. Данный тип широко распространен среди современных государств и представляет собой, по существу, промежуточную модель между авторитаризмом и демократией.

Третий тип – формально-правовое государство. Характеризуется широким нормативным закреплением прав личности, наличием институтов ограничения власти и механизмов защиты прав, допущением участия граждан в политическом процессе. Вместе с тем между нормативной моделью и реальной практикой существует значительный разрыв: формально закрепленные права не всегда реализуются, институты ограничения власти действуют избирательно, участие граждан в управлении носит преимущественно ритуальный характер. Как отмечает В.Я. Гельман, формально-правовое государство «создает институциональную инфраструктуру правового государства, не наполняя ее соответствующим содержанием» [11, С. 48–49]. К данному типу могут быть отнесены многие переходные государства, формально принявшие демократические конституции.

Четвертый тип – правовое (партнерское) государство. Отличается полным признанием и эффективной защитой прав личности, действенным ограничением государственной власти правом, развитыми механизмами защиты, включая независимое правосудие и международные гарантии, а также реальным участием граждан в осуществлении публичной власти. В таком государстве взаимоотношения власти и личности строятся на принципе партнерства: государство признает личность равноправным субъектом, а личность принимает на себя ответственность за общее бла-

го. Как подчеркивает С.С. Алексеев, правовое государство – это не статичное состояние, а «процесс постоянного совершенствования институтов, обеспечивающих свободу и достоинство человека» [3, С. 195].

Закономерность движения от авторитарного к правовому государству

Предложенная типология позволяет поставить вопрос о том, существует ли закономерность в движении государств от подавляющего к правовому типу. Анализ исторического опыта свидетельствует о наличии такой общей тенденции, хотя она реализуется нелинейно и неравномерно.

Движущей силой данного процесса выступает усложнение социальной структуры, которое делает авторитарное управление менее эффективным. По мере развития экономических отношений, роста образованности населения и усиления международных контактов возрастает потребность в правовой определенности, защите прав собственности и личной свободе. Государство, стремящееся к экономическому развитию, объективно вынуждено расширять правовое пространство свободы личности, поскольку творческая и предпринимательская активность несовместима с тотальным контролем [12, С. 178–180].

Вместе с тем данная закономерность не является линейной и безусловной. Исторический опыт XX и XXI веков демонстрирует возможность как прогрессивного движения (демократические транзиты в Южной Европе, Латинской Америке, Восточной Европе), так и регрессивных тенденций (авторитарный откат в ряде постсоветских государств, укрепление «нелиберальных демократий» в различных регионах мира). Исследователи отмечают, что процесс движения к правовому государству зависит от множества факторов, включая правовую культуру, экономическое развитие, внешнеполитический контекст и исторические традиции [13, С. 423–425].

Существенное значение имеет тот факт, что переход между типами редко осуществляется скачкообразно. Как правило, государства проходят через промежуточные стадии – патерналистскую и формально-правовую, – каждая из которых содержит как элементы предшествующего, так и зачатки последующего типа. Именно поэтому предложенная четырехуровневая модель обладает большей объяснительной силой, нежели простые дихотомии: она позволяет фиксировать промежуточные состояния и описывать динамику трансформации.

Применительно к современной России предложенная типология позволяет квалифицировать

ее как государство, находящееся в переходной зоне между патерналистским и формально-правовым типами. Конституционное закрепление широкого каталога прав и свобод, наличие институтов конституционного правосудия и международных обязательств в области прав человека свидетельствуют о движении к формально-правовому типу. Вместе с тем практика реализации законодательства, характер взаимоотношений государственной власти с гражданским обществом и степень реального ограничения власти правом указывают на сохранение существенных элементов патерналистской модели [14, С. 156–159].

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что характер взаимоотношений государства и личности представляет собой универсальный системообразующий критерий типологии, обладающий значительным эвристическим потенциалом. Данный критерий позволяет преодолеть ограниченность формационного подхода, сводящего типологию к экономическим основаниям, и цивилизационного подхода, абсолютизирующего культурно-историческую специфику.

Основные выводы исследования состоят в следующем.

1. Характер взаимоотношений государства и личности является системообразующим типологическим признаком, который определяет существенные характеристики государственности и через который находят выражение все иные свойства государства – форма правления, территориальное устройство, политический режим.

2. Операционализация данного критерия возможна посредством четырех параметров: объем признаваемых прав личности, степень ограничения власти правом, механизмы защиты прав и формы участия личности в осуществлении власти. Совокупность данных параметров обеспечивает комплексную характеристику типа государства.

3. Интегративная четырехуровневая модель (подавляющее – патерналистское – формально-правовое – правовое государство) обладает большей объяснительной силой по сравнению с дихотомическими классификациями, поскольку позволяет фиксировать промежуточные состояния и описывать динамику трансформации государственности.

4. Движение от авторитарного к правовому государству представляет собой общую закономерность развития государственности, обусловленную усложнением социальной структуры и ростом потребности в правовой определенности.

Данная закономерность реализуется нелинейно, допускает регрессивные периоды и зависит от конкретных исторических условий.

Теоретическая значимость исследования состоит в обосновании нового подхода к типологии государства, интегрирующего достижения различных научных школ и позволяющего преодолеть ограниченность одномерных классификаций. Предложенная модель развивает положения либертарно-юридической теории В.С. Нерсесянца и концепции правового государства в контексте современных реалий.

Практическая значимость определяется возможностью использования предложенной типологии в качестве аналитического инструмента для оценки состояния государственности, определения направлений правовой реформы и мониторинга прогресса в сфере защиты прав личности. Для законодателя представляет интерес вывод о взаимосвязи между типом государства и качеством правового регулирования. Для правоприменителей значимо понимание того, что реальный тип государства определяется не нормативными декларациями, а практикой взаимоотношений с личностью [15].

Ограничения исследования связаны с его теоретическим характером; эмпирическая верификация предложенной модели на материале конкретных государств требует самостоятельного исследования. Перспективы дальнейших работ видятся в разработке системы количественных индикаторов для каждого из выделенных параметров, а также в применении модели к анализу конкретных национальных контекстов, включая постсоветские государства.

Список источников

1. Марченко М.Н. Теория государства и права. Элементарный курс: учебное пособие. 3-е изд., доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. С. 304. ISBN 978-5-91768-696-7 [Электронный ресурс]. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2124764>.

2. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник для вузов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. С. 560. ISBN 978-5-91768-238-9 [Электронный ресурс]. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2215892>.

3. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 712. [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000601407?ysclid=mltcxsfqi9172072949>.

4. Hayek F.A. The Constitution of Liberty. Chicago: University of Chicago Press, 2011. P. 580.

5. Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge: MIT Press, 1996. P. 631.

6. Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. М.: АСТ, 2003. С. 603. [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001854378?ysclid=mltcykouky663641252>.

7. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2019. С. 784. ISBN 978-5-91768-264-8 [Электронный ресурс]. URL: <https://znanium.com/catalog/product/989114>.

8. Права человека: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. 3-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 512. ISBN 978-5-91768-578-6 [Электронный ресурс]. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1818483>.

9. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. С. 448. ISBN 978-5-91768-993-7 [Электронный ресурс]. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2114273>.

10. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / пер. с англ. М.: ЦентрКом, 1996. С. 672. [Электронный ресурс]. URL: <https://djvu.online/file/wNyWLJsU1I9R2?ysclid=mltd1u0owf859659243>.

11. Гельман В.Я. Авторитарная модернизация в России - миссия невыполнима? // Мир России. Социология. Этнология. 2017. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtoritarnaya-modernizatsiya-v-rossii-missiya-nevypolnima>.

12. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 180. [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/6310>.

13. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / пер. с англ. М.: Ладомир, 2004. С. 383. (Zakaria F. The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad. New York: W.W. Norton, 2003. P. 286.) [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002512813?ysclid=mltd3s8q3j242716817>.

14. Краснов М.А. Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С. 180. [Электронный ресурс]. URL: <https://liberal.ru/wp-content/uploads/legacy/files/articles/1961/krasn.pdf?ysclid=mltd5cali0318763688>.

15. Касьяненко М.А. О правовых и «общегражданских» механизмах противодействия этническим конфликтам // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 3. С. 6-8.

References

1. Marchenko M.N. Teoriya gosudarstva i prava. E`lementarny`j kurs: uchebnoe posobie. 3-e izd., dop. M.: Norma: INFRA-M, 2025. S. 304. ISBN 978-5-91768-696-7 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2124764>.

2. Nersesyancz V.S. Obshhaya teoriya prava i gosudarstva: uchebnik dlya vuzov. M.: Norma: INFRA-M, 2026. S. 560. ISBN 978-5-91768-238-9 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2215892>.

3. Alekseev S.S. Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: opy`t kompleksnogo issledovaniya. M.: Statut, 1999. S. 712.

[E`lektronny`j resurs]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000601407?ysclid=mltcsxfqi9172072949>.

4. Hayek F.A. The Constitution of Liberty. Chicago: University of Chicago Press, 2011. P. 580.

5. Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge: MIT Press, 1996. P. 631.

6. Xantington S.F. Stolknovenie civilizacij / per. s angl. M.: AST, 2003. S. 603. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001854378?ysclid=mltcykouky663641252>.

7. Marchenko M.N. Problemy` teorii gosudarstva i prava: Uchebnik. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: NICz Infra-M, 2019. S. 784. ISBN 978-5-91768-264-8 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://znanium.com/catalog/product/989114>.

8. Prava cheloveka: uchebnik / отв. red. E.A. Lukasheva. 3-e izd., pererab. M.: Norma: INFRA-M, 2022. S. 512. ISBN 978-5-91768-578-6 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1818483>.

9. Zor`kin V.D. Konstitucionno-pravovoe razvitie Rossii: monografiya. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2023. S. 448. ISBN 978-5-91768-993-7 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2114273>.

10. Arendt X. Istoki totalitarizma / per. s angl. M.: CentrKom, 1996. S. 672. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://djvu.online/file/wNyWLJsU1I9R2?ysclid=mltd1u0owf859659243>.

11. Gel`man V.Ya. Avtoritarnaya modernizaciya v Rossii - missiya nevy`polnima? // Mir Rossii. Sociologiya. E`tnologiya. 2017. № 2 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtoritarnaya-modernizatsiya-v-rossii-missiya-nevypolnima>.

12. Nort D. Instituty`, institucional`ny`e izmeneniya i funkcionirovanie e`konomiki / per. s angl. M.: Fond e`konomicheskoy knigi «Nachala», 1997. S. 180. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/6310>.

13. Zakariya F. Budushhee svobody`: neliberal`naya demokratiya v SShA i za ix predelami / per. s angl. M.: Ladamir, 2004. 383 s. (Zakaria F. The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad. New York: W.W. Norton, 2003. P. 286.) [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002512813?ysclid=mltd3s8q3j242716817>.

14. Krasnov M.A. Personalistskij rezhim v Rossii: opy`t institucional`nogo analiza. M.: Fond «Liberal`naya missiya», 2006. S. 180. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://liberal.ru/wp-content/uploads/legacy/files/articles/1961/krasn.pdf?ysclid=mltd5cali0318763688>.

15. Kas`yanenko M.A. O pravovy`x i obshhegrazhdanskix mexanizmax protivodejstviya e`tnicheskim konfliktam // Gosudarstvennaya vlast` i mestnoe samoupravlenie. 2010. № 3. С. 6-8.

Статья поступила в редакцию 19.03.26; одобрена после рецензирования 24.03.26; принята к публикации 24.03.26.

The article was submitted 19.03.26; approved after reviewing 24.03.26; accepted for publication 24.03.26.

Научная статья
УДК 347.7
doi 10.52068/2304-9839_2026_78_1_143

ЭЛЕМЕНТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЭЛЕКТРОННОЙ СРЕДЕ

НИКИТАШЕНКО Вадим Витальевич

Аспирант Ульяновского государственного университета
432970, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 40/9, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматривается система элементов гражданско-правового механизма защиты интеллектуальной собственности в электронной среде. Каждый из элементов анализируется с точки зрения его характеристики и роли в механизме. В частности, среди рассматриваемых элементов – инструменты правового регулирования, правоотношения, акты реализации субъективных прав и юридических обязанностей и предписания.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, гражданско-правовой механизм, элементы гражданско-правового механизма, охрана интеллектуальной собственности

Для цитирования: Никиташенко В.В. Элементы гражданско-правового механизма защиты интеллектуальной собственности в электронной среде // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 143. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_143

Actual Problems of Legal Science and Practice

Original article

ELEMENTS OF THE CIVIL-LAW INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION MECHANISM IN THE DIGITAL FIELD

NIKITASHENKO Vadim Vitalyevich

Postgraduate Student of the Ulyanovsk State University
432970, Ulyanovsk, Goncharova Str., 40/9, Russian Federation

Abstract: The article examines the system of elements of the civil-law mechanism of intellectual property protection in the digital field. Each element is analyzed in relation to its characteristics and role in the mechanism. In particular, among the examined elements are: instruments of legal regulation, jural relations, acts of realization of subjective rights and legal obligations, and prescriptions.

Keywords: intellectual property, civil-law mechanism, elements of the civil-law mechanism, intellectual property protection

For citation: Nikitashenko V.V. Elements of the Civil-Law Intellectual Property Protection Mechanism in the Digital Field = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):143. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_143

Гражданско-правовой механизм защиты интеллектуальной собственности в электронной среде и его проектирование представляются в качестве решения наиболее актуальных проблем, связанных с находящейся в гражданском обороте интеллектуальной собственностью (далее – ИС), объекты которой присутствуют в цифровой среде.

Принимая во внимание тот факт, что правовой механизм – это совокупность элементов (яв-

лений, инструментов) [7, С. 13], тесно связанных и взаимодействующих между собой, одним из ключевых вопросов при его конструировании представляется детализация его элементного состава.

Целесообразно проанализировать сущность и роль каждого из элементов, среди которых – инструменты правового регулирования (правовая норма и юридический факт); правоотношения; акты реализации субъективных прав и юридических обязанностей; предписания.

Первым и базовым элементом гражданско-правового механизма защиты ИС в электронной среде представляются инструменты правового регулирования.

Правовая норма – это фундаментальный и первичный элемент системы гражданского права [12, С. 54]. Как утверждает С.С. Алексеев, юридические нормы выступают в качестве главного юридического средства, которым осуществляется регламентирование общественных отношений [4, С. 34].

Определяя сущность правовой нормы, нельзя обойти стороной вопрос о ее признаках. Так, Д.М. Азми придерживается общепринятой позиции понимания правовой нормы как общеобязательного и формально определенного правила поведения [2, С. 34]. Также ученый дополнительно подчеркивает наличие у нее логической структуры [2, С. 34]. Е.В. Пузырева поддерживает общую позицию, добавляя, что правовая норма направлена на регулирование общественных отношений [19, С. 7–8]. Наряду с данными авторами В.О. Миронов и Н.В. Зин отмечают в числе важных признаков санкционированность государством и охрану от нарушений мерами государственного принуждения [17, С. 31]. В.В. Васильев дополняет их слова, говоря о возможности охраны со стороны субъектов гражданского оборота путем самозащиты [12, С. 54], с чем сложно не согласиться. Анализируя тезисы вышеназванных ученых, можно сказать, что гражданско-правовой механизм защиты ИС в электронной среде, используя юридические нормы, способен выстраивать совокупность правил поведения субъектов соответствующих правоотношений, тем самым направляя и регулируя их.

Таким образом, правовую норму в контексте конструируемого механизма можно представить как общеобязательное, формально-определенное правило поведения, имеющее определенную структуру, поддерживаемое государством или субъектами самостоятельно при помощи правовых средств и процедур, направленное на регулирование поведения субъектов внутри правоотношений, связанных с ИС в электронной среде, и на их упорядочение.

Говоря о юридических фактах, представители науки, в том числе Г.Ф. Шершеневич [25, С. 540], понимают под ними обстоятельства, с которыми нормы права соединяют юридические последствия. Несколько шире суть последствий раскрывает М.А. Рожкова, говоря о том, что фактическое наступление юридических фактов влечет последствия в сфере гражданских правоотношений [20,

С. 30]. В дополнение Ю.П. Боруленков утверждает, что последствия могут быть выражены в возникновении, изменении и прекращении правоотношений [9, С. 125]. В науке встречается также тезис о том, что юридические факты порождают права и обязанности субъектов правоотношений [3, С. 35]. Таким образом, юридический факт – это звено, соединяющее абстрактную гражданско-правовую норму и конкретное правоотношение. Важным вопросом остается форма самого юридического факта. Представляется, что он может быть выражен в деянии или событии, где деяние зависит от воли субъекта (действие или бездействие), а событие происходит независимо от нее.

Следовательно, юридический факт в проектируемом механизме следует понимать как предусмотренное нормами права, действительно наступившее в пространстве и времени обстоятельство (деяние или событие), при появлении которого наступают предусмотренные юридические последствия в виде возникновения, изменения или прекращения правовых отношений, связанных с ИС в электронной среде, а также в виде появления субъективных прав и юридических обязанностей у субъектов данных правоотношений.

Из вышеизложенного следует, что правовая норма и юридический факт являются нормативной основой для конструируемого механизма и предпосылкой для возникновения, изменения или прекращения относящихся к нему правоотношений. Именно это обосновывает обособление данных элементов в единую группу инструментов правового регулирования.

Следующий элемент в структуре гражданско-правового механизма защиты ИС в электронной среде представляется «ядром» всего механизма и его центральной составляющей. Таковым элементом являются правоотношения. Весь механизм и каждая его структурная часть выстраиваются вокруг правоотношений. В подтверждение этого факта можно привести слова С.С. Алексеева о том, что «процессы в механизме правового регулирования во всех случаях выражают регулирование общественных отношений» [4, С. 37].

Видится целесообразным сформулировать понятие правоотношений в механизме через детализацию их важных характеристик. Очевидно, что правоотношение представляет собой общественное отношение, урегулированное правом [16, С. 505], в данном случае нормами гражданского права, что означает также его защищенность со стороны государства.

Учитывая связь юридического факта и правоотношения как причины и следствия, правовое

отношение является результатом возникновения в объективной реальности соответствующего юридического факта или совокупности таких фактов. Следует согласиться с Р.В. Шагиевой, которая видит правоотношение как индивидуальную сознательно-волевою связь конкретных субъектов (за исключением случаев возникновения отношений без воли субъектов) [23, С. 93]. Не менее существенным является выделяемый Н.И. Матузовым признак выражения связи субъектов через субъективные юридические права и обязанности [16, С. 509].

Учитывая вышеизложенное, правовые отношения в контексте создаваемого механизма – это основанное на нормах гражданского права и защищаемое государством следствие возникновения определенного юридического факта (или совокупности таких фактов) в форме общественного отношения, связанного с ИС в электронной среде и выраженного в сознательно-волевой связи четко обозначенного круга субъектов (сознательной и добровольной, за исключением случаев, предусмотренных гражданским законодательством), обладающих индивидуальным набором взаимных субъективных прав и юридических обязанностей, результатом которого является их реализация.

Вопрос о строении гражданско-правового отношения также требует внимательной проработки. Так, Г.Ф. Шершеневич включает в него субъекты, объекты, обязанность и право [24, С. 83]. Такая позиция находит отражение в работах большинства ученых. Однако есть и иные взгляды. Например, В.Г. Ротань не поддерживает включение в структуру субъектов и объектов, концентрируя внимание на содержании общественных отношений, выражаемом в правах и обязанностях субъектов [21, С. 65]. Общепринятая позиция видится более удачной, поскольку исключение из структуры субъектов, участвующих в правоотношениях, или объектов, по поводу которых данные отношения существуют, разрушает целостность правовых отношений. При этом об их содержании также не стоит забывать, поскольку реализуемые субъективные права и обязанности отражают движение и изменение правоотношений.

Следовательно, структуру правоотношений, связанных с ИС в электронной среде, должны составлять: субъекты (реализующие субъективные права, исполняющие юридические обязанности и смешанные) – лица, участвующие в правовых отношениях; объекты – материальные и нематериальные блага, по поводу которых существуют правовые отношения; реализуемые субъективные права – совокупность индивидуальных прав,

предоставляемых на основе гражданского законодательства либо по соглашению субъектов и используемых ими; исполняемые юридические обязанности – набор инициированных гражданским правом либо соглашением субъектов обязанностей, требующих определенного поведения от обязанного субъекта.

Не менее важным вопросом является классификация детализируемых правовых отношений. Доктринальные классификации предполагают дифференциацию по различным основаниям. Так, например, по функции выделяют регулятивные и охранительные [15, С. 23] правоотношения, а по характеру обязанности – активные (активное положительное поведение субъектов) и пассивные (воздержание от нарушений права) [22, С. 128]. Представляется, что анализируемые правоотношения могут быть выражены в любой из вышеперечисленных разновидностей. Например, активные правоотношения могут быть выражены в реализации договора авторского заказа, где субъекты выражают волю в позитивных и активных поведенческих актах, а пассивные могут быть выражены в охране и защите ноу-хау, где обязаный субъект должен воздерживаться от распространения ноу-хау третьим лицам.

Представляется необходимым заключить, что в прорабатываемом механизме правоотношение – это основа, позволяющая субъектам достигать желаемого результата посредством реализации субъективных прав и юридических обязанностей в его пределах.

Следующим элементом гражданско-правового механизма защиты ИС в электронной среде являются акты реализации субъективных прав и юридических обязанностей. Как и в случае с другими элементами, необходимо дать определение и охарактеризовать этот элемент для раскрытия его роли в механизме. Следует начать с характеристики.

Рассуждая о форме выражения актов реализации, С.А. Абрамитов и Б.С. Андреев видят ее в фактическом поведении участников конкретных общественных отношений, которое связано с осуществлением ими своих прав и обязанностей [1, С. 96]. Это свидетельствует о том, что данные акты должны иметь воплощение в объективной реальности. Раскрывая сущность и форму поведения субъектов, Л.Н. Берг и Е.А. Березина утверждают, что оно представляет собой правомерное поведение, выраженное в действии или бездействии [8, С. 119]. Признак правомерности поведения указывает на то, что акты реализации субъективных прав и обязанностей в проектируемом

механизме оказывают позитивное воздействие на соответствующие правоотношения, связанные с ИС в электронной среде. Учитывая, что данные акты исходят от участников конкретных правоотношений и относятся к реализации прав и исполнению обязанностей определенного субъекта, логично, что каждый акт индивидуален и привязан к субъекту, от которого он исходит. Одновременно с этим данный признак означает, что акты реализации субъективных прав и юридических обязанностей индивидуализируют и конкретизируют соответствующие правоотношения, учитывая, что каждый из них уникален в силу условий своего возникновения.

Исходя из вышеизложенных характеристик, акты реализации субъективных прав и юридических обязанностей в прорабатываемом механизме представляются движущей силой правоотношений, связанных с ИС в электронной среде. Это обосновано тем, что посредством таких поведенческих актов субъекты способны достичь желаемого результата соответствующих правоотношений. Несмотря на сходство с юридическим фактом, который может быть связан как с деянием, так и с событием, акт реализации субъективных прав и юридических обязанностей относится только к поведению субъекта внутри уже существующих правоотношений.

С учетом характеристики и роли в проектируемом механизме акты реализации субъективных прав и юридических обязанностей можно представить как поведенческие акты субъектов, выраженные в виде фактического позитивного (правомерного) поведения (действия или бездействия) в рамках конкретно определенных гражданско-правовых отношений, связанных с ИС в электронной среде, посредством которых субъекты реализуют свои субъективные права и юридические обязанности в пределах данных правоотношений.

Не менее важно также указать возможные формы актов реализации субъективных прав и юридических обязанностей. Согласно общепринятому подходу, существуют следующие формы реализации права: соблюдение (поведение, соответствующее юридическим запретам), исполнение (осуществление обязывающего правового предписания), использование (осуществление возможностей, вытекающих из дозволений) и применение (содействие субъектам в реализации принадлежащих им прав и обязанностей со стороны властных субъектов) [10, С. 49-51].

Далее необходимо рассмотреть заключительный элемент в структуре проектируемого меха-

низма – предписание. Характеристика предписания складывается из нескольких аспектов.

Во-первых, предписание – это акт применения права [11, С. 96], а значит, разновидность актов реализации субъективных прав и обязанностей.

Во-вторых, оно выражено в форме индивидуального властного предписания, которое издается от имени государства по конкретному юридическому поводу [13, С. 106].

В-третьих, оно издается при отсутствии возможности самостоятельного решения субъектами какого-либо вопроса [5, С. 12].

В-четвертых, нарушение предписания влечет ответственность, сравнимую с ответственностью за нарушение норм права, на основе которых оно издается [10, С. 54], что означает также его обязательность к исполнению.

В-пятых, предписание связывает нормы права с конкретным случаем, на который оно распространяет свое действие [10, С. 54].

И наконец, предписание оформляется в виде официального акта [10, С. 54].

На основе данных характеристик в гражданско-правовом механизме защиты ИС в электронной среде предписание – это разновидность актов реализации субъективных прав и юридических обязанностей, выраженная в форме индивидуального, обязательного для исполнения, обеспечиваемого и охраняемого государством официального акта, обоснованного гражданско-правовыми нормами и конкретными фактическими обстоятельствами, исходящего от специально уполномоченного на то государственного субъекта (компетентного органа или должностного лица) и направленного на решение конкретного проблемного вопроса в рамках четко определенных гражданско-правовых отношений, связанных с ИС в электронной среде.

Предполагается, что в проектируемом механизме предписание обоснованно использовать как инструмент решения проблемных ситуаций со стороны государства, как способ защиты и восстановления нарушенного права. Таким образом, при необходимости механизм посредством предписания способен стабилизировать правовые отношения, связанные с ИС в цифровой среде, не допускать нарушения субъективных прав и восстанавливать правовое состояние, существовавшее до правонарушения. Рассматривая предписание как способ восстановления нарушенных прав и основываясь на доктринальных классификациях, можно констатировать, что оно является индивидуальным (в отношении конкретных

субъектов) [18, С. 406] правоохранительным (устанавливающим вид и меры наказания) [14, С. 371] и (или) правоисполнительным (содержащим в себе конечное решение) [6, С. 168] актом, оформленным в документальной (письменной) форме [11, С. 95-96] и предназначенным для устранения последствий негативного воздействия на субъективные права в рамках соответствующих правовых отношений.

Таким образом, детализированы и проанализированы элементы, входящие в структуру гражданско-правового механизма защиты интеллектуальной собственности в электронной среде. Каждый из них оказывает существенное влияние на механизм и правоотношения, связанные с ИС в цифровой среде. Также очевидно, что они тесно взаимосвязаны, и исключение любого из них влечет последствия для работоспособности и эффективности проектируемого гражданско-правового механизма.

Список источников

1. Абрамитов С.А., Андреев Б.С. Теория государства и права: основы научного понимания государства и права, понятийный аппарат: учебное пособие. Иркутск: ИРНТУ, 2023. 154 С. [Электронный ресурс]. URL: <https://e.lanbook.com/book/497939>.
2. Азми Д.М. Норма права: структура, форма, разновидности // Академический юридический журнал. 2010. № 3 (41). С. 4-11.
3. Александрова Н.В., Федоров И.З. Юридические факты в механизме гражданско-правового регулирования // Вестник Российского университета кооперации. 2014. № 1 (15). С. 35.
4. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. Москва: Издательство «Юридическая литература» Администрации Президента Российской Федерации, 1966. 187 с.
5. Алексеева Л.А., Майорова С.А. Правоприменение как особая форма правореализации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 2 (87). С. 9-14.
6. Альбов А.П. Теория государства и права. Особенная часть: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 342 С. [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/bcode/561600/>.
7. Беляева Г.С., Белоусова К.А. К вопросу о становлении понятия правового механизма // Право и государство: теория и практика. 2022. № 5 (209). С. 9-13.
8. Берг Л.Н., Березина Е.А. Теория права: правовое воздействие и правовое регулирование: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 393 С. [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/bcode/568137>.
9. Боруленков Ю.П. Юридический факт как образ обстоятельства реальной действительности // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013. № 1. С. 122-126.
10. Бошно С.В., Шевченко А.В. Реализация права. Правоприменение // Право и современные государства. 2023. № 5. С. 47-58.
11. Бялт В.С., Чимаров С.Ю. Акт применения права: теоретико-правовая характеристика // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 95-3. С. 94-96.
12. Васильев В.В. Гражданско-правовая норма как фундаментальный элемент системной структуры гражданского права // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 52-55.
13. Жуковская Н.Ю. Теория государства и права: базовый курс: учебное пособие. Липецк: Липецкий ГПУ, 2024. 118 С. [Электронный ресурс]. URL: <https://e.lanbook.com/book/472400>.
14. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для вузов. 5-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 521 С. [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/bcode/559640/>.
15. Магомадова И.М. Гражданское право: учебное пособие. Грозный: ЧГПУ, 2020. 182 С. [Электронный ресурс]. URL: <https://e.lanbook.com/book/219518>.
16. Матузов Н.И., Малько А.В. (ред.) Теория государства и права: курс лекций. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. 640 С. [Электронный ресурс]. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1817818>.
17. Миронов В.О., Зин Н.В. Понятие и структура нормы права // Право и государство: теория и практика. 2018. № 6 (162). С. 31-33.
18. Пиголкин А.С., Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Теория государства и права: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 516 С. [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/bcode/559574/>.
19. Пузырева Е.В. Нормы российского права: теоретические аспекты понимания и качественного выражения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2007.
20. Рожкова М.А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия: дис. ... докт. юрид. наук. Москва, 2010.
21. Ротань В.Г. Система гражданских правоотношений и их структура // Власть Закона. 2019. № 4 (40). С. 57-88.
22. Федоров М.В. Теория государства и права: учебное пособие. Санкт-Петербург: СПбГАУ, 2023. 202 С. [Электронный ресурс]. URL: <https://e.lanbook.com/book/340082>.
23. Шагиева Р.В. Правоотношение и их роль в реализации права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2015. № 3. С. 92-99.
24. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 11-е изд. Москва: Братья Башмаковы, 1914. 497 С. [Электронный ресурс]. URL: <https://znanium.com/catalog/product/353141>.
25. Шершеневич Г.Ф. Избранное: В 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права. Москва: Статут, 2016. 752 С. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/shershenevich_gf_izbrannoe_t4/.

References

1. Abramitov S.A., Andreev B.S. Teoriya gosudarstva i prava: osnovy` nauchnogo ponimaniya gosudarstva i prava, ponyatijny`j apparat: uchebnoe posobie. Irkutsk: IRNITU, 2023. 154 s. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://e.lanbook.com/book/497939>.
2. Azmi D.M. Norma prava: struktura, forma, raznovidnosti // Akademicheskij yuridicheskij zhurnal. 2010. № 3 (41). S. 4-11.
3. Aleksandrova N.V., Fedorov I.Z. Yuridicheskie fakty` v mexanizme grazhdansko-pravovogo regulirovaniya // Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii. 2014. № 1 (15). S. 35.
4. Alekseev S.S. Mexanizm pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom gosudarstve. Moskva: Izdatel`stvo Yuridicheskaya literatura Administracii Prezidenta Rossijskoj Federacii, 1966. 187 s.
5. Alekseeva L.A., Majorova S.A. Pravoprimerenie kak osobaya forma pravorealizacii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2021. № 2 (87). S. 9-14.
6. Al`bov A.P. Teoriya gosudarstva i prava. Osobennaya chast`: uchebnik dlya vuzov. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Izdatel`stvo Yurajt, 2025. 342 s. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://urait.ru/bcode/561600/>.
7. Belyaeva G.S., Belousova K.A. K voprosu o stanovlenii ponyatiya pravovogo mexanizma // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. № 5 (209). S. 9-13.
8. Berg L.N., Berezina E.A. Teoriya prava: pravovoe vozdejstvie i pravovoe regulirovanie: uchebnik dlya vuzov. Moskva: Izdatel`stvo Yurajt, 2025. 393 s. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://urait.ru/bcode/568137>.
9. Borulenkov Yu.P. Yuridicheskij fakt kak obraz obstoyatel`stva real`noj dejstvitel`nosti // Biznes v zakone. E`konomiko-yuridicheskij zhurnal. 2013. № 1. S. 122-126.
10. Boshno S.V., Shevchenko A.V. Realizaciya prava. Pravoprimerenie // Pravo i sovremenny`e gosudarstva. 2023. № 5. S. 47-58.
11. Byalt V.S., Chimarov S.Yu. Akt primeneniya prava: teoretiko-pravovaya xarakteristika // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2023. № 95-3. S. 94-96.
12. Vasil`ev V.V. Grazhdansko-pravovaya norma kak fundamental`ny`j e`lement sistemnoj struktury` grazhdanskogo prava // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. 2012. № 2. S. 52-55.
13. Zhukovskaya N.Yu. Teoriya gosudarstva i prava: bazovy`j kurs: uchebnoe posobie. Lipeck: Lipeckij GPU, 2024. 118 s. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://e.lanbook.com/book/472400>.
14. Lazarev V.V., Lipen` S.V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov. 5-e izd., ispr. i dop. Moskva: Izdatel`stvo Yurajt, 2025. 521 s. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://urait.ru/bcode/559640/>.
15. Magomadova I.M. Grazhdanskoe pravo: uchebnoe posobie. Grozny`j: ChGPU, 2020. 182 s. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://e.lanbook.com/book/219518>.
16. Matuzov N.I., Mal`ko A.V. (red.) Teoriya gosudarstva i prava: kurs lekcij. 3-e izd., pererab. i dop. Moskva: Norma: INFRA-M, 2022. 640 s. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1817818>.
17. Mironov V.O., Zin N.V. Ponyatie i struktura normy` prava // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2018. № 6 (162). S. 31-33.
18. Pigolkin A.S., Golovistikova A.N., Dmitriev Yu.A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov. 4-e izd., pererab. i dop. Moskva: Izdatel`stvo Yurajt, 2025. 516 s. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://urait.ru/bcode/559574/>.
19. Puzy`reva E.V. Normy` rossijskogo prava: teoreticheskie aspekty` ponimaniya i kachestvennogo vy`razheniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Sankt-Peterburg, 2007.
20. Rozhkova M.A. Teorii yuridicheskix faktov grazhdanskogo i processual`nogo prava: ponyatiya, klassifikacii, osnovy` vzaimodejstviya: dis. ... dokt. yurid. nauk. Moskva, 2010.
21. Rotan` V.G. Sistema grazhdanskix pravootnoshenij i ix struktura // Vlast` Zakona. 2019. № 4 (40). S. 57-88.
22. Fedorov M.V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnoe posobie. Sankt-Peterburg: SPbGAU, 2023. 202 s. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://e.lanbook.com/book/340082>.
23. Shagieva R.V. Pravootnoshenie i ix rol` v realizacii prava // Vestnik Rossijskogo universiteta družby` narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2015. № 3. S. 92-99.
24. Shershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. 11-e izd. Moskva: Brat`ya Bashmakovy`, 1914. 497 s. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://znanium.com/catalog/product/353141>.
25. Shershenevich G.F. Izbrannoe: V 6 t. T. 4 vklyuchaya Obshhuyu teoriyu prava. Moskva: Statut, 2016. 752 s. [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/shershenevich_gf_izbrannoe_t4/.

Статья поступила в редакцию 27.02.26; одобрена после рецензирования 02.03.26; принята к публикации 02.03.26.

The article was submitted 27.02.26; approved after reviewing 02.03.26; accepted for publication 02.03.26.

Научная статья
УДК 343.2
doi 10.52068/2304-9839_2026_78_1_149

ЦИФРОВОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ – РЕАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ ИЛИ ИЗБЫТОЧНАЯ КАТЕГОРИЯ?

ГРИГОРЬЕВ Павел Александрович

Кандидат юридических наук, Независимый исследователь
107045, г. Москва, Ананьевский пер., д. 5, С. 12, Российская Федерация

Аннотация: В статье представлен критический анализ формирующейся уголовно-правовой концепции цифрового преступления. Автор рассматривает подходы к определению и характеристике цифрового преступления, дает оценку их применимости в уголовно-правовом регулировании и в науке уголовного права. Особое внимание уделено проблематике разработки Цифрового кодекса Российской Федерации как возможного источника норм о цифровых преступлениях. Сделан вывод о том, что в настоящее время цифровое преступление – это более теоретико-правовая конструкция, нежели действительно сформировавшийся институт уголовного права.

Ключевые слова: информационное преступление, кодификация цифрового права, компьютерное преступление, цифровое преступление, Цифровой кодекс Российской Федерации

Для цитирования: Григорьев П.А. Цифровое преступление – реальный правовой институт или избыточная категория? // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 149. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_149

Actual Problems of Legal Science and Practice

Original article

IS DIGITAL CRIME A REAL LEGAL INSTITUTION OR AN UNNECESSARY CATEGORY?

GRIGOREV Pavel Aleksandrovich

Candidate of Law, Independent Researcher
107045, Moscow, Ananyevsky Lane, 5, bldg. 12, Russian Federation

Abstract: Critical analysis of the emerging criminal law concept of digital crime is presented in this article. The author examines theoretical approaches to defining and characterizing digital crime and assesses their applicability in criminal law regulation and in theory of criminal law. Special attention is paid to the issue of enacting the Digital Code of the Russian Federation as a potential source of norms regulating digital crimes. It is concluded that at present, digital crime is more of a theoretical legal construct than a truly formed institution of criminal law.

Keywords: codification of digital law, computer-related crime, Digital Code of the Russian Federation, digital crime, information-related crime

For citation: Grigorev P.A. Is Digital Crime a Real Legal Institution or an Unnecessary Category? = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):149. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_149

Посвящается Марии Дмитриевне

Разнообразные аспекты влияния цифровизации на правовое регулирование в последние годы широко и интенсивно обсуждаются в академическом сообществе и в юридической практике. К настоящему моменту увидело свет внушительное множество публикаций по теме влияния цифровизации на право. Счет докладов, озвученных по

этой теме на различных юридических площадках (конференции, круглые столы и т.п.), идет на тысячи. В целом к 2026 г. общепринятым стал взгляд, в соответствии с которым высказаться о цифровизации и праве – это некая минимальная обязанность современного российского юриста – как ученого, так и практика, – присутствующего

в публичном пространстве. Тема цифровизации, учитывая только нарастающее в последние годы бурное развитие информационных технологий и функционирующего на их основе искусственного интеллекта, пока точно не собирается оставлять российское юридическое сообщество.

Очередным выражением описанной тенденции стало активное обсуждение в 2024–2025 гг. идеи и перспектив разработки Цифрового кодекса Российской Федерации (далее – ЦК РФ). С высоких трибун сообщалось о необходимости подобного нормативного правового акта, говорилось, что эксперты и государственные деятели уже сформировали его концепцию и структуру [1]. Аналогичные сообщения о ЦК РФ, причем преимущественно в одобрительном ключе изложения, продолжают возникать в публичном информационном пространстве регулярно.

Маслом в огонь разгоревшейся дискуссии о разработке ЦК РФ послужила утвержденная на исходе 2023 г. правительственная Стратегия развития отрасли связи до 2035 года [12] (далее – Стратегия-2035). Дело в том, что один из абзацев Стратегии-2035 содержит умозаключение относительно того, как идеально урегулировать развитие и использование информационных технологий, сетей и инфраструктуры связи в нашей стране. Авторы документа, являющиеся представителями государственной службы, призвали к принятию ЦК РФ, который, по их так и не раскрытой полностью задумке, обеспечит «стройную взаимосвязанную систему отраслевых правовых норм».

По состоянию на конец 2025 г. проект документа не публиковался и не представлялся на суд общественности, поэтому многочисленные вопросы относительно содержания будущего нормативного правового акта остаются неразрешенными и вызывающими большой интерес. Это и порождает описанную выше дискуссию о предполагаемом новом источнике норм цифрового права.

Одной из сфер, в которых развернулись споры о воплощении в жизнь идеи разработки ЦК РФ, стала юридическая наука. К примеру, еще в 2020 г. М. Рожкова в своей статье критически оценила возможность и необходимость принятия нового кодекса, указав, что «механическое объединение норм в едином акте лишит названный кодекс цельности и системности», и в результате будет получен просто свод некоторых законов, зачастую лишенных взаимосвязанности [2, С. 11].

А.Г. Дейнеко через 5 лет, напротив, счел, что в Российской Федерации сформировались убе-

дительные основания для кодификации информационного законодательства. При этом ученый, приводя подробные аргументы, предпочитает назвать перспективный кодекс как «Информационный кодекс» [3, С. 84]. Продолжают публиковаться и другие работы, как отрицающие целесообразность ЦК РФ, так и призывающие к его разработке и скорейшей имплементации в систему источников отечественного права.

Вероятное принятие ЦК РФ, даже если в этом документе будут только регулятивные нормы, представляется значимым и для отраслей права, нормы которых традиционно признаются охранительными (главным образом уголовного права и административно-деликтного права). Остаются открытыми и насущными вопросы о том, как будут соотноситься нормы нового кодекса с положениями Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее – УК РФ) о преступлениях в сфере компьютерной информации (глава 28 УК РФ) и об иных преступлениях, совершаемых в цифровой среде или с использованием цифровых технологий.

Применение норм уголовного законодательства, очень часто являющихся бланкетными по своей природе, напрямую зависит от положений иных кодексов, федеральных законов и подзаконных актов. ЦК РФ, если он когда-либо будет принят в российской правовой системе, может перевернуть существующее представление о так называемых цифровых преступлениях. По этой причине проблематика кодификации и вообще любого реформирования норм цифрового права является актуальной и для отрасли уголовного права.

В уголовном праве проблемы, связанные с цифровой трансформацией охраняемых общественных отношений, начали освещаться еще задолго до общеправовой дискуссии о кодификации цифрового права. Освещение рассматриваемой проблематики происходило преимущественно в контексте вопроса о понятии, сущности и классификации группы так называемых цифровых преступлений.

Сразу оговоримся, что в описываемой доктринальной полемике прочно установилась полифония терминов: предлагаются самые разнообразные термины, описывающие рассматриваемый феномен, и отличные по форме и содержанию их определения. Даже поверхностное ознакомление с научными публикациями, вышедшими в свет в последнее время, подтверждает, что о единообразном понимании цифрового преступления пока еще очень рано говорить.

Например, И.А. Петрова и И.А. Лобачев вводят в научный оборот понятие «преступление в

сфере компьютерной (цифровой) информации», под которым, если перефразировать авторское определение с некоторой долей упрощения, понимается преступление, посягающее на общественные отношения по безопасному обращению или защите компьютерной информации, причиняющее вред охраняемым законом правам и интересам частных лиц, общества и государства [4, С. 59].

И.Н. Мосечкин, в свою очередь, оперирует понятием «преступление против безопасности цифровой информации», толкуя его схожим образом, – как деяние, причиняющее вред состоянию защищенности процессов обращения цифровой информации, совершаемое с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или нарушением правил их использования [5, С. 57].

Одно из последних и, по нашему мнению, наиболее удачных (по причине лаконичности термина) понятий предложено А.С. Периной. Ученая взяла за основу распространенный термин «цифровое преступление» и определила его как преступление, совершаемое посредством компьютерных, цифровых, информационно-телекоммуникационных и иных современных технологий либо в киберпространстве [6, С. 109].

Отечественные ученые не одиноки в состоянии коллективной неопределенности относительно понятия цифрового преступления. Зарубежная доктрина в этой части характеризуется совершенно идентичными свойствами: разработаны отличающиеся друг от друга разве что по форме, а не по содержанию, понятия: «cybercrime», «cyber crime», «computer crime», «E-crime», «Internet crime» и многие другие. Предложены разнообразные по критериям, уровням и сложности подходы к систематизации цифровых преступлений. Многие из них, особенно в правопорядках с некодифицированным уголовным правом, никак не согласуются с нормативными правовыми актами, что дополнительно осложняет их применимость в прикладной плоскости.

Подробный анализ существующих подходов к понятию цифрового преступления и доктринальных классификаций таких деяний был недавно проведен группой зарубежных ученых в обширной обзорной статье [7]. Авторы статьи, вероятно, соглашаясь с объективным отсутствием консенсуса, заключают, что приоритет должна иметь борьба с цифровыми преступлениями, а не теоретический поиск дефиниций и формулирование классификаций [7, р. 392]. Вряд ли с такими логичными и обоснованными размышлениями

можно успешно спорить. Именно по этой причине мы намеренно воздержимся от формулирования еще одного, отличающегося от предыдущих только по форме и порядку слов, определения понятия «цифровое преступление».

Конечно, могут цитироваться и комментироваться и иные, не менее оригинальные и содержательные, термины и определения, через которые исследователи пытаются систематизировать и обособить совокупность преступных деяний, совершение которых подразумевает применение цифровых технологий. Мы ранее тоже высказывались по обсуждаемой теме, в том числе обращали внимание на принципиальную вредность переписывания УК РФ таким образом, чтобы в нем как-либо обособлялась группа цифровых преступлений (например, по аналогии с тем, как в рамках главы 28 УК РФ объединены преступления в сфере компьютерной информации) [8; 9].

Целесообразнее и полезнее сфокусировать внимание не на тиражировании новых доктринальных по своей природе (причем умозрительных и едва ли реализуемых в законотворчестве) понятий, а на поиске ответов на злободневные вопросы о месте цифровых преступлений в УК РФ как в единственном источнике норм о преступлениях и наказаниях. Особого внимания заслуживает вопрос о месте таких деяний в случае принятия ЦК РФ. А именно: будет ли реформирован УК РФ вслед за кодификацией цифрового права? Должны ли вообще в уголовном законе как-либо обособляться такие преступления, совершение которых сопряжено с использованием цифровых технологий? Имеет ли какую-либо научную или прикладную ценность сама категория «цифровое преступление»?

Не умаляя теоретической и прикладной значимости и выдающегося академического уровня научных работ, в которых с различных позиций развивается учение о цифровом преступлении, выскажем определенные критические соображения о рассматриваемом уголовно-правовом феномене и о ситуации, сложившейся вокруг него в юриспруденции. Считаем, что излагаемые ниже соображения внесут ясность в понимание сущности и места цифрового преступления как нового феномена общественных отношений, регулируемых и охраняемых правом.

Во-первых, следует признать, что теоретизирование по этой теме в отсутствие законодательного определения цифрового преступления способно отдалить от решения актуальных задач, в числе которых разграничение сфер действия

возможного регулятивного ЦК РФ и уже действующего охранительного УК РФ, правоприменительная практика борьбы с цифровыми преступлениями, совершаемыми с использованием новых технологий (к числу таковых можно отнести стремительно развивающиеся технологии искусственного интеллекта), и ряд иных.

Чрезмерное отдаление доктрины от практики превращает ее в юридическую схоластику с лишь незначительными вкраплениями анализа действующего законодательства. При этом подобная интеллектуальная деятельность не всегда сопровождается изучением позитивного права, в чем можно убедиться при ознакомлении с публикациями, посвященными цифровым преступлениям. Проще говоря, анализ несуществующей в законодательстве категории начинает приобретать признаки теологической догматики и утрачивать свойства научного юридического анализа.

Если следовать классическому определению, то схоластика – это тип религиозной философии, характеризующийся принципиальным подчинением примату теологии, соединением догматических предпосылок с рационалистической методикой и особым интересом к формально-логической проблематике [10]. В случае с цифровыми преступлениями «религиозной философией» выступает оторванное от законодательной и правоохранительной реальности учение о цифровом преступлении. «Приматом теологии» является постановка целей и задач исследования таким образом, чтобы не решать существующие проблемы правового регулирования, а создавать новые понятия, классификации и систематизации. И в этом действительно прослеживается свойственная схоластике рационалистическая методика, поскольку ученые активно применяют научные методы при исследовании цифровых преступлений и выработке новых определений.

Поэтому отметим, что чрезмерное увлечение поиском оптимального понятия цифрового преступления дает только легко опровержимые юридико-догматические результаты и – изредка – рекомендации законодателю. Но подобные рекомендации традиционно носят достаточно общий характер и сводятся к тому, что УК РФ необходимо реструктурировать, дополнив самостоятельным разделом (или главой) о цифровых преступлениях.

Но и усложнение норм действующего права за счет введения в закон новых понятий и составов преступлений далеко не всегда положительно сказывается на регулируемых правоотноше-

ниях (скорее наоборот). Следует согласиться с А.Н. Сухаревым в том, что «чем больше норм права, тем больше возможных противоречий будет возникать между ними и тем больше может возникнуть казусов» [11, С. 33-34]. Полагаем, что российские правоведы – и вслед за ними законодатель – должны взять на вооружение философский принцип бритвы Оккама, суть которого состоит в стремлении субъекта разумной деятельности объяснять окружающий мир, используя минимальное количество существующих понятий [11, С. 28-29].

Этот принцип, сформулированный еще в Средневековье, в настоящее время должен быть востребован со стороны российского юридического сообщества, пытающегося найти и описать особую природу цифрового права и, в частности, цифровых преступлений, стремящегося разработать ЦК РФ и кодифицировать нормы цифрового права. Имплементация принципа бритвы Оккама в доктрину и в законотворчество не только создаст фундамент для решения накопленных проблем, но и избавит от будущих проблем, в том числе от методологической проблемы создания сущностей, не требующихся для достижения целей и выполнения задач противодействия новым формам преступного поведения.

Во-вторых, решение проблемы цифрового преступления в законотворческой плоскости возможно по одному из трех направлений:

1. Сохранение статус-кво системы норм уголовного закона, в рамках которой присутствует глава 28 УК РФ, направленная на противодействие компьютерным преступлениям (подгруппа цифровых преступлений), и одновременно с ней есть ряд иных цифровых преступлений, родовой (видовой) объект которых не связан напрямую с безопасностью компьютерных систем (в их числе деяния, запрещенные ст. 171.2, 205.2, 242, 280.4 УК РФ, и многие иные цифровые преступления). Этот сценарий может быть охарактеризован как «привычный». Именно такого подхода, взятого на вооружение в 2000-х гг., сейчас придерживается российский законодатель.

2. Комплексное реформирование законодательства о цифровых преступлениях, в результате которого в УК РФ (или в перспективном ЦК РФ, но при условии утраты УК РФ статуса единственного источника уголовного права) появится отдельный раздел (отдельная глава), посвященный цифровым преступлениям (либо же, при принятии ЦК РФ, нормы о таких преступлениях найдут свое место в кодифицированном акте цифрового права).

3. Сдержанное реформирование УК РФ, в результате которого во всех случаях, когда совершение преступления с использованием цифровых технологий не влияет на общественную опасность, произойдет де-юре и де-факто признание цифровизации как данности современной жизни. При таком сценарии УК РФ сохранит свой монополюльный статус источника норм уголовного права, возможный ЦК РФ никак не будет регулировать привлечение к уголовной ответственности, а только ограничится ссылкой на уголовное законодательство как источник норм о цифровых преступлениях. Подразумевается и внесение в УК РФ поправок, которые исключают квалифицированные цифровые признаки составов преступлений в тех случаях, когда применение субъектом цифровых технологий не увеличивает общественную опасность деяния. Считаем, что к настоящему времени текст УК РФ накопил уже достаточное количество избыточных предписаний, содержащих различные оговорки о способе совершения того или иного цифрового преступления (чаще всего – посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»), и потому описанное направление реформы имеет потенциал для реализации.

Третий сценарий представляется наиболее юридически верным и адекватным как современному уровню развития цифровых технологий, так и их тотальной распространенности и применимости при совершении буквально любых противоправных деяний. Если еще в начале 2000-х гг. цифровые технологии воспринимались как нечто, оказывающее сущностное и конститутивное влияние на противоправное поведение, то в настоящее время они глубоко проникли в систему охраняемых общественных отношений.

Любой иной подход, при котором цифровые преступления будут продолжать восприниматься в качестве особой подгруппы запрещенных деяний, создаст очевидное раздвоение уголовно-правового регулирования без четких границ и приведет к нецелесообразному дублированию норм (будут нормы, к примеру, об основном составе вымогательства и нормы о «цифровом» вымогательстве, нормы о неквалифицированных видах торговли запрещенными к обороту предметами и нормы о «цифровой» торговле такими предметами и т.д.).

В-третьих, резюмируя сказанное, отметим, что само по себе теоретическое учение о цифровом преступлении не является деструктивным для юриспруденции. Однако прикладная реализация этого учения, которая будет выражена в

законодательном обособлении норм о цифровых преступлениях (в ЦК РФ или в УК РФ), видится нежелательной. В связи с этим можно сделать вывод о том, что цифровое преступление является больше умозрительной схоластической научной категорией, чем реальным правовым институтом, нуждающимся в формальном закреплении в законодательстве.

Список источников

1. В Совфеде рассказали, как будет выглядеть Цифровой кодекс России // Парламентская газета. 20.05.2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/v-sovfe-de-rasskazali-kak-budet-vyglyadet-cifrovoy-kodeks-rossii.html>.

2. Рожкова М.А. Является ли цифровое право отраслью права и нужно ли ожидать появления Цифрового кодекса? // Хозяйство и право. 2020. № 4. С. 3–13.

3. Дейнеко А.В. Нормативные и социальные основания кодификации информационного законодательства Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 1. С. 76–85.

4. Петрова И.А., Лобачев И.А. Преступления в сфере компьютерной (цифровой) информации: дискуссионные вопросы определения понятия, объекта уголовно-правовой охраны и предмета посягательств // Журнал прикладных исследований. 2020. № 1. С. 52–62.

5. Мосечкин И.Н. Понятие преступлений против безопасности цифровой информации // Lex Russica. 2023. № 5. С. 49–59.

6. Перица А.С. «Цифровые преступления»: понятие, типология, признаки // Юридический вестник Самарского университета. 2023. № 3. С. 106–115.

7. Phillips K., Davidson J.C., Farr R.R., Burkhardt C., Caneppele S., Aiken M.P. Conceptualizing Cybercrime: Definitions, Typologies and Taxonomies // Forensic Sciences. 2022. Volume 2. Issue 2. P. 379–398.

8. Григорьев П.А. Уголовно-правовая охрана обращения сведений публичных реестров в условиях цифровизации // Правовое государство: теория и практика. 2024. С. 131–139.

9. Григорьев П.А. Уголовно-правовое обеспечение безопасности личности в сети «Интернет» в РФ: проблемы и пути их решения // Актуальные проблемы защиты прав и свобод личности: теория, история, практика. Материалы 22-ой заочной Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ВФ РАНХиГС, 2024. С. 15–18.

10. Философия: энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. URL: <https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedia/index.htm>.

11. Сухарев А.Н. Бритва Оккама и право: дилемма простого и сложного // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2024. № 2. С. 29–37.

12. Стратегия развития отрасли связи РФ на период до 2035 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 24.11.2023 № 3339-р // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/>.

References

1. V Sovfede rasskazali, kak budet vyglyadet` Cifrovoy kodeks Rossii // Parla-mentskaya gazeta. 20.05.2024 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/v-sovfede-rasskazali-kak-budet-vyglyadet-cifrovoy-kodeks-rossii.html>.
2. Rozhkova M.A. Yavlyaetsya li cifrovoe pravo otrasl`yu prava i nuzhno li ozhidat` poyavleniya Cifrovogo kodeksa? // Hozyajstvo i pravo. 2020. № 4. S. 3–13.
3. Dejneko A.V. Normativny`e i social`ny`e osnovaniya kodifikacii informacii-onnogo zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii // Aktual`ny`e problemy` ros-sijskogo prava. 2025. T. 20. № 1. S. 76–85.
4. Petrova I.A., Lobachev I.A. Prestupleniya v sfere komp`yuternoj (cifrovoy) informacii: diskussionny`e voprosy` opredeleniya ponyatiya, ob`ekta ugodovno-pravovoj ohrany` i predmeta posyagatel`stv // Zhurnal prikladny`x issledova-nij. 2020. № 1. S. 52–62.
5. Mosechkin I.N. Ponyatie prestuplenij protiv bezopasnosti cifrovoy infor-macii // Lex Russica. 2023. № 5. S. 49–59.
6. Perina A.S. «Cifrovye prestupleniya»: ponyatie, tipologiya, priznaki // Yuri-dicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2023. № 3. S. 106–115.
7. Phillips K., Davidson J.C., Farr R.R., Burkhardt C., Caneppele S., Aiken M.P. Con-ceptualizing Cybercrime: Definitions, Typologies and Taxonomies // Forensic Sciences. 2022. Volume 2. Issue 2. P. 379–398.
8. Grigor`ev P.A. Ugodovno-pravovaya ohrana ob-rashheniya svedenij publiczny`x re-estrov v usloviyax cifrovizacii // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. S. 131–139.
9. Grigor`ev P.A. Ugodovno-pravovoe obespechenie bezopasnosti lichnosti v seti «Internet» v RF: problemy` i puti ix resheniya // Aktual`ny`e problemy` zashhity` prav i svobod lichnosti: teoriya, istoriya, praktika. Materialy` 22-oj zaочноj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Voronezh: VF RANXiGS, 2024. S. 15–18.
10. Filosofiya: e`nciklopedicheskij slovar` [E`lektronny`j resurs] / pod red. A.A. Ivina. M.: Gardariki, 2004. URL: <https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedia/index.htm>.
11. Suxarev A.N. Britva Okkama i pravo: dilemma prostogo i slozhnogo // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». 2024. № 2. S. 29–37.
12. Strategiya razvitiya otrasli svyazi RF na period do 2035 goda, utv. Rasporyazheni-em Pravitel`stva RF ot 24.11.2023 № 3339-r // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://pravo.gov.ru/>.

Статья поступила в редакцию 17.02.26; одобрена после рецензирования 21.02.26; принята к публикации 21.02.26.

The article was submitted 17.02.26; approved after reviewing 21.02.26; accepted for publication 21.02.26.

Научная статья
УДК 347.23
doi 10.52068/2304-9839_2026_78_1_155

УПРАВЛЕНИЕ ПОЭТАЖНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ: ЗНАЧЕНИЕ ДИСПОЗИТИВНОСТИ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ПРАВА В СВЕТЕ ИНОСТРАННОГО ОПЫТА

КОНАРОВСКИЙ Никита Александрович

Независимый исследователь
119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, ауд. 526 А, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена актуальной для отечественного правопорядка проблеме организации управления поэтажной собственностью и выявлению главенствующей роли диспозитивности в части самоуправления внутри сообщества жильцов. В предложенном материале исследуются самостоятельные модели поэтажной собственности в различных юрисдикциях, устанавливаются сходства со структурой корпоративного управления в юридических лицах. Автор критически оценивает перспективу применения иностранного опыта в российской действительности. Автором выявляется роль диспозитивности и самоуправления в поэтажной собственности. Автор обобщает лучшие современные практики, которые можно предложить отечественному правопорядку для более качественного регулирования чувствительной области жилищных общественных отношений.

Ключевые слова: поэтажная собственность, диспозитивность, гражданско-правовое сообщество, управление, кондоминиум

Для цитирования: Конаровский Н.А. Управление поэтажной собственностью: значение диспозитивности для российского права в свете иностранного опыта = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):155. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_155

Original article

MANAGEMENT OF CONDOMINIUMS: THE SIGNIFICANCE OF DISPOSITIVENESS FOR RUSSIAN LAW IN LIGHT OF FOREIGN EXPERIENCE

KONAROVSKII Nikita Alexandrovich

Independent Researcher
119991, GSP-1, Moscow, Leninskie Gory, 1, bld. 13, room 526 A, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to the problem of organizing the management of apartment ownership, which is relevant to the domestic legal system, and identifying the dominant role of dispositiveness in terms of self-government within the community of residents. The article examines independent models of apartment ownership in various jurisdictions and establishes similarities with the structure of corporate governance in legal entities. The author critically assesses the prospects for applying foreign experience in the Russian context. The author identifies the role of dispositiveness and self-government in apartment ownership. The author summarizes the best contemporary practices that can be proposed to the domestic legal system for better regulation of the sensitive area of housing public relations.

Keywords: apartment ownership, dispositiveness, civil law community, management, condominium

For citation: Konarovskii N.A. Management of Condominiums: the Significance of Dispositiveness for Russian Law in Light of Foreign Experience = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):155. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_155

1. Постановка проблемы

В условиях масштабного жилищного строительства Российская Федерация сталкивается с проблемой недостаточного уровня развития управления поэтажной собственностью. Про-

тиворечивое регулирование и множество законодательных пробелов приводят к тому, что сообществу собственников тяжело выступать в качестве самостоятельного субъекта во внешних и внутренних отношениях, создавать четкую

внутрикорпоративную структуру управления, вводить локальные акты для проведения в жизнь подлинных целей существования кондоминиума. Таковыми являются эффективное управление общим имуществом, поддержание его в исправном и безопасном состоянии, обеспечение гражданского мира и порядка среди соседей. Как иностранные правовые порядки подходят к регулированию поэтажных правоотношений? Какие модели и подходы предлагаются в теории и на практике? В чем проявляется диспозитивность правового регулирования? Какие преимущества она может дать российскому правовому порядку?

2. Общая характеристика института поэтажной собственности

Поэтажная собственность (нем. Wohnungseigentum, нидерл. Appartementsrechten) [1] – неизвестный классическому римскому праву институт гражданского права, который появился в Средневековой Европе (конструкции Stockwerkeigentum, Gelasseigentum, Kellerrecht в Германии и Швейцарии) [25]. Свой современный облик он приобрел в XX веке, став эффективным ответом на вызовы, возникшие после окончания Первой и Второй мировых войн.

Сегодня на жилые помещения и машино-места в многоквартирном жилом доме распространяется особый правовой режим [4]. Правовой феномен поэтажной собственности вызван тем, что классические конструкции гражданского права не позволяют должным образом урегулировать всю совокупность отношений, складывающихся между собственниками помещений в многоквартирном доме.

Кондоминиумы активно распространяются и непосредственным образом влияют на жизнь миллионов людей. Они не должны служить источниками постоянных конфликтов и серьезных противоречий между собственниками. Единичное и коллективное не противопоставляются друг другу, а сливаются воедино, чтобы, основываясь на принципах частного права, уважения личности и демократического управления, создавать и поддерживать комфортные условия жизни каждого участника, гражданский мир и порядок.

Поэтажная собственность строится на основе предоставления заинтересованному лицу комплекса различных вещных прав (вещно-правовые режимы) или наделяет его правами участия в особом юридическом лице (корпоративные режимы) [6]. Данные теоретические конструкции породили на практике различные подходы к пониманию поэтажной собственности: «подлинная», «неподлинная», «корпоративная» (иногда

называемая «кооперативной»), «английская» модели [1, 16].

Участие в «квазикорпорации» необходимо для институциональной самоорганизации в рамках определенной правовой формы управления кондоминиумом в целях защиты интересов собственников. Некоторые авторы называют кондоминиумы четвертым или пятым ярусом власти в обществе [20]. Сообщества, являясь частноправовыми по природе, принимают на себя «квазипубличные» функции: сбор «целевых налогов» на содержание общего имущества, создание и контроль за исполнением собственных «подзаконных актов» и т. д. Сообщества имеют определенную систему органов, собственные бюджеты, обязательные для всех участников «Основные законы», которые в ряде правовых порядков приобретают вещный эффект [8].

В основе управления поэтажной собственностью лежат два направления:

- «внутрикорпоративное», связанное с формированием системы органов сообщества, составлением его «учредительных» документов, установлением обязательных для участников правил поведения;

- связанное с непосредственным управлением общим имуществом здания [28, С. 21 – 40].

Правовые порядки неодинаково отвечают на вопросы о том, обладает ли такое сообщество гражданской правосубъектностью, является ли оно полноценным юридическим лицом или особым гражданско-правовым сообществом, какова специфика его взаимодействия во внешних отношениях с кредиторами и во внутренних – с участниками.

2.1. Юридическое лицо

Один из подходов – структурирование поэтажных отношений через конструкцию юридического лица. Вещно-правовой аспект заключается в том, что правом собственности на здание и земельный участок под ним обладает корпорация, зарегистрированная в установленной законом форме [26]. Мыслима ситуация, при которой здание, будучи составной частью земельного участка, находящегося в долевой собственности, будет принадлежать группе лиц, составляющей юридическое лицо, но лишь для целей управления жилым домом [3]. Некоторые юрисдикции предполагают создание юридического лица с целью закрепления за ним в общей собственности различных коммуникаций, лифтов, крыши и т. д. [20].

Положения о том, что объединение собственников (участников) (De vereniging van eigenaars,

сокращенно далее – VvE) является юридическим лицом, закрепляет Гражданский кодекс Нидерландов (*Burgerlijk Wetboek*, далее – BW) в п. 1 ст. 5:124. Участники VvE обладают эксклюзивным вещным правом на помещение и неисключительным правом пользования общими зонами здания, что стало возможным благодаря реформе, проведенной в конце 1940-х годов под руководством профессора Э.М. Мейерса [22]. Пункты 2 и 3 ст. 5:124 BW устанавливают: общие положения о юридических лицах, включая статьи, посвященные случаям раскрытия информации третьим лицам, срокам, на которые создается юридическое лицо (согласно общему правилу, закрепленному в ст. 2:17 BW, юридические лица создаются на неопределенный срок (*onbepaalde tijd*)), конфликту интересов, реорганизации (*omzetting rechtspersoon*), ликвидации юридического лица по суду, применяются с учетом раздела о VvE.

В структуре органов VvE нидерландский правопорядок императивно выделяет общее собрание собственников как высший орган, обладающий полномочиями по формированию правления, принятию правил внутреннего общежития, и остаточными полномочиями, которые не были закреплены за иными органами, и сформированный из всех лиц, которым предоставлено эксклюзивное право на помещение (ст. 5:125 BW). Каждый собственник автоматически, в силу закона, становится участником юридического лица с момента приобретения помещения (п. 2 ст. 5:125 BW) [15]. Собрание формирует исполнительный орган в лице правления, создаваемого по единоличной или коллегиальной модели (ст. 5:131 BW). При ликвидации объединения, осуществляющейся по общим правилам корпоративного права за несколькими исключениями (ст. 5:147 BW), участники получают оставшееся после удовлетворения требований кредиторов имущество в размере, пропорциональном имеющейся у них доле.

Отдельно BW описывает процедуры, с помощью которых VvE осуществляет текущую управленческую деятельность. ст. 5:126 BW акцентирует внимание на принятии собранием обязательных для участников внутренних правил и контроле за их соблюдением, на управлении общим имуществом, на создании основных и резервных денежных фондов для покрытия текущих и экстренных расходов на содержание жилого дома и т. д. Нормы ориентированы на стимулирование саморегулирования. Диспозитивность в решении вопросов управления поэтажной собственностью (как в части определения содержания устава, структуры органов юридического лица, так и свободы

формирования правил поведения и самоограничений) позволяет собственникам в наибольшей степени учесть взаимные интересы, прийти к компромиссам, сформировать правила общежития, которые создадут необходимую гибкость в условиях изменчивой реальности.

По схожей логике структурированы отношения в странах Скандинавии и в Северной Македонии [24, 27]. Руководство Европейской экономической комиссии ООН по вопросам жилищных кондоминиумов (далее – ЕЭК ООН) в странах с переходной экономикой рекомендует национальным законодателям создавать юридические лица в виде частных некоммерческих организаций, которым будет предоставлено право действовать от имени всех собственников во взаимоотношениях с третьими лицами [28, С. 9 – 10.].

2.2. Особое гражданско-правовое сообщество, не являющееся юридическим лицом

Другой подход – структурирование поэтажных отношений через конструкцию особого гражданско-правового сообщества. Такой субъект обладает способностью иметь права и нести обязанности, но полноценным юридическим лицом (субъектом права) не является.

В Германии собственники помещений составляют особое сообщество (*Gemeinschaft*) в долях (объединение лиц особого рода) [11]. Принятый в 1951 году Закон «О жилищной собственности» (*Wohnungseigentumsgesetz*, далее – WEG) закрепляет его особый статус; не подлежат применению некоторые нормы Германского гражданского уложения (далее – BGB). § 23 WEG фиксирует, что сообщество собственников – категория *sui generis*, которая не является юридическим лицом, но обладает правосубъектностью и частичной правоспособностью (§ 10 WEG). Законом предусмотрены уникальные черты такого субъекта права: сообщество возникает автоматически *ipso iure* с возникновением жилищной собственности (последняя не может существовать без сообщества), ни один участник не может требовать его прекращения, а членами могут быть только собственники помещений. WEG называет органы сообщества, проводя аналогию с корпоративным правом [12]: общее собрание собственников, управляющий, административный совет (как факультативный орган по § 29 WEG). Таким образом, объединение собственников нельзя признавать корпорацией, но во многих аспектах они чрезвычайно схожи. Ряд правовых позиций ВС ФРГ свидетельствует о том же. Например, в одном из решений фактически обосновывалась концепция «корпоративных фидуциарных обязанностей» [29]. К ним можно

отнести: обязанность сохранять конфиденциальность дел сообщества, участвовать в изменении устава и избрании управляющего и председателя общего собрания. На голосование в рамках сообщества ВС ФРГ также распространил отдельные корпоративные нормы. Так, участнику предписывается не участвовать в голосовании о принятии решений и мер, которые направлены против него самого [30].

2.3. Значение международного опыта для Российской Федерации

На сегодняшний день отечественный правопорядок не дает четкого ответа на то, каков организационно-управленческий аспект поэтажной собственности в РФ. Гражданско-правовое сообщество собственников помещений не является субъектом права [31], что обоснованно критикуется в доктрине [6]. Поддерживаемая законодателем и судебной практикой конструкция добровольного членства в товариществе собственников жилья не получила признания на практике. Стоит согласиться с А.В. Егоровым: правильным будет принятие одного из двух решений, непосредственно влияющих на правосубъектность сообщества: императивное создание юридического лица корпоративного типа, привязанного к объекту недвижимости, или признание отдельных элементов правоспособности у уже существующих объединений собственников без образования юридического лица [5].

Настоящая проблема тесно связана с регулированием «квазивнутрикорпоративных» аспектов жизни сообщества и общего имущества многоквартирного жилого дома. Проблема правосубъектности объединения поэтажной собственности не позволяет пользоваться преимуществами диспозитивного регулирования внутренних отношений и создает неудобства в управлении жилым фондом.

3. Диспозитивность, саморегулирование и самоуправление в поэтажной собственности

Зарубежные правовые порядки, успешно соблюдая баланс императивных и диспозитивных начал, осуществляют более тонкую настройку повседневных взаимоотношений внутри сообщества. Это делает возможным создание по-настоящему комфортной среды для жизни. Организуется эффективный административный и финансовый менеджмент жилищного фонда.

Важным шагом стало бы обеспечение большей свободы и гибкости в части формулирования учредительных документов объединения собственников. Устав («конституция общества», нем. *Gemeinschaftsordnung*) является ключевым орга-

низационным документом сообщества [13]. В него должны попадать лишь самые «судьбоносные вопросы», поэтому при приобретении помещения покупатель обязан присоединиться к нему, согласившись с установленными в нем правилами [5]. К таковым относятся: специальные положения о порядке внесения и размерах взносов, правила продажи машино-мест, особенности структуры управления сообществом и организации основных и резервных денежных фондов, правомочия в сфере использования общего имущества, система локальных актов, ответственность за их нарушение и т. д.

Политика проживания. Среди актов, регламентирующих текущее управление кондоминиумом, центральное место занимает «политика проживания». Во-первых, такой документ может содержать нормы, посвященные допустимости содержания домашних животных. В споре *Cooper v. The Owners – Strata Plan № 58068* было установлено, что ничем не обусловленный запрет на содержание любых домашних животных является недействительным [18]. Канадская провинция Квебек ввела критерий, согласно которому собственнику запрещено проживание с животными, доставляющими неудобства соседям (тараканами, дикими змеями, обезьянами, крокодилами и т. п.) [14]. В ЮАР в споре *Body Corporate of the Laguna Ridge Scheme № 152/1987 v Dorset 1999 (2) SA 512 (D)* суд пришел к выводу: вопрос о содержании домашнего животного должен решаться индивидуально в каждом конкретном случае, сообществу не должны чиниться опасности [14].

Во-вторых, спорным является вопрос о том, могут ли внутренние правила сообщества ограничивать право собственника сдавать свою квартиру в краткосрочную аренду («проблема Airbnb») [20]. Арендаторы помещений могут использовать их в самых разных целях, осуществлять незаконную деятельность. Правовые порядки исходят из максимы: общее собрание не имеет права налагать какие-либо ограничения на правомочия собственника в отношении его помещения (об этом прямо говорится в законодательстве Португалии и Италии) [22]. Таким образом, обеспечивается верховенство принципа права собственности и исключительность правовой позиции хозяина квартиры.

Законодательство Нового Южного Уэльса запрещает сообществу каким-либо образом влиять на любое распоряжение (продажа, сдача в аренду, сдача в залог) помещениями участников [20]. Верховный суд штата Виктория при разрешении спора *Owners Corporation PS501391P v Balcombe (Owners Corporations)* постановил: нормативные

акты сообщества не могут запрещать собственникам сдавать их помещения в краткосрочную аренду [20]. Компетенция сообщества и общего собрания не охватывает аспекты права собственности, а их нормотворчество не может посягать на законодательную прерогативу парламента.

Представляется, что подобные ограничения оправданы. Правовое положение собственника недвижимой вещи по своей догматической природе является абсолютным, устанавливая ограничения его распорядительной власти в отношении вещи может законодатель и только в исключительных случаях, оправдывающих подобные ограничения.

На практике посуточная аренда отдельных квартир и комнат способна принести немало проблем соседям собственника. ЕЭК ООН предлагает сообществам, не ограничивая непосредственно правомочия распорядителя помещением, утвердить «политику краткосрочной аренды». В целях поддержания баланса интересов всех участников поэтажных отношений она может включать: правила поведения для арендаторов (например, соблюдение тишины в определенное время, введение ограничений на курение, регистрация времени прибытия и отъезда гостей) и арендодателей (например, обязанность уведомлять исполнительные органы кондоминиума о каждом случае сдачи жилья в аренду и указание контактной информации об арендаторах), введение дополнительной платы для покрытия расходов, вызванных дополнительным износом имущества, ликвидации причиненного ему ущерба, закрепление штрафов для лиц, нарушающих условия политики аренды [28, С. 51]. Подобные меры будут стимулировать арендодателей ответственнее относиться к выбору арендаторов и помогут справиться с негативными последствиями от деятельности Airbnb.

Управление общим имуществом. Значимой проблемой в части управления общим имуществом является справедливое распределение бремени его содержания. Решать ее предлагается разными способами. Во-первых, собственники по соглашению могут поделить имущество на императивно (mandatory) и диспозитивно (permissive) общее [21]. Без первого помещение и здание объективно не могут существовать (крыша, стены, фасад), а ко второй категории относятся элементы, которые потенциально способны находиться в индивидуальном пользовании (веранды, сады, патио). Сообщество может передать диспозитивно общее имущество за плату во временное и исключительное пользование (нем. *Sondernutzungsrecht*) одному или нескольким собственни-

кам помещений в кондоминиуме [9]. На основе принципа автономии воли бремя расходов будет возложено не на все сообщество, а только на того собственника, кто реально извлекает выгоду (экономическую, культурно-рекреационную) из исключительного пользования имуществом.

Во-вторых, собственники могут ввести распределение расходов на основе «эксплуатационного теста» [23]. Сообщество во внутренних актах устанавливает индивидуальные доли в расходах на содержание конкретного имущества в зависимости от степени, способа и интенсивности его использования (например, в Каталонии часто собственники помещений на первом этаже не вносят плату за обслуживание лифта, а в Польше распространена практика, когда устанавливается дифференцированная плата за потребление электроэнергии в общих помещениях здания) [10, 19].

В-третьих, в рамках крупных и многофункциональных кондоминиумов могут создаваться двухуровневые структуры управления по примеру Бельгии [22]. Уровни управления делятся на основной (состоит из всех собственников помещений в здании) и дополнительный (дочерний) для каждой отдельно самостоятельно сформированной общим собранием зоны [22]. Например, при наличии крупного здания с двумя корпусами («А» и «Б») основное сообщество будет нести расходы исключительно на ремонт фундамента, так как он неделим и необходим для функционирования каждого из корпусов. Дочернее сообщество при такой модели отвечает за ремонт лифтов и домофонов конкретного корпуса. В свете активного строительства в крупных городах России большого количества многоквартирных жилищных комплексов такой подход потенциально может стать популярным (в дополнение к распространенной практике деятельности управляющей компании в пределах всего комплекса [2]).

Разрешение конфликтов. Сообщество во избежание непреодолимых конфликтов может установить процедуру их разрешения и меры ответственности за нарушение внутренних нормативных актов. Сообщества в ряде правовых систем выбирают путь закрепления в уставах и во внутренних актах процедур урегулирования споров: мирные переговоры, медиацию, третейское разбирательство [7]. Иностранные авторы отмечают, что подобные процедуры необходимы для дальнейшего перехода к применению более жестких и серьезных мер [17]. К последним можно отнести множество санкций, которые будут варьироваться в зависимости от степени серьезности нарушения. Например: штрафы, временный запрет

голосовать на общем собрании, отстранение от владения объектом на определенный срок, исключение из кондоминиума и принудительная продажа помещения [7].

Вопрос о подобных мерах «квазикорпоративной» ответственности является новым для российского правового порядка, а действующие механизмы, закрепленные в ГК РФ и ЖК РФ, не отличаются эффективностью. Создание общих законодательных рамок для дальнейшего диспозитивного регулирования в сфере управления поэтажной собственностью и развитие регулирования в сфере соседских прав – важнейшие задачи отечественного права на современном этапе.

4. Выводы

По итогам исследования сформулированы следующие выводы.

Во-первых, для эффективного управления поэтажной собственностью отечественному законодателю следует признать за сообществом собственников правосубъектность (в той или иной форме), а членство в последнем сделать автоматическим (*ipso iure*) для каждого собственника. От него нельзя отказаться или уступить в нем место какому-либо другому лицу без утраты права собственности на помещение.

Во-вторых, за таким сообществом необходимо признать «квазикорпоративную» природу и, с учетом существа отношений и избранного регулирования, применять по аналогии нормы корпоративного права.

В-третьих, для эффективного управления общим имуществом и создания благоприятных условий жизни всех собственников и членов их семей целесообразно обеспечить большую диспозитивность регулирования. Сообщество само должно утверждать свой устав, формировать систему внутренних органов (при соблюдении императивных принципов) и локальных актов. Оно вправе самостоятельно вырабатывать и принимать политику проживания и краткосрочной аренды, порядок внесения изменений в общее имущество, устанавливать систему штрафов за нарушение установленных правил. Сообщество может установить систему альтернативных процедур для разрешения возникающих конфликтных ситуаций, а также определить меры ответственности за многократное, грубое и сознательное нарушение правил домового общежития.

Список источников

1. Агеенко А.Е. Гражданско-правовой режим поэтажной (жилищной) собственности: сравнительно-

правовое исследование // *Опыты цивилистического исследования: Сборник статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. Вып. 2. М.: Статут, 2018 // СПС «КонсультантПлюс».*

2. Ананьев А.Е. Природа отношений между управляющей компанией и членами поэтажной собственности // *Цивилистика. 2023. № 3. С. 56–82.*

3. Бевзенко Р.С. Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости [Электронное издание]. М.: М-Логос, 2017. С. 64–69.

4. Егоров А.В. К вопросу о разграничении помещений на общие и индивидуальные в режиме «поэтажной» собственности // *О собственности: Сб. ст. к юбилею К.И. Скловского. М.: Статут, 2015. С. 162.*

5. Егоров А.В. Поэтажная собственность в России: дорожная карта реформ // *Цивилистика. 2023. № 3. С. 11–37.*

6. Мачехина А.В. Сообщество собственников помещений в здании как субъект права: европейский опыт и российские перспективы // *Вестник гражданского права. 2024. № 6. С. 153–197.*

7. Миловская А.Д. Исключение из кондоминиума как мера ответственности: зарубежный опыт и перспективы развития в России // *Вещные права: сборник работ выпускников Российской школы частного права, посвященный памяти Александра Львовича Маковского. М.: Статут, 2020. С. 178–225.*

8. Суханов Е.А. Жилищная (этажная) собственность в европейских правовых порядках // *Основные проблемы частного права: Сборник статей к юбилею д.ю.н., профессора А.Л. Маковского / отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М., 2010 // СПС «КонсультантПлюс».*

9. Abramenko/Bearbeiter. *Handbuch WEG*. Bonn: Deutscher Anwalt Verlag, 2009. S. 88, § 1, Rn. 177.

10. Aznar N.S. *New Trends in Condominium Law and Access to Housing in Post-crisis Spain // Private Communities and Urban Governance / Ed. by A. LeHAVI. Switzerland: Cham, 2016. P. 165–190.*

11. Bärman J. *Die Wohnungseigentümergeinschaft, ein Beitrag zur Lehre von den Personenverbänden*. Hamburg: Hammonia-Verlag, 1986. S. 38–44.

12. Baur F., Baur J.F., Stumer R. *Sachenrecht*. 18. Aufl. München, 2009. S. 379.

13. Baur J.F., Stürner R. *Sachenrecht*. München, 1999. S. 335.

14. Easthope H., Nouwelant R., van den., Thompson S. *Apartment ownership around the world: Focusing on credible outcomes rather than ideal systems // Cities. Vol. 97. 2020. P. 7.*

15. Erp S. van., Akkermans B., Droushout D. *Ius commune casebook for the common law of Europe. Cases, Materials and Text on National, Supranational and International Property Law*. Oxford: Hart Publishing, 2012. P. 579–580.

16. Fetherstonhaugh G., Sefton M., Peters E. *Commonhold*. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 1–6.

17. Flint J., Nixon J. *Governing Neighbours: Anti-social Behaviour Orders and New Forms of Regulating Conduct in the UK // Urban Studies. Vol. 43. 2006. Issue 5-6. P. 939.*

18. Gray G., Foster N., Roberts H. *Property Law in New South Wales*. Fifth edition. LexisNexis, 2022. P. 501–502.

19. Habdas M. *The Community of Owners' Regulation of Common property in Polish Condominium Schemes //*

Modern Studies in Property Law / Ed. by N. Hopkins. Vol. 7. Oxford, 2013. P. 134–140.

20. Lippert R.K., Treffers S. Condominium Governance and Law in Global Urban Context. Oxon: Routledge, 2021.

21. Merwe C.D., van der. Apartment Ownership // International Encyclopedia of Comparative Law. Vol. VI: Property and Trust. Ch. 5. Tubingen, 1994. P. 71–73.

22. Merwe C.G., van der. European condominium law. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 636.

23. Merwe C.G., van der. Many Faces of Sectional Title: A Comparative Survey of the Inadequate Legal Treatment of Non-Residential Sectional Title Schemes // J.S. Afr. L. 2016. P. 428–446.

24. Merwe C.G. van der., Nadelmann D.W. The Swedish tenant-ownership model as an alternative to apartment ownership (sectional titles) // The Comparative and International Law Journal of Southern Africa. Vol. 29. № 1. P. 49–60.

25. Schmidt R. Das Eigentumsrecht an Wohnungen im französischen und deutschen Recht. Inaug. Diss. München, 1963. S. 32.

26. Seidel C.D. Wohnungseigentum nach daenischem Recht: eine vergleichende Darstellung. Kiel, Univ., Diss., 1975. S. 23.

27. Živkowska R., Pržeska T. Condominium Property in North Macedonian Property Law // Regional Law Review. 2022. № 3. P. 207–227.

28. Руководство Европейской экономической комиссии ООН по вопросам жилищных кондоминиумов в странах с переходной экономикой. С. 21–40, 51.

29. BGH, Beschl. v. 20.9.2000 – V ZB 58/99 // NJW. 2000. 3500, 3501, 3502.

30. BGH, Beschl. v. 19.9.2002. V ZB 30/02, BGHZ 152, 46, 56 ff. = NJW. 2002. 3704.

31. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.04.1998 № 10-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1, 3 и 4 статьи 32 и пунктов 2 и 3 статьи 49 Федерального закона от 15 июня 1996 года «О товариществах собственников жилья» в связи с запросом Советского районного суда города Омска» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18359/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/.

References

1. Ageenko A.E. Grazhdansko-pravovoj rezhim poe`tazhnoj (zhilishhnoj) sobstvennosti: sravnitel`no-pravovoe issledovanie // Opy`ty` civilisticheskogo issledovaniya: Sbornik statej / Ruk. avt. kol. i otv. red. A.M. Shirvindt, N.B. Shherbakov. Vy`p. 2. M.: Statut, 2018 // SPS «Konsul`tantPlyus».

2. Anan`ev A.E. Priroda otnoshenij mezhdou upravlyayushhej kompaniej i chlenami poe`tazhnoj sobstvennosti // Civilistika. 2023. № 3. S. 56–82.

3. Bevzenko R.S. Zemel`ny`j uchastok s postrojkami na nem: vvedenie v rossijskoe pravo nedvizhimosti [E`lektronnoe izdanie]. M.: M-Logos, 2017. S. 64–69.

4. Egorov A.V. K voprosu o razgranichenii pomeshhenij na obshhie i individual`ny`e v rezhime «poe`tazhnoj» sobstvennosti // O sobstvennosti: Sb. st. k yubileyu K.I. Sklovskogo. M.: Statut, 2015. S. 162.

5. Egorov A.V. Poe`tazhnaya sobstvennost` v Rossii: dorozhnaya karta reform // Civilistika. 2023. № 3. S. 11–37.

6. Machexina A.V. Soobshhestvo sobstvennikov pomeshhenij v zdanii kak sub`ekt prava: evropejskij opy`t i rossijskie perspektivy` // Vestnik grazhdanskogo prava. 2024. № 6. S. 153–197.

7. Milovskaya A.D. Isklyuchenie iz kondominiuma kak mera otvetstvennosti: zarubezhny`j opy`t i perspektivy` razvitiya v Rossii // Veshhny`e prava: sbornik rabot vy`pusnikov Rossijskoj shkoly` chastnogo prava, posvyashheny`j pamyati Aleksandra L`vovicha Makovskogo. M.: Statut, 2020. S. 178–225.

8. Suxanov E.A. Zhilishhnaya (e`tazhnaya) sobstvennost` v evropejskix pravoporyadkax // Osnovny`e problemy` chastnogo prava: Sbornik statej k yubileyu d.yu.n., professora A.L. Makovskogo / otv. red. V.V. Vitryanskij, E.A. Suxanov. M., 2010 // SPS «Konsul`tantPlyus».

9. Abramenko/Bearbeiter. Handbuch WEG. Bonn: Deutscher Anwalt Verlag, 2009. S. 88, § 1, Rn. 177.

10. Aznar N.S. New Trends in Condominium Law and Access to Housing in Post-crisis Spain // Private Communities and Urban Governance / Ed. by A. Lehari. Switzerland: Cham, 2016. P. 165–190.

11. Bärmann J. Die Wohnungseigentümergeinschaft, ein Beitrag zur Lehre von den Personenverbänden. Hamburg: Hammonia-Verlag, 1986. S. 38–44.

12. Baur F., Baur J.F., Stumer R. Sachenrecht. 18. Aufl. München, 2009. S. 379.

13. Baur J.F., Stürner R. Sachenrecht. München, 1999. S. 335.

14. Easthope H., Nouwelant R., van den., Thompson S. Apartment ownership around the world: Focusing on credible outcomes rather than ideal systems // Cities. Vol. 97. 2020. P. 7.

15. Erp S. van., Akkermans B., Droushout D. Ius commune casebook for the common law of Europe. Cases, Materials and Text on National, Supranational and International Property Law. Oxford: Hart Publishing, 2012. P. 579–580.

16. Fetherstonhaugh G., Sefton M., Peters E. Commonhold. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 1–6.

17. Flint J., Nixon J. Governing Neighbours: Anti-social Behaviour Orders and New Forms of Regulating Conduct in the UK // Urban Studies. Vol. 43. 2006. Issue 5-6. P. 939.

18. Gray G., Foster N., Roberts H. Property Law in New South Wales. Fifth edition. LexisNexis, 2022. P. 501–502.

19. Habdas M. The Community of Owners Regulation of Common property in Polish Condominium Schemes // Modern Studies in Property Law / Ed. by N. Hopkins. Vol. 7. Oxford, 2013. P. 134–140.

20. Lippert R.K., Treffers S. Condominium Governance and Law in Global Urban Context. Oxon: Routledge, 2021.

21. Merwe S.D., van der. Apartment Ownership // International Encyclopedia of Comparative Law. Vol. VI: Property and Trust. Ch. 5. Tubingen, 1994. P. 71–73.

22. Merwe C.G., van der. European condominium law. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 636.

23. Merwe C.G., van der. Many Faces of Sectional Title: A Comparative Survey of the Inadequate Legal Treatment of Non-Residential Sectional Title Schemes // J.S. Afr. L. 2016. P. 428–446.

24. Merwe C.G. van der., Nadelmann D.W. The Swedish tenant-ownership model as an alternative to apartment

ownership (sectional titles) // The Comparative and International Law Journal of Southern Africa. Vol. 29. № 1. P. 49–60.

25. Schmidt R. Das Eigentumsrecht an Wohnungen im französischen und deutschen Recht. Inaug. Diss. München, 1963. S. 32.

26. Seidel S.D. Wohnungseigentum nach daenischem Recht: eine vergleichende Darstellung. Kiel, Univ., Diss., 1975. S. 23.

27. Živkowska R., Pržeska T. Condominium Property in North Macedonian Property Law // Regional Law Review. 2022. № 3. P. 207–227.

28. Rukovodstvo Evropejskoj e`konomicheskoj komisii OON po voprosam zhilishhny`x kondominiumov v stranax s perexodnoj e`konomikoj. S. 21–40, 51.

29. BGH, Beschl. v. 20.9.2000 – V ZB 58/99 // NJW. 2000. 3500, 3501, 3502.

30. BGH, Beschl. v. 19.9.2002. V ZB 30/02, BGHZ 152, 46, 56 ff. = NJW. 2002. 3704.

31. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 03.04.1998 № 10-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punktov 1, 3 i 4 stat`i 32 i punktov 2 i 3 stat`i 49 Federal`nogo zakona ot 15 iyunya 1996 goda «O tovarishhestvax sobstvennikov zhil`ya» v svyazi s zaprosom Sovetskogo rajonnogo suda goroda Omska» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18359/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/.

Статья поступила в редакцию 22.02.26; одобрена после рецензирования 03.03.26; принята к публикации 03.03.26.

The article was submitted 22.02.26; approved after reviewing 03.03.26; accepted for publication 03.03.26.

Научная статья

УДК 342.7

doi 10.52068/2304-9839_2026_78_1_163

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ «КОНЦЕПЦИИ ШЕВЕЛЕНИЯ» КАК КРИТЕРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОГРАНИЧЕННОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ПРАВЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

КОСОБОКОВ Андрей Львович

Аспирант кафедры государственно-правовых и финансово-правовых дисциплин Московского финансово-юридического университета

115191, г. Москва, ул. Серпуховский Вал, д. 17, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация: В статье с помощью ретроспективного анализа норм общего права показано, что концепция признания ограниченной правосубъектности нерожденного ребенка с момента его первого шевеления, ощущаемого беременной женщиной, получила развитие из идей Аристотеля и Фомы Аквинского о первых движениях плода на сороковой или девяностый день после зачатия. В исследовании на примере правовой практики Джорджии и Невады дана критическая оценка применения «концепции шевеления» в наши дни и обоснован ее антиконституционный характер.

Ключевые слова: общее право, правосубъектность, фетальные права, концепция шевеления, принцип равенства

Для цитирования: Кособоков А.Л. Конституционно-правовые проблемы применения «концепции шевеления» как критерия возникновения ограниченной правосубъектности человека в праве Соединенных Штатов Америки // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 163. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_163

Actual Problems of Legal Science and Practice

Original article

CONSTITUTIONAL LEGAL PROBLEMS OF APPLYING THE «QUICKENING CONCEPT» AS A CRITERION FOR THE EMERGENCE OF A LIMITED LEGAL PERSONALITY UNDER THE UNITED STATES OF AMERICA LAW

KOSOBOKOV Andrey Lvovich

Postgraduate Student of Department of Public Law and Finance Law Disciplines of Moscow University of Finance and Law

115191, Moscow, Serpukhovsky Val, 17, Building 1, Russian Federation

Abstract: Assessment of the relevance of the «quickening concept» to modern legal realities by analyzing its implementation in practice. Using a retrospective analysis of the norms of common law, the article shows that the concept of recognizing the limited legal personality of an unborn child from the moment of its first movement, felt by a pregnant woman, was developed from the ideas of Aristotle and Thomas Aquinas about the quickening of the fetus on the fortieth or ninetieth day after conception. The study uses the legal practice of Georgia and Nevada as an example to critically assess the application of the quickening in our days and substantiate its unconstitutional nature.

Keywords: common law, legal personality, fetal rights, quickening concept, equality before the law

For citation: Kosobokov A.L. Constitutional Legal Problems of Applying the «Quickening Concept» as a Criterion for the Emergence of a Limited Legal Personality Under the United States of America Law = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):163. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_163

Введение

В связи с развитием медицинских технологий проблема правового статуса эмбриона и плода в XXI веке стоит значительно острее, чем когда бы то ни было ранее, так как в последнее время

стали реальными оперативные вмешательства на еще не родившемся ребенке, произошел качественный скачок в генной инженерии, сделавший возможной корректировку отдельных участков ДНК человека, а также появилось оборудование,

позволяющее следить за развитием организма с самых ранних этапов жизни и спасти младенцев в случае преждевременных родов. В этой связи вопросы о потенциальных правах ребенка, находящегося в утробе матери (так называемых пренатальных правах), поднимаются во всем мире, однако наибольшее развитие эта дискуссия получила в США в контексте вопроса о допустимости абортов, новый виток которого был запущен решением Верховного Суда США по делу *Dobbs v. Jackson* в 2022 году.

С этого времени в США не признается конституционная защита свободы абортов, а все правовое регулирование искусственного прерывания беременности передано на уровень штатов, и ряд из них практически полностью запретил проведение указанной процедуры. Кроме того, большая часть штатов уже давно наделила нерожденного ребенка на той или иной стадии развития ограниченной правосубъектностью в некоторых правоотношениях. Так, большинство штатов признает убийство нерожденного ребенка самостоятельным преступлением против жизни и считает его личностью для целей законодательства о возмещении вреда за смерть близких.

Апелляции к решениям прошлых веков составляют важную основу аргументации как сторонников, так и противников наделения эмбрионов и плодов правами личности. Так, в том числе в решении Верховного Суда по делу *Roe v. Wade*, которым в 1973 году было установлено право на аборт в США, высшая судебная инстанция в качестве подкрепления своей позиции использовала в том числе законодательную историю, показывающую «относительную мягкость» общего права по отношению к абортам.

Одной из ключевых правовых категорий для регулирования правового статуса нерожденных детей (а следовательно, и абортов) в общем праве вплоть до второй половины XIX века являлась концепция «quickening», придающая юридическое значение первому шевелению ребенка в утробе, ощущаемому его матерью (далее – «концепция шевеления», «стандарт шевеления»). По мнению жителей средневековой Англии, достижение нерожденным ребенком указанной точки развития кратно повышало общественную опасность деяний, направленных против него, так как шевеление позволяло установить, что он жив. В силу исторических связей английской и американской правовых систем «стандарт шевеления» впоследствии приобрел большое правовое значение и в ряде штатов США, где он стал границей между законными и незаконными абортами, а

затем был приспособлен и для ряда иных правоотношений. Вместе с тем нельзя не отметить, что «концепция шевеления» устарела более полутора сотен лет назад, так как появились новые способы определения состояния беременности, однако несмотря на это она все еще используется в некоторых американских юрисдикциях. Перед тем как перейти к анализу проблем, связанных с ее применением, полагаем полезным кратко рассмотреть ее историю.

История «концепции шевеления»

Самым ранним свидетельством защиты общим правом потенциальных прав нерожденных детей является упоминание преступлений аборта и фетицида в трактате Генри Брэктона «О законах и обычаях Англии» 1256 года, согласно которому каждый, кто бьет женщину или дает ей abortifacientное средство в случае, если ребенок сформирован (formed) или уже начал шевеление (quickened) (в особенности второе), совершает фетицид. Впрочем, в «Правовых институтах Англии» Эдварда Коука, опубликованных в 1628 году, уже указано, что об убийстве можно говорить лишь в случае, когда ребенок родился живым и вскоре после этого умер, а если произошел выкидыш, то данное преступление является мисдиминором [4]. Уильям Блэкстон в своем трактате «Комментарии к законам Англии» 1765 года упоминает о древнем законе, согласно которому аборт после начала шевеления являлся убийством, но указывает, что сегодня право смотрит на такой поступок не так строго, хотя это все еще является тяжким проступком, так как с точки зрения закона жизнь начинается с момента, как только младенец начинает двигаться в утробе матери [5].

Как можно понять, общее право не было статичным, а подстраивалось под существующие на практике общественные отношения. Блэкстон буквально пишет, что к XVIII веку взгляды англичан на прерывание беременности претерпели некоторые изменения. Очевидно, что со временем меняются как материальные условия жизни общества, так и его духовная сфера, и анализ общего права показывает, что послышки, на которых основываются те или иные правовые нормы, в определенный момент вступают в очевидное противоречие со здравым смыслом, вследствие чего появляется необходимость в изменении или отмене правовой нормы.

Проследить точный генезис данной концепции довольно сложно. По всей видимости, истоки кроются в адаптации британцами норм канонического церковного права, берущих свою основу в трудах Аристотеля.

Аристотель считал, что женщина начинает чувствовать движения будущих детей мужского пола примерно на сороковой день после зачатия, а женского – на девяностый, но важно подчеркнуть, что философ высказывал свое мнение, сложившееся на основании обычного для него порядка вещей, и допускает исключения из сформированного им правила [1]. Хотя Аристотель и считал нежелательным аборт после наступления этих дат, но он никак не связывал шевеление и одушевление, т. е. появление человеческой личности.

В 1211 году Папа Римский Иннокентий III издал канон о том, что священник, участвовавший в аборте после оживления (анимации, лат. *animatio*) нерожденного ребенка, должен быть отлучен от служения, однако если этот момент еще не наступил, то он может продолжать исполнять свои обязанности [6]. Правда, стоит оговориться, что ни в одном официальном церковном документе никогда не указывалось, что является анимацией, но ее четкие границы обозначил Фома Аквинский, который, основываясь на данных Аристотеля, в трактате «Сумма теологии» указал, что будущие дети мужского пола наделяются душой на сороковой день после зачатия, а женского пола – на девяностый. [3]. Так как за убийство священник всегда отлучается от служения, Католическая Церковь, разрешив клирику исполнять обязанности в случае аборта до анимации, де-факто утвердила момент шевеления моментом появления человеческой личности.

За исключением периода с 1588 по 1591 год, Католическая Церковь придерживалась данного постулата вплоть до 1869 года, когда Понтифик Пий IX признал личность существующей с момента зачатия [8].

Стоит отметить, что мнение Аристотеля и Фомы о том, что движения нерожденного ребенка начинаются на столь раннем сроке беременности, не подтверждается ни научными данными, ни обыденным опытом, что было замечено уже британцами, разделяющими понятия «formed» и «quickened». Однако очевидно, что формирование на сроке 40 и 90 дней для разных полов, как это считалось в то время, было важной отметкой. Поэтому, на наш взгляд, толковать термины «formed» и «quickened» у Брэктона будет обоснованным в значениях «40 и 90 дней» и «шевеление» соответственно.

Со временем формирование потеряло свое значение, и британцы стали уделять внимание лишь шевелению, проверка наличия или отсутствия которого была чаще всего по силам сред-

невековому человеку. В таком виде «стандарт шевеления» вошел в американское право и в настоящее время сохраняется в нескольких штатах, невзирая на то, что как медицина, так и теология более не рассматривают шевеление как сколько бы то ни было значимую точку развития человеческого организма.

Этот анализ показывает, что слабость общего права заключается в том же, в чем и его сила, а именно в древности. С одной стороны, оно выработывает модели поведения, которые могут оставаться актуальными несколько сотен лет, но с другой – такая стабильность имеет и обратную сторону. Случается, что она оборачивается некоторой неповоротливостью правового регулирования, и тогда необходима воля суда, который возьмет на себя ответственность отменить свой прецедент и изменить устоявшийся порядок.

Касательно же американского права необходимо указать и то, что оно в целом более консервативное и даже, в какой-то степени «косное» по сравнению с английским правом. Так, до сих пор ряд уголовных кодексов штатов имеет крайне архаичную структуру построения [2], больше характерную для XVIII столетия, и содержит ряд составов преступлений, зачастую вовсе не применяемых на практике для квалификации деяний.

Проблемы, связанные с применением «концепции шевеления»

Однако большинство американских юрисдикций в законодательном или судебном порядке все же избавилось от «концепции шевеления», и в настоящее время она применяется лишь в пяти штатах. В трех из них она используется для обозначения минимально возможной временной планки по искам «wrongful death», то есть искам, поданным членами семьи и иждивенцами против лиц, которые сознательно или по неосторожности стали причиной смерти близкого им человека (Коннектикут, Джорджия и Миссисипи), а в двух других – как необходимое условие состава убийства нерожденного ребенка (Вашингтон и Невада). В данной статье предлагается рассмотреть практику Джорджии и Невады.

В Джорджии «стандарт шевеления» в гражданском праве был закреплен прецедентом в 1955 году, когда Верховный суд штата вынес решение о праве матери на компенсацию за гибель своего 4,5-месячного плода, опираясь на более ранние решения по уголовным делам, в которых прямо указывалось, что причинение смерти шевелящемуся ребенку является убийством (*Porter v. Lassiter*). Уголовное право также стало источником дефиниции «шевеления», определив его как

способность ребенка шевелиться в утробе матери. Как можно заметить, это уже не так сильно похоже на положение дел, существовавшее во времена Блэкстона, ведь способность к шевелению не только не означает, что движения плода были распознаны матерью, но и вовсе не презюмирует непосредственного наличия шевеления в момент причинения вреда.

Принятие абстрактной «способности шевелиться» как концепции хотя и показывает некоторые тенденции к поиску объективного и очевидного всем момента во времени, попытку нащупать минимальный временной порог начала шевеления, что должно сделать данный стандарт менее произвольным и субъективным, но, очевидно, не справляется с указанной целью. Так, например, в силу некоторых заболеваний плод может быть полностью парализован на определенном этапе беременности [9]. В этой связи актуальным становится вопрос о дискриминационном характере «концепции шевеления», по-разному регулирующей правовой статус плодов в зависимости от наличия или отсутствия патологии.

Второй, причем не менее серьезный, недостаток применения указанного варианта «концепции шевеления» заключается в том, что нерожденный ребенок способен двигаться практически на всем протяжении беременности. В 1980 году Апелляционный суд Джорджии прямо указал, что отсутствие ощущаемых матерью «толчков» ребенка вовсе не означает, что он не двигался или не был способен двигаться (*Shirley v. Bacon*). В 1984 году Верховный суд штата в деле *Brinkley v. State* окончательно сформировал данную концепцию, указав, что для оживания плод должен достигнуть по крайней мере десятой недели беременности. Закономерным итогом такой практики стали попытки получить возмещение за гибель эмбриона, единственным признаком шевеления которого стало наличие сердцебиения на сонограмме. Отклоняя требование, Апелляционный суд Джорджии в деле *Citron v. Ghaffari* в 2000 году указал, что сейчас медицинское оборудование способно фиксировать движение эмбриона практически с самого зачатия, однако признание подобных доказательств сделает «концепцию шевеления» буквально бессмысленной, поэтому, чтобы движения ребенка соответствовали ей, они должны быть совершены какой-либо конечностью.

В свете установленных фактов можно говорить, что сам «стандарт шевеления» полностью обесценивается, так как для определения движения больше не нужны ни показания врачей, ни медицинские процедуры, ни опрос свидетелей,

но вместо того, чтобы сделать последний правильный шаг в данной логической цепочке, то есть признать данный стандарт абсолютно несостоятельным применительно к любой отрасли права, суд дополнил его откровенно комичным условием, де-факто признав разумным использовать современные технологии лишь для того, чтобы удобнее смотреть на окружающую действительность глазами средневекового британца.

Особый интерес представляет практика Невады. Статут Невады в статье 210 главы 200 содержит состав убийства еще не родившегося, но уже пошевелившегося внутри своей матери ребенка (*killing of unborn quick child*), за который предусмотрена санкция в виде лишения свободы на срок от одного до десяти лет с возможным назначением штрафа в размере не более десяти тысяч долларов США.

Ни законодательство, ни судебные органы Невады так и не дали определения термину «quick», на что ссылаются, в том числе практикующие в данном штате юристы. Так, в одном из дел мужчина, ударивший свою беременную девушку ножом в живот, был обвинен в покушении на убийство, а также в убийстве плода, которому на момент нападения было 18 недель. Адвокат подсудимого настаивал на том, что закон Невады в части определения «шевеления» является расплывчатым, так как нет ни одного указания о его правильной трактовке. Более того, адвокат признался, что ранее за свою многолетнюю практику даже не слышал о подобном составе преступления в своем штате. Прокурору пришлось опираться на словарную трактовку данного термина, то есть увязывать шевеление с ощущениями матери, но обвинение в убийстве плода было снято прокуратурой в обмен на признание вины по покушению на убийство женщины [7]. В 2008 году данный подход был пересмотрен в аналогичном деле, где пострадала женщина и ее плод, находившийся на 25-й неделе беременности. Прокурор округа заявил, что после проведения исследования термина «quick» обвинение пришло к выводу, что «шевеление» – это любое движение плода в теле матери. Вместе с тем юристы штата до сих пор не могут однозначно сказать, что практика приобрела стабильность, и считают, что дефиниция шевеления должна быть установлена законодательством штата.

Обобщая приведенную практику применения «концепции шевеления» в Джорджии и Неваде, можно сказать следующее. Во-первых, вызывает удивление, почему в поле зрения судей не попал тот факт, что решающее влияние на квалификацию содеянного оказывают личные ощущение

ния женщины, а не умысел лица и факты окружающей действительности. Отсутствие у других лиц возможности проверить слова женщины может поставить их в невыгодное положение в ходе судебного процесса. Во-вторых, в силу индивидуальных особенностей каждого организма нельзя точно сказать, когда начинается шевеление. Даже если мы говорим о шевелении конечностями, в медицинской среде нет абсолютного согласия. По данным Королевского колледжа акушеров и гинекологов, момент шевеления наступает у разных женщин в разное время беременности, а именно в диапазоне от 18-й до 20-й недели беременности. Кроме того, если беременность у женщины не первая, то данный период может сдвигаться на 16-17-ю неделю. По данным Службы здравоохранения Великобритании, женщина должна начать чувствовать движения своего ребенка в промежутках с 16-й до 24-й недели беременности. Разброс в 8 недель прямо свидетельствует о том, что первое ощущение женщиной движений ребенка в общем-то не является какой-либо значимой точкой развития организма. В этой связи можно говорить о потенциальном нарушении ряда конституционных прав как уже живущих американских граждан, так и потенциальных прав нерожденных детей (в случае возможного расширения их правосубъектности в будущем).

Так, применение «концепции шевеления» может нарушать ряд аспектов права на надлежащую правовую процедуру (*due process*), закрепленного в Пятой и Четырнадцатой поправках к Конституции США, частью которого Верховный суд страны считает в том числе ясные и непротиворечивые законы, а также определенные стандарты доказывания. Практика Джорджии и Невады показывает абсолютную неопределенность понятия «шевеление», которое можно толковать как с учетом исторического контекста, привязывая его к ощущениям матери, так и без его учета, придавая значение лишь свойствам развивающегося организма. Согласно конституционной практике США, закон, который предоставляет судьям чрезвычайно широкие возможности толкования, признается несоответствующим принципу ясности, что особенно ярко проявляется в уголовно-правовой практике Невады. Кроме того, *due process* нарушается и в процессуальном аспекте. Так, для осуждения по уголовным делам вина должна быть доказана вне всяких разумных сомнений, а для разрешения гражданских дел необходимо руководствоваться принципом наибольшей вероятности. В случае же, например, с причинением смерти семнадцатинедельному плоду невозмож-

но говорить ни о разумных сомнениях, ни о наибольшей вероятности.

Говоря же о потенциальных правах нерожденного ребенка, сложно объяснить, почему для двух плодов, находящихся на одной стадии гестации, предусмотрен разный объем защиты, причем критерием разграничения является внутреннее ощущение третьих лиц (их матерей), что дает почву для дискуссии о нарушении принципа равенства.

Вывод

Проблемы, связанные с применением «стандарта шевеления», очевидны, причем несоответствие современным научным данным является меньшей из них. Гораздо большее беспокойство вызывает непредсказуемое правоприменение, ставящее под угрозу реализацию прав и свобод крайне широкого круга лиц. Проблемы самого содержания дефиниции, неопределенность момента первого шевеления, факты сделок о признании вины в обмен на признание в совершении другого преступления, апелляция к обыденному опыту демонстрируют сложность доказывания обстоятельств дела. Если такие проблемы возникают у правоприменителей сегодня, то сложно представить, с какими трудностями сталкивались англичане семьсот лет назад. Становится очевидным, что неслучайно большинство штатов перестало применять эту концепцию и придало значение другим точкам развития организма, таким как зачатие, жизнеспособность и живорождение. Несомненно, можно отметить слабые места в любом из этих стандартов, и нередко законодатели штатов или судьи высших инстанций меняли один из них на другой, однако практически все отказались от «концепции шевеления» по очевидной причине – в силу полного несоответствия современным правовым требованиям.

Список источников

1. Аристотель [пер. В. п. Карпова]. История животных. М.: Издательский центр РГГУ, 1996.
2. Крылова Н.Е., Малешина А.В., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран (особенная часть): учебно-методическое пособие. М.: Статут, 2019.
3. Austin. Aristotle, Aquinas, and the history of quickening [Электронный ресурс]. URL: <https://escholarship.mcgill.ca/downloads/4b29b672g?locale=en>.
4. Blackstone. Commentaries on the Laws of England. University of Chicago Press, 1979 [Электронный ресурс]. URL: <https://presspubs.uchicago.edu/founders/documents/amendIXs1.html>.
5. Coke. Institutes of the laws of England. Vol. 3d part (2 ed.). London: Miles Flesher per William Lee & Daniel Pakeman, 1648 [Электронный ресурс]. URL: <https://>

preserver.beic.it/delivery/DeliveryManagerServlet?dps_pid=IE4769902.

6. Dunstan G.R. The Moral Status of the Human Embryo: A Tradition Recalled // Journal of Medical Ethics. 1984. № 1. С. 38-44.

7. Johnson. Guilty plea made after charge of killing fetus is dropped [Электронный ресурс]. URL: <https://lasvegassun.com/news/2003/may/09/guilty-plea-made-after-charge-of-killing-fetus-is-/>.

8. Kurjak, Stanojević, Barišić, Ferhatović, Gajović, Hrabar. Facts and doubts on the beginning of human life – scientific, legal, philosophical and religious controversies // Journal of Perinatal Medicine. 2023. № 51 (1). С. 39-50.

9. Millicovsky, Lazar. Spina bifida: role of neural tissue damage during pregnancy in producing spinal paralysis // Obstetrics & Gynecology. 1995. № 86 (2). С. 300-301.

References

1. Aristotel' [per. V. P. Karpova]. Istoriya zhivotny'x. M.: Izdatel'skij centr RGGU, 1996.

2. Kry'lova N.E., Mareshina A.V., Serebrennikova A.V. Ugolovnoe pravo zarubezhny'x stran (osobennaya chast'): uchebno-metodicheskoe posobie. M.: Statut, 2019.

3. Austin. Aristotle, Aquinas, and the history of quickening [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://escholarship.mcgill.ca/downloads/4b29b672g?locale=en>.

4. Blackstone. Commentaries on the Laws of England. University of Chicago Press, 1979 [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://presspubs.uchicago.edu/founders/documents/amendIXs1.html>.

5. Coke. Institutes of the laws of England. Vol. 3d part (2 ed.). London: Miles Flesher per William Lee & Daniel Pakeman, 1648 [E'lektronny'j resurs]. URL: https://preserver.beic.it/delivery/DeliveryManagerServlet?dps_pid=IE4769902.

6. Dunstan G.R. The Moral Status of the Human Embryo: A Tradition Recalled // Journal of Medical Ethics. 1984. № 1. С. 38-44.

7. Johnson. Guilty plea made after charge of killing fetus is dropped [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://lasvegassun.com/news/2003/may/09/guilty-plea-made-after-charge-of-killing-fetus-is-/>.

8. Kurjak, Stanojević, Barišić, Ferhatović, Gajović, Hrabar. Facts and doubts on the beginning of human life – scientific, legal, philosophical and religious controversies // Journal of Perinatal Medicine. 2023. № 51 (1). С. 39-50.

9. Millicovsky, Lazar. Spina bifida: role of neural tissue damage during pregnancy in producing spinal paralysis // Obstetrics & Gynecology. 1995. № 86 (2). С. 300-301.

Статья поступила в редакцию 17.02.26; одобрена после рецензирования 21.02.26; принята к публикации 21.02.26.

The article was submitted 17.02.26; approved after reviewing 21.02.26; accepted for publication 21.02.26.

Научная статья
УДК 341.9
doi 10.52068/2304-9839_2026_78_1_169

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИВЯЗКИ LEX REI SITAE К УЧЕТУ И ОБОРОТУ БЕЗДОКУМЕНТАРНЫХ ЦЕННЫХ БУМАГ

ИСАЕВ Владимир Всеволодович

Аспирант кафедры гражданского права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
119234, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, корп. 51, Российская Федерация

Аннотация: Автор рассматривает исторический контекст применения привязки *lex rei sitae* к ценным бумагам и последствия возникновения и внедрения в оборот бездокументарных ценных бумаг. Учитывая российскую и иностранную доктрину, а также экономические реалии, автор выделяет недостатки применения привязки *lex rei sitae* к бездокументарным ценным бумагам. Статья обладает высокой научной ценностью, поскольку является одной из первых попыток специализированного сравнительно-правового анализа применения привязки *lex rei sitae* к бездокументарным ценным бумагам.

Ключевые слова: международное частное право, *lex rei sitae*, *lex situs*, бездокументарные ценные бумаги

Для цитирования: Исаев В.В. Проблемы применения привязки *lex rei sitae* к учету и обороту бездокументарных ценных бумаг // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 169. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_169

Actual Problems of Legal Science and Practice

Original article

ISSUES ARISING FROM APPLYING THE LEX REI SITAE FACTOR TO THE CUSTODY AND CIRCULATION OF UNCERTIFICATED SECURITIES

ISAEV Vladimir Vsevolodovich

Postgraduate Student of the Department of Civil Law of Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University
119234, Moscow, Leninskie Gory Str., 1, Bldg. 51, Russian Federation

Abstract: The author examines the historical context of applying this connecting factor to securities and the consequences arising from the emergence and circulation of dematerialized securities. Taking into account both Russian and foreign doctrine as well as economic realities, the author identifies shortcomings associated with applying *lex rei sitae* to dematerialized securities. The article has high scholarly value, as it represents one of the first attempts at a specialized comparative legal analysis of the application of the *lex rei sitae* factor to uncertificated securities.

Keywords: private international law, conflict of laws, *lex rei sitae*, *lex situs*, uncertificated securities

For citation: Isaev V.V. Issues Arising from Applying the Lex Rei Sitae Factor to the Custody and Circulation of Uncertificated Securities = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):169. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_169

Одной из дискуссионных проблем, как в отечественной, так и в зарубежной доктрине, является определение наиболее научно обоснованной и эффективной привязки в отношении учета и оборота бездокументарных ценных бумаг.

Наличие указанной проблемы обусловлено относительно молодым характером института бездокументарных ценных бумаг, а также недавним (с 80-х годов XX века) появлением и развитием

современных учетно-расчетных систем, базирующихся на электронном документообороте. Применение традиционных коллизионных привязок в данных условиях приводит к ряду доктринальных и практических препятствий для эффективного оборота ценных бумаг. Для правопорядков континентальной правовой семьи традиционной привязкой для определения права, применимого к отношениям, связанным с хранением и учетом

ценных бумаг, является *lex rei sitae* или *lex situs* – закон места нахождения вещи.

Обращаясь к отечественному законодательству, подчеркнем, что на сегодняшний день в разделе VI части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации отсутствуют специальные нормы для определения права, применимого к отношениям, связанным с хранением и учетом ценных бумаг. Лишь в силу п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного права судами Российской Федерации» (далее – Постановление) к бездокументарным ценным бумагам по общему правилу применяется указанный выше квазивещный статус по аналогии с вещным статутом, применяемым к документарным ценным бумагам.

Постановление устанавливает, что для бездокументарных ценных бумаг страной их местонахождения считается страна, где ведется учет прав на эти ценные бумаги. Если бездокументарные ценные бумаги учитываются в российском реестре акционеров или российском депозитарии, квазивещным статутом будет право Российской Федерации.

Однако в научной литературе мнения по поводу эффективности и обоснованности применения *lex rei sitae* к бездокументарным ценным бумагам разнятся. Часть специалистов относится положительно к данной привязке, ссылаясь на зарубежную практику [4, С. 373].

Вместе с тем встречается и критическое отношение к *lex rei sitae* [1; 6]. При этом хотя в некоторых работах, посвященных анализу коллизионного регулирования ценных бумаг, присутствует критика традиционных привязок, в том числе *lex rei sitae*; на сегодняшний день отсутствуют исследования, специально анализирующие применение привязки *lex rei sitae* к бездокументарным ценным бумагам. В настоящей статье будут приведены возможные аргументы против использования указанной коллизионной привязки. Вопрос эффективности иных альтернативных привязок является темой отдельного исследования.

Для понимания проблемы следует начать с истории применения *lex rei sitae* к ценным бумагам. Обычно исследователи лишь указывают на то, что применение *lex rei sitae* было наиболее эффективным и логичным подходом для предъявительских документарных ценных бумаг. Это связано с тем, что определение собственника таких ценных бумаг основывается на факте предъявления бумаги. Во время передачи прав по ценной бумаге такие права следуют за сертификатом и

подчиняются месту нахождения сертификата [1, С. 94–95].

В дальнейшем, после иммобилизации и дематериализации, этот классический подход распространился и на бездокументарные ценные бумаги с той лишь разницей, что место нахождения сертификата приравнивается к месту учета ценных бумаг (что имеет и фактическое обоснование, так как во многих правовых системах до сих пор в месте учета ценной бумаги хранится обездвиженный физический сертификат). Однако эта лаконичная конструкция стала следствием если не ошибки, то невольного упущения в доктрине: смешения частноправового и коллизионного института.

Рассмотрим эту доктринальную проблему подробнее. Правовой институт ценной бумаги – это юридическая фикция, направленная на то, чтобы заключить («инкорпорировать») пучок прав в материальное движимое имущество – сертификат, то есть саму ценную бумагу [10]. Основная функция такой фикции состоит в обходе правил, регулирующих уступку требований, которые были слишком громоздкими для оборота: право, заключенное в ценную бумагу, можно подчинить нормам об обороте движимых вещей.

Таким образом, фактически мы имеем дело с материально-правовой фикцией, а не коллизионной. Ее цель состояла не в том, чтобы подчинить ценные бумаги закону страны, в которой находится сертификат, а в том, чтобы облегчить оборот ценных бумаг в рамках отдельной юрисдикции. Тем не менее континентальные правовые системы смешали частноправовую (материальную) фикцию с международным частным правом и подчинили права из ценной бумаги той же привязке, что и права на сертификат [8, С. 618–619]. Такая «двойная фикция» не вызывает проблем при обороте документарных ценных бумаг. Однако появление опосредованного учета ценных бумаг, иммобилизация и дематериализация изменили данное положение.

Комплексный взгляд на бездокументарные ценные бумаги как сквозь материально-правовую, так и сквозь коллизионную оптику предполагает приведение их к целевому соответствию, то есть предотвращение возникновения препятствий целям первой фикции в связи с применением коллизионной привязки. Но применение *lex rei sitae* приводит именно к такому институциональному препятствию. Как верно подчеркивает Мэйзи Уи, сама по себе цель иммобилизации состояла в предотвращении необходимости оборота сертификатов, отделении прав из ценной бумаги от самой ценной бумаги, а отсылка к

месту нахождения ценной бумаги (пусть и «умозрительного», то есть места, где ведется учет прав на эти ценные бумаги) возвращает нас снова к этому материальному носителю, который, в сущности, уже не релевантен для бездокументарных ценных бумаг, тем самым нивелируя их как правовой институт [9, С. 108].

Переходя к практическим проблемам привязки *lex rei sitae*, отметим, что они проявляются ярче всего, когда в передачу прав по ценной бумаге включается цепочка посредников. В системе опосредованного владения ценными бумагами инвесторы, как правило, держат свои ценные бумаги в виде записи на счете, которым от их имени управляет посредник. Этот посредник также может владеть ценными бумагами через цепочку других посредников, завершающуюся центральным депозитарием, и в таком случае сертификат на ценные бумаги либо имеет формальное значение, либо может вообще не выпускаться [1].

При применении привязки *lex rei sitae* возникает необходимость «распутать» всю цепочку владельцев ценной бумаги, чтобы добраться до места ее физического нахождения. Это приводит к следующим практическим проблемам.

Во-первых, необходимость смотреть сквозь цепочку посредников значительно увеличивает издержки на заключение трансграничных сделок с бездокументарными ценными бумагами. Показателен вывод французского исследователя Огюстена Гриделя о том, что данная привязка «вызывает печально известные трудности, когда необходимо проверить цепочку передачи ценных бумаг, чтобы убедиться в отсутствии пороков, влияющих на право собственности на них» [8, С. 624].

Более того, как доказывает И.А. Подкопалов, *lex rei sitae* вызывает серьезные трудности, когда речь идет о сделках с пакетом ценных бумаг разных стран. В таком случае приходится учитывать нормы права каждой отдельно взятой юрисдикции, применяя их к различным звеньям посреднической цепи, участвующим в одной сделке. Для обеспечения передачи ценных бумаг сторонам придется детально изучать законодательство всех участвующих государств и точно исполнять указанные там правила. Такой подход существенно усложняет процедуру заключения трансграничных сделок с множественными активами [6].

Во-вторых, применение привязки *lex rei sitae* существенно ограничивает право на судебную защиту. Как справедливо пишет А.Ю. Никифоров: «Следуя принципу *lex rei sitae*, если принадлежащие инвестору ценные бумаги будут незаконно списаны и у инвестора возникнет необходимость

защиты своих прав, он будет вынужден инициировать судебные разбирательства по законам каждого из государств, в которых были выпущены незаконно списанные ценные бумаги» [5].

В-третьих, у сторон сделки с бездокументарными ценными бумагами зачастую технически отсутствует возможность выяснить местонахождение таких ценных бумаг. Дело в том, что цепочки посредников становятся настолько длинными и сложными, что инвесторы практически лишены возможности получать необходимую информацию от каждого участника процесса, особенно от организаций, находящихся на верхушке пирамиды посредников. Эта проблема усугубляется использованием объединенных счетов. Объединенный счет – это счет одной фирмы, уполномоченной на посредничество в срочных биржевых операциях, у другой уполномоченной фирмы, на котором объединяются операции одного или нескольких лиц, проводимые от имени открывшего счет брокера [7]. В такой ситуации записи о принадлежащих инвестору активах видны только ближайшему посреднику, обслуживающему этот счет. Вышестоящие же посредники вообще могут не иметь сведений о данном конкретном инвесторе и о наличии у него определенного пакета акций или облигаций [6].

Таким образом, представляется, что привязка *lex rei sitae* в отношении бездокументарных ценных бумаг не только доктринально не обоснована, но также создает непреодолимые практические проблемы для участников оборота. Отечественному правопорядку следует отходить от привязки *lex rei sitae* и двигаться в сторону альтернативных привязок в отношении бездокументарных ценных бумаг [11].

Список источников

1. Безбородова Ю.Р. Коллизионное регулирование трансграничных операций с ценными бумагами в России и зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 212.
2. Ерпылева Н.Ю., Клевченкова М.Н. Коллизионное и материальное регулирование обращения ценных бумаг: частноправовые аспекты // СПС-КонсультантПлюс.
3. Канашевский В.А. Коллизионное регулирование ценных бумаг: состояние и перспективы // Журнал российского права. 2011. № 9 (177) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollizionnoe-regulirovanie-tsennyh-bumag-sostoyanie-i-perspektivy>.
4. Комментарий к разделу VI Международное частное право части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М.: Статут, 2021. С. 665.

5. Никифоров А.Ю. Бездокументарные ценные бумаги // СПС-КонсультантПлюс.
6. Подкопалов И.А. Некоторые аспекты правового регулирования трансграничного оборота ценных бумаг, учитываемых через посредника // СПС-КонсультантПлюс.
7. Финансовый словарь. Ассоциация российских банков [Электронный ресурс]. URL: <https://arb.ru/b2c/dictionary/>.
8. Gridel A., D'Avout L. Financial Markets and Instruments in Private International Law. Intersentia, 2025. P. 968.
9. Ooi M.S. Shares and other Securities in the Conflict of Laws. Oxford [etc.]: Oxford University Press, 2003. XXXVI, P. 358.
10. Paech P. Securities, intermediation and the blockchain: an inevitable choice between liquidity and legal certainty? [Электронный ресурс]. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/67870/>.
11. Cuniberti G. Rethinking conflict mobile: applying the law of comi to rights in rem // Private International Law on Rights in rem in the European Union. Madrid, 2024. P. 477–490 [Электронный ресурс]. URL: <https://orbilu.uni.lu/bitstream/10993/62204/1/405-capitulo-20.pdf>.

References

1. Bezborodova Yu.R. Kollizionnoe regulirovanie transgranichny`x operacij s cenny`mi bumagami v Rossii i zarubezhny`x stranax: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2019. S. 212.
2. Erpy`leva N.Yu., Klevchenkova M.N. Kollizionnoe i material`noe regulirovanie obrashheniya cenny`x bumag: chastnopravovye aspekty` // SPS-Konsul`tantPlyus.
3. Kanashevskij V.A. Kollizionnoe regulirovanie cenny`x bumag: sostoyanie i perspektivy` // Zhurnal rossijskogo prava. 2011. № 9 (177) [E`lektronny`j resurs].

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollizionnoe-regulirovanie-tsennyh-bumag-sostoyanie-i-perspektivy>.

4. Kommentarij k razdelu VI Mezhdunarodnoe chastnoe pravo chasti tret`ej Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii (postatejny`j). M.: Statut, 2021. S. 665.
5. Nikiforov A.Yu. Bezdokumentarny`e cenny`e bumagi // SPS-Konsul`tantPlyus.
6. Podkopalov I.A. Nekotory`e aspekty` pravovogo regulirovaniya transgranichnogo oborota cenny`x bumag, uchity`vaemy`x cherez posrednika // SPS-Konsul`tantPlyus.
7. Finansovy`j slovar`. Associaciya rossijskix bankov [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://arb.ru/b2c/dictionary/>.
8. Gridel A., D'Avout L. Financial Markets and Instruments in Private International Law. Intersentia, 2025. P. 968.
9. Ooi M.S. Shares and other Securities in the Conflict of Laws. Oxford [etc.]: Oxford University Press, 2003. XXXVI, P. 358.
10. Paech P. Securities, intermediation and the blockchain: an inevitable choice between liquidity and legal certainty? [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/67870/>.
11. Cuniberti G. Rethinking conflict mobile: applying the law of comi to rights in rem // Private International Law on Rights in rem in the European Union. Madrid, 2024. P. 477–490 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://orbilu.uni.lu/bitstream/10993/62204/1/405-capitulo-20.pdf>.

Статья поступила в редакцию 22.03.26; одобрена после рецензирования 28.03.26; принята к публикации 28.03.26.

The article was submitted 22.03.26; approved after reviewing 28.03.26; accepted for publication 28.03.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 173.
Eurasian Advocacy. 2026;(1(78)):173.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 342.95
doi 10.52068/2304-9839_2026_78_1_173

ЕДИНАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА МАРКИРОВКИ «ЧЕСТНЫЙ ЗНАК» КАК АДМИНИСТРАТИВНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ МЕТОД ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА ИЛИ УНИЧТОЖЕНИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ЕГО СЕКМЕНТА

ЛЯННОЙ Глеб Геннадьевич

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11, корп. 4, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются положительные и отрицательные аспекты введения и функционирования автоматизированных информационных систем электронного контроля за движением товаров. Акцент сделан на работе малых и средних предпринимателей с одной из крупных информационных систем – «Честный знак». На фоне общего позитивного контекста сторонников информационных систем обязательной маркировки и прослеживания движения товаров автор обращает внимание на другую сторону – экономические, организационные, технические проблемы, возникающие у субъектов малого и среднего предпринимательства, связанные с необходимостью регистрировать реализуемую продукцию в системе и осваивать техническую сферу.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, административные меры, электронный контроль, идентификация товаров, цифровая маркировка

Для цитирования: Лянной Г.Г. Единая национальная система маркировки «Честный знак» как административно-организационный метод обеспечения безопасности предпринимательства или уничтожения малого и среднего его сегмента // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 173. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_173

Policy and Economy of Eurasia

Original article

UNIFIED NATIONAL MARKING SYSTEM «CHESTNY ZNAK» AS AN ADMINISTRATIVE AND ORGANIZATIONAL METHOD OF ENSURING THE SECURITY OF ENTREPRENEURSHIP OR DESTRUCTION OF ITS SMALL AND MEDIUM SEGMENTS

LYANNAY Gleb Gennadievich

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Baikal State University
664003, Irkutsk, Lenin Str., 11, Block 4, Russian Federation

Abstract: This article examines the positive and negative aspects of the introduction and operation of automated electronic product tracking information systems. The focus is on the work of small and medium-sized businesses with one of the major information systems – «Chestny Znak». Against the generally positive backdrop of supporters of mandatory product labeling and tracking information systems, the author draws attention to the economic, organizational, and technical challenges faced by small and medium-sized businesses related to the need to register products sold in the system and master the technical aspects.

Keywords: small and medium businesses, administrative measures, electronic control, product identification, digital labeling

For citation: Lyannay G.G. Unified National Marking System «Chestny znak» as an Administrative and Organizational Method of Ensuring the Security of Entrepreneurship or Destruction of its Small and Medium Segments = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):173. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_173

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2018 года № 792-р «Об утверждении перечня отдельных товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации» введено в действие несколько информационных систем обязательной маркировки и прослеживания товаров от производителей (импортеров) до конечного потребителя.

За период с начала внедрения электронного контроля за движением товаров созданы и функционируют несколько автоматизированных информационных систем: Единая государственная автоматизированная информационная система (далее – ЕГАИС), предназначенная для контроля оборота алкогольной продукции, ЕГАИС учета древесины и сделок с ней; ЕГАИС «Маркировка», предназначенная для учета оборота продукции, изготовленной из натурального меха; Федеральная государственная информационная система (далее – ФГИС) «Меркурий», предназначенная для обеспечения оборота продукции, подлежащей ветеринарному контролю; ФГИС «Зерно», предназначенная для обеспечения оборота зерна и продуктов его переработки; система голографической маркировки цифровой аудиовизуальной продукции.

Одной из крупных информационных систем является «Честный знак». Постановлением Правительства РФ от 26 апреля 2019 г. № 515 установлены порядок маркировки товаров, правила нанесения средств идентификации и иные положения, предусматривающие организацию и обеспечение работы с информационной системой.

Первоначальные попытки маркировки товаров в России не опирались на цифровые технологии. Они сводились к различным вариациям акцизных марок и голографических наклеек. В первую очередь маркировка была предусмотрена для контроля за такими группами товаров, как алкогольная продукция, табачные изделия и аудиовизуальная продукция. Положительный опыт федеральной маркировки, зарекомендовавший себя в 1990-е годы, послужил основанием для продолжения практики: следом за федеральными маркировками ряд регионов начал вводить региональную маркировку.

С 2023 года обязательной маркировке подлежат пиво и алкогольная продукция, постепенно введены такие товары, как молочная продукция, бутилированная вода и прочие. На 2026 год также определен перечень товаров, к которым будут применены обязательные требования по их идентификации.

Система маркировки «Честный знак» была разработана и введена как механизм правовой и организационной защиты потребителя от некачественных, контрафактных товаров путем нанесения на продукцию уникального идентификатора, содержащегося в QR-кодах. Категории товаров, изначально предусмотренные маркировке в качестве пилотного проекта, были определены табачные изделия и обувь. Постепенно перечень категорий расширялся, и в настоящее время представлен достаточно широкий спектр товаров, подлежащих маркировке.

При этом маркировке подлежат товары, произведенные как на территории Российской Федерации, так и за рубежом. В целях обеспечения законного оборота товаров в рамках Евразийского экономического союза, защиты прав потребителей и предупреждения действий, вводящих их в заблуждение, государствами – членами ЕАЭС в феврале 2018 года подписано Соглашение о маркировке товаров средствами идентификации в Евразийском экономическом союзе, которое определяет порядок маркировки товаров унифицированными в рамках Союза средствами идентификации.

Вопросы введения информационных систем прослеживания товаров, в частности системы «Честный знак», и проблемы, связанные с ними, рассматривались в научных работах, авторы которых сходятся во мнении о положительных сторонах такого контроля движения товаров на рынке – укреплении экономической безопасности страны и легальности пересечения таможенной границы при поступлении товаров из иных стран и недопущении контрафактных товаров, произведенных на территории страны. Так, В.А. Gladchenko, С.А. Михайлова в результате изучения различных источников приходят к выводу о необходимости поддержания механизма маркировки товаров со стороны всех участников процесса маркировки, что, по мнению авторов работы, позволяет таможенным органам получать сведения о фактических характеристиках продукции, которые касаются следующей информации: налоговой декларации в части налога на добавленную стоимость; данных об импорте из стран Евразийского экономического союза; данных экспортера, управляемых в государства-члены Евразийского экономического союза [1, С. 12].

Положительный аспект функционирования системы «Честный знак» отмечает Т.П. Роговая, обращая внимание на тот факт, что за 2018 год, до начала введения информационной системы отслеживания товаров, на отечественном рынке

было выявлено около 6 млн единиц контрафактной продукции, при этом, справедливо утверждает автор, отследить такую продукцию без специально разработанной системы не представлялось возможным [2, С. 294].

Очевидную выгоду для всех сторон бизнес-отношений видит Р.А. Концедалов: со стороны потребителя – уверенность в качестве и безопасности приобретаемой продукции, ее легальности; со стороны производителя – увеличение выручки и повышение конкурентоспособности в результате снижения на рынке контрафактной продукции; со стороны государства – сокращение «теневого» рынка, повышение налоговых и таможенных сборов [3, С. 6].

Наряду с положительными аспектами внедрения электронных систем отслеживания товаров на рынке, справедливо отметить и негативные стороны. Бесспорно, создание такой информационной системы призвано обеспечить поступление на товарный рынок качественных товаров и значительно сократить количество контрафактной продукции, но есть и обратная сторона: кроме защиты прав потребителя необходимо обратить внимание и на защиту прав предпринимателей.

Руководство нашей страны официально заявляет о защите прав малого и среднего предпринимательства, значительно пострадавшего в период с начала пандемии коронавируса а в настоящее время – в связи с проведением Специальной военной операции. В ранее опубликованных научных работах обращалось внимание на меры административно-правового характера, принимаемые государством в целях поддержки малого и среднего бизнеса, что, безусловно, эффективно и своевременно, но оборотная сторона правового механизма в сфере предпринимательской деятельности негативно сказывается на существовании мелких коммерческих организаций [4].

Ряд административно-правовых мер, направленных на снижение карательной нагрузки на субъекты малого и среднего предпринимательства, уже показал свою эффективность, а именно: мораторий на проведение контрольно-надзорных мероприятий в отношении отдельных направлений предпринимательской деятельности; внесение изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части снижения суммы административных штрафов за некоторые правонарушения в сфере предпринимательской деятельности (ч. 1.3-1, 1.3-2, 1.3-3 ст. 32.2 КоАП РФ) при исполнении административного наказания в сокращенные сроки с момента вынесения постановления; замена адми-

нистративного штрафа предупреждением даже при отсутствии такого вида наказания в санкции применяемой статьи при условии, что субъектом ответственности является представитель малого и среднего предпринимательства, правонарушение совершено впервые и не повлекло причинения вреда. Все перечисленные меры положительно сказались на функционировании малых и средних коммерческих структур в сложных экономических условиях страны [5].

Однако кроме положительных аспектов введения в законодательство новых форм и методов государственного регулирования процессов в предпринимательской среде, следует обратить внимание и на возникновение негативных факторов, которые оказывают существенное воздействие на развитие и само существование малого и среднего предпринимательства.

Возвращаясь к проблемам, возникающим у предпринимателей и связанным с необходимостью устанавливать и применять программное обеспечение электронной платформы «Честный знак», можно выделить ряд наиболее часто встречающихся в научных работах и отдельных публикациях:

Наиболее часто встречающаяся в информационном пространстве проблема, с которой согласна значительная доля предпринимательства в России, – высокая стоимость приобретения оборудования, подключения и обслуживания информационной системы. Расходы на интеграцию предпринимательской деятельности полностью возлагаются на субъектов малого и среднего сегмента. Бесплатных ресурсов не существует. Стоимость «Честного знака» складывается из обязательных расходов на оборудование и платы за коды маркировки, услуги интеграторов за регистрацию «под ключ» за полный цикл. Основные затраты – это не сама система, а подключение к ней и сопутствующие расходы: коды маркировки (за каждый символ Data Matrix), электронная подпись, оборудование (2D-сканер, контрольно-кассовая техника – онлайн-касса), программное обеспечение и услуги (электронный документооборот, настройка товароучетной системы «1С», регистрация в системе «Честный знак»).

Внедрение информационных систем на малых предприятиях неизбежно влечет скрытые расходы: обучение персонала работе с инструментами и правилами, а также необходимость IT-поддержки (собственной или аутсорсинговой). Это требует от руководителей небольших предприятий либо повышения собственной IT-компетентности, либо выделения бюджета на внешних специалистов.

Как любая киберсистема, «Честный знак» не гарантирует полной защиты от мошеннических проникновений. В систему попадает конфиденциальная информация, являющаяся коммерческой тайной, за утечку которой «Честный знак» не несет ответственности перед конкретной организацией.

Кроме вышеперечисленного, Э.И. Вахитова обращает внимание на немаловажный фактор, значительно влияющий на функционирование коммерческих предприятий малого и среднего сегмента – обход системы недобросовестными участниками рыночных отношений. Автор справедливо отмечает: введение обязательной маркировки не исключает попадания на рынок контрафактной продукции, все каналы ее распространения сохранились (рынки, нелегальные места торговли). При этом, замечает Э.И. Вахитова, в выигрыше оказалась нелегальная продукция, поскольку законопослушные предприниматели «подавлены собственным государством» [6].

Обязанность индивидуальных предпринимателей и юридических лиц по установке и применению электронных информационных платформ в целях контроля за движением товаров подкреплена административной и уголовной ответственностью за уклонение субъектов предпринимательства от возложенных государством обязанностей. Отсутствие специальной маркировки влечет административную ответственность: согласно ст. 15.12 КоАП РФ, ввод в оборот товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения необходимой информации, продажа, хранение, перевозка, приобретение продукции с целью сбыта влекут наложение административного наказания в виде штрафа в пределах санкции с конфискацией предметов административного правонарушения. Этой же статьей Кодекса предусмотрены специальные нормы, содержащие ответственность за производство и оборот алкогольной, табачной и никотинсодержащей продукции: санкции для должностных лиц – в пределах от трехсот до пятисот тысяч рублей, для юридических лиц – от семисот тысяч до полутора миллионов рублей, во всех случаях с конфискацией предметов административного правонарушения.

В случаях, когда стоимость продукции без маркировки превышает 1,5 миллиона рублей, в отношении лиц может быть возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 171.1 УК РФ (Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт то-варов и продукции без маркировки и (или) нане-

сения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации).

Кроме перечисленных правонарушений, таможенными органами возбуждаются дела об административных правонарушениях по ч. 3 ст. 16.2 КоАП РФ (Заявление декларантом или таможенным представителем при таможенном декларировании товаров недостоверных сведений о товарах либо представление недействительных документов, если такие сведения или документы послужили или могли послужить основанием для несоблюдения установленных международными договорами государств – членов Евразийского экономического союза, решениями Евразийской экономической комиссии, нормативными правовыми актами Российской Федерации запретов и ограничений) и ст. 16.3 КоАП РФ (Несоблюдение запретов и (или) ограничений на ввоз товаров на таможенную территорию Евразийского экономического союза или в Российскую Федерацию и (или) вывоз товаров с таможенной территории Евразийского экономического союза или из Российской Федерации).

Двадцать три проблемы назвали представители малого и среднего бизнеса в обращении к Президенту Российской Федерации. Коллектив бизнесменов из разных городов написал открытое письмо с просьбой защитить предпринимателей от маркировки «Честный знак».

В сложившейся ситуации представители малых и средних предприятий обращаются с просьбой «отсрочить дальнейшее введение системы маркировки до устранения всех недочетов, уязвимых мест и до момента полной ее технической готовности, а также отменить штрафы, связанные с нарушениями закона о маркировке» [7].

Система «Честный знак», как показывает практика, несовершенна, негативно влияет не только на развитие и функционирование малого и среднего предпринимательства, но и на само его существование в экономике страны.

По результатам анализа коллекторским агентством «Долговой консультант» открытых данных реестра ЕГРИП и ФНС РФ, опубликованных в марте 2025 года, число граждан, утративших статус индивидуального предпринимателя по причине банкротства, в России по итогам 2024 года выросло на 20 %. В 2024 году из Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей (ЕГРИП) по причине банкротства исключено 2188 человек, что на 359 человек, или 19,6 %, больше, чем в 2023 году.

В 2025 году рост банкротств должен ускориться: за 2024 год объем просроченных банковских

кредитов индивидуальных предпринимателей вырос в 2 раза, с 41,1 млрд до 86,05 млрд рублей, тогда как за 2023 год – на 43 %, с 28,7 млрд рублей. По оценке аналитиков, в 2025 году стоит ожидать прироста исключений из ЕГРИП из-за банкротства на 25–30 %, то есть всего страна потеряет еще порядка 2,7–2,8 тыс. индивидуальных предпринимателей [8].

Таким образом, государству необходимо срочно принять меры для поддержания малого и среднего предпринимательства, что может быть реализовано следующими шагами:

– привести нормативные акты, регулирующие порядок маркировки и возврата товаров при всех видах товарооборота, в соответствие с требованиями современных информационных технологий, экономической ситуацией в стране, а также со сложившейся обстановкой в функционировании предприятий малого и среднего бизнеса;

– обеспечить безопасность информации, содержащейся в цифровом пространстве системы «Честный знак»;

– обеспечить стабильную работу сети интернет для бесперебойного функционирования предприятий;

– обеспечить предприятия малого и среднего бизнеса бесплатным либо доступным техническим оборудованием, подключением к информационным системам с обязательным обслуживанием;

– пресекать поступление нелегальной продукции на российский рынок из-за рубежа;

– обязать разработчика системы доработать сайт с учетом различных возрастных категорий пользователей, а также лиц с ограниченными знаниями в области информационных технологий. Обеспечить высококвалифицированную оперативную техническую поддержку пользователям системы.

Полагаем, перечень мер не является исчерпывающим: необходимо создать возможность открытого обсуждения с представителями бизнеса проблем, связанных с работой в информационных системах маркировки и отслеживания движения товаров.

Список источников

1. Гладченко В.А., Михайлова С.А. Особенности информационно-технического взаимодействия единой национальной системы цифровой маркировки и прослеживаемости товаров «честный знак» и единой автоматизированной информационной системы таможенных органов при совершении таможенных опе-

раций, связанных с выпуском ввозимой маркируемой продукции // Евразийский Союз Ученых. Экономические науки. 2020. № 76 (4). С. 10–17.

2. Роговая Т.П. Влияние системы «Честный знак» на регулирование предпринимательской деятельности // Молодой ученый. 2021. № 47 (389). С. 294–296. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/389/85704>.

3. Концедалов Р.А. Применение единой национальной системы цифровой маркировки и прослеживания товаров «честный знак» // Санкт-Петербургский научный вестник. 2021. № 1 (10). [Электронный ресурс]. URL: <http://spbvestniknauka.esrae.ru/ru/11-72>.

4. Лянной Г.Г. Административно-правовые меры, направленные на снижение нагрузки на бизнес, как механизм защиты предпринимателей // Вестник УЮИ. 2023. № 2 (100). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovye-mery-napravlennye-na-snizhenie-nagruzki-na-biznes-kak-mehanizm-zaschity-predprinimateley>.

5. Лянной Г.Г. Административные барьеры, препятствующие развитию малого и среднего предпринимательства // Общество и право. 2024. № 1 (87). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnye-bariery-prepyatstvuyuschie-razvitiyu-malogo-i-srednego-predprinimatelstva>.

6. Вахитова Э.И. Проблемы цифровой маркировки // Репозиторий ТюмГУ. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/rutso/37727/1/978-5-400-01846-6_2025_140_146.pdf.

7. Бизнес назвал 23 причины отсрочить маркировку «Честный знак» – обращение к Владимиру Путину через редакцию ASP News // ASP Автоматизация бизнес-процессов. [Электронный ресурс]. URL: <https://aosp.ru>.

8. Индивидуальный предприниматель. Банкротства в России // Tadviser. Государство. Бизнес. Технологии. 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/>.

References

1. Gladchenko V.A., Mixajlova S.A. Osobennosti informacionno-texnicheskogo vzaimodejstviya edinoj nacional'noj sistemy` cifrovoj markirovki i proslezhivayemosti tovarov «chestny`j znak» i edinoj avtomatizirovannoj informacionnoj sistemy` tamozhenny`x organov pri sovershenii tamozhenny`x operacij, svyazanny`x s vy`puskom vvozimoy markiruemoj produkcii // Evrazijskij Soyuz Ucheny`x. E`konomicheskie nauki. 2020. № 76 (4). S. 10–17.

2. Rogovaya T.P. Vliyanie sistemy` «Chestny`j znak» na regulirovanie predprinimatel`skoj deyatel`nosti // Molodoj ucheny`j. 2021. № 47 (389). S. 294–296. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://moluch.ru/archive/389/85704>.

3. Koncedalov R.A. Primenenie edinoj nacional'noj sistemy` cifrovoj markirovki i proslezhivaniya tovarov «chestny`j znak» // Sankt-Peterburgskij nauchny`j vestnik. 2021. № 1 (10). [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://spbvestniknauka.esrae.ru/ru/11-72>.

4. Lyannoj G.G. Administrativno-pravovy`e mery`, napravlenny`e na snizhenie nagruzki na biznes, kak mex-anizm zashhity` predprinimatelej // Vestnik UYuI. 2023.

№ 2 (100). [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovye-mery-napravlennye-na-snizhenie-nagruzki-na-biznes-kak-mehanizm-zaschity-predprinimateley>.

5. Lyannoj G.G. Administrativny`e bar`ery, prepyatstvuyushhie razvitiyu malogo i srednego predprinimatel`stva // Obshhestvo i pravo. 2024. № 1 (87). [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnye-bariery-prepyatstvuyushchie-razvitiyu-malogo-i-srednego-predprinimatelstva>.

6. Vaxitova E`.I. Problemy` cifrovoj markirovki // Repozitorij TyumGU. 2025. [E`lektronny`j resurs]. URL: https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/rutsu/37727/1/978-5-400-01846-6_2025_140_146.pdf.

7. Biznes nazval 23 prichiny` otsrochit` markirovku «Chestny`j znak» – obrashhenie k Vladimiru Putinu cherez redakciyu ASP News // ASP Avtomatizaciya biznes-processov. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://aoasp.ru>.

8. Individual`ny`j predprinimatel`. Bankrotstva v Rossii // Tadviser. Gosudarstvo. Biznes. Teknologii. 2025. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/>.

Статья поступила в редакцию 04.03.26; одобрена после рецензирования 13.03.26; принята к публикации 13.03.26.

The article was submitted 04.03.26; approved after reviewing 13.03.26; accepted for publication 13.03.26.

Научная статья
УДК 342.8
doi 10.52068/2304-9839_2026_78_1_179

ЭВОЛЮЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ: ОТ РЕГИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ К ФЕДЕРАЛЬНОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ (2000–2025)

БОТАШЕВА Альбина Хаджи-Даутовна

Аспирант Карачаево-Черкесского филиала Московского финансово-промышленного университета «Синергия» 369000, г. Черкесск, пр. Ленина, д. 83, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу трансформации избирательного законодательства Российской Федерации в период с 2000 по 2025 год. Целью исследования является выявление закономерностей эволюции правового регулирования выборов в соотношении федерального и регионального уровней. Методологическую основу составляют историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Рассматриваются ключевые этапы реформирования избирательного законодательства: период региональной вариативности (2000–2003), этап централизации и унификации (2004–2011), стадия частичной либерализации (2012–2019) и современный период конституционного обновления (2020–2025). Анализируются изменения в соотношении федерального и регионального регулирования выборов, динамика избирательных систем в субъектах Российской Федерации, причины и последствия централизации избирательного процесса. Установлено, что избирательное законодательство прошло путь от значительной региональной дискреции к унификации федеральных стандартов при сохранении ограниченных элементов региональной специфики. Сделан вывод о циклическом характере эволюции, в рамках которой фазы централизации и либерализации сменяют друг друга, определяемые задачами политико-административного управления.

Ключевые слова: избирательное законодательство, избирательная система, федерализм, региональное регулирование, централизация, выборы, избирательные реформы, теория государства и права, электоральный процесс, правовое регулирование

Для цитирования: Боташева А.Х.-Д. Эволюция избирательного законодательства России: от региональной специфики к федеральному регулированию (2000–2025) // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 179. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_179

Policy and Economy of Eurasia

Original article

EVOLUTION OF RUSSIAN ELECTORAL LEGISLATION: FROM REGIONAL SPECIFICITY TO FEDERAL REGULATION (2000–2025)

BOTASHEVA Albina Khadzhi-Dautovna

Postgraduate Student of Karachaevo-Cherkessk Branch of the Moscow Financial-Industrial University «Synergy» 369000, Cherkessk, Lenina Ave, 83, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to a comprehensive analysis of the transformation of the electoral legislation of the Russian Federation in the period from 2000 to 2025. The purpose of the study is to identify the patterns and trends in the development of electoral regulation, including the correlation between federal unification and regional specificity. The methodological basis includes historical legal, comparative legal, formal legal and institutional methods. The key stages of reforming electoral legislation are considered: the period of regional variability (2000–2003), the stage of centralization and unification (2004–2011), the phase of partial liberalization (2012–2019), and the modern period of constitutional renewal (2020–2025). The significance of the work lies in systematizing legislative changes and in substantiating the conclusion that electoral legislation serves not only as a technical regulator of electoral procedures, but also as an instrument for restructuring the balance between the federal center and the subjects of the federation.

Keywords: electoral legislation, electoral system, federalism, regional regulation, centralization, elections, electoral law, subjects of the Russian Federation

For citation: Botasheva A. Kh.-D. Evolution of Russian Electoral Legislation: from Regional Specificity to Federal Regulation (2000–2025) = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):179. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_179

Введение

Избирательное законодательство является одним из наиболее динамично развивающихся сегментов правовой системы Российской Федерации. За период с 2000 по 2025 год оно претерпело многочисленные трансформации, затронувшие как материально-правовые, так и процессуальные аспекты организации и проведения выборов. Значимость данной проблематики для теории государства и права определяется тем, что избирательное законодательство отражает фундаментальные характеристики государственности: соотношение централизации и децентрализации, баланс федеральных и региональных интересов, степень реального участия граждан в осуществлении публичной власти [1, С. 112–114].

В научной литературе проблемы избирательного права и процесса исследуются достаточно активно. Фундаментальный вклад в развитие теории избирательного права внесли работы С.А. Авакьяна, обосновавшего конституционные основания избирательной системы и ее связь с принципами народовластия [2]. Значительное внимание уделяется институциональному анализу избирательных реформ в работах А.Е. Любарева, систематизировавшего изменения избирательных систем в субъектах Российской Федерации [3, С. 45–48]. В зарубежной науке теория электоральных систем разработана в трудах А. Лейпхарта и Дж. Сартори, предложивших критерии сравнительного анализа избирательных моделей [4; 5].

Вместе с тем дискуссионным остается вопрос о закономерностях эволюции избирательного законодательства в федеративных государствах переходного типа. Недостаточно исследована проблема соотношения федерального и регионального уровней регулирования в ее динамике: большинство работ фиксируют состояние на определенный момент, не выявляя логику и направленность изменений. Требуется уточнения теоретико-правовая квалификация современной модели, в которой сочетаются элементы федеральной унификации и ограниченной региональной дискреции.

В статье ставится вопрос: какие закономерности определяют эволюцию избирательного законодательства России в аспекте соотношения федерального и регионального регулирования, и каким образом эти закономерности связаны

с общими тенденциями развития российской государственности? Предполагается, что динамика избирательного законодательства носит циклический характер, определяемый задачами политико-административного управления, при общей тенденции к нарастанию федеральной унификации.

Цель исследования – выявить закономерности эволюции избирательного законодательства России в период 2000–2025 годов и дать им теоретико-правовую оценку.

Задачи:

- 1) разработать периодизацию эволюции избирательного законодательства;
- 2) проанализировать изменения в соотношении федерального и регионального регулирования на каждом этапе;
- 3) выявить факторы, определяющие направленность реформ;
- 4) оценить влияние трансформаций на качество представительной власти.

Методологическую основу составляют историко-правовой метод, обеспечивающий последовательный анализ этапов реформирования; сравнительно-правовой метод, позволяющий сопоставить федеральную и региональную модели; формально-юридический метод, необходимый для анализа нормативных текстов; а также системный подход, рассматривающий избирательное законодательство в контексте правовой системы в целом.

Период региональной вариативности (2000–2003 гг.): наследие децентрализации

Начало рассматриваемого периода характеризуется значительной степенью региональной самостоятельности в сфере избирательного регулирования. Федеральный закон от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» устанавливал лишь минимальные стандарты, предоставляя субъектам Российской Федерации широкую дискрецию в определении конкретных параметров избирательных систем. В результате на региональном уровне сложилось значительное разнообразие моделей: от чисто мажоритарных до смешанных систем с существенными различиями в порогах явки, порядке регистрации кандидатов и формировании избирательных комиссий [3, С. 52–54].

Данное разнообразие имело как позитивные, так и негативные стороны. С одной стороны, оно обеспечивало учет региональной специфики и создавало пространство для институционального экспериментирования. С другой стороны, как отмечает А.В. Иванченко, «отсутствие единых стандартов приводило к ситуациям, когда в различных субъектах Федерации граждане обладали неравными возможностями реализации избирательных прав» [6, С. 178]. Региональные элиты нередко использовали дискрецию для конструирования избирательных систем, обеспечивающих воспроизводство действующей власти: варьировали заградительные барьеры, манипулировали границами избирательных округов, устанавливали дополнительные ограничения пассивного избирательного права.

С позиций теории государства и права этот период может быть охарактеризован как фаза «нерегулируемой дискреции», в которой отсутствие эффективных федеральных механизмов контроля создавало условия для формирования региональных авторитарных анклавов. Показательно, что именно в этот период сложились наиболее существенные различия в уровне электоральной конкуренции между субъектами федерации: в одних регионах формировались элементы реальной политической конкуренции, в других – устанавливались фактически безальтернативные режимы при формальном соблюдении демократических процедур. Новый Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» стал первым шагом к унификации, установив обязательность применения пропорциональной составляющей на выборах региональных парламентов [7]. Этот закон существенно расширил перечень федеральных гарантий и сократил пределы региональной дискреции, обозначив переход к следующему этапу эволюции.

Этап централизации и унификации (2004–2011 гг.): формирование единых стандартов

Период 2004–2011 годов характеризуется последовательной централизацией избирательного регулирования, обусловленной общей тенденцией к укреплению вертикали государственной власти. Ключевым событием стала отмена прямых выборов глав субъектов Российской Федерации в 2004 году: Федеральный закон от 11 декабря 2004 г. № 159-ФЗ заменил их процедурой наделения полномочиями по представлению Президента Российской Федерации. Реформа радикально изменила архитектуру региональных политических

систем, лишив население субъектов права непосредственно избирать высшее должностное лицо региона [8].

Параллельно происходила унификация избирательных систем для выборов законодательных органов субъектов. Федеральное законодательство установило требование о том, что не менее половины депутатов региональных парламентов должны избираться по пропорциональной системе. Повышение заградительного барьера на выборах в Государственную Думу с 5 до 7 процентов, переход к полностью пропорциональной системе формирования нижней палаты федерального парламента (2007), ужесточение требований к регистрации политических партий – все эти меры были направлены на создание единообразной электоральной среды на всей территории страны [3, С. 78–81].

С теоретико-правовой точки зрения этот этап представляет значительный интерес, поскольку демонстрирует использование избирательного законодательства как инструмента политико-административной централизации. Формально реформы обосновывались необходимостью обеспечения единых стандартов демократического процесса, противодействия региональному сепаратизму и укрепления партийной системы. Однако их фактическим результатом стало существенное ограничение политической конкуренции на всех уровнях. Как отмечает Г.В. Голосов, «унификация избирательных систем в условиях неразвитости институтов гражданского общества привела не к повышению качества демократии, а к формированию контролируемого электорального пространства» [9, С. 234–236]. Характерно, что в этот период впервые отчетливо проявилась тенденция, ставшая впоследствии доминирующей: использование юридико-технических механизмов (повышение барьеров, ужесточение требований к документации, формализация процедур) для достижения политических целей при формальном соблюдении конституционных принципов. Этот этап подтверждает тезис о том, что правовое оформление централизации может осуществляться посредством формально демократических институтов.

Фаза частичной либерализации (2012–2019 гг.): контролируемое расширение дискреции

Политические события конца 2011 – начала 2012 года, связанные с массовыми протестами после парламентских выборов, обусловили определенную корректировку избирательного законодательства в направлении либерализации.

Наиболее значимыми изменениями стали: возвращение прямых выборов глав субъектов Российской Федерации (Федеральный закон от 2 мая 2012 г. № 40-ФЗ), снижение заградительного барьера на выборах в Государственную Думу с 7 до 5 процентов, возвращение смешанной (мажоритарно-пропорциональной) системы формирования нижней палаты парламента, а также существенное упрощение процедуры регистрации политических партий [10].

Вместе с тем характер этих реформ позволяет квалифицировать их как контролируруемую либерализацию, а не подлинную децентрализацию. Возвращение губернаторских выборов сопровождалось введением так называемого «муниципального фильтра» – требования о сборе подписей муниципальных депутатов для регистрации кандидата. Этот механизм, формально обоснованный необходимостью обеспечения общественной поддержки кандидатов, фактически создал дополнительный барьер, контролируемый действующей региональной властью. Исследования показывают, что муниципальный фильтр стал одним из наиболее эффективных инструментов ограничения конкуренции на губернаторских выборах [11, С. 112–115].

В сфере регионального регулирования этот период характеризуется расширением дискреции субъектов в определении конкретных параметров избирательных систем. Субъекты получили право самостоятельно определять соотношение мажоритарной и пропорциональной составляющих при выборах региональных парламентов (в пределах установленного федеральным законом минимума), устанавливая величину заградительного барьера в диапазоне от 5 до 7 процентов, определять порядок формирования избирательных комиссий. Однако эта дискреция осуществлялась в рамках, жестко заданных федеральным законодательством, что позволяет характеризовать эту модель как «регулируемую дискрецию» – терминологическое обозначение, отражающее сочетание формальной самостоятельности субъектов с фактическим федеральным контролем.

Современный период (2020–2025 гг.): конституционное обновление и новые тенденции

Конституционная реформа 2020 года оказала существенное влияние на избирательное законодательство, хотя ее последствия проявились не одновременно, а в ходе последующего законотворческого процесса. Закрепление понятия «единой системы публичной власти» в Конституции Российской Федерации создало конституционное

основание для дальнейшей интеграции электоральных процессов различных уровней в единую систему [12]. Принятие Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» изменило порядок замещения ряда выборных должностей и расширило полномочия федерального центра в отношении региональных электоральных процессов.

Значимой новацией стало широкое внедрение дистанционного электронного голосования (ДЭГ), начавшееся с эксперимента на выборах в Московскую городскую Думу в 2019 году и получившее масштабное развитие на федеральных и региональных выборах 2021–2024 годов. ДЭГ представляет собой качественно новое явление, трансформирующее не только процедуру голосования, но и всю систему контроля за избирательным процессом. Как справедливо отмечает А.Е. Любарев, «электронное голосование создает принципиально иную модель соотношения прозрачности и управляемости выборов» [3, С. 156]. С одной стороны, оно обеспечивает технологическое удобство и доступность; с другой – существенно затрудняет общественный контроль и верификацию результатов.

Еще одной тенденцией современного периода является введение многодневного голосования (до трех дней), впервые примененного в ходе общероссийского голосования по поправкам к Конституции в 2020 году и впоследствии распространенного на выборы различных уровней. Данная практика, обоснованная эпидемиологическими соображениями, сохранилась и после нормализации санитарной обстановки, фактически став постоянным элементом электорального процесса. С теоретико-правовой точки зрения многодневное голосование изменяет характер избирательного акта, трансформируя его из единовременного волеизъявления в растянутый во времени процесс, что порождает новые вопросы обеспечения свободы и тайны голосования [13, С. 67–69].

В целом современный период характеризуется парадоксальным сочетанием технологической модернизации избирательного процесса с сохранением и углублением тенденций централизации. Региональная дискреция формально существует, однако ее пределы последовательно сужаются федеральным регулированием, разъяснениями Центральной избирательной комиссии и судебной практикой. Избирательное законодательство субъектов все в большей мере приобретает характер воспроизведения федеральных норм с минимальными вариациями, что

позволяет говорить о переходе от модели «регулируемой дискреции» к модели «управляемого единообразия» [14, С. 89–92].

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что эволюция избирательного законодательства России в период 2000–2025 годов подчинена определенным закономерностям, отражающим общие тенденции развития российской государственности. Избирательное право выступает не автономной подсистемой, а элементом целостной системы правового регулирования публичной власти, изменения которого детерминированы задачами политико-административного управления.

Основные выводы исследования состоят в следующем.

1. Эволюция избирательного законодательства России может быть разделена на четыре этапа: нерегулируемая региональная дискреция (2000–2003), централизация и унификация (2004–2011), контролируемая либерализация (2012–2019), конституционное обновление и управляемое единообразие (2020–2025). Каждый этап характеризуется специфическим соотношением федерального и регионального уровней регулирования.

2. Общей тенденцией является последовательное нарастание федеральной унификации при формальном сохранении элементов региональной дискреции. Эта тенденция коррелирует с общим процессом формирования единой системы публичной власти и отражает логику централизации государственного управления.

3. Динамика избирательного законодательства носит циклический характер: фазы ужесточения сменяются периодами контролируемой либерализации, однако каждый новый цикл реализуется на более высоком уровне унификации. Либерализация не приводит к возвращению региональной вариативности в прежних масштабах, а осуществляется в рамках, заданных предшествующим этапом централизации.

4. Технологическая модернизация избирательного процесса (дистанционное электронное голосование, многодневное голосование) создает качественно новые условия для осуществления избирательных прав, одновременно порождая проблемы обеспечения прозрачности и общественного контроля. Эти нововведения требуют адекватного теоретико-правового осмысления, поскольку традиционные гарантии избирательных прав, сформулированные для условий «бу-мажного» голосования, не в полной мере приме-

нимы к электронным формам волеизъявления.

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке периодизации эволюции избирательного законодательства с позиций теории государства и права, а также в обосновании концепций «регулируемой дискреции» и «управляемого единообразия» как теоретических моделей для описания соотношения федерального и регионального регулирования. Предложенный категориальный аппарат может быть использован для анализа аналогичных процессов в иных отраслях законодательства, где соотношение централизации и децентрализации составляет предмет научной дискуссии.

Практическая значимость определяется возможностью использования полученных выводов при совершенствовании избирательного законодательства, в частности при определении оптимального объема региональной дискреции, а также при правовой оценке новых электоральных технологий. Для законодателя существенно, что чрезмерная унификация, лишая регионы возможности учитывать местную специфику, может снижать адаптивность избирательной системы к многообразию условий российской государственности [15].

Ограничения исследования связаны с преимущественно теоретико-правовым и нормативным характером анализа, не включающим масштабного эмпирического исследования электоральной статистики. Перспективы дальнейших работ видятся в количественном анализе влияния законодательных изменений на параметры электоральной конкуренции, а также в сравнительном исследовании эволюции избирательного законодательства в федеративных государствах постсоветского пространства.

Список источников

1. Марченко М.Н. Теория государства и права. Элементарный курс: учебное пособие. 3-е изд., доп. М.: Норма, ИНФРА-М, 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2124764>.
2. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: Том 2. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, ИНФРА-М, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1191317>.
3. Любарев А.Е. Избирательные системы и российское электоральное законодательство // Полис. Политические исследования. 2023. № 2. С. 42–165 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/election/data/lubarev.pdf?ysclid=mltda2j470286956834>.
4. Popov A., Akimenko M., Shvachkina L. et al. Ethical dimension of radical environmentalism: a study of biocentric activism // International Journal of Ecosystems and Ecology Science. 2025. Vol. 15. No. 4. P. 325–332.

5. Sartori G. Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. 2nd ed. New York: NYU Press, 1997.

6. Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. М.: Аспект Пресс, 2007. [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/002744_000053_RU___%D0%93%D0%9F%D0%9D%D0%A2%D0%91+%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8___KNB_IBIS___63.3%282%29___%D0%9823-062280/.

7. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/?ysclid=mltdbe3cwo394889542.

8. Федеральный закон от 11.12.2004 № 159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50659/?ysclid=mltdbxwyc929048873.

9. Голосов Г.В. Сравнительная политология: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009895540?ysclid=mltdd9j2g3379333099>.

10. Федеральный закон от 02.05.2012 № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129119/?ysclid=mltdd9j2g3379333099.

11. Дресвянин Д.А. Муниципальный фильтр: проблемы и практика применения // Уральский журнал правовых исследований. 2020. № 4 (11) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/munitsipalnuy-filtr-problemy-i-praktika-primeneniya>.

12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mltdflvco2940907304.

13. Чиркин В.Е. О пропорциональной избирательной системе с преференциальным вотумом // Журнал российского права. 2013. № 6 (198) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-proporsionalnoy-izbiratelnoy-sisteme-s-preferentsialnym-votumom>.

14. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-reforma-v-rossii-v-koordinatah-universalnogo-i-natsionalnogo>.

reforma-v-rossii-v-koordinatah-universalnogo-i-natsionalnogo.

15. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/?ysclid=mltdiddn9010163078.

References

1. Marchenko M.N. Teoriya gosudarstva i prava. E`lementarny` kurs: uchebnoe posobie. 3-e izd., dop. M.: Norma, INFRA-M, 2025. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2124764>.

2. Avak`yan S.A. Konstitucionnoe pravo Rossii. Uchebny`j kurs: Tom 2. 6-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, INFRA-M, 2020. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1191317>.

3. Lyubarev A.E. Izbiratel`ny`e sistemy` i rossijskoe e`lektoral`noe zakonodatel`stvo // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2023. № 2. S. 42–165 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.booksite.ru/election/data/lubarev.pdf?ysclid=mltda2j470286956834>.

4. Popov A., Akimenko M., Shvachkina L. et al. Ethical dimension of radical environmentalism: a study of biocentric activism // International Journal of Ecosystems and Ecology Science. 2025. Vol. 15. No. 4. P. 325–332.

5. Sartori G. Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. 2nd ed. New York: NYU Press, 1997.

6. Ivanchenko A.V., Lyubarev A.E. Rossijskie vy`bory` ot perestrojki do suverennoj demokratii. M.: Aspekt Press, 2007. [E`lektronny`j resurs]. URL: https://rusneb.ru/catalog/002744_000053_RU___%D0%93%D0%9F%D0%9D%D0%A2%D0%91+%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8___KNB_IBIS___63.3%282%29___%D0%9823-062280/.

7. Federal`ny`j zakon ot 12.06.2002 № 67-FZ «Ob osnovny`x garantiyax izbiratel`ny`x prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossijskoj Federacii» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/?ysclid=mltdbe3cwo394889542.

8. Federal`ny`j zakon ot 11.12.2004 № 159-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal`ny`j zakon Ob obshhix principax organizacii zakonodatel`ny`x (predstavitel`ny`x) i ispolnitel`ny`x organov gosudarstvennoj vlasti sub`ektov Rossijskoj Federacii i v Federal`ny`j zakon Ob osnovny`x garantiyax izbiratel`ny`x prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossijskoj Federacii» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50659/?ysclid=mltdbxwyc929048873.

9. Golosov G.V. Sravnitel`naya politologiya: uchebnyk. 4-e izd., pererab. i dop. SPb.: Izdatel`stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2018. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009895540?ysclid=mltdd9j2g3379333099>.

10. Federal`ny`j zakon ot 02.05.2012 № 40-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal`ny`j zakon Ob obshhix principax organizacii zakonodatel`ny`x (predstavitel`ny`x) i ispolnitel`ny`x organov gosudarstvennoj vlasti sub`ektov Rossijskoj Federacii i Federal`ny`j zakon Ob osnovny`x

garantiyax izbiratel'ny'x prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossijskoj Federacii» [E'lektronny'j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129119/?ysclid=mltddptd5c966460648.

11. Dresvyanin D.A. Municipal'ny'j fil'tr: problemy i praktika primeneniya // Ural'skij zhurnal pravovy'x issledovaniy. 2020. № 4 (11) [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/munitsipalnyy-filtr-problemy-i-praktika-primeneniya>.

12. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny'mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) [E'lektronny'j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mltdflvco2940907304.

13. Chirkin V.E. O proporcional'noj izbiratel'noj sisteme s preferencial'ny'm votumom // Zhurnal rossijskogo prava. 2013. № 6 (198) [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-proporcionalnoy-izbiratel'noy-sisteme-s-preferentsialnym-votumom>.

14. Xabrieva T.Ya. Konstitucionnaya reforma v Rossii v koordinatax universal'nogo i nacional'nogo // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2021. № 1 [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitucionnaya-reforma-v-rossii-v-koordinatah-universalnogo-i-natsionalnogo>.

15. Federal'ny'j zakon ot 21.12.2021 № 414-FZ «Ob obshhix principax organizacii publichnoj vlasti v sub`ektax Rossijskoj Federacii» [E'lektronny'j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/?ysclid=mltdiddn9010163078.

Статья поступила в редакцию 19.03.26; одобрена после рецензирования 24.03.26; принята к публикации 24.03.26.

The article was submitted 19.03.26; approved after reviewing 24.03.26; accepted for publication 24.03.26.

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: СИНТЕЗ ЦЕНТРАЛИЗМА И ПРАВОВОГО ФОРМАЛИЗМА

СУРХАЙХАНОВ Шамиль Сайгидаламович

Аспирант Карачаево-Черкесского филиала Московского финансово-промышленного университета «Синергия» 369000, г. Черкесск, пр. Ленина, д. 83, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена анализу специфики российской модели публичной власти, сформировавшейся в результате конституционных преобразований 2020 года и последующего развития законодательства о единой системе публичной власти. Установлено, что российская модель характеризуется сочетанием формально закрепленных принципов федерализма, разделения властей и местного самоуправления с фактической политико-административной централизацией, что позволяет квалифицировать ее как гибридную. Сделан вывод, что правовой формализм в этой модели выполняет не ограничительную, а легитимирующую функцию, обеспечивая институциональную устойчивость централизованного управления. Научная новизна состоит в разработке концепции «легитимирующий формализм» как теоретико-правовой категории для описания гибридных моделей публичной власти.

Ключевые слова: публичная власть, централизация, правовой формализм, гибридная модель, единая система публичной власти, конституционная реформа, теория государства, федерализм, легитимация, системная теория

Для цитирования: Сурхайханов Ш.С. Российская модель публичной власти: синтез централизма и правового формализма // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 186. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_186

THE RUSSIAN MODEL OF PUBLIC AUTHORITY: A SYNTHESIS OF CENTRALISM AND LEGAL FORMALISM

SURKHAYKHANOV Shamil Saygidalamovich

Postgraduate Student of Karachaevo-Cherkessk Branch of the Moscow Financial-Industrial University «Synergy» 369000, Cherkessk, Lenina Ave, 83, Russian Federation

Abstract: The article examines the specificity of the Russian model of public authority formed as a result of the 2020 constitutional amendments and subsequent development of legislation on the unified system of public authority. The conclusion is drawn that legal formalism in this model performs not a restrictive but a legitimizing function, ensuring institutional stability of centralized governance. The scientific novelty consists in the development of the concept of «legitimizing formalism» as a theoretical-legal category for describing hybrid models of public authority.

Keywords: public authority, centralization, legal formalism, hybrid model, unified system of public authority, constitutional reform, theory of state, federalism, legitimation, systems theory

For citation: Surkhaykhanov Sh.S. The Russian Model of Public Authority: a Synthesis of Centralism and Legal Formalism = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):186. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_186

Введение

Проблема организации публичной власти относится к числу фундаментальных вопросов теории государства и права. Классические подходы, сформированные в рамках либеральной конституционной традиции, исходят из представления о разделении властей, федеративном устройстве

и автономии местного самоуправления как необходимых элементах демократического правового государства. Вместе с тем практика государственного строительства в различных странах демонстрирует значительное разнообразие моделей, не всегда укладывающихся в названные теоретические схемы [1, С. 112–113]. Российская Федерация

в этом контексте представляет собой особый случай, заслуживающий самостоятельного теоретико-правового осмысления.

Конституционные поправки 2020 года, закрепившие понятие «единой системы публичной власти», существенно изменили институциональный ландшафт российского государства. Принятие Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» закрепило нормативно-правовые основания для интеграции различных уровней власти в единую вертикаль [2]. Эти преобразования актуализировали дискуссию о природе и типологической принадлежности российской модели публичной власти.

В научной литературе сложились различные подходы к осмыслению данных процессов. Ряд исследователей, опираясь на концепцию «сетевого государства» М. Кастельса, рассматривают трансформацию публичной власти в контексте глобальных тенденций перехода от иерархических к сетевым формам управления [3, С. 356–358]. Другие авторы, следуя системной теории Н. Лумана, анализируют публичную власть как функциональную подсистему общества [4, С. 188–190]. В отечественной науке проблематика единой системы публичной власти активно разрабатывается в работах С.А. Авакьяна, В.Е. Чиркина, Т.Я. Хабриевой [5, С. 6].

В этой статье ставится вопрос: можно ли считать современную российскую модель публичной власти уникальным типом, не сводимым к известным теоретическим конструкциям? Цель исследования – определить типологические характеристики российской модели публичной власти и обосновать ее квалификацию как гибридной. Методологическую основу исследования составляют системный подход, сравнительно-правовой и формально-юридический методы, а также элементы функционального анализа в русле теории Н. Лумана.

Теоретические основания типологии публичной власти

Понятие публичной власти является одним из центральных в теории государства и права, однако его содержание остается предметом научных дискуссий. В классической традиции, восходящей к работам М. Вебера, публичная власть понимается как легитимное господство, осуществляемое посредством бюрократического аппарата в границах определенной территории [7, С. 645–646].

Существенное обогащение теории публичной власти произошло благодаря системному подходу Н. Лумана, который предложил рассматривать политическую систему как аутопойетическую, то есть самовоспроизводящуюся посредством собственных коммуникаций. В этой концепции право выступает не столько инструментом ограничения власти, сколько средством ее структурной дифференциации и самоописания. По мнению Лумана, «политическая система использует право как механизм собственной стабилизации» [4, С. 202]. Данное положение имеет принципиальное значение для понимания российской модели.

Альтернативную перспективу предлагает М. Кастельс в рамках теории сетевого общества. Кастельс вводит понятие «сетевого государства», в котором властные функции распределяются между множеством узлов – от наднациональных до региональных и местных [3, С. 361–364]. Вместе с тем российский опыт свидетельствует о противоположной тенденции: вместо сетевой децентрализации наблюдается укрепление вертикальных связей и интеграция различных уровней власти в единую систему.

В отечественной теории государства и права типология публичной власти традиционно строится на основании критериев территориального устройства, формы правления и политического режима. Как справедливо отмечает С.А. Авакьян, «сложившиеся типологии не в полной мере учитывают специфику переходных и гибридных форм государственности» [5, С. 34]. Данное наблюдение актуализирует необходимость разработки новых теоретических инструментов.

Нормативно-правовые основания единой системы публичной власти в России

Конституция Российской Федерации в редакции 2020 года содержит ряд положений, формирующих нормативный каркас единой системы публичной власти. Статья 132 (часть 3) устанавливает, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения [2]. Данная норма представляет собой качественное изменение по сравнению с прежней конституционной моделью.

Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» и Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» формируют правовые основы функционирования бюрократического аппарата [8; 9]. Анализ данных законов

показывает, что система государственной службы построена на принципах единства правовых и организационных основ, что коррелирует с концепцией единой системы публичной власти.

Особое значение имеет Федеральный закон № 414-ФЗ, который детализировал принципы организации публичной власти в субъектах Российской Федерации. Как отмечает Т.Я. Хабриева, «законодательное закрепление единой системы публичной власти направлено на преодоление разрыва между конституционными принципами и практикой государственного управления» [6, С. 18–19]. Следует, однако, заметить, что направленность этого преодоления неоднозначна: фактически оно осуществляется не через расширение федеративных начал, а через усиление централизованного контроля.

Формально-юридический анализ нормативной базы позволяет выявить характерную особенность: правовые акты последовательно воспроизводят терминологию федерализма, разделения властей и самоуправления, одновременно конструируя институциональные механизмы, фактически обеспечивающие вертикальную интеграцию. Это наблюдение подтверждает тезис В.Е. Чиркина о «формальном федерализме» как специфической черте ряда постсоветских государств [10, С. 156–157].

Механизмы взаимодействия централизма и правового формализма

Взаимодействие централизации и правового формализма в российской модели публичной власти осуществляется посредством нескольких механизмов, которые в совокупности формируют специфическую институциональную архитектуру.

Во-первых, это механизм «правовой оболочки», при котором централизованные управленческие решения оформляются в виде нормативных правовых актов, формально соответствующих принципам федерализма и разделения властей. Как справедливо отмечают исследователи, «договорная форма маскирует субординационный характер отношений» [11, С. 87].

Во-вторых, значимым механизмом выступает кадровая вертикаль. Законодательство о государственной службе создает формально единые стандарты для служащих всех уровней, однако фактически система ротации, назначений и ответственности выстроена таким образом, что обеспечивает контроль федерального центра над региональными кадрами. Институт полномочных представителей Президента в федеральных округах, формально имеющий координационный ха-

рактер, в действительности функционирует как элемент надзорной вертикали [12, С. 234–235].

В-третьих, существенную роль играет бюджетный централизм. Формально бюджетная система России строится на принципах самостоятельности бюджетов и разграничения доходов и расходов между уровнями. Фактически же значительная доля доходов консолидированных бюджетов субъектов формируется за счет межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, что создает финансовую зависимость регионов от центра [13].

В-четвертых, следует обратить внимание на механизм нормативной унификации. Федеральный законодатель посредством «рамочных» законов задает обязательные параметры регионально-правового регулирования, оставляя субъектам формальное право конкретизации, но фактически сужая пределы их дискреции до минимума.

Описанные механизмы позволяют охарактеризовать российскую модель как систему, в которой правовой формализм выполняет специфическую функцию: он не столько ограничивает государственную власть, сколько обеспечивает легитимацию и институционализацию централизованного управления. В терминологии системной теории Н. Лумана, право в данном случае выступает средством «структурного сопряжения» политической системы с другими подсистемами общества [4, С. 210–212].

Функциональная роль правового формализма: концепция «легитимирующего формализма»

Проведенный анализ позволяет предложить понятие «легитимирующего формализма» как теоретико-правовую категорию для описания функциональной роли права в гибридных моделях публичной власти. Под легитимирующим формализмом предлагается понимать такой режим правового регулирования, при котором нормативные акты, воспроизводящие терминологию и структуру демократических институтов, выполняют преимущественно функцию легитимации фактически сложившегося порядка осуществления публичной власти, а не его ограничения или трансформации.

Данное понятие позволяет провести различие между тремя типами соотношения права и публичной власти. Первый тип – «ограничительный формализм», характерный для либеральных демократий, где правовые нормы действительно выступают пределами государственной власти. Второй тип – «декоративный формализм», при котором правовые нормы носят исключительно

фасадный характер и не оказывают влияния на реальные властные отношения (характерен для тоталитарных режимов). Третий тип – «легитимирующий формализм», при котором правовые нормы, не будучи реальными ограничителями власти, тем не менее выполняют значимую функцию: они обеспечивают институциональную предсказуемость, создают основания для разрешения внутриэлитных конфликтов и поддерживают международную легитимность государства [14, С. 45–47].

Российская модель, по нашему мнению, относится именно к третьему типу. Конституционные нормы о федерализме, разделении властей и местном самоуправлении не являются пустыми декларациями – они определяют институциональную структуру, задают рамки взаимодействия субъектов и формируют юридический язык управленческой коммуникации. Вместе с тем эти нормы не препятствуют фактической централизации, а, напротив, обеспечивают ее правовое оформление.

Сравнительный анализ показывает, что элементы легитимирующего формализма обнаруживаются и в других государствах. Однако российская модель отличается большей степенью институциональной проработанности: формально независимые суды, многопартийная система, выборы различных уровней создают разветвленную инфраструктуру правового формализма, который не сводится к простой декорации [16, С. 312–314].

Выводы

Проведенное исследование позволяет утвердительно ответить на поставленный проблемный вопрос: современная российская модель публичной власти может быть квалифицирована как уникальный тип, не сводимый к известным теоретическим конструкциям. Данная модель характеризуется синтезом политико-административной централизации и развитого правового формализма.

Основные выводы исследования состоят в следующем. Российская модель публичной власти представляет собой гибридную систему, в которой формально закрепленные принципы федерализма, разделения властей и местного самоуправления сочетаются с фактической вертикальной интеграцией уровней власти. Правовой формализм в российской модели выполняет не ограничительную, а легитимирующую функцию. Предложено понятие «легитимирующего формализма» как теоретико-правовой категории, позволяющей отграничить российскую модель

от «ограничительного формализма» либеральных демократий и «декоративного формализма» тоталитарных систем. Системно-теоретический анализ показывает, что правовой формализм обеспечивает «структурное сопряжение» политической и правовой подсистем, создавая условия для институциональной устойчивости модели.

Заключение

Горизонтальные и вертикальные связи, существующие между элементами системы публичной власти в Российской Федерации, на современном этапе подвергаются глубокой трансформации. Необходимо не только учитывать происходящие институциональные изменения, связанные с формированием единой системы публичной власти, но и те традиции, которые характерны для российской государственно-правовой системы. Организация публичной власти должна рассматриваться с позиции ее социально-правовой природы, лежащей в основе функционирования государства как целостной системы [15, С. 134–136]. Человек в системе публичной власти должен быть защищен; чрезмерная формализация и централизация при утрате содержательных гарантий прав личности могут привести к деформации самих основ правовой государственности. Поэтому юридическая наука должна глубоко изучать вопросы, посвященные трансформации моделей публичной власти, выявляя как положительные моменты в данном процессе – институциональную устойчивость, предсказуемость управления, единство правового пространства, – так и отрицательные – сужение пределов региональной дискреции, ослабление механизмов обратной связи, риски бюрократизации, – а также обозначая возникновение возможных рисков. Все это позволит осуществить наиболее рациональное развитие российской модели публичной власти с учетом современных реалий [15, С. 134–136].

Теоретическая значимость исследования состоит в обогащении категориального аппарата теории государства и права понятием «легитимирующего формализма». Практическая значимость определяется возможностью использования полученных выводов при совершенствовании законодательства о системе публичной власти, а также в образовательном процессе при преподавании дисциплин теоретико-правового цикла.

Ограничения исследования связаны с его преимущественно теоретико-правовым характером. Перспективы дальнейших исследований заключаются в эмпирической верификации предложенной концепции на материале судебной практики и управленческих решений, а также в

сравнительном анализе гибридных моделей публичной власти в постсоветских государствах.

Список источников

1. Касьяненко М.А. О правовых и «общегражданских» механизмах противодействия этническим конфликтам // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 3. С. 6-8.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
3. Castells M. The Rise of the Network Society. 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.
4. Luhmann N. Law as a Social System. Oxford: Oxford University Press, 2004.
5. Авакьян С.А. Конституционная реформа 2020 и российский парламентаризм: реальность, решения, ожидания // Московский юридический журнал. 2020. № 3.
6. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 1.
7. Weber M. Economy and Society. Berkeley: University of California Press, 1978.
8. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (последняя редакция).
9. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (последняя редакция).
10. Чиркин В.Е. Современное государство. М.: Норма, 2019.
11. Козлова Е.И. Федерализм в России: между конституционной моделью и реальной практикой // Право и политика. 2022. № 3. С. 82–95.
12. Нарышкин С.Е. Административная реформа: первые шаги и перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2007. № 1.
13. Министерство финансов Российской Федерации. Отчет об исполнении консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации за 2023 год [Электронный ресурс]. URL: <https://minfin.gov.ru/>.
14. Гельман В.Я. Авторитарная модернизация в России – миссия невыполнима? // Мир России. Социология. Этнология. 2017. № 2.
15. Барзилова И.С. Формирование горизонтальной и вертикальной структур российского законодательства в условиях развития цифровых технологий // Социально-политические науки. 2020. № 2.
16. Ginsburg T., Simpser A. Authoritarian Constitutionalism // Constitutions in Authoritarian Regimes. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 305–320.

2. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny'mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020).

3. Castells M. The Rise of the Network Society. 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.

4. Luhmann N. Law as a Social System. Oxford: Oxford University Press, 2004.

5. Avak`yan S.A. Konstitucionnaya reforma 2020 i rossijskij parlamentarizm: real`nost`, resheniya, ozhidaniya // Moskovskij yuridicheskij zhurnal. 2020. № 3.

6. Xabrieva T.Ya. Konstitucionnaya reforma v Rossii v koordinatax universal'nogo i nacional'nogo // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2021. № 1.

7. Weber M. Economy and Society. Berkeley: University of California Press, 1978.

8. Federal`ny`j zakon ot 27.05.2003 № 58-FZ «O sisteme gosudarstvennoj sluzhby` Rossijskoj Federacii» (poslednyaya redakciya).

9. Federal`ny`j zakon ot 27.07.2004 № 79-FZ «O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii» (poslednyaya redakciya).

10. Chirkin V.E. Sovremennoe gosudarstvo. M.: Norma, 2019.

11. Kozlova E.I. Federalizm v Rossii: mezhdru konstitucionnoj model`yu i real`noj praktikoj // Pravo i politika. 2022. № 3. S. 82–95.

12. Naryshkin S.E. Administrativnaya reforma: pervy`e shagi i perspektivy` // Voprosy` gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. 2007. № 1.

13. Ministerstvo finansov Rossijskoj Federacii. Otchyt ob ispolnenii konsolidirovanny`x byudzhetov sub`ektov Rossijskoj Federacii za 2023 god [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://minfin.gov.ru/>.

14. Gel`man V.Ya. Avtoritarnaya modernizaciya v Rossii – missiya nevy`polnima? // Mir Rossii. Sociologiya. E`tnologiya. 2017. № 2.

15. Barzilova I.S. Formirovanie gorizontal`noj i vertikal`noj struktur rossijskogo zakonodatel'stva v usloviyax razvitiya cifrovyy`x texnologij // Social`no-politicheskie nauki. 2020. № 2.

16. Ginsburg T., Simpser A. Authoritarian Constitutionalism // Constitutions in Authoritarian Regimes. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 305–320.

Статья поступила в редакцию 19.03.26; одобрена после рецензирования 24.03.26; принята к публикации 24.03.26.

The article was submitted 19.03.26; approved after reviewing 24.03.26; accepted for publication 24.03.26.

References

1. Kas`yanenko M.A. O pravovy`x i obshhegrazhdanskix mexanizmax protivodejstviya e`tnicheskim konfliktam // Gosudarstvennaya vlast` i mestnoe samoupravlenie. 2010. № 3. S. 6-8.

Научная статья
УДК 347.736
doi 10.52068/2304-9839_2026_78_1_191

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ ДОЛЖНИКА И КРЕДИТОРОВ ПРИ ОСПАРИВАНИИ СДЕЛОК В ПРОЦЕДУРЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

ЭДИЛОВ Магомед-Салех Асланович

Юрист ООО «Щекин и Партнеры»

109012, г. Москва, Никольская ул., д. 10, помещ. 4/7, Российская Федерация

Аннотация: В статье исследуется проблема обеспечения баланса интересов должника и кредиторов при оспаривании сделок в процедуре банкротства. Автор анализирует понятие баланса интересов, отмечая, что в контексте банкротства оно не равнозначно гражданско-правовому равенству, а предполагает пропорциональное удовлетворение требований кредиторов с учетом целей процедуры. Основное внимание уделено механизмам оспаривания сделок как инструменту обеспечения баланса интересов. Рассмотрены объективный и субъективный подходы к определению такого баланса, включая анализ ретроспективных сроков оспаривания сделок и их роль в защите интересов сторон. Особое внимание уделено проблемам, возникающим при оспаривании сделок с недействующими и ликвидированными контрагентами, а также возможностям правопреемства в таких случаях. В результате исследования предложены конкретные изменения в законодательство, направленные на совершенствование механизмов оспаривания сделок. В частности, обоснована необходимость закрепления в ст. 2 Закона о банкротстве определения баланса интересов, уточнения критериев оспаривания сделок (включая сделки в рамках обычной хозяйственной деятельности), перераспределения бремени доказывания, а также специальных правил для сделок с ликвидированными контрагентами.

Практическая значимость работы заключается в предложениях по совершенствованию законодательства, которые позволят снизить злоупотребления, обеспечить правовую определенность и достичь справедливого баланса интересов всех участников процедуры банкротства.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, недействительные сделки, баланс интересов, кредитор, должник, оспаривание сделок

Для цитирования: Эдилов М.-С.А. Обеспечение баланса интересов должника и кредиторов при оспаривании сделок в процедуре несостоятельности (банкротства) // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 191 https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_191

Policy and Economy of Eurasia

Original article

ENSURING A BALANCE OF INTERESTS BETWEEN DEBTORS AND CREDITORS WHEN CHALLENGING TRANSACTIONS IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS

EDILOV Magomed-Salekh Aslanovich

The Lawyer of «Schekin & Partners» LLC

109012, Moscow, Nikolskaya Str., Building 10, Office 4/7, Russian Federation

Abstract: This article examines the issue of balancing the interests of debtors and creditors when challenging transactions in bankruptcy proceedings. The author analyzes the concept of a balance of interests, noting that in the bankruptcy context, it is not equivalent to civil-law equality but rather implies proportional satisfaction of creditors' claims, taking into account the objectives of the procedure. The primary focus is on the mechanisms for challenging transactions as a tool for ensuring a balance of interests. Objective and subjective approaches to determining this balance are considered, including an analysis of the retrospective deadlines for challenging transactions and their role in protecting the interests of the parties. Particular attention is paid to the problems arising when challenging transactions with inactive and liquidated counterparties, as well as the possibilities of succession in such cases. The study proposes specific legislative amendments aimed at improving the mechanisms for challenging transactions. In particular, the need to enshrine in Article 2 of the Bankruptcy Law a definition of the balance of interests, clarify the criteria for chal-

lenging transactions (including transactions within the ordinary course of business), redistribute the burden of proof, and establish special rules for transactions with liquidated counterparties is substantiated.

The practical significance of the work lies in the proposals for improving legislation that will reduce abuse, ensure legal certainty, and achieve a fair balance of interests for all participants in bankruptcy proceedings.

Keywords: bankruptcy, insolvency, invalid transactions, balance of interests, creditor, debtor, challenging transactions

For citation: Edilov M.-S.A. Ensuring a Balance of Interests Between Debtors and Creditors when Challenging Transactions in Bankruptcy Proceedings = Eurasian Advocacy. 2026; 1 (78):191. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_78_1_191

Введение

Институт несостоятельности (банкротства) занимает особое место в системе экономико-правовых отношений, представляя собой сложный механизм балансирования между необходимостью удовлетворения требований кредиторов и защитой законных интересов должника [1, С. 106]. В условиях современной экономической реальности, характеризующейся ростом числа банкротств и усложнением хозяйственных связей, особую актуальность приобретают вопросы обеспечения справедливого распределения конкурсной массы. Согласно статистике, количество корпоративных банкротств в России в 2025 году составило 6500 [2].

Несмотря на множественность участников в процедуре несостоятельности (банкротства), цель данной процедуры – удовлетворение требований кредиторов при соблюдении прав и законных интересов должника. Одним из самых распространенных требований в рамках процедуры является требование об оспаривании сделок должника в предшествующий банкротству период [3, С. 46]. Согласно данным Федресурса, число заявлений о признании сделок должника недействительными в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) из отчетов арбитражных управляющих о конкурсном производстве в отношении юридических лиц и крестьянских фермерских хозяйств в основном растет: 2021 год – 11 571 заявление; 2022 год – 13 647 заявлений; 2023 год – 15 197 заявлений; 2024 год – 17 523 заявления; 2025 год – 16 611 заявлений [4]. При этом количество удовлетворенных заявлений сохраняет показатели в пределах 4785 – 6345 заявлений.

Данная проблематика актуальна, в частности, для российской модели защиты прав и интересов должников и кредиторов в процедурах несостоятельности (банкротства). Обеспечение защиты интересов участников исследуемой процедуры в Российской Федерации осуществляется посредством нейтральной модели, характерной также для Дании, Чехии и других стран. [5, С. 15].

Отсутствие законодательно закрепленного определения баланса интересов и унифициро-

ванных механизмов его обеспечения порождает серьезные проблемы в правоприменительной практике. Анализ обзоров судебной практики Верховного Суда РФ за 2022 – 2024 годы показывает, что около 30% отмененных судебных актов по делам о банкротстве связаны именно с оспариванием сделок.

Формирование практически применимых критериев обеспечения баланса может служить основой для совершенствования законодательного регулирования аналогичных правовых систем.

Основная часть

Материалы и методы

В качестве методологической основы использовался диалектический метод, позволивший рассмотреть проблему баланса интересов в процедуре банкротства в развитии, выявить объективные противоречия между интересами участников процесса и проанализировать их взаимосвязь с другими правовыми явлениями.

Из числа общенаучных методов были применены логический метод (при формулировании понятийного аппарата и построении дефиниций), анализ и синтез (при изучении структуры правоотношений), дедукция и индукция (при выявлении закономерностей правоприменения), аналогия (при сопоставлении различных правовых конструкций).

Среди специально-юридических методов центральное место заняли: технико-юридический метод (при анализе конструкции правовых норм), сравнительно-правовой метод (при сопоставлении доктринальных подходов и правоприменительной практики), формально-юридический метод (при исследовании нормативных положений). Особое значение имели частно-научные методы: формально-догматический (при анализе юридических конструкций) и метод юридического толкования (при интерпретации правовых норм).

В рамках настоящего исследования были проанализированы: нормативные правовые акты Российской Федерации, в частности Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» № 127-ФЗ, материалы судебной практики Конститу-

ционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Особое внимание уделялось анализу научных публикаций в рецензируемых изданиях (Scopus, Web of Science, РИНЦ), монографическим исследованиям ведущих специалистов в области банкротства, а также диссертационным работам по соответствующей проблематике.

Обсуждение результатов

Институт несостоятельности (банкротства) призван обеспечить справедливое распределение имущества должника между кредиторами, а также предоставить должнику возможность восстановления платежеспособности. Однако действующее законодательство не содержит четкого определения баланса интересов сторон, что приводит к правовой неопределенности и злоупотреблениям. В связи с этим требуется внесение изменений в нормативную базу, направленных на закрепление критериев баланса интересов и механизмов его обеспечения.

Практическое значение в понимании содержания понятия «баланс» в контексте настоящего исследования имеет важное практическое значение.

Толковый словарь В.И. Даля определяет баланс как равновесие [6, С. 45]. По аналогии с общими гражданско-правовыми принципами можно сделать вывод о том, что равновесие – это такое состояние сторон правоотношений, при котором объем прав и обязанностей обеих сторон равнозначен.

Можно выделить проблему содержания дефиниции баланса интересов должника и кредиторов. Корректное определение баланса интересов сторон процедуры несостоятельности (банкротства) позволяет правильно выделить механизмы его обеспечения.

Вопрос о балансе интересов сторон в делах о несостоятельности (банкротстве) остается дискуссионным в юридической науке. Ю.В. Мыльников утверждает, что прокредиторская модель банкротств является наиболее экономически рациональной с точки зрения прогнозируемых последствий ее возможного внедрения в систему регионального управления экономическим развитием национального законодательства [7, С. 161].

В противовес этой позиции К.М. Беликова указывает, что приоритеты конкурсного контроля следует сместить с кредиторцентристской модели, в которой главная цель – это максимальное и быстрое удовлетворение требований кредиторов [8, С. 87].

Законодательство о банкротстве не содержит четкой формулы баланса интересов, но его содержание вытекает из системного толкования

Конституции РФ, специальных норм Закона о банкротстве и судебной практики. Современная правоприменительная практика движется в сторону более гибкого подхода, учитывающего как экономическую целесообразность, так и принципы справедливости.

В 2005 году Конституционный Суд Российской Федерации сделал важный шаг в развитии процедуры несостоятельности (банкротства), акцентировав внимание на необходимости создания и поддержания баланса законных интересов всех участников процесса [9]. Суд указал на то, что природа данных интересов весьма разнообразна и существенно различается.

Действительно, интерес кредитора в процедуре несостоятельности (банкротства) заключается в максимальном удовлетворении своих требований к должнику. Интерес должника же заключается в освобождении от исполнения всех обязательств [10, С. 58].

В развитие этой мысли И.И. Шувалов указывает, что частные интересы конкретных субъектов в отношениях банкротства могут трансформироваться в публичный интерес [11, С. 100].

Минэкономразвития России прокомментировало вышеуказанные выводы Конституционного Суда РФ, указав, что задача института банкротства заключается в выявлении и обеспечении надежного равенства прав и законных интересов всех участников процесса несостоятельности, учитывая при этом общественные интересы [12]. При этом соотношение интересов должника и кредиторов подразумевает сравнение приоритетов субъектов, вовлеченных в процедуру банкротства, а не установление их полного равенства.

В связи с отсутствием легального определения баланса сторон судебного разбирательства в деле о несостоятельности (банкротстве) с учетом существующих правовых позиций судов представляется возможным включить в статью 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) следующее определение термина: «соразмерный учет прав и законных интересов должника, кредиторов и иных участников процедуры банкротства, направленный на справедливое распределение имущества должника при сохранении возможности его экономического восстановления».

Еще одной актуальной проблемой выступает отсутствие перечня механизмов соблюдения баланса интересов должника и кредиторов. По мнению автора, данный факт обусловлен конкурирующим характером интересов сторон, ввиду чего

выделить конкретные основания для соблюдения их баланса не представляется возможным.

Анализ доктрины показывает, что ученые-правоведы выделяют две группы средств соблюдения баланса интересов участников процедуры несостоятельности (банкротства): направленные на защиту интересов должника и направленные на защиту интересов кредиторов. При этом оспаривание сделок должника является способом защиты прав кредиторов [13, С. 634].

В.Ю. Калугин в этой связи отмечает, что инструмент конкурсного оспаривания становится способом злоупотребления для недобросовестных лиц [14, С. 45].

Представляется, что в контексте исследования института баланса интересов должника и кредитора при оспаривании сделок в рамках банкротства данный подход можно квалифицировать как широкий. Отнесение механизма оспаривания сделок к группе средств, обеспечивающих интересы одной из сторон, не отражает подходы, позволяющие выделить критерии соблюдения баланса должника и кредитора. В таком случае очевидно преимущество интереса кредиторов, цель которых – пополнение конкурсной массы. Интерес должника же соблюдается путем предоставления последнему права возражений относительно такого оспаривания.

Таким образом, в широком смысле баланс интересов должника и кредиторов обеспечивается реализацией права на инициирование процесса оспаривания сделки со стороны кредитора и правом должника на возражение против таких действий. При этом, согласно позиции Верховного Суда РФ, реализация права на оспаривание сделки при наличии достаточных оснований полагать, что конкурсная масса не будет увеличена, является таким же злоупотреблением правом, как и уклонение от обжалования сделки в тех случаях, когда оно может вернуть активы в конкурсную массу [15].

Анализ правоприменительной практики выявляет субъективный подход к определению баланса интересов должника и кредитора при оспаривании сделок в рамках процедуры несостоятельности (банкротства), который позволяет ответить на вопрос: какими критериями руководствуются суды при оспаривании конкретной сделки в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) с целью реализации баланса интересов сторон.

Одним из таких критериев можно назвать ретроспективный период совершения сделок до даты подачи заявления о несостоятельности (банкротстве) должника.

Согласно положениям статей 61.2 и 61.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о несостоятельности (банкротстве) в рамках процедуры могут быть оспорены сделки по специальным основаниям: подозрительные сделки и сделки с предпочтением. Ретроспективный срок для оспаривания подозрительных сделок – 3 года для сделок, совершенных в ущерб кредиторам, и 1 год для невыгодных сделок (совершенных на нерыночных условиях). Период оспаривания для сделок с предпочтением по общему правилу составляет 1 месяц и 6 месяцев для случаев, когда контрагент знал и/или должен был знать о неплатежеспособности должника.

Верховный Суд РФ указывает, что оспаривание сделок за пределами закрепленных ретроспективных сроков, очевидно, может не иметь практического смысла и может повлечь взыскание с участника процедуры, инициировавшего соответствующий иск [15].

На практике случаи недобросовестности должника в период, предшествующий банкротству, могут нарушить интересы кредиторов в части оспаривания сделок с предпочтительностью. Очевидно, что месячный срок в контексте хозяйственной деятельности должника достаточно короткий. Правоприменительная практика допускает применение критерия экстраординарности сделки (сделки, выходящей за пределы обычной хозяйственной деятельности должника или контрагента).

Так, при определении того, была ли сделка совершена в процессе обычной хозяйственной деятельности должника, следует учитывать, что таковой является сделка, не отличающаяся существенно по своим основным условиям от аналогичных сделок, неоднократно совершавшихся до этого должником в течение продолжительного периода времени [16]. Если сделка существенно отличается по своим основным условиям (цене, предмету, срокам, контрагенту), от тех, которые должник регулярно и в течение долгого времени совершал в своей хозяйственной практике, она может быть признана выходящей за рамки обычной деятельности (экстраординарной).

Также применение большего срока при оспаривании сделок с предпочтительностью возможно в случаях, когда такие сделки совершены в пользу аффилированных лиц. Например, в деле № А28-11583/2017 суд установил, что факт аффилированности сторон сам по себе является значимым обстоятельством, существенно влияющим на квалификацию действий контрагента [17].

Установление родственных или иных связей, падающих под критерии статьи 19 Закона о банкротстве, позволяет суду применять презумпцию осведомленности такого контрагента о финансовом состоянии должника. Эта презумпция, в свою очередь, служит правовым основанием для расширения временных рамок оспаривания, поскольку знание о неплатежеспособности является ключевым условием для применения более длительного «подозрительного» периода.

В целях повышения правовой определенности и предотвращения злоупотреблений, как со стороны должника, так и со стороны кредиторов, предлагается внести некоторые изменения в ст. 61.3 Закона о банкротстве.

Во-первых, необходимо закрепить, что сделка не может быть оспорена, если она была совершена в рамках обычной хозяйственной деятельности должника. Данное положение позволит разграничить сделки должника, а также избежать затягивания процедуры несостоятельности (банкротства) и необоснованных судебных издержек.

Во-вторых, бремя доказывания недобросовестности сделки должно лежать на кредиторе, а не на должнике.

В-третьих, следует расширить перечень обстоятельств, исключающих предпочтительность сделки, включив в него случаи, когда контрагент не знал и не должен был знать о неплатежеспособности должника.

В-четвертых, целесообразно предусмотреть возможность продления срока оспаривания сделок с предпочтением до шести месяцев не только в случаях осведомленности контрагента, но и при наличии признаков экстраординарности сделки (например, если она существенно выходит за рамки обычной хозяйственной деятельности должника).

В целях обеспечения эффективного механизма оспаривания сделок, совершенных с ликвидированными контрагентами, предлагается дополнить ст. 61.3 Закона о банкротстве специальными положениями. В частности, следует установить, что сделка, совершенная с ликвидированной компанией, может быть оспорена в течение 3 лет с момента ее совершения при наличии определенных условий. При этом принципиально важно закрепить, что бремя доказывания недобросовестности сделки должно возлагаться на кредитора или арбитражного управляющего.

Из вышеизложенного следует, что легальные критерии оспаривания сделок в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) в отечественной системе законодательства зачастую не

позволяют в должной мере обеспечить баланс интересов должника и кредиторов. В данной связи правоприменительная практика вырабатывает подходы, позволяющие в каждой конкретной ситуации вынести законное и обоснованное решение.

Результаты исследования

1. Представляется возможным включить в статью 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) следующее: «соразмерный учет прав и законных интересов должника, кредиторов и иных участников процедуры банкротства, направленный на справедливое распределение имущества должника при сохранении возможности его экономического восстановления».

2. Баланс интересов должника и кредиторов при оспаривании сделок в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) можно рассматривать в объективном и субъективном смыслах. Объективный подход позволяет рассматривать механизм оспаривания сделок в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) как инструмент, направленный на соблюдение баланса интересов должника и кредиторов. Субъективный подход позволяет выделить механизмы обеспечения соблюдения интересов должника и кредитора при оспаривании конкретного вида сделок.

3. Одним из механизмов обеспечения соблюдения баланса интересов должника и кредиторов является установление ретроспективных периодов совершения тех или иных сделок. В зависимости от конкретных обстоятельств дела правоприменительная практика применяет субъективные сроки исковой давности, что позволяет обеспечить баланс интересов сторон процедуры несостоятельности (банкротства).

4. В случае, когда законодательство запрещает предъявлять требования к контрагенту должника (ликвидированному), либо цель оспаривания сделки не может быть достигнута в случае фактического отсутствия на балансе контрагента какого-либо имущества (недействующего), баланс интересов должника и кредиторов может быть обеспечен посредством процедуры правопреемства либо путем установления ряда фиктивных сделок.

Список источников

1. Шувалов И.И. Институт банкротства и его роль в период социально-экономического кризиса // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 106.

2. Банкротство выбирают должники // Коммерсантъ. 2026. 3 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8377586>.

3. Ткачев В.Н. Конкурсное право: правовое регулирование несостоятельности (банкротства) в России и зарубежных странах. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. С. 46.

4. Банкротство в России. Статистический бюллетень Федресурса. Итоги 2025 года // Федресурс [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3SGpsQ>.

5. Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. М.: Проспект, 2009. С. 15.

6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. М.: Общество любителей российской словесности, 1863. С. 45.

7. Мыльников Ю.В. Взаимосвязь регионального экономического развития и арбитражного управления // Академия права и управления. 2024. № 81. С. 161.

8. Беликова К.М. О конкурсном контроле в контексте тенденций развития несостоятельности (банкротства) предприятий // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 4. С. 87.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2005 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru>.

10. Лагунова Е.А. Баланс интересов кредиторов и семьи должника в делах о банкротстве граждан // Пролог: журнал о праве. 2021. № 3 (31). С. 58.

11. Шувалов И.И. Институт банкротства и его роль в период социально-экономического кризиса // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 12. С. 100.

12. Письмо Министерства экономического развития Российской Федерации от 3 ноября 2011 г. № Д06-5506.

13. Шумкова А.В. Оспаривание сделок должника как механизм судебной защиты прав и законных интересов кредиторов: проблемы и пути их решения // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ. 2022. С. 634.

14. Кадугин В.Ю. Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. С. 45.

15. Определение Верховного Суда РФ от 16.11.2020 года № 307-ЭС20-11632 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru>.

16. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «Консультант Плюс».

17. Постановление АС Волго-Вятского округа от 24.02.2021 года по делу № А28-11583/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru>.

References

1. Shuvalov I.I. Institut bankrotstva i ego rol' v period social'no-e'konomicheskogo krizisa // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. № 12. S. 106.

2. Bankrotstvo vy`birayut dolzhniki // Kommersant`. 2026. 3 marta [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8377586>.

3. Tkachev V.N. Konkursnoe pravo: pravovoe regulirovanie nesostoyatel`nosti (bankrotstva) v Rossii i zarubezhny`x stranax. M.: YuNITI-DANA, 2022. S. 46.

4. Bankrotstvo v Rossii. Statisticheskij byulleten` Fedresursa. Itogi 2025 goda // Fedresurs [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://clck.ru/3SGpsQ>.

5. Bely`x V.S. Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoj deyatel`nosti v Rossii: monografiya. M.: Prospekt, 2009. S. 15.

6. Dal` V.I. Tolkovy`j slovar` zhivogo velikoruskogo yazy`ka. V 4 t. T. 1. M.: Obshhestvo lyubitelej rossijskoj slovesnosti, 1863. S. 45.

7. My`l'nikov Yu.V. Vzaimosvyaz` regional'nogo e'konomicheskogo razvitiya i arbitrazhnogo upravleniya // Akademiya prava i upravleniya. 2024. № 81. S. 161.

8. Belikova K.M. O konkursnom kontrole v kontekste tendencij razvitiya nesostoyatel`nosti (bankrotstva) predpriyatij // Probely` v rossijskom zakonodatel'stve. 2025. T. 18. № 4. S. 87.

9. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 19 dekabrya 2005 g. № 12-P «Po delu o proverke konstitucionnosti abzaca vos'mogo punkta 1 stat'i 20 Federal'nogo zakona «O nesostoyatel`nosti (bankrotstve)» v svyazi s zhaloboj grazhdanina A.G. Mezhenцева» [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://pravo.gov.ru>.

10. Lagunova E.A. Balans interesov kreditorov i sem`i dolzhnika v delax o bankrotstve grazhdan // Prolog: zhurnal o prave. 2021. № 3 (31). S. 58.

11. Shuvalov I.I. Institut bankrotstva i ego rol' v period social'no-e'konomicheskogo krizisa // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. T. 25. № 12. S. 100.

12. Pis'mo Ministerstva e'konomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii ot 3 noyabrya 2011 g. № D06-5506.

13. Shumkova A.V. Osparivanie sdelok dolzhnika kak mexanizm sudebnoj zashhity` prav i zakonny`x interesov kreditorov: problemy` i puti ix resheniya // Rossiya v XXI veke: strategiya i taktika social'no-e'konomicheskix, politicheskix i pravovy`x reform. 2022. S. 634.

14. Kalugin V.Yu. Material'no-pravovy`e i processual'ny`e aspekty` zashhity` ot konkursnogo osparivaniya: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2024. S. 45.

15. Opredelenie Verxovnogo Suda RF ot 16.11.2020 goda № 307-E`S20-11632 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://kad.arbitr.ru>.

16. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 23.12.2010 № 63 «O nekotory`x voprosax, svyazanny`x s primeneniem glavy` III.1 Federal'nogo zakona «O nesostoyatel`nosti (bankrotstve)» // SPS «Konsul`tant Plyus».

17. Postanovlenie AS Volgo-Vyatskogo okruga ot 24.02.2021 goda po delu № A28-11583/2017 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://kad.arbitr.ru>.

Статья поступила в редакцию 21.03.26; одобрена после рецензирования 31.03.26; принята к публикации 31.03.26.

The article was submitted 21.03.26; approved after reviewing 31.03.26; accepted for publication 31.03.26.

EURASIAN ADVOCACY

ISSN: 2304-9839

6 (71) 2024

international scientific and practical law
journal

Подписной индекс

в Объединенном каталоге «Пресса России»: 41210

Журнал:

- ▶ размещается в открытом доступе на сайте журнала
- ▶ включён в список ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации
- ▶ включён в БД EBSCOhost
- ▶ размещается в НЭБ «Киберленинка»
- ▶ размещается в АБ «Медialogия»
- ▶ размещается на международной платформе публикаций «SciUp»
- ▶ размещается в НЭБ eLIBRARY.RU
- ▶ индексируется в РИНЦ
- ▶ индексируется поисковой системой «Google Scholar»
- ▶ индексируется поисковой системой «Dimensions»
- ▶ присваивает DOI научным публикациям

e-mail: eurasian-advocacy@mail.ru

website: www.eurasian-advocacy.ru

- ▶ проведение фундаментальных и прикладных научных исследований в сфере права
- ▶ организация и проведение научных мероприятий
- ▶ мониторинг законодательства и правоприменения
- ▶ издание научно-практической литературы
- ▶ редакционно-издательские услуги
- ▶ международное сотрудничество
- ▶ консультационные услуги

Российская Федерация,
г. Уфа, 450006,
ул. Ленина, д. 102, оф. 24
+79174008401
www.eurasniipp.ru
info@eurasniipp.ru

* Информационное сообщение издателя

In this issue:

Dmitry Talantov and
«Initiative 2018»:
Lawyers and Jurists for
Democracy and
the Rule of Law

Applications for the
Cessation of Harassment
and the Release of
Dmitry Talantov and other
Imprisoned Lawyers

Advocate's Monopoly:
Myth or Reality

The Concept and Criteria
of Arbitrary Deprivation
(Termination) of the
Status of an Advocate

Activities of an Advocate
in Proving during the
Execution of a Sentence

Fairness in Establishing
Confiscation of Property
and Judicial Fine

Possibilities of Artificial
Intelligence in Modern
Civilistics

Presumption of Suffering
and Compensation of
Moral Damage

Matrix of Risks in Foreign
Economic Transactions

Theft with the Use
of Information and
Telecommunication
Technologies

In Memory of Professor
Elena Gennadievna
Bagreeva